ДЖЕФФРИ РОБИНСОН

ЯМАНИ

Взгляд из-за кулис

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Роман повествует о жизненных перипетиях и блистательной карьере шейха Ахмеда Заки Ямани, около четверти века занимавшего пост министра нефти Саудовской Аравии. Читатель узнает о тайной борьбе в кулуарах власти, о реальной цене «черного золота», о том, как совершаются крупнейшие террористические акты… Интереснейший фактический материал и увлекательная манера изложения сделали эту книгу бестселлером. В русском переводе она издается впервые.

- ДЖЕФРИ РОБИНСОН
  - Пролог
  - Квадратура круга
  - Годы юности
  - Создание ОПЕК и взлет Ямани
  - Покорение «Арамко»
  - Первый нефтяной кризис
  - Эмбарго
  - Челночная дипломатия Ямани
  - Крах ближневосточной политики Киссинджера
  - Времена бума
  - Убийство короля Фейсала
  - В руках у Карлоса
  - Заговор братьев Судаири
  - В лучах мировой славы
  - Второй нефтяной кризис
  - Ямани против министерства юстиции США
  - Непревзойденный дипломат
  - Выдающийся политик
  - Начало падения
  - Отставка (взгляд из-за кулис)
  - Эпилог
- notes
  - 1

ДЖЕФРИ РОБИНСОН
ЯМАНИ
Взгляд из-за кулис
РОМАН
ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО

Пролог

После декабря 1975 г. шейха Ахмеда Заки Ямани постоянно окружают телохранители.

На родине, в Саудовской Аравии, безопасность шейха и его семьи обеспечивают пятнадцать человек, специально выделенные правительством.

Когда Ямани находится за границей, его сопровождают шестеро охранников. Все это англичане, ранее служившие в группе коммандос САС или в полиции. Один из них был личным детективом принца Филиппа.

Если это разрешено местными законами — а так бывает в большинстве стран, — люди, охраняющие Ямани, вооружены. Оружие всегда при них, хотя и спрятано от любопытных глаз. В любом месте в любое время суток они сообщают друг другу по рации, где сейчас находится босс. Они переговариваются непрерывно, повышая голос ровно настолько, чтобы слышал напарник: «Босс направляется к машине… босс проезжает мимо твоего пункта наблюдения… босс поднимается в квартиру». Они первыми распахивают перед Ямани двери, тщательно осматривают комнату — и только затем отходят в сторону, приглашая босса войти. На улицу они тоже выходят первыми, проверяя, очистила ли ее полиция. Они садятся вместе с Ямани в его личный автомобиль — шейх предпочитает водить сам — и следят за каждой машиной, которая едет впереди, обгоняет их или слишком долго держится сзади. Они запирают и отпирают двери, бесшумно проникают с лестничной клетки в коридор и, произведя досмотр посетителей, так же бесшумно, словно доберман-пинчеры, исчезают.

Что и говорить: человек, стоявший рядом с королем Фейсалом, когда тот был застрелен в упор, и побывавший в руках у международного террориста Карлоса, который был готов его прикончить… человек, не раз подвергавшийся угрозе убийства и дважды чудом избежавший смерти, — такой человек имеет все основания постоянно держать при себе шестерых крепких и хорошо тренированных парней.

Охранники утверждают, что жизнь Ямани по-прежнему находится под угрозой.

— Кто же ему угрожает? — спрашиваю я.

— Ну, так сразу не скажешь, — отвечают охранники.

— Кто-то из западной страны или из арабской? Религиозные фанатики или политические террористы?

— Да, что-то в этом роде, — кивают они.

Но если его жизнь и находится под угрозой, то, по-видимому, не в такой степени, как раньше. После декабря 1975 г. Ямани часто признавался, что боится умереть насильственной смертью. Теперь же, уйдя из правительства, он полагает, что такой исход стал менее вероятен.

— Когда-нибудь, — говорит Ямани, — я со всем этим покончу. Я отпущу моих ребят и останусь один. Жизнь в клетке не по мне. Я люблю прогуливаться, бродить по улицам, смотреть на витрины. Мне совсем не нравится все время быть под охраной. Надеюсь, в один прекрасный день я все же стану свободен.

Ну, а пока… пока при каждом стуке в дверь у него холодеет внутри.

Когда ситуация внушает хоть какие-то опасения, охранники не отходят от Ямани ни на шаг. Вы идете за ним, а они идут за вами обоими — от этого, вообще говоря, нетрудно сойти с ума. Если у вас нет специальной привычки, то, оказавшись в обществе человека, которого защищают профессиональные телохранители, вы вскоре ловите себя на том, что всматриваетесь в каждый куст, замечаете каждый автомобиль, проезжающий мимо, и все время ждете, что из-за фонарного столба внезапно выпрыгнет человек с винтовкой. И спрашиваете себя: если начнется стрельба, что тогда делать мне?

Это чувство не назовешь приятным.

И оно, как правило, не исчезает с течением времени. Вы словно находитесь в кресле у зубного врача, который сделал вам укол новокаина. Вам не больно. Но и отвлечься вы уже не можете.

Только после того, как вы усаживаетесь в безопасном месте и начинаете беседу, охранники исчезают, отступая на задний план.

Теперь нужно привыкнуть к тому, что вас постоянно будут перебивать.

Время от времени появляются люди, пришедшие засвидетельствовать свое почтение. Это один из важных саудовских обычаев. Кто-то звонит по телефону, чтобы обсудить дела. Другие звонят просто так — обменяться приветствиями. Многие заходят, чтобы попросить совета.

И течет, течет этот нескончаемый поток гостей, которых шейх приглашает «посидеть-поговорить», угощает кофе и соком, а также финиками и фигами из громадных корзин, стоящих на столиках перед диванами. Или, если посетителю повезет, ему подают маленькие зеленые палочки фисташковой пастилы, которая по консистенции неотличима от миндального марципана, но намного его вкуснее.

Итак, вы сидите, неспешно разговаривая, — и все время, когда ничто не отвлекает Ямани от беседы, он смотрит вам прямо

в глаза. Если что-то кажется ему смешным, он искренне смеется. Или, подчеркивая важность сказанного, слегка наклоняется вперед. Но вы не видите ни вежливых ободряющих улыбок, ни утвердительных кивков («да-да, я с вами согласен»), к которым обычно прибегают западные люди, желая показать, что они вас внимательно слушают.

Ямани все это чуждо.

Он сидит спокойно и не сводит с вас глаз и непрерывно перебирает свои четки, заставляя вас гадать, что у него теперь на уме.

Он сидит спокойно и смотрит на вас, как игрок в покер, никогда не дающий заглянуть в свои карты.

Он говорит медленно, выбирая слова, — привычка человека, который знает, что любая его фраза может стать заголовком на первой полосе газеты.

О чем бы ни шел разговор, Ямани находит способ перевести его на собеседника.

И никогда не отводит карт от своей груди. Даже тогда, когда это кажется странным.

Подчас он просто обрывает беседу, чтобы не говорить банальностей.

«Надолго ли вы сюда в этот раз?» — «Трудно сказать». — «Останетесь до вторника?» — «Не исключено». — «Куда отправитесь потом?» — «Зависит от целого ряда обстоятельств — я дам вам об этом знать несколько позже».

Что касается этой недели, то в пятницу он собирается покинуть лыжный курорт и направиться в Женеву, — но точно это выяснится только вечером в четверг. Что касается следующей недели, то во вторник он должен вылететь из Женевы в Америку, но точно это выяснится только днем в понедельник.

«Вы едете в Соединенные Штаты по делу?» — «Да, по делу». — «А в какой город?» — «По-видимому, в разные».

Краткость ответов объясняется, вероятно, тем, что люди, не чувствующие себя в безопасности, никогда не обсуждают своих дорожных планов. А может быть, тем, что способность вести столь пустые разговоры — чисто западная, в особенности американская черта, с которой жителям Ближнего Востока не так легко свыкнуться.

Один из друзей Ямани имел возможность оценить эту уклончивость несколько лет назад, когда гостил у него в Саудовской Аравии с семьей. Очень часто среди ночи звонил телефон. Ямани подходил к аппарату, приглушенным голосом отвечал звонившему и через несколько минут клал трубку. Иногда разговор длился около получаса. Иногда — несколько

часов. И так повторялось каждую ночь. Заинтригованный друг поинтересовался, что значат эти звонки. Ямани ответил: «Ничего особенного. Так, обычные дела». Неделю спустя, после двух привычных уже звонков, в три и в четыре часа ночи, друг вновь попытался узнать истину, но в этот раз избрал окольный путь: «Что за сумасшедший звонит вам по ночам?» Ямани решил более не лукавить: «Это король — он вправе позвонить мне в любую минуту, когда считает нужным».

Впрочем, когда Ямани хочет, то говорит с полной откровенностью и чистосердечием.

Мы сидели на среднем из трех широких диванов, окружавших большой кофейный стол в одном из концов семидесятипятифутовой гостиной, которая была главной комнатой роскошнейшего номера женевской гостиницы «Интерконтиненталь».

С последнего, восемнадцатого этажа этой гостиницы открывается великолепный вид на лежащее вдали озеро. Уже много лет здесь размещается женевский офис Ямани. Правда, он купил и пятнадцатикомнатный особняк в нескольких милях отсюда, на берегу озера, — с нарядными подстриженными газонами, антикварной французской мебелью, старинными персидскими коврами, закрытым и открытым плавательными бассейнами, а также особой комнатой, где он предается размышлениям и совершает мусульманскую молитву. Но в годы его деятельности в ОПЕК[1] резиденцией Ямани постоянно оставался номер «Интерконтиненталя»; он и сейчас чувствует себя здесь хорошо и уютно, хотя те времена ушли в прошлое.

На столе стояли присланные в подарок хозяину корзинки с фруктами и финиками, серебряный поднос с хрустальными фужерами и кувшином из граненого стекла, который был наполнен свежим гранатовым соком.

Охранники разместились возле главного входа, над которым установлена скрытая телевизионная камера, позволяющая видеть всякого, кто идет по коридору и приближается к номеру. Кроме того, в какой-то из комнат находилась горничная, а в другом конце номера, возле телефонов, сидел слуга. Время от времени Ямани снимал трубку и просил принести еще сока. Через несколько секунд появлялся слуга, несший новый поднос.

Ямани был одет в безупречно сшитый костюм от Сэвила Роу.

На диване между нами лежали английские и арабские газеты и американские журналы; справа от Ямани стояли два телефона, звонившие, как мне казалось, каждые три-четыре минуты.

На этот раз хозяин отвечал вполне откровенно.

Я показал ему вырезку из газеты; журналист, писавший о

происхождении Ямани, утверждал, что он проводит каждое лето в пустыне и живет в шатре. Ямани сделал энергичный отрицающий жест и посмотрел на меня как на умалишенного:

— Вы и вправду способны представить меня живущим в шатре?

Я перешел к следующей теме.

— Когда говорят о вашем состоянии, называют большую сумму.

— Сколько же? — спросил Ямани.

— Считая недвижимость, 500 миллионов долларов.

Он несколько мгновений размышлял, потом ответил:

— Это преувеличение.

— И большое? — поинтересовался я.

— Если вы вычтете недвижимость… да, если считать без нее, то очень большое. Но даже и с ней цифра сильно завышена.

В итоге мы остановились на 300 миллионах.

Затем я спросил Ямани о его первом браке.

Он вновь отвечал достаточно прямо:

— Мой первый брак по целому ряду причин был неудачен, и нам пришлось расстаться. Теперешнюю мою жену я люблю очень сильно. Я девять лет не женился и был необыкновенно осторожен, прежде чем решился повторить этот шаг. Я считаю, что брак — это своего рода долгосрочная инвестиция. Видите ли, когда приходит старость, когда тебе сильно за шестьдесят или уже исполнилось семьдесят и приходится сбавлять обороты… Тогда, если рядом с тобой человек, который тебя знает и любит… с кем можно вместе вспоминать прожитую жизнь — ресторан, где вы обедали двадцать лет назад, вечер с друзьями, которые у вас гостили, ночь, проведенную вдвоем в чужом городе… Да, это долгосрочная инвестиция.

Вторая жена Ямани, Таммам, — красивая темноволосая саудовка, одетая по последней французской моде; она изучала биологию в Американском университете в Бейруте. Познакомились они следующим образом: один из чиновников министерства нефти, женившись, показывал Ямани свои свадебные фотографии. Тот заметил на одной из них Таммам, стоявшую рядом с невестой, и спросил, кто это. Вскоре они были формально представлены друг другу, и спустя некоторое время Ямани — в согласии с саудовской традицией — попросил руки Таммам у ее отца.

И если правда, что за каждым хорошим мужчиной стоит хорошая женщина, то судьба Заки Ямани неотделима от судьбы Таммам Ямани.

Таммам выросла у родителей, которые придавали огромное

значение семейной сплоченности и заботились об образовании своих пятерых детей. Она, в свою очередь, также приложила максимум усилий, чтобы ее собственные дети проводили как можно больше времени с родителями и чувствовали себя уверенно и в восточном и в западном обществе. Все они, от мала до велика, абсолютно свободно говорят по-арабски, по-английски и по-французски.

В настоящее время Таммам около тридцати пяти лет, и она сопровождает Ямани во всех его поездках. В Саудовской Аравии существуют определенные нормы поведения супругов, предполагающие особую сдержанность в обращении друг с другом. Но когда Заки и Таммам находятся на Западе, их не отличить от большинства супружеских пар: они держатся за руки, то и дело бросают друг на друга взгляды… Вот Таммам встает, направляясь к выходу; Ямани иронически замечает (по-английски, из уважения к гостю): «Только ничего не ешь, мы скоро идем обедать». Она улыбается: «Я и не собираюсь». Он: «Полно, знаю я тебя…» Она: «Нет-нет, у меня важное дело». Ямани, смеясь, кивает: «А, понятно, ты опять хочешь звонить своей сестре». Так они шутят очень часто — к своему великому и нескрываемому удовольствию.

Ямани — человек среднего роста и крепкого сложения, с несколько расплывающимся лицом, ширина которого отчасти скрадывается благодаря характерной бородке, уже начавшей седеть. Волосы у него рыжевато-русые, золотистые; глаза темно-карие, почти черные. У него тихий голос и необыкновенный взгляд, соединяющий добродушие с величайшей твердостью и уверенностью в себе. Этот взгляд не так легко описать, но его ни с чьим нельзя спутать. Особенно когда Ямани смеется, когда его глаза широко открыты и лицо светится удовлетворением.

В этом человеке есть нечто особенное, привлекающее внимание любой женщины.

И Ямани это знает.

Как-то в начале 70-х гг., когда Ямани еще летал обычными самолетами коммерческих авиалиний, у него был куплен билет на рейс Нью-Йорк — Сан-Франциско. Один знакомый, встретившийся ему в Нью-Йорке, случайно заметил в разговоре, что тоже пытался улететь в Калифорнию, но не смог, места на все рейсы распроданы. Ямани сказал: «Поедем в аэропорт вместе со мной; думаю, мы достанем билет». Во время регистрации билетов в аэропорту Кеннеди Ямани спросил женщину, сидевшую за стойкой, не поможет ли она получить еще одно место на этот рейс. Та вежливо ответила, что самолет заполнен до отказа, а список ожидания очень велик. Ямани улыбнулся, взял руку

женщины в свои руки, несколько мгновений изучал, а потом начал рассказывать, что прочитал в ее линиях. Он глядел женщине прямо в глаза, с невинным видом поглаживая ее ладонь…

От стойки он отошел с двумя билетами.

Ямани имеет двух дочерей и сына от первого брака. Все они теперь стали взрослыми людьми и подарили ему в общей сложности пятерых внуков. Во втором браке у Ямани родились три сына и две дочери. Они еще очень малы и не покинули родительского дома.

Есть у него и еще одна, неродная, дочь.

Когда Ямани было 19 лет, его отец привез из Малайзии маленькую девочку. Они была сиротой, и отец Ямани согласился принять ее в свой дом, хотя у мусульман не существует института усыновления в западном смысле слова. Он передал девочку Заки и сказал: «Воспитай ее как родную». И хотя девочку вырастила мать Ямани, а теперь она стала взрослой женщиной и имеет уже своих детей, Ямани по-прежнему относится к ней как к собственному ребенку.

— Я безгранично предан моей семье — жене, детям и внукам. Это главная радость моей жизни.

Он любит проводить время в кругу семьи. И среди друзей, которые навещают его вместе с женами и детьми.

В первую же зиму, последовавшую за отставкой Ямани, он и его семья съехались с друзьями в Швейцарии, чтобы провести месяц на лыжном курорте. Дети приняли участие в местных состязаниях, и супруги Ямани, одетые в лыжные костюмы и нисколько не отличавшиеся от остальных родителей, волнуясь, ждали у финишной черты с видеокамерами в руках.

Спустя полгода Заки и Таммам, отдыхавшие вместе с друзьями и детьми в Сардинии, решили повезти все общество в однодневную поездку на Корсику. Ямани собрал на своей 270-футовой яхте (в 1973 г., когда она была построена, эта яхта считалась одним из двух красивейших судов в мире) тридцать взрослых и дюжину детей. Пришвартовавшись после трехчасового плавания в Бонифачо, он узнал, что в городе есть всего три такси — два из которых нигде не могут найти — и совсем нет автобусов. Зато имелся открытый поезд на резиновых колесах — в таких возят по улицам туристов. Ямани арендовал его целиком на два часа, чтобы объехать весь городок. Это вызвало бурный восторг у детей, мигом набившихся в вагончики. Вечером, после обеда в ресторане, Заки и Таммам повели группу обратно на корабль. По пути им встретился торговец, продававший воздушные шары и зеленые пластиковые браслеты, которые

светятся в темноте. Ямани купил у него весь товар. Связку шаров он взял в одну руку, а браслеты — в другую. Дети сейчас же бросились к нему, с жадностью расхватывая подарки. И тут на Ямани обратила внимание какая-то француженка. Несколько мгновений она не сводила с него глаз, затем вцепилась в руку мужа и завопила: «Ямани!» Она указывала в сторону человека, державшего пятнадцать воздушных шаров и кучу светящихся браслетов. «Не может быть. Нет, это невозможно. Неужели это Ямани?» Она не переставала покачивать головой. «Не может быть!»

Муж, по-видимому, рассеял ее сомнения. «Да-да», — подтвердил он, это и в самом деле Ямани». И француженка воскликнула — голосом, полным неподдельного сострадания: «Ах, бедняга! Все, что ему осталось, — это торговать воздушными шарами в Бонифачо!»

Ямани регулярно занимается гимнастикой и следит за своим весом. Он ходит на прогулки и плавает в бассейне. У него есть даже складной батут, который он берет с собою в поездки.

— Несколько раз в день попрыгать минут этак двадцать — совсем не худо. Разгоняет кровь.

Зимой Ямани старается проводить как можно больше времени на швейцарском горном курорте, известном своими отличными лыжными трассами, — еще в середине 60-х гг. он купил себе здесь маленькую, но комфортабельную квартирку.

— Я не катаюсь с гор: слишком мала нагрузка. Бег на лыжах по пересеченной местности заставляет вас дышать полной грудью, а ваше сердце — работать на всю мощность. Это очень полезное занятие.

В межсезонье он каждый день упражняется на ножных и ручных тренажерах, чтобы не терять форму.

Следит он и за своим питанием.

Хотя Ямани очень хлебосолен и встречает с нескрываемым радушием всех своих неисчислимых посетителей, которые являются без какого-либо предупреждения в любой час дня и даже вечером, во время трапезы, — сам он ест немного.

По убеждению арабов, там, где хватает пищи на пятнадцать человек, ее достанет и на двадцать. И за стол у Ямани редко садится меньше десяти-пятнадцати человек. Обед в его доме бывает довольно поздно — в три часа дня, а ужин никогда не начинается раньше десяти часов вечера. Каждая трапеза превращается в настоящий пир, на стол подается не менее шести-восьми блюд: рыба, мясо, птица, рис, картофель, овощи. На десерт подают дыню, фрукты, пирожные.

Тем не менее Ямани взирает на все это изобилие вполне

бесстрастно и старается обходиться без ленча. И даже вечером он предпочитает есть рыбу, овощи, йогурт, мед, финики, орехи и фрукты.

— На Западе людей не смущает, если за обедом вы отказываетесь брать какое-нибудь блюдо второй раз или с самого начала кладете себе на тарелку немного. Они понимают: вы не хотите переедать. Но в других частях света иногда приходится есть все подряд и помногу — иначе нанесешь обиду хозяину.

Однажды, во время визита Ямани в Шри-Ланку, президент Джаявардене пригласил его на завтрак. Ямани надел подобающий случаю черный костюм и ожидал чего-нибудь вроде кофе с булочками и, может быть, фруктов. Если бы так! Ямани доставили на вертолете в горную резиденцию где его встретил президент, облаченный в открытую белую блузу. На завтрак им подали какое-то горячее кушанье, приправленное едким соусом кэрри.

— Он отлично себя чувствовал в своей прохладной белой рубахе, а мне каково было есть это пряное блюдо в черном костюме и в галстуке? Я весь облился потом. Да, еда еде рознь.

В промежутках между трапезами Ямани любит грызть фисташки. Он, безусловно, один из немногих людей на свете, которые по-настоящему понимают толк в этом виде орехов.

— А вы любите фисташки?

Он снимает трубку и коротко, без лишних слов, спрашивает: «Где те фисташки, которые мы привезли?» Сейчас же появляется слуга, но не с привычным серебряным подносом, полным орехов, а с большим мешком из джутовой ткани, весящим 10 килограммов… Ямани надрезает мешок сверху, ставит его на пол между нами и берет пригоршню.

— Турецкие фисташки несколько мельче иранских, но зато намного слаще.

Мешок, разумеется, не удается опорожнить целиком, но после нашей беседы он выглядит изрядно похудевшим…

Ямани знает особенности кухни многих американских штатов; легко скажет, где найти самое лучшее мороженое в Бостоне.

В Англии он любит бродить по продуктовым залам торгового центра «Хэрродс» — особенно подолгу он задерживается возле прилавков с экологически чистой провизией, выискивая то немногое, что отвечает его притязательному вкусу.

На родине, если только есть возможность, он охотно занимается приготовлением пищи, выращивает фрукты, овощи, сам покупает кофе (у него есть любимый, йеменский сорт) и сам обжаривает зерна.

Однажды, незадолго до отлета из одной южноамериканской страны, Ямани, проезжая по улице, увидел торговца, стоявшего возле лотка с плодами манго. Он остановил машину, вышел и спросил, сколько стоит весь его товар. Торговец, слегка удивясь, назвал цену.

Тогда Ямани указал на второй лоток и спросил:

— Это тоже сюда входит?

— Нет, — ответил торговец, — я имел в виду только один лоток.

— А я оба, — пояснил Ямани. — Сколько стоит тот, второй?

Он купил фрукты с обоих лотков, наполнив ими свой самолет, — и каждый, с кем он встречался на следующей неделе, уносил из его дома свежие южноамериканские манго.

Впрочем, главная его слабость — апельсины. После долгих расспросов он признался мне, что втайне питает неодолимую страсть к апельсинам в шоколаде.

Дома он каждое утро ест на завтрак одни и те же хлопья из особого сорта отрубей. Если он обедает в ресторане, то неизменно приносит с собой хлебцы из этих отрубей, которые выпекает сам.

Будучи ревностным мусульманином, Ямани строго соблюдает запреты, предписанные исламом. Он никогда не ест свинины и мяса хищных животных. И никогда не берет в рот спиртного. Если, конечно, может от этого уклониться.

Иногда, пробуя предлагаемые ему сласти, Ямани с опозданием обнаруживает, что в них есть вино. Тогда он вежливо отказывается от угощения. Случалось ему по ошибке отведать и настоящее спиртное. Несколько лет назад, обедая с Таммам в кафе на Капри, он попросил принести свежего лимонного сока, чтобы сбрызнуть рыбу, которую ел. То ли официант не понял итальянского, на котором говорил Ямани, то ли сам Ямани выразился неправильно, но через некоторое время на стол был подан некий желтоватый напиток. К тому моменту Ямани уже доел свою рыбу, поэтому он просто взял стакан и немного отхлебнул. Он и сейчас не знает, что это было. Может быть, горькая настойка. Может быть, какой-то сорт коньяка или бренди. Он понял, что это не лимонный сок, когда уже проглотил изрядный глоток, который обжег ему горло и немедленно отозвался такой болью в голове, что, казалось, она вот-вот лопнет. Не стоит и говорить, что с тех пор Ямани проявляет великую осмотрительность, заказывая что-нибудь в итальянских кафе.

Обедая с Ямани в ресторане, вы можете смело заказывать вино для себя, хотя он и Таммам пьют минеральную воду. Если

вы отказываетесь от вина, взгляд Ямани омрачается, и он говорит: «Пожалуйста, не лишайте себя удовольствия из-за того, что мы не пьем».

— Когда обедаешь с Заки, — предупреждает один из знакомых Ямани, который изучил его привычки на собственном нелегком опыте, — главный фокус состоит в том, чтобы заставить его выбирать блюда первым и только для себя. В противном случае он велит официантам принести для вас все, что есть в меню, и в то время как перед вами будет стоять множество тарелок с едой, внезапно обнаружится, что перед самим Ямани лежит небольшой кусочек жареной рыбы.

Несколько лет назад один западный приятель был у Ямани в Саудовской Аравии во время рамадана, когда запрещается принимать пищу до заката солнца. Днем хозяин сказал, что обед будет сервирован в комнате гостя. Тот отказался. Но Ямани настоял на своем.

— Вы не мусульманин, — сказал он, — и вам незачем соблюдать пост: питайтесь, пожалуйста, так, как вы привыкли.

Уместно привести и свидетельство бывшего английского посла в Саудовской Аравии:

— Сразу же бросается в глаза, что Заки свойственно особого рода благородство, которое истинный английский джентльмен всегда оценит по достоинству.

Если бы человек типа Ямани употреблял спиртное, то он наверняка был бы страстным собирателем коллекционных вин.

Ямани же увлекается составлением собственных духов.

В какое бы путешествие он ни отправлялся, с ним всегда следуют два небольших саквояжа, наполненные бутылочками и флаконами с неразбавленными цветочными эссенциями. На досуге он их смешивает, ища композицию, которая целиком отвечала бы его вкусу. Добившись нужного результата, он переливает полученные духи в карманный шариковый дезодоратор из чистого серебра и всегда носит их с собой, по нескольку раз в день смачивая свою бородку и волосы.

Это сильный, едкий, изысканный восточный аромат с явным элементом мускуса; его не спутаешь ни с «Джорджо», ни с «Шанель».

Ямани с величайшей охотой наделяет своими духами всех, кто обращает на них внимание. Когда он в первый раз увлажняет ими ваши руки, лицо или волосы, вы стараетесь сохранять любезную, благовоспитанную улыбку: «Да-да, это очень… э-э… вот, значит, как ими пользуются… да, очень, очень… необычно. И очень… интересно». А про себя думаете: чтобы полюбить такую штуковину, нужно было родиться там, где Ямани. Вскоре вы

обнаруживаете, что духи отличаются необыкновенной стойкостью и их ничем нельзя смыть. Составленные не на спиртовой, а на чисто масляной основе, они въедаются в кожу, и их аромат сопровождает вас еще долгое время.

Зато на второй или третий день, когда аромат еще ощутим, вы начинаете понимать, что это нечто поистине прекрасное. Но лучше не говорить об этом Ямани, ибо он настолько гордится своими духами и так сильно их любит, что немедленно умастит вас ими снова, притом с еще большей щедростью, — и придется ждать много дольше, чтобы запах выветрился и ослабел.

* * *

Один из самых влиятельных дипломатов мира (во всяком случае, начиная с нефтяного кризиса 1973 г.), Ямани коротко знает многих мировых лидеров: он не раз с ними обедал, беседовал, вел переговоры.

Он знаком со множеством людей.

— Имельда Маркос однажды пригласила нас в Маниле в принадлежащий им с мужем дворец, который целиком отведен под коллекцию старинного серебра. Это их частный музей.

Еще одно воспоминание:

— Американский тележурналист Майк Уоллес однажды на пресс-конференции задал какой-то вопрос иранскому шаху, и шах сказал: «Ямани — агент империалистов». Тогда Уоллес обратился ко мне и спросил, что я об этом думаю. Я ответил: «Не верю, что его *императорское* величество мог такое сказать». Даже сам шах не удержался от смеха.

И еще:

— В Канкуне мы были приглашены на обед в узком кругу, который устроил Рональд Рейган. Присутствовали только президент, король Фахд, наш министр иностранных дел принц Сауд, Джордж Шульц и я. Президент был поистине очарователен. Но разговаривали мало. Люди президента предупредили нас, что обед носит неофициальный характер. Они как бы намекнули, что Рейган не готов всерьез обсуждать вопросы, которые мы можем неосмотрительно затронуть.

В феврале 1975 г. король Фейсал послал Ямани в Индию; это был первый официальный визит саудовского министра в Дели.

— Программа предусматривала встречу с Индирой Ганди. Перед тем как провести меня в кабинет премьер-министра, руководитель службы протокола сказал, что у госпожи Ганди очень напряженный график работы и что он просит меня

ограничить посещение десятью минутами. Поскольку мне предстояли встречи с другими министрами, я сказал, что это вполне меня устраивает.

Ямани и госпожа Ганди приступили к беседе. Примерно через десять минут Ямани произнес дежурную фразу: «Я знаю, вы очень заняты, мне пора идти». Но премьер-министр попросила его остаться, и они продолжили разговор. Прошло еще десять минут, и руководитель службы протокола, всунув голову в двери кабинета, напомнил госпоже Ганди, что у нее назначены другие встречи. Но та велела ему уйти. И хотя в приемной скапливалось все больше посетителей, ожидавших аудиенции, она и Ямани проговорили в общей сложности час и 45 минут.

Вполне естественно, что человек, занимавший столь высокий пост, знаком с очень многими людьми. Не менее естественно и то, что множество людей называют себя знакомыми Ямани (иначе не бывает, когда речь идет о знаменитой личности). Я разговаривал более чем с 150 людьми, которым представлялся как человек, пишущий книгу о шейхе Ямани, и первая реакция примерно 95% из них была одинакова. «О шейхе Ямани? — Короткая пауза. — Тогда знайте, что Заки мой друг».

Они не говорили: «Я его хорошо знаю» или «Я могу рассказать о нем все, что вы пожелаете узнать». Они говорили: «Заки мой друг».

Пусть это не всегда соответствовало истине, пусть кто-то из моих собеседников встречался с Ямани всего два-три раза и совершенно случайно, все равно нельзя не удивляться тому, сколько людей считают его своим другом.

Это красноречиво свидетельствует и о том, как Ямани относится к людям.

Общее отношение к Ямани разделяют даже слуги. Лакей, домоправитель и шофер Ямани прослужили у него более 25 лет. Младший из его личной прислуги служит около 15 лет.

Очевидно, Заки Ямани умеет внушать людям мысль, что они интересуют его нисколько не меньше, чем он их.

В течение последних двадцати пяти лет Ямани стяжал репутацию самого большого знатока западных средств информации среди арабов — и самого большого их любимца. Некоторые считают даже, что Ямани заслуживает звания самого знаменитого саудовца двадцатого века и что на протяжении многих лет в ближневосточном регионе не было более крупного и влиятельного политического деятеля. Не подлежит сомнению, что после провозглашения нефтяного эмбарго в 1973 г. Ямани был главным выразителем интересов арабского мира в сфере нефтяной политики. Если брать минувшую четверть века, то

трудно назвать более известную фигуру среди министров нефти стран ОПЕК. Он был также общепризнанным специалистом по прогнозированию цен на этот уникальный, самый важный для мировой экономики товар.

Но чем знаменитее становился Ямани за рубежом, тем большую тревогу внушал его успех некоторым кланам в Саудовской Аравии. И прежде всего — членам королевской семьи.

Они уже давно начали задаваться вопросом: не слишком ли высоко поднялся этот незнатный человек, не слишком ли большую власть сосредоточил в своих руках?

Шел 1974 год.

Из скважин текла нефть, и в страну рекою лились деньги.

Цена 3 доллара за баррель сделала жителей Саудовской Аравии такими богачами, какими они не видели себя и в самых радужных снах.

Они могли позволить себе практически все, что пожелают.

Но всего лишь за несколько месяцев цена на нефть увеличилась вчетверо, и в руки к саудовцам поплыли такие суммы, что они уже просто не могли их истратить, даже при очень сильном желании.

Когда цена достигла 12 долларов за баррель, министерство нефти стало, без сомнения, самым важным государственным ведомством. Человек, возглавлявший это ведомство, назывался шейхом. Но в его жилах текла обычная, не королевская кровь. Титул шейха был не более чем почетным званием, символом уважения, которым пользовался этот образованный и благочестивый мусульманин.

И хотя мрачноватый Фейсал правил железной рукой, умело преодолевая минные поля, через которые обычно пролегает путь политика на Ближнем Востоке, группа его младших братьев, которым в будущем предстояло унаследовать трон, испытывала тайное недовольство выбором короля, назначившего на ключевой пост постороннего человека.

Управление страной здесь является чисто семейным делом.

Как нередко говорят, Саудовская Аравия — это единственная в мире семейная фирма, представленная в Организации Объединенных Наций.

Нынешняя Саудовская Аравия, государство, которое создал около шестидесяти лет назад воинственный кочевник Абдул Азиз ибн Сауд, структурно во многом напоминает классическую производственную корпорацию.

Королевская власть передается от брата к брату, по линии, включающей всех сыновей Ибн Сауда. Их можно рассматривать как совет директоров.

Далее следуют 4—5 тысяч особ королевской крови, которые, оказывая самое незначительное влияние на текущую деятельность правительства или не оказывая его вовсе, тем не менее участвуют — по праву рождения — в выработке генеральной стратегии, проводимой советом директоров.

Это привилегированные акционеры.

Министры, не принадлежащие к королевскому дому, выполняют функции старших менеджеров. Именно на них в действительности держится все дело. Но, несмотря на огромную ответственность, которой облечены эти чиновники, им суждено вечно оставаться «худородными». Никого из них никогда не приглашают на заседания совета директоров.

Низ пирамиды — простые люди.

Их можно сравнить с держателями простых акций, но полностью лишенными права голоса. Но все же они представляют широкий и сложный спектр интересов — религиозных, социально-экономических, племенных. И совет директоров не осмеливается до конца игнорировать их пожелания. Любые решительные преобразования, модернизирующие общество и тем самым связанные с отступлением от основополагающих принципов ислама, неизбежно вызывают раздражение у какой-то части народных масс. Король может рассчитывать на успех только в том случае, если угадает, как далеко он вправе зайти, и сумеет остановиться раньше, чем на его голову обрушится яростный гнев рядовых акционеров.

Такова эта система, единственная в мире.

До тех пор пока все в ней остаются на своих местах и продвижение наверх предельно затруднено, она кажется идеальным механизмом, работающим без каких-либо сбоев.

Рядовые акционеры не возражают против того, чтобы директора получали причитающиеся им дивиденды. Король распределяет привилегии и доходы между всеми членами семьи. Каждому из 4—5 тысяч принцев причитается его доля пирога. Но в ближайшие двадцать лет их число легко может возрасти до 15—20 тысяч. И в один прекрасный день окажется, что обеспечивать благополучие столь многочисленных привилегированных акционеров — а это и есть управление государством — далеко не простая задача.

Но в современной Саудовской Аравии никогда не будут ремонтировать то, что еще не сломалось.

И хотя все директора получают то, что им причитается, они столь же неукоснительно следят за тем, чтобы прибыли компании самым широким образом распределялись среди народа.

Щедрость — прирожденная черта саудовской королевской

фамилии.

И завистливость, судя по всему, тоже.

Если человек оказался достаточно талантлив, умен и честолюбив, чтобы пробиться наверх и, не принадлежа к королевскому дому, приобрести большую власть, некоторые из тех, кому суждено властвовать по праву рождения, начинают испытывать беспокойство.

Министерский пост — это высшее, чего может достигнуть такой человек.

В 1974 г., когда нефть приносила королевству сказочные богатства, министр нефти получил возможность приблизиться к королю вплотную — так близко к монарху не стоял ни один обычный гражданин Саудовской Аравии за всю ее историю.

Как нетрудно догадаться, Центральное Разведывательное Управление установило наблюдение за Ямани за много лет до его восхождения к вершинам власти. Это обычная практика ЦРУ. В картотеках этого учреждения накапливают сведения о самых разных людях. Сотрудники ЦРУ стараются заглянуть в будущее и составляют досье на всех восходящих звезд, чтобы впоследствии быстро наводить необходимые справки.

Одна из записей в досье Ямани, относящаяся к 1974 г., сообщает:

«Ямани питает величайшее уважение к королю Фейсалу и, можно сказать, слепо ему предан. Фейсал, в свою очередь, любит Ямани, полагается на него и полностью ему доверяет. Столь тесные отношения с Фейсалом сделали Ямани непопулярным в глазах некоторых членов королевской семьи. Нам доподлинно известно, что обладатели ключевых министерских постов Фахд (министр внутренних дел) и Султан (министр обороны) не любят Ямани, но мирятся и с ним самим, и с его властью из уважения к Фейсалу, который очень к нему привязан. Когда король умрет, Ямани, видимо, будет выведен из правительства. Существует мнение, что он не сможет работать под руководством Фахда, к которому после смерти Фейсала должна перейти власть».

Вообще говоря, работу в министерстве нефти мог бы возглавить и член королевской семьи. Родной сын Фейсала, принц Сауд, прежде чем стать министром иностранных дел, был заместителем министра нефти. Проблема состояла в том, что сместить особу королевской крови с министерского поста — достаточно трудная вещь. А в случае с нефтяным министерством это повлекло бы еще и осложнения во внешней политике.

Сместить незнатного министра было намного проще.

Тем не менее именно Ямани, при всей уязвимости его положения, оставался на посту министра нефти целую четверть

века.

До 2 июля 1985 г., когда Андрей Громыко был назначен председателем Верховного Совета СССР, мировой рекорд длительности пребывания на посту министра принадлежал этому невозмутимому русскому, прослужившему 28 лет министром иностранных дел.

После него верхнюю строку в списке политических долгожителей занял Ямани.

Около двадцати пяти лет он руководил работой ведомства, которое обеспечивало 95% саудовского экспорта, более восьми из каждых десяти риалов государственного дохода и 60 с небольшим процентов валового национального продукта.

Он был ближайшим советником короля Фейсала и первым в истории нации человеком незнатного происхождения, обладавшим почти таким же статусом, как особа королевской крови. Король Фейсал испытывал к Ямани столь теплые чувства и столь безгранично ему доверял, что не было такого вопроса государственной жизни, который он не обсуждал бы с ним. Он осыпал Ямани подарками и сделал его баснословно богатым человеком.

Когда Фейсала сразила пуля террориста, с ним рядом был Ямани, на его руках король и умер.

Примечательно, что Фейсал приказал своим братьям относиться к Ямани так, как если бы тот был одним из его собственных сыновей.

Выяснилось, однако, что это было легче приказать, чем выполнить. Когда Фейсал был убит и трон занял король Халед, больших перемен не последовало. Халед был спокойным, добродушным человеком, который предпочитал жить в пустыне, развлекаясь соколиной охотой в обществе бедуинских вождей. В скором времени реальным правителем страны сделался полнотелый, круглолицый бонвиван Фахд, формально остававшийся наследником престола. При Фейсале он был министром внутренних дел. При Халеде он стал кронпринцем и первым заместителем премьер-министра. По мере того как здоровье Халеда ухудшалось, Фахд все увереннее держал в руках бразды правления. По существу, он стал настоящим королем задолго до смерти брата: для полноты власти ему не хватало только титула.

Вместе с ним наверх поднялся так называемый «клан Аль-Фахд» — семеро родных братьев, сыновей женщины по имени Хосса ас-Судаири.

Фахд взошел на трон в июне 1982 г.

Но если Фейсал был сильным человеком и умел диктовать

свою волю другим, то при Фахде доступ к прямому руководству саудовской «корпорацией» получили его родные братья.

Фейсал посвятил молодые годы изучению науки правления, разъезжая по свету в качестве министра иностранных дел и набираясь опыта в беседах с государственными деятелями других стран; Фахд был неисправимым азартным игроком, которого вся Европа знала как гуляку и весельчака.

Фейсал был уверен в себе, Фахд был завистлив.

Шел 1974 год.

Из скважин текла нефть, и в страну рекою лились деньги.

Королем был Фейсал, Фахд стремился стать ближайшим доверенным лицом Фейсала, но у его старшего брата был фаворит.

И этим фаворитом был человек, не принадлежавший к королевскому дому.

Фахд решился заговорить об этом с королем. Один раз, потом другой, третий… Они беседовали с глазу на глаз, при закрытых дверях. Прикрывая банальную зависть мнимой заботой о благе государства, Фахд утверждал, что негоже отдавать слишком большую власть незнатным людям, что это раздражает некоторых родственников. И что нефть всегда была бизнесом королевской семьи.

В конце концов король согласился создать «верховные советы» по вопросам нефти, образования и безопасности — и поручил общий надзор за всеми советами Фахду.

Именно этого Фахд и добивался.

Теперь фактическим руководителем ведомства, бывшего важнейшим источником национальною дохода, стала особа королевской крови. Власть безродного выскочки получила четкие границы. Фахд прочно втиснулся между королем и его министром нефти.

…На одном из первых заседаний верховного совета по вопросам нефти обсуждалась какая-то важная проблема, и члены совета согласились с оценкой ситуации, высказанной Фахдом.

После заседания Фахд рассказал о предложении совета королю.

Фейсал внимательно выслушал своего младшего брата. Несколько мгновений он размышлял, потом спросил, какими были результаты голосования.

— Четверо против одного, — сказал Фахд.

— И кто был этот один? — поинтересовался король.

— Ямани, — ответил Фахд.

Фейсал понимающе кивнул.

— Ну что ж… как советует Ямани, так мы и поступим.

Квадратура круга

Женева, октябрь 1986 года.

Министры нефти, их помощники и многочисленная свита, сотрудники ОПЕК, международный журналистский корпус, наконец, множество самых разных зевак и любопытных — вся эта пестрая толпа собирается в отеле «Интерконтиненталь», точно стая саранчи, готовящейся опустошить крестьянское поле.

В глазах рябит от множества белых, черных, коричневых лиц. Мужчины в западных костюмах, мужчины в белых одеяниях… время от времени то там, то здесь можно видеть и пару беседующих женщин в шикарных парижских туалетах — источая запах дорогих духов, они быстро проходят по коридору и исчезают в дверях лифта.

Куда ни посмотришь, везде снуют сотрудники служб безопасности с портативными рациями в руках, подозрительно оглядывающие каждого встречного.

Заки Ямани находится в Женеве. Всюду, где за последние двенадцать лет происходили встречи министров государств — членов ОПЕК, он оставался центром общего внимания.

Остается и теперь — теперь особенно!

В октябре 1986 года Ямани дает самое большое сражение в своей жизни.

И терпит неудачу.

Предложение на мировом нефтяном рынке слишком велико.

Спрос на нефть слишком мал.

Простейшие правила университетской экономики гласят, что у экспортеров есть единственный способ поднять цены или, по меньшей мере, удержать их на постоянном уровне — сократить добычу нефти. Падение спроса наталкивается на уменьшающееся предложение, и цены выравниваются. Но постоянно изгибать кривые предложения и спроса таким образом, чтобы они встречались в средней точке, вовсе не легко. Теперь же это стало особенно сложной задачей. Слишком многие экспортеры узнали сладостный вкус высоких цен. Они уже не помнят себя: ведь так много лет длилась эта закупочная эйфория, когда из казавшегося бездонным кошеля одна за другой выскакивали пухлые пачки нефтедолларов!

И вот случилось нечто немыслимое. Рука нащупала пустое дно. Доходы уменьшились. А расходы остались высокими.

Кое-кто решил сохранить прежний уровень доходов, компенсируя снижение цен ростом добычи.

Что поделаешь: не все изучали экономику в университете…

На протяжении почти четырех лет Ямани пытался убедить своих коллег-министров, что они ведут дело прямиком к войне цен и что игнорирование основных законов экономики заставит цены упасть ниже уровня 1974 г.

На протяжении почти четырех лет он пытался доказать, что лучшие времена остались в прошлом.

Но министры стран ОПЕК считали, что Ямани, наделенный редким артистическим талантом, разыгрывает перед ними спектакль, и почти единодушно отказывались следовать столь осторожной тактике. Они не хотели ему верить.

— Нам-то с какой стати беспокоиться? — пожимали они плечами. — Ну да, верно, у саудовцев неприятности, всем это известно; стало быть, неприятности и у Ямани, вот он и спасает собственную шкуру.

Ямани предупреждал и короля Фахда, что худшее еще впереди. Но грузный, медлительный Фахд не мог понять всей сложности проблемы.

К тому же он не относился к числу пламенных поклонников Ямани.

И из-за своего недоброжелательного отношения к министру нефти король часто оказывался не в ладах с обычным здравым смыслом.

На каждом заседании совета министров Фахд прежде всего интересовался тем, где изыскать средства для пополнения государственного бюджета, который уже много лет неуклонно, хотя и с великим скрипом, двигал Саудовскую Аравию по пути, ведущему в двадцать первый век. Король знал лишь один источник, откуда можно черпать деньги.

Этим источником была нефть.

И пока Ямани оставался министром нефти, его обязанностью было поставлять необходимые средства в казну.

* * *

В середине сентября 1985 г. на Уолл-стрит и в лондонском Сити распространился слух об убийстве саудовского министра нефти. В считанные секунды курс акций нефтяных компаний резко пошел вниз, а курс фунта по отношению к доллару упал с 1,32 почти до 1,30.

Рассказывали, что Ямани был застрелен в своем доме на острове Сардиния, где проводил отпуск. Ко когда репортеры связались с тамошней полицией, им сообщили, что Ямани на острове нет, он уже две недели как уехал.

Ложный слух был пущен из Лондона. Небольшая брокерская контора, неудачно спекулировавшая нефтяными акциями, решила быстро поправить свои дела.

Точно такой же эффект обычно имеют слухи о смерти американского президента или русского лидера.

Примерно неделей позже Ямани еще раз потряс мировые биржи. На этот раз он публично повторил то, о чем не раз уже говорил в неофициальной обстановке и что давно не было секретом для любого человека, занимавшегося нефтяным бизнесом. В то время как цены на нефть парили достаточно высоко — немногим ниже 27 долларов за баррель, — Ямани заявил, что он готов к их снижению до уровня 15—18 долларов.

Саудовская Аравия некогда обеспечивала 25% общего объема мировой продажи сырой нефти; теперь же, сказал Ямани, эта цифра понизилась почти до 10% — поэтому он видит в столь резком снижении цен средство вновь отвоевать значительный сектор на мировом рынке и тем самым помочь укреплению экономики своей страны.

Он призвал не только ОПЕК, но и некоторые страны, не входящие в эту организацию, сократить добычу нефти, — в противном случае всех их ждет гибель в кровавой войне цен. По мнению Ямани, осенью 1985 г. у мира было лишь две альтернативы.

Первая: «Каждая страна будет добывать столько нефти, сколько считает нужным, и продавать ее по цене, которую диктует рынок. Это приведет к настоящему хаосу. Нас ждет резкое падение цен на нефть: может быть, до 15 долларов за баррель, может быть, ниже. Предсказывать очень трудно. И уж точно нас ждет мировой финансовый кризис. Банковское сообщество Соединенных Штатов понесет огромные убытки. Неизбежны политические потрясения в целом ряде стран».

Вторая: «Будет осуществляться координация между странами, не входящими в ОПЕК, и странами — членами ОПЕК, а также в рамках самой этой организации. Это сотрудничество приведет к тому, что страны, не входящие в ОПЕК, несколько уменьшат добычу и будут сохранять этот уровень, пока некоторые члены ОПЕК переведут дыхание. А затем они смогут воспользоваться ростом потребления, который начнется в будущем».

Третьего не было дано.

Ямани был убежден, что только второй сценарий может предотвратить катастрофу. Однако некоторые политики, особенно в странах ОПЕК, были иного мнения: Ямани, считали они, хочет защитить себя и Саудовскую Аравию, до нас ему и дела нет.

А другие, главным образом в Соединенных Штатах, смотрели на это по-своему: Ямани ослабил хватку, и ОПЕК на коленях просит нашей дружбы, потому что дела у них идут не так хорошо, как десять лет назад, когда они держали весь мир в своих руках.

Скажем откровенно: Нигерии было наплевать на то, что говорит Ямани. То же можно было утверждать и об Ираке, Иране, Ливии.

И об администрации Рейгана, радовавшейся любым трудностям, которые испытывал Ямани.

— Пусть ОПЕК летит ко всем чертям. Даже если половина Хьюстона окажется на грани банкротства, это не чрезмерная цена за удовольствие видеть, как корчит арабов.

Поскольку никто не хотел внять голосу разума, Ямани решил, что настало время защитить позиции Саудовской Аравии на мировом рынке и преподать коллегам урок.

Усталый и подавленный, он явился к королю Фахду и сказал, что Саудовской Аравии не следует и дальше нести ношу в одиночку. Он предложил покончить с прежней политикой и увеличить саудовскую добычу нефти на 50%.

Это был решительный шаг, и Фахд знал, что он повлечет за собой самые серьезные последствия глобального характера.

Если Ямани развяжет безудержную войну цен, как это отразится на ирано-иракском конфликте? Чтобы продолжать войну, обеим странам нужны нефтедоллары. Если цены упадут и одна из сторон почувствует, что ее прижали к стенке, не подтолкнет ли это ее к отчаянным действиям? Что произойдет на мировом рынке, если Иран выведет из действия иракские трубопроводы? Еще страшнее: что будет, если Иран нападет на союзника Ирака Кувейт? И как отреагируют Советы? Если Ираку удастся существенно уменьшить объем иранской нефти, поступающей в Восточную Европу, и если русским придется компенсировать возникший топливный дефицит, как долго они будут мириться с тем, что война в Персидском заливе подрывает их экономику?

На карту было поставлено слишком многое. Но, с другой стороны, речь шла об авторитете Саудовской Аравии как ведущего экспортера нефти в свободном мире. Фахд согласился.

И пошло-поехало!

К середине января 1986 г. падение цен набрало такой темп, что можно было уже говорить о настоящем обвале. С отметки 25 долларов цены слетели к 20 долларам. Ямани предсказал снижение до 15 долларов.

В результате зашатался фунт. Английский банк был вынужден вмешаться и защитить свою денежную единицу.

Министр финансов Англии громогласно заявил, что низкие цены на нефть будут содействовать экономическому росту. Заявление было весьма неуклюжим, ибо всякий понимал: низкие цены на нефть — настоящая погибель для британской экономики.

Через несколько дней Ямани пересмотрел свою точку зрения:

— Цены упадут ниже 15 долларов.

Ситуация была крайне опасной и, как считал Ямани, абсолютно безвыходной — поскольку Великобритания и Норвегия, основные экспортеры нефти из региона Северного моря, упорно отказывались сократить добычу нефти и тем самым поддержать усилия ОПЕК, направленные на стабилизацию рынка.

Ямани не мог скрыть своих чувств:

— Страны, не входящие в ОПЕК, не вправе и дальше вести добычу на полную мощность, они должны покончить с нефтяным потопом, подтереть лужу, которая разлилась на рынке.

Он встретился с норвежским министром нефти, чтобы убедить его сократить добычу, и тот дал ему твердое заверение, что Норвегия постепенно начнет это делать. Однако через несколько недель норвежцы изменили свое решение.

У англичан также не было никакого желания подтирать за ОПЕК. «Падение цен на нефть является предметом нашей озабоченности» — вот все, что сочло нужным официально заявить министерство энергетики.

В это время стали распространяться слухи об отставке Ямани.

Вскоре они были опровергнуты.

16 марта Ямани вновь обрушился на англичан.

В эксклюзивном интервью газете «Санди телеграф» он заявил, что, если цены на нефть не удастся взять под контроль, винить в этом следует Великобританию.

— Нас ждет настоящая беда, и ответственность за это ложится главным образом на вашу страну.

Ямани сказал, что уважает британских лидеров и не желает высказываться об их внутренней политике, но не понимает, какими соображениями они руководствуются.

— Это же простейшая арифметика. Британская казна сейчас теряет миллиарды фунтов из-за снижения доходов от продажи нефти. Что лучше: сократить добычу и продавать нефть по более высоким ценам или иметь тот же доход от продажи максимума нефти по низким ценам? Всякому ясно, что первое.

Он призвал англичан быть более дальновидными.

— Если вы будете и дальше поступать так же, то в 90-х годах вам самим придется импортировать нефть. А 90-е годы не за горами.

На следующий день Ямани прибыл в Женеву на внеочередное

совещание ОПЕК, где попытался доказать своим партнерам, что если они в ближайшее время не договорятся о реалистическом потолочном уровне и не вынудят тем самым страны, не входящие в ОПЕК, сократить добычу, то с ОПЕК уже никто и никогда не будет считаться всерьез.

Именно в эти дни саудовское министерство информации выпустило бюллетень, частично дезавуировавший интервью Ямани в «Санди телеграф». Министерство явно не желало, чтобы «высказывания его превосходительства интерпретировались так, будто саудовское правительство критически относится к правительству госпожи Тэтчер».

Вновь возникли слухи об отставке Ямани.

И вновь были опровергнуты.

Экстренное совещание в Женеве продолжалось девять дней.

В последний день венесуэльский министр объявил, что члены ОПЕК достигли принципиального согласия и «постепенно будут предприняты все необходимые усилия, чтобы вновь поднять цены до 28 долларов за баррель и в дальнейшем защищать этот уровень».

Но между словами венесуэльца и действительностью было столько же общего, сколько между рынком и «Диснейлендом».

Спустя месяц Ямани и остальные министры ОПЕК снова съехались в женевский «Интерконтиненталь».

Ямани непрерывно перемещался из своего номера на восемнадцатом этаже гостиницы в конференц-зал на нижнем этаже и обратно. Он встречался с министрами на общих заседаниях, а после этого принимал некоторых из них у себя в номере и вел с ними частные беседы с глазу на глаз. Он уговаривал их по многу часов, не ослабляя натиска до последнего дня.

Вопрос об увеличении совокупной квоты ОПЕК был поставлен на голосование. Подсчет голосов дал десять «за» и три «против». Ямани каким-то образом удалось привлечь на свою сторону большинство.

Тем не менее трое несогласных — Иран, Ливия и Алжир — настаивали на резком сокращении добычи — единственном, как им казалось, способе быстро поднять цены. Они даже призвали страны ОПЕК вообще прекратить на месяц продажу нефти, вполне резонно утверждая, что этот шаг окажет на цены немедленное воздействие.

По мнению Ямани, такая политика могла быть эффективной лишь краткое время.

Но Гулямреза Ага-заде, недавно назначенный министр нефти Ирана, не хотел внять его доводам.

Этот приземистый человек с коротко остриженной серебряной шевелюрой, аккуратными седоватыми усами и бородкой всегда одет в черный костюм и белую сорочку со стоячим воротничком, плотно застегнутую до верхней пуговицы, и никогда не носит галстука.

Пробыв лишь полгода на своем посту, Ага-заде успел снискать в ОПЕК репутацию наиболее непримиримого критика Ямани. Он и в этот раз изо всех сил старался привлечь участников совещания на свою сторону:

— Цель Ямани — подтолкнуть Соединенные Штаты к сворачиванию собственного нефтяного бизнеса и усилить их зависимость от импортируемой нефти.

Окончание конференции потонуло в бесплодных и сумбурных спорах.

Борьба Ага-заде с Ямани только начиналась.

Всю весну шли толки о том, что картелю не избежать гибели, если цены будут и дальше понижаться.

Как и шах в середине 70-х годов, Ага-заде был убежден, что единственное препятствие, мешающее Ирану верховодить в ОПЕК, — это Ямани. Поэтому иранский министр начал вербовать союзников для нападения на человека, которого весь мир называл не иначе как «мистер Нефть».

Ямани, со своей стороны, хотел показать странам ОПЕК, выбрасывающим на рынок слишком много нефти, что за нежелание соблюдать соглашение им придется дорого платить. Одной из таких стран была Нигерия, которой падение цен причиняло особенно тяжелый ущерб. Ее министр разъезжал по всему свету, стараясь продать свою сырую нефть где только можно и по какой угодно цене. Конечно, сбить цены на нигерийскую нефть еще ниже значило ввергнуть эту страну в хаос. Но это было возмездием за отступничество. Ямани был убежден, что нигерийцам и им подобным просто необходимо преподать жестокий урок, иначе они не отучатся перекладывать бремя собственных экономических невзгод на более богатых саудовцев.

Он надеялся также, что падение цен выведет из игры наиболее расточительных игроков. К их числу относилась Великобритания и множество небольших частных фирм в Соединенных Штатах. Когда в какой-то момент Ямани сообщили, что некоторые из этих фирм, базирующиеся в Хьюстоне, терпят крах, он лишь пожал плечами:

— Ничего не попишешь!

Теперь Ямани надо было доказать королю Фахду, что конечным результатом его действий будет восстановление

справедливой квоты Саудовской Аравии в совокупной квоте ОПЕК.

Он располагал (или, во всяком случае, думал, что располагает) важным козырем: Саудовская Аравия была в экономическом отношении куда более мощной, чем все остальные государства ОПЕК, и могла — по крайней мере, какое-то время — переждать любое ненастье.

Но ни один из членов королевской семьи не мог оценить тонкой экономической стратегии, предложенной Ямани.

Ни один из членов королевской семьи не умел строить политику исходя из долгосрочных целей: они попросту не понимали, что длительное, многомесячное снижение базовой цены на нефть в конце концов вынудит мятежных членов ОПЕК вернуться в лоно родной организации, и тогда ОПЕК совместным маневром вновь сможет довести цену до 18 долларов за баррель.

Еще печальнее было то, что ни один из членов королевской семьи, и в первую очередь сам король, отнюдь не хотели, чтобы Ямани и дальше оставался на своем посту.

Внезапно Ямани понял, что против него вооружились буквально все.

Он почувствовал, что на карте стоит нечто большее, чем судьба ОПЕК или экономика Саудовской Аравии.

Вне Саудовской Аравии он подвергался нападкам со стороны членов ОПЕК, которые обвиняли его в том, что он жертвует общими интересами картеля ради собственной страны; на родине же Ямани осуждали за то, что он жертвует саудовскими интересами ради ОПЕК.

Заки Ямани оказался в классической стопроцентно проигрышной ситуации.

Когда цены упали ниже 12 долларов за баррель, доходы Саудовской Аравии от продажи нефти покатились под гору, снизившись с 22 миллиардов долларов в 1985 г. до неполных 16 миллиардов. Но на правительственные расходы и на завершение рада строительных проектов уже было ассигновано 40 миллиардов.

Поскольку экономическая катастрофа казалась все более неотвратимой, часть важнейших зарубежных подрядчиков стала искать пастбища посочнее. Они упаковывали чемоданы и уезжали домой. Некоторые частные инвесторы, чьи капиталовложения в Саудовской Аравии в общей сложности исчислялись десятками миллиардов долларов, начали переводить деньги в другие страны. Согласно одному из сообщений, вывоз капитала из Саудовской Аравии приближался к одному миллиарду долларов в день.

Государственное телевидение показало беспрецедентную передачу: король Фахд, с глазами, полными слез, объявил саудовцам, что правительство не может составить бюджет на 1986—1987 гг. Официально он объяснял несчастье, постигшее страну, непредсказуемым падением цен на нефть. В узком же кругу он винил во всем Ямани, скрывая тем самым собственную неспособность поправить дело.

Ситуация приобретала масштабы настоящего кризиса. Саудовская Аравия стремительно катилась к краху. Вместе с капиталами таял и престиж страны — как в регионе, так и на мировой арене.

Тем не менее обозреватель «Нью-Йорк таймс» Уильям Сефайр попытался усмотреть в действиях Ямани совершенно иной смысл. В статье, названной «Размышляя вместе с Ямани», Сефайр изложил свои взгляды от лица главного героя.

— Я, шейх Ямани, стремлюсь вовсе не к тому, чтобы взять под свой контроль добычу стран ОПЕК и затем поднять цены. Напротив, моя стратегия — наращивать и наращивать добычу, чтобы низкие цены разорили Иран.

Сефайр утверждал, что Фахд требует от Ямани сокрушить Иран, и доказывал, что саудовцы рассматривают персидскую угрозу как единственную серьезную опасность для арабского мира. Если фундаментализму аятоллы не будет положен предел, рассуждал за Ямани обозреватель, дело может кончиться не только поражением Ирака, но и гибелью Кувейта. А там придет черед и Саудовской Аравии.

— Речь идет о нашем выживании, и мы смиряемся с падением цен, поскольку это истощает иранскую военную машину. Денежные вливания в Ирак не дают результата. Наша последняя надежда — лишить Иран доходов, которые ему приносит нефть.

Знакомясь со статьей спустя год после ее опубликования, Ямани говорит, что Сефайром двигали определенные «политические мотивы». На его взгляд, рассуждения журналиста не свободны от домыслов, характерных для любой газетной статьи.

Вполне вероятно.

Столь же вероятно и то, что у Сефайра не было лучшего единомышленника, чем Гулямреза Ага-заде.

* * *

Конец июня 1986 г.

Остров Бриони в северной части Адриатического моря,

недалеко от побережья Югославии.

Ямани прибыл на совещание ОПЕК на собственной яхте, щеголяя накрахмаленным матросским костюмом…

На заседаниях, проходивших за закрытыми дверьми, выплеснулись наружу взаимные претензии, накопившиеся за несколько последних месяцев. Иран, Ливия и Алжир продолжали закулисную борьбу, добиваясь резкого сокращения добычи. И Ага-заде предупредил, что вне зависимости от того, как распределятся квоты, Иран будет добывать вдвое больше, чем Ирак.

Участники совещания разъехались, прогнозируя к середине июля снижение цен до 10 долларов за баррель.

Ямани имел вид человека, который находится в шаге от цели: наиболее слабые звенья должны были поддаться со дня на день.

Вместо этого на следующем совещании, начавшемся 28 июля в Женеве, едва не рухнула сама ОПЕК.

На второй день совещания была предложена резолюция, в которой предусматривалось, что каждое из тринадцати государств картеля сократит добычу нефти по собственному усмотрению. Принятие такой резолюции означало бы фактическое признание полной неэффективности ОПЕК.

Ямани вновь принялся обрабатывать делегатов по одному.

На этот раз, однако, ему удалось привлечь на свою сторону только шестерых. Шесть остальных делегатов примкнули к Ага-заде.

Ситуация была безвыходной. ОПЕК стремительно тонула, угрожая утянуть на дно и часть своих членов.

Спасение пришло в последнюю минуту и из самого неожиданного источника.

Утром 2 августа, в субботу, Ага-заде попросил Ямани принять его для конфиденциальной беседы в номере на верхнем этаже «Интерконтиненталя».

Поздоровавшись с Ага-заде у входной двери, Ямани провел его через небольшую прихожую в гостиную.

Ямани был в костюме и при галстуке.

На Ага-заде был костюм и наглухо застегнутая белая сорочка без галстука.

Ямани предложил гостю чай, сок и финики.

Затем он предложил Ага-заде сесть.

Но революционные иранцы без крайней необходимости не садятся в кресла и на диваны. Они предпочитают сидеть на полу.

Поэтому Ямани и Ага-заде уселись на пол.

Здесь, где не было ни репортеров, ни телеоператоров, ни коллег по ОПЕК, ловящих каждое их слово, они не нуждались в

натянутых улыбках. Им незачем было скрывать взаимную неприязнь. Однако оба министра понимали, как много стоит на карте, и на полтора часа забыли о своих чувствах.

«Поскольку некоторые члены ОПЕК не желают брать на себя долгосрочные обязательства по ограничению добычи нефти, можно опробовать компромиссную меру», — сказал Ага-заде. Он предложил временно перейти от нынешней совокупной добычи, составляющей 20 миллионов баррелей в сутки, к квоте 1984 года — 16 миллионов баррелей в сутки. Чтобы облегчить этот шаг, Ага-заде, проявляя абсолютно неожиданную политическую уступчивость, отказался от привычной угрозы Ирана выбрасывать на рынок вдвое больше нефти, чем добудет свыше своей квоты Ирак. Он пошел навстречу Ямани, обещав, что Иран сократит добычу вне зависимости от того, сколько будет добывать Ирак.

В течение нескольких часов Ямани убедил одиннадцать остальных членов поддержать этот неожиданный компромисс.

Как только было объявлено о достигнутой договоренности, цены начали стабилизироваться около отметки 12 долларов.

Но, по условиям договоренности, она вступала в силу лишь с 1 октября. Теряя все и не приобретая ничего, иранцы испугались, что государства — члены ОПЕК не устоят перед соблазном добывать максимум нефти в течение этих двух месяцев и нарушат соглашение.

Поэтому Ага-заде не сдержал обещания.

Свою роль сыграл и Ирангейт…

Согласно информации, полученной из источника, близкого к подкомитету сената США, в 1984 г. покойный Уильям Кейси, тогдашний директор ЦРУ, тайно встретился с королем Фахдом на борту его 495-футовой яхты «Абдул Азиз», недалеко от испанского города Марбельи.

Кейси разработал в Вашингтоне план помощи никарагуанским контрас, который предполагал участие ряда лиц, в том числе адмирала Джона Пойндекстера и подполковника Оливера Норта, представлявших Белый дом и совет национальной безопасности.

Остается неясным, знал ли о свидании Кейси с Фахдом Рональд Рейган. Но точно известно, что президент тайно обсуждал вопрос о помощи Саудовской Аравии никарагуанским контрас во время неофициальной встречи с Фахдом в 1985 г.

Существо плана, выработанного Кейси еще примерно за год до встречи Рейгана с Фахдом, состояло в том, чтобы Норт, действуя под руководством Пойндекстера, тайно продавал иранцам оружие, необходимое им для войны с Ираком, а затем

отмывал полученные деньги, переправляя их контрас, которые боролись с режимом, правившим в Никарагуа.

Чтобы схема начала работать, нужно было каким-то образом включить в игру иранцев.

По причинам, которые не требуют объяснений, Кейси не мог обратиться непосредственно к аятолле; он нуждался в посреднике.

Полагаясь на успешный опыт сотрудничества Фахда с прежними администрациями США и на его закоренелую ненависть к коммунизму — которую разделял с Фахдом и сам Кейси, — старый волк из ЦРУ видел в саудовском короле идеальное связующее звено.

Кейси прибыл на борт яхты «Абдул Азиз» с единственной целью: просить Фахда найти канал, который мог бы связать его с Тегераном. Фахд согласился.

И это согласие положило начало Ирангейту.

Спустя несколько месяцев после свидания Кейси и Фахда в Средиземном море посол Саудовской Аравии во Франции Джамиль аль-Ходжальян тайно встретился в Германии с представителями революционного правительства Ирана. Вскоре после этого в Эр-Рияде было замечено, что некогда прохладные, а порой и враждебные отношения между Фахдом и саудовским бизнесменом Аднаном Касоги почти волшебным образом сменились теплой дружеской привязанностью. По меньшей мере дважды Касоги видели на еженедельном придворном обеде рядом с королем — они пожимали друг другу руки и обменивались приветливыми улыбками.

То, что Касоги вернул себе благосклонность Фахда, не было случайностью: король был признателен этому дельцу за согласие вести в интересах ЦРУ переговоры с израильтянами и с иранским торговцем оружием Альбером Хакимом.

И теперь, зная, что это не вполне благовидное посредничество обеспечивает ему доступ к Фахду, Ага-заде дождался отъезда Ямани из Саудовской Аравии и направился туда сам, чтобы установить с монархом прямой контакт.

Действуя через голову Ямани, он рисковал собственным положением в ОПЕК. Но патрон Ямани решил смотреть на это сквозь пальцы, поскольку перспективы ирано-саудовского соглашения о ценах и сопряженные с ним политические и военные выгоды были слишком привлекательны для обеих сторон.

Однако и Ага-заде, и Фахд знали, что сделка не состоится, пока на их пути стоит Ямани.

Билл Кейси оказал Ямани поистине медвежью услугу, резко

приблизив конец его политической карьеры.

5 сентября, когда цены на нефть составляли около 14—15 долларов за баррель, Ямани прибыл в Кембридж, чтобы прочитать на факультете политологии имени Джона Ф. Кеннеди «мейеровскую» лекцию, которая была включена в программу празднеств, посвященных 350-летию Гарвардского университета.

Для Ямани это было как бы возвращение домой.

Он привез с собой жену Таммам и пятерых маленьких детей и, как многие студенты, возвращающиеся в родной университет, долго водил свое семейство по улицам, которые досконально изучил тридцать лет назад. Двое старших сыновей просили отца показать им классную комнату, в которой он занимался. Ямани продемонстрировал детям все достопримечательности Гарварда и даже нашел окно класса, показавшееся ему знакомым. Он подвел семью к дому, в котором жил, и рассказал детям, каким прилежным он был студентом.

Официальным лицом, принимавшим Ямани, был Дэвид Рокфеллер. В Кембридж приехали также старые его однокашники — Джеймс Шлезингер и Кингман Брустер. Встретили его и кое-кто из бывших преподавателей.

Но, конечно, этот визит не был обычным посещением родного университета. Да и сам Ямани не был обычным выпускником Гарварда. Главное, ради чего он приехал и чего все ожидали, была его речь.

Надо сказать, что Ямани произнес текст, несколько отличавшийся от подготовленного им вначале.

В сущности, содержание речи сводилось к простой и резкой формуле: «Я вас предупредил, теперь пеняйте на себя».

Но вариант, который он избрал в последнюю минуту, звучал несколько более мягко:

— Когда в 1981—1982 гг. предложение со стороны ОПЕК на мировом рынке нефти стало резко уменьшаться вследствие сокращения общего спроса и увеличения предложения со стороны государств, не входящих в ОПЕК, мы с опозданием поняли, что цены на нефть были подняты свыше меры, что они достигли неоправданно высокого уровня, разрушая объективное равновесие между спросом и предложением, столь долго существовавшее на рынке. Однако, если ранее Саудовская Аравия использовала увеличение собственной добычи как инструмент, ограничивавший тенденцию к взвинчиванию цен, теперь мы изменили свою позицию и, напротив, стали сокращать добычу, чтобы поддержать мировую структуру цен.

Тут он сделал замечание, которого не было в письменном тексте:

— К несчастью, мы в настоящее время оказались исключением среди стран ОПЕК. Поскольку резкие колебания цен на нефть могут привести к опасной нестабильности во всем мире, — сказал Ямани, — наблюдающееся в последнее время стремительное падение цен невыгодно как для экспортеров, так и для импортеров нефти.

Ни та, ни другая сторона в этих условиях не может со спокойным сердцем заниматься долгосрочным планированием производства и потребления энергии, а также капиталовложений в нефтяном бизнесе. Ни одна страна не может размещать и комбинировать ресурсы таким образом, чтобы решать поставленные экономические задачи с оптимальной эффективностью. И потому ясно, что нефтяная промышленность, как никакая другая, нуждается в долговременной стабильности цен.

Кроме того, — добавил Ямани, — на импортеров ложится ответственность за то отрицательное влияние, которое бросовые цены оказывают на другие отрасли энергетики — угольную, газовую, атомную промышленность, а также на местную нефтедобывающую промышленность. Низкая цена нефти ослабляет стимулы к поиску и использованию других источников энергии и ведет к неизбежному угасанию собственной нефтедобычи, а в дальнейшем — к большей зависимости от импортируемой нефти.

Отсюда и призывы к ограничению импорта, — заметил Ямани. И предостерег промышленно развитые западные страны: — Если импорт будет искусственно ограничен, это может иметь неблагоприятные последствия не только для тех, кого защитники ограничительных мер рассматривают как своих врагов, но и для друзей. Нужно отдавать себе отчет в том, что любая дискриминация в мировой торговле провоцирует ответные шаги, ведет к торговым войнам и означает конец эры свободной торговли. Громкие требования ответить на спад цен ограничением торговли, заглушающие ныне все остальные голоса, могут побудить экспортеров вновь поднять цены, вернуть их к прежнему уровню…

Здесь он сделал еще одно незапланированное замечание:

— В теперешней ситуации оправданы любые жертвы.

Отвечая после лекции на вопросы аудитории, Ямани дважды проявил поразительную откровенность.

Сначала его спросили:

— Каким образом вы предполагаете сделать действия стран ОПЕК согласованными и предсказуемыми?

Ямани ответил:

— Этого не так легко добиться. Многие члены ОПЕК будут недовольны моей сегодняшней речью.

Он намекнул, что некоторые страны, в частности Иран, вовсе не заинтересованы в стабильных ценах. Им нужно только одно: наращивать свои доходы от продажи нефти, чтобы продолжать войну.

Последовал не менее каверзный вопрос:

— Не могли бы вы рассказать о том, как в Саудовской Аравии принимаются решения по проблемам нефтяной политики?

Ямани ответил:

— Это непростой процесс.

Хорошо осведомленные слушатели, которых было в этой аудитории не слишком много, сочли, что Ямани вряд ли выразился бы так, если бы королем был не Фахд, а кто-то другой.

Но никто в Гарварде не знал, что Ямани прочитал смягченный вариант своей речи.

В речи, которую он намеревался произнести вначале, было сказано прямо и откровенно: то, что делаете вы, американцы, — настоящее преступление. Вам незачем лезть в зависимость к странам Персидского залива. Право же, это не тот регион, от которого приятно зависеть.

Но он этого не сказал, подумав про себя: а с какой, собственно, стати я должен растолковывать этим чертовым американцам, в чем состоят их интересы?

В речи, которую он намеревался произнести, не только остро критиковались страны, не входящие в ОПЕК, но и подвергались резким нападкам партнеры Ямани по ОПЕК. В этой речи давалась недвусмысленная оценка войны в Персидском заливе. Эта речь должна была поставить на место таких людей, как Ага-заде.

Эта речь не понравилась бы аудитории.

— Я хотел сказать, что Соединенные Штаты прилагают все усилия, чтобы ввергнуть мировой нефтяной рынок в хаос. Что президент Рейган был явно горд собой в январе 1986 г., когда похвалялся тем, что его политика поставила ОПЕК на колени. Америка оказывает давление на собственных производителей нефти, побуждая их накапливать товарные запасы, она поощряет перепроизводство Великобритании и Норвегии — и, не стану скрывать, делает это очень эффективно. Но это недальновидная и рискованная политика. Если Америке когда-нибудь удастся разрушить ОПЕК, к чему она постоянно стремится, если ей удастся сделать цены на нефть предметом чисто рыночной игры, что ж, ей придется смириться и со всем тем, что за этим последует.

Таков был первый вариант речи.

— Но я не смог прочитать этот текст. Я оставался официальным представителем саудовского правительства. И мне не следовало во время подобного визита обвинять Соединенные Штаты в преступлениях против Саудовской Аравии. Да, я собирался прочитать именно этот текст, но почувствовал, что это было бы слишком неосторожным. Как бы то ни было, я знаю одно: за эту речь мне не придется краснеть перед историей.

Кроме того, никто из собравшихся в тот уик-энд в Гарварде не понимал, что Фахда и его братьев все сильнее раздражает откровенная готовность Ямани учитывать интересы промышленно развитых стран. В своей речи Ямани меньше всего хотел показать себя лучшим другом Запада. Фахд и его братья этого никак бы не одобрили.

…А впрочем, если судить задним числом, стоило все же прочитать более резкий вариант.

Но если судить задним числом, ко времени прибытия Ямани в Гарвард его речь уже явно устарела.

Война цен первой половины 1986 г. обошлась членам ОПЕК в 100 миллионов долларов в сутки.

Когда члены картеля съехались в октябре в Женеву — пятый раз за год, — никто из министров не догадывался, насколько необычный характер будет носить предстоящее совещание.

Никто из них не знал, что это последнее совещание, на котором присутствует Ямани.

Когда начались переговоры, Ямани еще раз выразил надежду, что тринадцать стран-участниц смогут прийти к новому соглашению, и сказал, что он полон решимости способствовать его подписанию.

Но, когда большинство членов ОПЕК предложили сохранить существующее распределение квот до конца года, Ямани и его кувейтский коллега этому резко воспротивились.

— Хочется, чтобы новое соглашение о квотах было по-настоящему конструктивным, — пояснил Ямани. — Однодневки нам не нужны.

Он предупредил, что на этот раз картелю следует принять четкое и определенное решение, иначе мировой нефтяной рынок перестанет считаться с ним всерьез.

Позже, на секретном заседании, он заявил своим коллегам, что, если соглашения не удастся достигнуть, Саудовская Аравия — координируя свои действия с Кувейтом — не будет и дальше ограничивать собственную добычу нефти единственно ради того, чтобы поддерживать более слабых членов ОПЕК.

Ямани сказал, что ему надоело в одиночку подчиняться правилам ОПЕК, в то время как остальные члены — такие, как

Венесуэла, Эквадор, Габон и Объединенные Арабские Эмираты, — вовсе не думают соблюдать установленные квоты.

Ямани едва ли приобрел себе новых друзей и тогда, когда напомнил участникам совещания, что, пожелай Саудовская Аравия открыть свои краны на полную мощность, уцелеет только она да еще, быть может, Кувейт.

Но стол заседаний ОПЕК был не единственным фронтом, на котором Ямани вел бои.

На другом фронте ему приходилось сражаться против Фахда.

Король хотел, чтобы добыча увеличивалась, а цены росли. Он неоднократно говорил Ямани, что нужно добиться увеличения саудовской квоты и поднять цены до 18 долларов за баррель.

По сути дела, Фахд просил Ямани отыскать квадратуру круга.

Ямани осмелился объяснить его величеству, что мир живет по другим законам.

В понедельник, 20 октября, картель вплотную приблизился к подписанию такого документа, который в какой-то степени удовлетворил бы Ямани. Артачилась только непримиримая троица — Иран, Алжир и Ливия.

…Увеличение добычи и 18 долларов за баррель — таков был наказ Фахда.

Исполнить этот наказ Ямани попросту не мог.

Уже договорились было о продлении установленных ранее квот, срок действия которых истекал 31 октября. Компромисс состоял в том, чтобы сохранить их до конца года, а с 1 января перейти к радикально обновленной формуле.

Но у Ямани были четкие инструкции.

Увеличение добычи и 18 долларов за баррель.

Слова Фахда преследовали его повсюду.

В конце концов 22 октября, на семнадцатый день переговоров, министры ОПЕК пришли к соглашению, предусматривавшему небольшое увеличение квот, — это соглашение должно было действовать до их следующей встречи в декабре.

Увеличение добычи и 18 долларов за баррель.

У Ямани не было способа убедить Фахда, что кривые спроса и предложения ведут себя совсем иначе.

Спустя семь дней, находясь в доме у своего друга в Эр-Рияде и играя во французскую карточную игру белот, Ямани узнал из вечерних телевизионных новостей о своей отставке.

Так был положен конец этой длинной и тягостной истории.

…Увеличение добычи и 18 долларов за баррель.

На следующий день Ямани было объявлено, что он не имеет права покидать пределы Саудовской Аравии.

Большинство людей были твердо убеждены (и сохраняют это убеждение по сей день): Фахд прогнал Ямани из-за того, что тот не сумел отыскать квадратуру круга.

Но это была лишь капля, переполнившая чашу.

Чтобы читатель понял, как все обстояло на самом деле, надо рассказать о совсем других вещах — о жестокой борьбе за власть, о зависти, о коррупции, о миллиардах долларов, о самом богатом подростке на земле, о религиозных фанатиках, о стабильности в регионе Ближнего Востока и даже об угрозе третьей мировой войны.

Годы юности

Впервые он приехал в Америку осенью 1954 года.

Война в Корее стала историей. Команда «Нью-Йорк джайэнтс» только что выиграла бейсбольный чемпионат. У каждой семьи была курица в кастрюле и автомобиль в гараже. В Белом доме сидел Эйзенхауэр. И в целом свете все шло как нельзя лучше.

Только что окончив изучать политологию на Ближнем Востоке, двадцатичетырехлетний Ямани, мечтавший о степени магистра сравнительной юриспруденции, начал слушать одногодичный курс в Нью-Йоркском университете.

Перед отъездом один из друзей Ямани, армянин по национальности, имел с ним весьма серьезный разговор.

Он сказал, что в Америке очень много гомосексуалистов. Смотри, предостерег он Ямани, ты молод, и к тебе могут приставать с противоестественными целями.

— Будь осторожен, Заки, — наставлял друг.

Его слова произвели на Ямани большое впечатление, и он поинтересовался, как отличить гомосексуалиста от обычного человека. Друг заверил, что в Америке это очень легко сделать, потому что все тамошние гомосексуалисты носят красные галстуки.

Полет из Каира в Соединенные Штаты (через Шотландию) длился 17 часов. Прибыв на место, Ямани чувствовал себя крайне усталым, но испытывал восторг от мысли, что находится в Нью-Йорке. Он так торопился увидеть все своими глазами, что, приехав в отель, сразу поднялся в свой номер, моментально принял душ и переоделся. Ямани не терпелось спуститься обратно в холл и завладеть стопкой туристических проспектов, которую он заметил на стойке портье.

Он еще не знал, куда пойдет в первую очередь.

Обежав вниз, он заметил, что из другого конца холла на него уставился человек в красном галстуке.

Ямани отвернулся.

Но тот не сводил с него пристального взгляда.

Ощущая беспокойство, Ямани сделал вид, что поглощен рассматриванием проспектов.

Человек в красном галстуке двинулся в его направлении.

Не поднимая лица от проспектов, Ямани стал отодвигаться в сторону.

Человек в красном галстуке подошел еще ближе.

Не зная, что предпринять, Ямани решил наконец, что будет действовать прямо и откровенно. Посмотрю ему в глаза,

подбодрял он себя, и скажу твердо, без дальних слов: меня вовсе не интересует то, что у вас на уме…

— Прошу прошения… — начал человек в красном галстуке.

Ямани набрал в грудь воздуха и призвал на помощь всю свою храбрость:

— Послушайте-ка…

— Прошу прощения, сэр, — повторил человек в красном галстуке. — У вас расстегнулись брюки.

* * *

Современная Саудовская Аравия родилась как государство примерно в те же дни, когда группа геологов из Калифорнии пришла к выводу, что под песками аравийских пустынь плещется океан нефти.

Это было простым совпадением.

И в те же дни современная Саудовская Аравия начала восхождение к своему теперешнему могуществу, с которым вынужден считаться западный мир.

Это было чем угодно, только не совпадением.

Абдул Азиз ибн Абдель Рахман ас-Сауд — человек, который стал известен всему миру под именем Ибн Сауд, — родился между 1876 и 1880 гг. в Неджде, регионе, окружающем Эр-Рияд.

Более полутора веков дом Сауда старался подчинить своей власти и хотя бы в относительной степени объединить независимые феодальные султанаты и шейхства, разбросанные в пустыне. Были периоды, когда ему удавалось распространить свое влияние на весь полуостров, от восточного побережья до священных городов Мекки и Медины. Но поддерживать насильственный контроль над этими огромными песчаными пространствами — и над пестрыми, во многих случаях очень фанатичными племенными группировками — было чрезвычайно трудной задачей. К тому времени, как Ибн Сауд явился в этот мир, власть его семьи над полуостровом ослабевала.

В 1891 г. дом Рашидов, вождей племени шаммар, напал на Эр-Рияд и вынудил семью Ас-Сауд отказаться от прав на управление Неджде. Следующие два года Ибн Сауд провел буквально подвешенным в седельной суме, на боку верблюда, вкушая все прелести кочевой жизни бедуинских правителей в изгнании. Скитания привели семью в Кувейт, где в 1897 г. до нее дошло известие о смерти Мухаммада бин Рашида, старшего вождя племени шаммар. Спустя два года подросток Ибн Сауд во главе небольших отрядов стал совершать вылазки в пустыню,

нападая на людей Ар-Рашида. Он стяжал репутацию отважного юного воина и мечтал о дне, когда вернет семье Ас-Сауд прежнее положение в Неджде.

В конце концов он добился своего, осуществив дерзкий, граничивший с безрассудством налет на Эр-Рияд. Ибн Сауд выступил из Кувейта с отрядом в 40 человек — это число бедуины обычно употребляют в своих легендах, когда не знают точного счета, но в данном случае известно, что группа и в самом деле была невелика, — и через несколько месяцев, в одну из ночей между серединой января и началом февраля 1902 г., подъехал к глинобитным стенам Эр-Рияда.

По преданию, он взял с собою всего лишь девять человек, перелез через стену и прятался в городе до зари, дожидаясь, когда правитель Эр-Рияда выйдет на прогулку. Дождавшись этого, Ибн Сауд убил его. В течение 20 минут, взяв противников на испуг, он вернул своей семье власть над Эр-Риядом.

Крупный, представительный мужчина — имея рост 6 футов 4 дюйма (193 см.), он был буквально на голову выше всех своих соратников, — Ибн Сауд провел следующие десять лет в Неджде, утверждая свое господство в сопредельных областях и пытаясь объединить разнообразные фанатичные кланы, населявшие центральную зону Аравийской пустыни, под властью единого правительства. После победы над турками-османами в 1913 г. он расширил свое владычество в восточном направлении — до Персидского залива. Спустя восемь лет, после окончательной победы над остатками Ар-Рашидов, Ибн Сауд продвинулся далеко на север, выйдя к границе с Ираком и Трансиорданией. Затем он направил войска на юго-запад, поручив командование своему сыну Фейсалу. Так был покорен Азир (регион между Хиджазом и Йеменом). Наконец Ибн Сауд устремил свои взоры на запад — к Хиджазу и священным городам Мекке и Медине. В 1924 г. он овладел Меккой и в течение следующего года полностью подчинил себе ее окрестности, включая торговый порт Джидду. В 1926 г. он провозгласил себя королем Неджда и султаном Хиджаза.

Ибн Сауду потребовалось почти двадцать пять лет, чтобы спаять воедино обычаи, традиции и интересы народов четырех непохожих друг на друга регионов. Некоторые из этих народов он покорил мечом. Некоторые — благодаря удачно заключенным бракам. Ибн Сауд женился несколько сотен раз, и многие из этих союзов были плодом чистого политического расчета, имевшего единственную цель: примирить враждебные кланы.

К 1932 г. он был отцом двадцати четырех сыновей (всего их у него родится сорок три) и многих дочерей.

Он дал своему королевству официальное название: Саудовская Аравия.

Но все достояние короля Ибн Сауда исчерпывалось ежегодным пенсионом в 60 тысяч фунтов стерлингов, который он получал от Великобритании за помощь, оказанную ей в борьбе против турков во время первой мировой войны, да государством, которое имело в изобилии только песок и могло рассчитывать лишь на доход от хаджа, паломничества в Мекку, каждый год совершаемого правоверными из других исламских стран.

В 1932 г. Ибн Сауд мог уместить все богатства королевства в седельных сумках своего верблюда.

Но тут в Бахрейне была найдена нефть.

Если она есть в Бахрейне, рассудили геологи, то нефтяные пласты могут залегать и под всем полуостровом. Двое американцев, служащих компании «Стандард ойл оф Калифорниа» («Сокал»), прибыли в Саудовскую Аравию и за 50 тысяч фунтов золотом получили от Ибн Сауда разрешение провести разведку в Восточной провинции. Первую поисковую скважину пробурили в 1935 г. Она оказалась сухой. Геологи предприняли еще шесть попыток, каждый раз пробиваясь все глубже и глубже в толщу песка, пока не пробурили скважину «Даммам-7».

Момент, когда они достигли нефтеносного слоя, дал отсчет вхождению Саудовской Аравии в мировую экономику. В архаичное саудовское общество сразу же вторгся западный материализм двадцатого века.

Во время второй мировой войны паломничество почти полностью сошло на нет, но, как только война кончилась, король перестал миндальничать с нефтяными компаниями. Он затребовал от «Сокал» и ее партнера «Тексако» 6 миллионов долларов — в качестве аванса за право на разработку недр. Не желая или, может быть, попросту не имея возможности выложить такую сумму, эти компании предложили войти в долю двум другим — «Стандард ойл оф Нью-Джерси» (впоследствии получившая название «Эссо», а ныне известная как «Экссон») купила 30%; а «Сокони-вакуум ойл компании (вскоре переименованная в «Мобил») — 10% пакета.

Эти четыре компании объединились под общим названием «Арамко» — Арабо-американской нефтяной компании.

Примерно в 10 тысячах миль от Саудовской Аравии молодой юрист Хуан Пабло Перец Альфонзо, член недавно пришедшего к власти правительства Венесуэлы, решил, что настало время увеличить доходы, которые его страна получала от продажи нефти, и предложил поднять уровень отчислений, взимавшихся с

американских нефтяных компаний. Но, вместо того чтобы брать с американцев фиксированную плату за каждую тонну нефти, венесуэльцы издали закон, имевший обратную силу: у компаний, экспортировавших нефть, отбиралось 50% полученной ими прибыли.

После этого иранцы пересмотрели свое соглашение с англичанами.

Стало ясно, что и «Арамко» должна платить саудовцам гораздо больше. Король Ибн Сауд установил налоговые правила, сходные с венесуэльскими.

К 1953 г., когда старый король умер, компания «Арамко» держала на службе более 24 000 человек, протянула трубопроводы через всю пустыню к Средиземному морю и выкачивала столько саудовской нефти, что даже при распределении прибылей по принципу «50 на 50» множество американцев стали настоящими богачами.

К несчастью для «Арамко», в 1953 г. некоторые молодые саудовцы начали задумываться над этим странным обстоятельством.

Королевский трон занял старший из живых сыновей Ибн Сауда — Сауд. Следующий по старшинству сын, Фейсал, стал кронпринцем.

Однако Сауд не обладал столь острым политическим чутьем, как его отец, и по природному уму не шел ни в какое сравнение с Фейсалом. В 1937 г. общий государственный доход Саудовской Аравии составлял примерно 24 миллиона долларов. Теперь, в 1953 г., благодаря продаже прав на разработку недр и налогам, выплачиваемым компанией «Арамко», государство могло рассчитывать на ежегодное поступление в казну 200 миллионов долларов. О таком богатстве саудовцы прежде не смели бы и мечтать. Нисколько не удивительно, что в стране воцарился финансовый хаос. Получая без малейшего усилия столь огромные суммы, король Сауд уверовал, что может с такой же легкостью их тратить.

Сказать, что он любил пускать пыль в глаза, было бы слишком слабым выражением.

Сауд построил себе сказочный дворец: там он жил в своеобразном мире грез, купаясь в умопомрачительной роскоши и предаваясь открытому распутству. Количество денег, расхищаемых взяточниками и коррумпированными чиновниками на всех этажах власти сверху донизу, было абсолютно фантастическим — даже по арабским стандартам.

Американцы ничем не могли поправить положение: они только подливали масла в огонь, искушая пуритан саудовцев

необычными средствами коммуникации и видами транспорта, американским спортом, техническими новинками, западными фильмами, диковинной пищей и рок-н-роллом.

Видя, что Сауд позволяет себе слишком много и в нравственном и в социальном, и даже в политическом отношении (мечтой короля было отнять у египетского президента Насера самовольно присвоенную им роль вождя арабского мира), часть принцев крови, религиозных лидеров и шейхов некоторых племен сговорились отстранить короля от власти и передать ее Фейсалу, который руководил бы страной, в качестве премьер-министра.

Их замысел удался. Но ненадолго. Слишком уж многие племенные вожди не могли расстаться с привычными подачками. Им пришелся не по вкусу аскетизм, который практиковал Фейсал. Группировка, впоследствии получившая название «свободные принцы», вступила в контакт с Саудом, обещая вернуть его к власти, если тот установит государственный строй, напоминающий конституционную монархию. Сауд согласился, и в 1960 г. Фейсал был смещен. Король вновь стал править страной. Но он и не думал выполнять обещания, которые дал так называемым «модернистам». Мало того: в награду за поддержку, которую оказала ему эта группировка, он упрятал некоторых ее членов в тюрьму. Конституционная монархия отнюдь не была идеалом Сауда.

В 1962 г. произошел государственный переворот в Йемене, и над саудовцами нависла прямая угроза. Свержение монархии в соседней стране заставило принцев задуматься над собственным будущим.

Новый йеменский режим объявил себя социалистическим.

Будучи врожденными консерваторами и непримиримыми антикоммунистами, члены королевской фамилии вскоре пришли к выводу, что, случись подобные волнения в Саудовской Аравии, король Сауд не смог бы сдержать народный натиск. И дело было не только в шаткости его политического положения: здоровье монарха также оставляло желать лучшего. Йеменская революция стала для принцев удобным предлогом, позволившим возвести на трон Фейсала.

Чтобы осуществить задуманное, им потребовалось около двух лет: саудовцы по природе своей не любят спешить с переменами, какого бы рода эти перемены ни были. Возможно, это свойство следует объяснять особым укладом жизни, характерным для обитателей пустыни. Или кочевым прошлым. Так или иначе, оно накладывает отпечаток на все их существование, начиная с метода воспитания детей и кончая внешней политикой государства. Саудовцы попросту верят, что, если ничего не

делать, проблема исчезнет сама собой.

Поскольку йеменская проблема сама собой не исчезла, в ноябре 1964 г. семейный совет постановил убрать Сауда с трона. Низложенный король отправился в изгнание — сначала в Бейрут, потом в Каир и наконец поселился в Афинах.

Королем стал Фейсал.

Этому человеку было суждено оставить неизгладимый след в жизни Саудовской Аравии — и в ее истории.

Ему же было суждено изменить жизнь Заки Ямани.

* * *

Ямани родился 30 июня 1930 г. в Мекке.

В то время Мекка была городом, где практически не было электричества, с немощеными улицами, по которым ходили верблюды. Только в 1939 или 1940 г. семье Ямани удалось подключить свой дом к электрическому генератору. До этого маленький Заки читал при свете керосиновой лампы или ходил в расположенную поблизости Великую Мечеть, где было электрическое освещение, долго остававшееся местной достопримечательностью.

Отец Ямани был *кади* — председателем верховного суда Хиджаза.

Но познакомился мальчик с отцом очень поздно, когда ему было почти восемь лет. Вскоре после появления на свет сына Ямани-старший отбыл в Индонезию, где провел восемь лет в качестве *великого муфтия* института исламской культуры «Шафей». Он вернулся домой на год, а затем вновь уехал — на этот раз в Малайзию, куда был приглашен как великий муфтий. Он стал первым преподавателем исламского права в этой стране.

Дед Ямани также был великим муфтием института «Шафей», еще при турецком режиме.

Младший из троих детей (у него были брат и сестра), Ямани испытал в юности сильное влияние матери, которая делала все, чтобы дать ему систематическое образование. Впрочем, по словам Ямани, в его воспитании принимал также участие дед, да и дядья не обделяли мальчика своим вниманием.

— Клан Ямани очень велик и хорошо известен в Саудовской Аравии. У меня множество двоюродных братьев и сестер, дядей и теток. Каждый год во время рамадана мы с женой держим двери открытыми для всех членов семьи с моей стороны, и бывает, что за обеденный стол у нас садятся 300—400 человек.

В клане Ямани много долгожителей.

— Моей матери сейчас больше 90 лет. Мой отец умер в возрасте 86 лет. Мой дед не дотянул лишь четырех месяцев до своего столетия. Да что там: одна моя тетка дожила до 112 лет!

Имя Ямани восходит к слову «Йемен»; как замечает Ямани, он выяснил свою генеалогию более чем до сорокового колена и установил, что один из его прапрапрадедов переселился в Йемен из Мекки. Ямани принадлежит к мусульманам-хашимитам, являющимся одной из ветвей племени курейш, из которого происходил пророк Мухаммад.

Воспитанный в глубоко религиозной семье, Ямани и сейчас строго соблюдает предписания ислама. По слухам, если ночью его мучит бессонница, он садится в автомобиль и едет в Мекку, чтобы помолиться в Великой Мечети.

Если ничто не мешает, он обязательно совершает хадж и при любых обстоятельствах ежегодно справляет рамадан.

— Это самый священный период года для мусульман, особое время. В течение всего дня ничего нельзя есть, и только ночью можно обильно поужинать, прервав пост. Каждый год я провожу последние десять дней рамадана в Мекке, стараясь ни с кем не встречаться.

В течение этого месячного искупительного праздника в Великой Мечети молятся десятки миллионов правоверных. Днем и ночью, слившись в единый бурлящий поток, они проходят через молитвенный зал мимо черного камня Каабы, наиболее почитаемой святыни ислама.

Здесь же молится и Ямани.

Но Ямани относится к числу редких счастливцев: у него есть особое молитвенное помещение на втором этаже Великой Мечети.

Эта небольшая, простенькая келья размером 6 на 18 футов, с голыми стенами, пожалована Ямани в качестве специальной привилегии, поскольку его дед был человеком великой учености и благочестия. В настоящее время она снабжена воздушным кондиционером.

В келье два окна, из которых можно видеть Каабу, на полу лежит несколько подушек для сидения, в углу стоит маленький холодильник с запасом воды, а на одной из подушек аккуратной стопкой сложены ждущие своего часа несколько экземпляров Корана.

— С полудня до восхода солнца я предаюсь медитации и молитвам в своей комнатке и возле Каабы. Когда рамадан кончается, я ощущаю полное физическое изнеможение. Но это изнеможение особого рода. По-моему, неверующему трудно даже представить, какое чувство очищения испытываешь после рамадана.

С детских лет Ямани сохраняет привязанность к музыке.

Он обожает оперу, особенно Вагнера, хотя его первая любовь, — старинная арабская музыка, услышанная в Мекке.

— Жители Мекки — природные меломаны. Я всю жизнь собираю записи старинных мекканских народных песен. И хотя сам не играю ни на одном музыкальном инструменте, это не мешает мне знать все типы фольклорных мелодий.

По словам Ямани, в мекканской школе он неизменно был лучшим учеником среди сверстников и за время учебы перескочил через три класса. Однажды школу посетил король Ибн Сауд, и Ямани был среди тех, кто удостоился чести пожать ему руку.

— Я до сих пор помню, какой он был большой и какие большие у него были руки.

Состоялась церемония, во время которой Ямани был провозглашен первым учеником в своем классе и получил небольшой подарок из рук принца Фейсала.

— Спустя много лет я напомнил об этом Фейсалу. Сам я помнил все до мельчайших подробностей… — Ямани с улыбкой пожимает плечами. — К сожалению, король начисто забыл эту историю.

Поощряя стремление семнадцатилетнего Ямани продолжить образование, родные отправили его в Каирский университет, на факультет права.

— Я всегда восхищался моим дедом. Он был знаменитым ученым, и я в юности часто мечтал стать таким, как он. Мысленно я воображал себя профессором. Когда я учился в университете, мой отец вернулся домой и мы стали проводить очень много времени вместе. Помню, у него были ученики. Они посещали наш дом в Мекке. Многие из них были знаменитыми юристами; они обсуждали с отцом проблемы права и разбирали всевозможные казусы. Я начал присоединяться к их обществу, и нередко после их ухода мы с отцом задерживались еще на несколько часов: отец наставлял меня, опровергал мою аргументацию.

Каир был первой заграничной поездкой Ямани. До этого он лишь немного, когда был бойскаутом, путешествовал по родной стране, катаясь по горам верхом на осле. Но дверью во внешний мир для него стал Египет.

На одном курсе с Ямани учился не кто иной, как Ясир Арафат.

— Я наверняка видел его в Каире, но тогда мы не были знакомы. Он учился на инженера, а здание этого факультета было отделено от нашего забором. Он был постоянным участником студенческих забастовок, я же не участвовал в них ни разу. Но

позже, много лет спустя, мы все же познакомились. Его представил мне мой друг-египтянин, профессор из Каира. Я же в 1968 г. представил Арафата королю Фейсалу. Первая денежная сумма, предоставленная нами организации Аль-Фатх, была передана через меня. Она составляла 100 тысяч саудовских риалов (33 тысячи долларов).

Успешно окончив в возрасте двадцати лет юридический факультет, Ямани вернулся в Саудовскую Аравию и возглавил головное отделение министерства финансов в Мекке.

— Я всегда мечтал стать преподавателем, но меня убедили принять это предложение. И я нашел компромисс. Утром и вечером я бесплатно читал курс по исламскому праву, а днем ходил в свой офис.

Выдающиеся способности Ямани вновь были замечены, и спустя несколько лет правительство предложило ему прослушать курс на факультете сравнительного права Нью-Йоркского университета, предназначенный для неамериканских юристов. Курс предполагал изучение основных начал общего и американского права.

Это была первая поездка Ямани в Соединенные Штаты. И первая возможность оказаться за пределами Ближнего Востока.

— Я испытывал крайнее возбуждение. Но, кажется, не ощутил сильного шока при столкновении с чуждой культурой. Я всегда очень легко приспосабливаюсь к новому окружению, это мое природное свойство.

Он снял небольшую квартирку на 73-й улице, довольно далеко от университетского кампуса Гринвич-Виллидж, где жили все остальные студенты. Программа предусматривала, чтобы каждый иностранный студент имел соседом по комнате американца. Но Ямани предпочел жить один.

— Для меня так было лучше, — говорит он коротко.

Вот что замечает по этому поводу Бернар Шварц, один из университетских профессоров, преподававших Ямани право:

— Заки был очень застенчив. Он отлично владел английским и казался мне очень одаренным и очень серьезным студентом. Но не помню, чтобы он был чрезмерно общителен.

Нью-йоркский адвокат Дон Фокс, учившийся с Ямани в одной группе, также помнит его очень хорошо.

— В ту пору Заки был гораздо более далек от света, чем сейчас. Он был настроен очень религиозно, соблюдал все установления своей веры и неуклонно совершал предписанные молитвы. Пищу, помнится, Заки обычно готовил себе сам, чтобы не нарушать правила ислама. У него всегда были друзья, потому что он был на редкость симпатичным человеком. Но это,

разумеется, не значит, что он готов был водить компанию с каждым встречным.

Во время учебы в Нью-Йоркском университете Ямани познакомился с молодой иракской девушкой по имени Лейла, дочерью Сулеймана Файди, известного писателя и правоведа. Она училась на факультете педагогики.

Оба они чувствовали себя одинокими на чужбине, и это, естественно, способствовало их сближению. По окончании университета Заки и Лейла вступили в брак, заключив его в Бруклине, в доме одного марокканца, который переоборудовал часть своей квартиры в мечеть.

Имея в кармане диплом магистра сравнительной юриспруденции и рекомендацию любимого профессора Нью-Йоркского университета, Ямани отправился в Кембридж, штат Массачусетс, чтобы прослушать годичный курс на юридическом факультете Гарвардского университета — по проблемам инвестиционной стратегии и международных споров.

Д-р Эрвин Гризуолд, бывший в то время деканом юридического факультета, говорит, что Ямани производил на него очень сильное впечатление.

— Это был единственный студент из Саудовской Аравии, обучавшийся у нас в то время, и я очень часто видел его у себя в приемной. Судя по всему, он немножко нервничал и волновался, приходя ко мне. Я никогда не вызывал Ямани сам, потому что он был хорошим студентом. Но я помню, как он являлся ко мне за той или иной консультацией и сидел в приемной, перебирая свои четки. Он вечно теребил их пальцами, и, по правде сказать, меня так и подмывало сказать, что это меня дико раздражает и что лучше бы ему спрятать их в карман.

Позже, уже приобретя всемирную известность, Ямани не раз прибегал к четкам во время своих послеобеденных спичей или выступлений на семинарах в Соединенных Штатах. Он поднимал их вверх, коротко объяснял, что это за вещь, а затем шутливо объявлял, что каждая бусина символизирует одну из его жен.

— Я до сих пор получаю от него рождественские открытки, — продолжает Гризуолд. — Ямани принадлежит к числу людей, которые не забывают старых знакомых. Интересно, что он присылает мне очень христианские по духу открытки. Обычно это изображения Марии и Иосифа, везущих младенца Иисуса на осле, или нечто в таком же роде. Но это меня никогда не удивляет, потому что Ямани — очень глубокий и тактичный человек. Он чрезвычайно быстро приспособился к западной жизни. По-моему, он идеально чувствует себя в любой ситуации; и я, по правде говоря, не знаю, что могло бы застать его врасплох.

Еще один человек, знавший Ямани в Гарварде, — Кингман Брустер.

— Прошло много лет, но, думаю, Ямани не забыл, что я читал курс по правовым проблемам бизнеса в чужих странах. Однажды, когда я был послом в Лондоне, а он лидером ОПЕК, я напомнил Ямани: все, что он знает о картелях, он узнал от меня. А он улыбнулся своей загадочной улыбкой и сказал: «Но от вас я узнал и то, что ничего не знаю о картелях».

Если верить послу Брустеру (и оставить без внимания историю о четках, рассказанную деканом Гризуолдом), ко времени окончания Гарвардского университета Ямани был в достаточной степени американизирован.

— Его никогда нельзя было назвать типичным саудовцем. Он из людей, которые следуют интуиции, решая, доверять человеку или нет. И выбирают друзей раз и навсегда. Он был очень чутким в личных отношениях и ни при каких обстоятельствах не обрывал старых связей. Это особенно важно: ведь общество, к которому он принадлежит, основано на недоверии. Если оно кому-то доверяет, этот человек получает колоссальные преимущества. По моему глубокому убеждению, нам просто повезло, что власть над саудовской нефтью оказалась в руках Ямани. Он никогда не подводил людей, с которыми имел дело.

Доктор Брустер видит у Ямани еще одно величайшее достоинство: он никогда не поддается панике.

— Какие бы бури ни бушевали в его душе, Ямани сохраняет полное спокойствие. Это редкая, удивительная черта.

Прибавив к степени, полученной в Нью-Йоркском университете, звание магистра права, полученное в Гарварде, Ямани в 1956 г. вернулся в Саудовскую Аравию и поступил в министерство финансов — в только что созданный департамент закьи (религиозный налог) и подоходных налогов.

Вскоре он стал сочетать эту работу со службой в министерстве нефти и полезных ископаемых, которое возглавлял Абдулла Тарики: там в конце 1957 г. ему поручили составить сложнейшие в техническом и коммерческом отношении контракты, которые подписывались в рамках безналоговой концессии, предоставленной японцам.

Один из друзей отца предложил Ямани высокооплачиваемую должность менеджера на разливочной фабрике кока-колы; работать надо было по три часа каждое утро. Честолюбивый Ямани согласился. Однако после восьмимесячного хождения на службу к пяти часам утра он был вынужден признать, что взвалил на плечи слишком большой груз, и его карьера в области шипучих напитков на этом кончилась.

Примерно в это же время Ямани уволился с правительственной службы и открыл собственную юридическую контору в Джидде.

Это была первая контора такого типа в Саудовской Аравии.

— Ранее в нашей стране не существовало юрисконсультов в западном смысле этого слова. У нас были люди, которые помогали истцам представить дело в суд. Были адвокаты. Но не было юридических фирм, где можно найти человека, который составит для вас контракт или даст вам консультацию. Я знал, что у нас разворачивают деятельность множество банков и иностранных компаний и что они нуждаются в подобных услугах. В стране был принят целый ряд новых законодательных актов, но не было никого, кто мог бы объяснить их содержание иностранным бизнесменам.

В первом офисе, открытом Ямани, работало три человека: секретарь, машинистка и он сам.

— Не стану скрывать, поначалу я не был чрезмерно загружен.

Но Ямани прилагал все усилия, чтобы находить клиентов, и вскоре заключил соглашения о сотрудничестве с несколькими иностранными банками и компаниями, став их юрисконсультом. Прошло еще немного времени, и фирма Ямани — имевшая уже не один офис и огромный штат работников, в том числе и женщин-адвокатов, что прежде было в Саудовской Аравии абсолютно неслыханным делом, — стала считаться самой процветающей частной юридической фирмой в стране.

В 1957 г. у Ямани и Лейлы родилась первая дочь, Май. Вторая, Маха, появилась на свет в 1959 г. В 1961 г. родился сын Хани.

Круг клиентов Ямани становился все обширнее, и ему приходилось регулярно посещать Исламский суд, где он снискал репутацию знатока шариата (исламского права).

В те далекие годы он работал также как нештатный сотрудник периодических изданий. После окончания основной работы Ямани до глубокой ночи писал и редактировал газетные материалы.

— Я писал для нескольких саудовских газет. Среди них была, в частности, еженедельная газетенка, которая называлась «Арафат». Помню, как раз тогда кронпринц Фейсал предложил ввести новый закон о совете министров, который дал бы реальную власть премьер-министру и кабинету — наряду с королем. И я печатал статью за статьей, описывая различные юридические аспекты этой проблемы и анализируя новый закон. Кажется, я опубликовал три серии статей на эту тему. Мне тогда и в голову не могло прийти, что Фейсал очень внимательно

читает мои статьи. Но, как я узнал позже, он читал все, что выходило из-под моего пера.

Создание ОПЕК и взлет Ямани

Саудовская Аравия — это колоссальное пространство, покрытое песком; кружочки, изображающие на ее карте селения и города, кажутся крохотными островками, затерянными в океане.

В основной своей части это ненаселенная, безлесная страна, где, по некоторым сведениям, водится 150 видов бабочек.

Это место возникновения ислама, его колыбель. И законы Саудовской Аравии — это законы ислама.

Точное число жителей Саудовской Аравии неизвестно. Перепись населения производится с помощью аэрофотосъемки. Счетчик умножает число крыш, которые он видит на снимке, на среднее количество людей, которое, по его мнению, живет под одной крышей. Кочевники могут быть сосчитаны и один раз, и два, и три. Или вовсе не сосчитаны. Как-то правительство объявило, что в стране живет 8,4 миллиона человек. Но по другим оценкам, население Саудовской Аравии не превышает 5 миллионов человек.

Впрочем, подлинное влияние этого государства в регионе Персидского залива и его место в мире определяются отнюдь не численностью населения, а скорее его размерами и тем обстоятельством, что почти подо всей его территорией находятся неисчерпаемые запасы нефти.

Ибн Сауд любил повторять, что у человека, распоряжающегося нефтью, которая лежит под песками Саудовской Аравии, находится ключ от войны и мира в регионе залива.

Первым, кто до конца оценил смысл этих слов, был его сын Фейсал.

В детстве Фейсал не получил систематического образования. Его учили ездить на лошади, как бедуина, декламировать наизусть Коран, стрелять из винтовки и владеть мечом. Зато уже в юности отец посылал принца в официальные зарубежные визиты, и тот имел возможность общаться с различными государственными деятелями. В возрасте 24 лет Фейсал был назначен министром иностранных дел и оставался в этой должности на протяжении всего царствования Ибн Сауда.

Суровый, аскетичный человек, с хмурым, едва ли не скорбным выражением лица и слабым здоровьем, — помимо гематологического заболевания, которое требовало регулярных переливаний крови, он страдал язвенной болезнью, не дававшей ему спать по ночам, — Фейсал был ревностным мусульманином. В отличие от своего отца и братьев, он в основном придерживался

моногамии и прожил большую часть жизни со своей третьей женой.

Ямани описывает Фейсала как мягкого человека который никогда не повышал голоса и не говорил резким тоном.

— Если королю кто-то или что-то не нравилось, он просто смотрел в сторону, и по этому признаку можно было догадаться, что его терпение истощилось.

Хотя на людях Фейсал всегда был угрюм, Ямани говорит, что в действительности король обладал неплохим чувством юмора.

— В непринужденной обстановке, обедая или ужиная с близкими друзьями, он часто шутил, порой очень остроумно. Но в присутствии посторонних он держался в высшей степени царственно.

Фейсал не говорил по-английски, но, по свидетельству Ямани, понимал этот язык достаточно хорошо — и подчас поправлял переводчика, когда тот ошибался.

— Фейсал все время читал, интересовался буквально всем. С ним можно было говорить о самых разных вещах. Он бывал на Западе, но, думаю, ни в одной западной стране не чувствовал себя как дома. Я часто поражался его блестящему уму. Когда король вел переговоры с другими людьми, мне нередко казалось, что он умеет читать в сердцах. Он был исключительно проницателен. Конечно, как всякий человек, Фейсал имел недостатки. Но, как я уже сказал, он обладал особым царственным достоинством. Он был совершенно неподражаем.

Ревностный приверженец традиций, Фейсал был в то же время достаточно современным человеком: он разрешил в королевстве телевизионное вещание, хотя это осуждали религиозные лидеры, создал школы для девочек, также вопреки советам духовенства, и настолько верил в силу систематического образования, которого не имел сам, что послал своих сыновей учиться на Запад — в Принстон, Гарвард, Оксфорд и Кембридж.

Именно Фейсал «создал» Ямани.

В конце 1957 г. он пригласил молодого юриста к себе в дом, находившийся в горном селении Таиф.

— Это было полной неожиданностью; я и представить себе не мог, что Фейсал обо мне что-то знает.

Ямани провели в небольшую приемную кронпринца.

Фейсал поздоровался с ним за руку.

Последовало продолжительное молчание.

Фейсал смотрел на Ямани и ждал.

Не зная, что делать, Ямани сел.

Фейсал по-прежнему не сводил с него глаз.

Ямани снова встал.

— Я хочу, чтобы вы были моим юрисконсультом, — сказал Фейсал. — Ваши условия?

Ямани размышлял недолго.

— По-моему, человек, которому предоставляется возможность работать у вас, не должен говорить об условиях.

Фейсал остался доволен ответом.

И Ямани был принят на работу.

* * *

В середине 50-х годов Фейсал пришел к убеждению, что развивающаяся нефтяная экономика Саудовской Аравии нуждается в большом количестве новых чиновников самого разного профиля, которые смогут решать быстро множащиеся проблемы, связанные с банковским делом, национальной валютой и бюджетом. Стараясь ликвидировать административный хаос, царивший в стране, кронпринц слил министерства финансов и экономики, создал министерство нефти и полезных ископаемых и назначил его генеральным директором Абдуллу Тарики, молодого и бойкого технократа, который получил образование на Западе.

В течение следующих пяти лет доходы Саудовской Аравии от продажи нефти поднялись до 300 миллионов долларов. И наиболее влиятельной силой в королевстве стала «Арамко».

Из воспоминаний бывшего менеджера «Арамко»:

— Никто еще не описал всего, что мы сделали для Саудовской Аравии. Мы ввели ее в мировое сообщество. Нефть была едва ли не побочным делом. Мы отнеслись к саудовцам с поистине отеческой заботой — ничего подобного история просто не знала. Мы построили больницы. Мы построили кормушки для верблюдов, на которых ездят бедуины. Мы создали ферму, обеспечивавшую провизией королевскую семью. Около 40% наших рабочих составляли шииты из Восточной провинции: они очень любили «Арамко», потому что правительство относилось к этим людям просто наплевательски, называло их не иначе как «собаками». Это «Арамко» благоустроило оазис в котором они жили, и предоставило им ссуды на постройку жилья. Тамошние жители говорили: «Как хорошо было бы, если бы над правительством стояла «Арамко». Будущий король Фахд, тогда занимавший должность министра внутренних дел, был очень нами недоволен. Он говорил: «К «Арамко» относятся с чересчур большим доверием». Да, именно так. Вы представляете?! Его сердило, что слишком много людей было наслышано о заслугах

«Арамко» перед страной.

В действительности Фахда, как и многих других саудовцев, сердило совсем другое — то, что «Арамко», возгордившись своими успехами, вела себя все более и более вызывающе.

Кроме того, в регионе было хорошо известно, что многие из старших менеджеров «Арамко» непосредственно связаны с ЦРУ.

«Арамко» и в самом деле служила Америке главным наблюдательным пунктом в этой части Персидского залива — до появления здесь международной строительной компании «Бечтел».

Ничуть не удивительно, что по мере укрепления позиций «Арамко» росла воинственность Тарики, который все чаще мысленно примерял к Саудовской Аравии опыт венесуэльца Переца Альфонзо.

Он стремился прежде всего к тому, чтобы «Арамко» стала комплексной компанией, которая осуществляет полный процесс переработки нефти — от скважины до бензоколонки. Кроме того, он хотел, чтобы саудовцы в большей степени контролировали «Арамко» и имели большую долю в ее прибылях.

— Контроль над нефтяной промышленностью моего государства, — поясняет Тарики, — находился в чужих руках, в руках иностранцев, которые, не будучи саудовской компанией, торговали на мировом рынке саудовской нефтью. Я хотел, чтобы «Арамко» управлялась Саудовской Аравией.

Поскольку идеи Тарики нашли поддержку при королевском дворе, «Арамко» предприняла кое-какие примирительные шаги. Она перенесла в Саудовскую Аравию свою штаб-квартиру. Но центром влияния по-прежнему оставались Соединенные Штаты, ибо там находились четыре совладельца компании.

В конце 50-х годов Тарики перешел к открытым националистическим выступлениям в духе Переца Альфонзо. Оба деятеля, разделявшие сходные патриотические убеждения, были твердо убеждены, что природные ресурсы их стран должны принадлежать народу, а не иностранным компаниям, которые открыли нефтяные месторождения.

Тем не менее идея национализации, какой соблазнительной она ни представлялась Тарики, была бесперспективна. Он и сам это понимал. Американцы тоже. Поэтому Тарики предпочитал использовать более обтекаемый термин: «интеграция».

— Мы не могли бы национализировать нефтяные компании, даже если бы попытались. Мы были вынуждены сотрудничать с Западом: там находились наши рынки сбыта.

Но перемены стучались в дверь.

Именно в это время Перец Альфонзо увлек Тарики проектом

создания организации, в которую вошли бы страны — экспортеры нефти.

Джордж Балу, бывший менеджер «Сокал», ныне ушедший на пенсию, вспоминает:

— Перец Альфонзо прожужжал Тарики уши… Венесуэльцы мечтали создать на Ближнем Востоке такую организацию, которая помешала бы арабам всерьез конкурировать с самой Венесуэлой.

По настоянию Тарики, экономический совет Лиги арабских государств созвал в Каире первый «арабский нефтяной конгресс». На конгресс были приглашены и делегации из двух неарабских стран — Ирана и Венесуэлы.

Возможно, вся эта затея кончилась бы ничем, веди компании «Шелл» и «Бритиш петролеум» свою партию хоть чуточку искуснее. Но они, без консультаций со странами-экспортерами, спровоцировали в то время серию резких понижений цен, лицемерно пытаясь оправдать свои действия ссылками на законы рынка.

Это был слишком дерзкий вызов, с которым не могли примириться столь гордые люди, как Перец Альфонзо и Тарики. И, заключив союз, они объявили нефтяным компаниям открытую войну.

Конгресс призвал заключать соглашения по принципу «50 на 50». Разумеется, арабам недоставало и технических знаний, и финансовых ресурсов, чтобы реализовать этот принцип на деле. Но неофициально, в обстановке полной секретности, Перецу Альфонзо и Тарики удалось привести конгресс к так называемому «джентльменскому соглашению». Саудовская Аравия, Венесуэла, Ирак, Кувейт и ЮАР образовали Нефтяную консультативную комиссию, которая должна была встречаться не реже одного раза в год и обсуждать вопросы, представляющие взаимный интерес.

Прежде всего комиссию заботили проблемы, обусловленные самой природой нефтяной промышленности. Этот род бизнеса требует значительных первоначальных затрат и пренебрежимо малых текущих издержек. Иначе говоря, максимальных расходов требует первый извлеченный из земли баррель; добыча же каждого последующего барреля не стоит почти ничего. И Перец Альфонзо, и Тарики хорошо понимали, что нефтяные компании охотно сбавляют справочные цены, ибо это позволяет им продавать максимум последующих баррелей, а не оставлять их в земных недрах. Но подобные скидки целиком ложились на счет стран-экспортеров и наносили им значительный ущерб.

Почти весь конец 1959 г. и начало 1960 г. оба политика взывали к справедливости, обвиняя иностранцев в нечестной игре. Неспособные сломать сложившуюся систему изнутри, они

выступили с совместной инициативой, призвав создать картель, который сумел бы хоть в какой-то степени противостоять произволу нефтяных компаний.

До появления на сцене Тарики ведущую роль в государственной системе Саудовской Аравии играли министерства финансов, обороны и торговли. Но к 1960 г. Тарики превратил нефтяной директорат в полноценное министерство и набрал огромную силу. Он во весь голос заявил о намерении национализировать «Арамко» и провел в жизнь проект создания Организации стран — экспортеров нефти (ОПЕК).

Отцы-основатели — Тарики и Перец Альфонзо — провозгласили, что ОПЕК будет согласовывать нефтяную политику своих членов и приложит все усилия, чтобы охранять их индивидуальные и коллективные интересы… Но в 1960 г. никто не предполагал, что наступит время, когда эта организация сможет посредством искусственных ограничений экспорта поднимать цены. ОПЕК была задумана ее участниками исключительно как средство защиты.

— Нефтяные компании отнеслись к нам со всей серьезностью, — уверяет Тарики. — Иначе и быть не могло. Поверьте моему слову, все они опасались ОПЕК.

Отчасти это верно. Но только отчасти.

Бесспорно, большинство нефтяных компаний были недовольны созданием ОПЕК. Бесспорно и то, что некоторые наиболее прозорливые менеджеры на Западе предсказывали, что со временем эта группировка может превратиться из беззубого тигра, каким она была в ту пору, в нечто более серьезное. Но дальше этого «опекофобия» не шла.

По правде говоря, в то время мало кто обратил внимание на новую организацию. И хотя Тарики и Перец Альфонзо считали декларацию о создании ОПЕК колоссальным шагом вперед, в остальном мире она осталась практически не замеченной. Особенно в Соединенных Штатах и в Западной Европе, где первые полосы газет были заполнены репортажами о предвыборной гонке между Джоном Кеннеди и Ричардом Никсоном, которая выходила на финишную прямую… Поначалу ОПЕК воспринималась как очередной малозначительный союз, созданный не слишком сильными группами давления.

Вскоре после создания ОПЕК Фейсал был смещен и полновластным правителем страны снова стал Сауд. Как уже говорилось, среди приверженцев Сауда была политическая группировка «свободных принцев», которую возглавлял его младший брат, принц Талал. Тарики привлекал националистический дух, характерный для этой группировки. Но

Сауд считался с принцами недолго. Почувствовав, что может править без их поддержки, он поспешил от них отделаться. Единственным из так называемых «либералов», оставшимся в совете министров, был Тарики.

По словам Ямани, Тарики было предложено остаться только потому, что Сауд не мог заменить его на этом посту никем другим.

— Когда Фейсал был кронпринцем и премьер-министром, я занимал должность государственного министра и был членом кабинета. Когда он был смещен, я ушел вместе с ним. Я вернулся к моей юридической практике и читал вводный курс права в Эр-Риядском университете. Конфликт между Саудом и Фейсалом, разожженный «свободными принцами», продолжался еще некоторое время. Он достиг критической стадии, когда принц Талал и другие члены этой группы покинули страну, бежав в Египет. Для всех тогда было тайной, что король Сауд пожелал избавиться от Тарики и предложил этот пост мне. Я извинился и отклонил его предложение.

Спустя полгода, после отставки очередного кабинета, была сформирована новая коалиция. Сауд теперь был королем и премьер-министром. Фейсал — кронпринцем и заместителем премьер-министра.

А Тарики на этот раз был выставлен за дверь.

Он поставил все, что имел, не на ту карту. Он оттолкнул от себя слишком многих. И вскоре вынужден был уехать из Саудовской Аравии.

Интересно, что Тарики, даже покинув страну и живя в изгнании, продолжал, как бывший министр, получать ежемесячную пенсию.

Интересно и другое: Фейсал твердо верил, что лучшим продолжателем дела, начатого крикливым Тарики, станет молодой сладкоречивый юрист из Мекки, которого звали Ахмед Заки Ямани.

* * *

Взаимная привязанность Ямани и Фейсала росла и укреплялась постепенно в течение многих лет.

Сначала это были чисто деловые отношения, но со временем они переросли в глубокую и искреннюю дружбу. Это была самая серьезная мужская дружба, какую знал в своей жизни Ямани. Кроме того, это была дружба, изменившая ход истории. По крайней мере, истории Ближнего Востока.

— Доверие, которое мы питали друг к другу, возникло не в один день. Он был начальником, я подчиненным. Но в конце концов он стал относиться ко мне как к родному сыну. Я тоже стал видеть в нем второго отца. Я любил его и почитал всей душой.

Даже Абдулла Тарики не склонен спорить:

— Фейсал находился под обаянием Ямани и доверял ему, быть может, как ни одному человеку в королевстве. Ямани был исключительно талантлив; в этом нет никакого сомнения. Возможно, с течением лет он стал несколько заносчив. Но в молодости он таким не был. Во всяком случае, это не проявлялось в его отношениях со мной. Правда, тогда я занимал гораздо более высокое положение.

— Ямани только что стал министром, — вспоминает Джордж Балу. — Я встретился с ним в Сан-Франциско, когда он впервые присутствовал на заседании правления «Арамко». Ни один человек не знал, кто он такой. В ту пору ни один человек вообще толком не представлял, что такое Саудовская Аравия. Роль этого государства на мировом нефтяном рынке не шла ни в какое сравнение с той, какую ему предстояло играть в будущем. Так вот, Заки прибыл в Сан-Франциско, и, по правде говоря, никто из нас не знал, чего от него ожидать. Но одно было ясно: Ямани не имеет ничего общего с Абдуллой Тарики. Он был очень спокойным и очень обаятельным человеком. Кажется, на второй вечер после прибытия Ямани один из служащих «Арамко» поинтересовался, собирается ли кто-нибудь пригласить его на обед. Выяснилось, что таких нет. У меня дома как раз должны были праздновать день рождения одного из членов семьи, но я подумал, что будет невежливым оставлять Заки одного. И я пригласил его к себе. Ему так у нас понравилось, что он приходил к нам на этот день рождения еще несколько лет подряд.

В 1962 г., подчеркивает Балу, Ямани еще не был знаменитостью. И не был так опытен и искушен, как теперь. Но в остальном Ямани изменился очень мало.

Похоже, у всякого человека, когда-либо с ним встречавшегося, есть любимый анекдот о Ямани.

Один из друзей, знающий его много лет, рассказывает:

— Как-то, будучи в Соединенных Штатах, Ямани узнал, что его старый приятель лежит в больнице, и отлучился на день, чтобы слетать в Калифорнию его проведать. А надо сказать, что этот приятель был вполне состоятелен и мог многое себе позволить. Но практически любой, кто попадает в дорогие частные клиники — как бы он ни был богат, — без конца жалуется на цены. Ямани внимательно выслушал друга,

рассказавшего, какие безумные деньги ему приходится платить за лечение. И в тот же день, не сказав никому ни слова, оплатил его счет.

Джон Брутон, министр энергетики Ирландии, встречался с Ямани только один раз.

— Я прибыл в Саудовскую Аравию, чтобы аннулировать несколько долгосрочных контрактов. В Джидде меня ждал личный «Гольфстрим» Ямани: на нем я вылетел в Эр-Рияд. В Эр-Риядском аэропорту меня встретил сам Ямани. Скромный министр энергетики маленькой страны, я испытывал страх перед мировой знаменитостью. Но Ямани держался очень просто, непринужденно и любезно. В это время происходило какое-то совещание ОПЕК, министры прилетали и улетали из Эр-Рияда каждую минуту. Ямани нужно было обсуждать с ними важные проблемы, со мной же он виделся только из вежливости. Тем не менее он встретил меня у самолета, долго беседовал со мной и проводил обратно в аэропорт.

Майк Амин, бывший менеджер «Арамко», как и многие другие, считает, что благодаря открытому и уравновешенному характеру Ямани министерство нефти стало работать совсем по-другому.

— Тарики все время забегал вперед. Саудовцы не были готовы двигаться туда, куда он их тянул. К тому же Тарики слишком уж лез в политику и имел невыносимый характер. Заки не тратил время на пустые слова и спокойно шел к намеченной цели. Он употреблял дипломатичные обороты и говорил очень тихо. Думал не только о себе, но и о других. Ямани принадлежит к типу людей, которые умеют добиваться своего и в то же время никому не доставлять огорчений.

Вопрос о «легендарном обаянии» Ямани, который я задал ему во время одной из наших бесед, был встречен смущенной улыбкой. Но, когда речь зашла об изменениях в стиле работы министерства, осуществленных им после ухода Тарики, Ямани проявил большую словоохотливость:

— Мы с Абдуллой Тарики, очевидно, преследовали одни и те же цели, но были совершенно разными людьми. Первое, что я счел нужным изменить, — это отношение министерства к «Арамко», потому что Тарики в лучшем случае смотрел на «Арамко» свысока, а то и вообще ее игнорировал.

В самом деле, Тарики воздвиг между собой и «Арамко» искусственный барьер, запретив менеджерам компании обращаться к министру напрямую, так как это нарушало бы иерархию рангов. Если им нужно было решить какой-нибудь вопрос, они должны были писать генеральному директору в

Даммам, а тот пересылал всю корреспонденцию в Эр-Рияд, где и готовили ответ. Этот ответ затем возвращали генеральному директору, он его подписывал и отсылал в «Арамко».

Ямани начал с того, что изменил этот порядок. Теперь корреспонденция поступала непосредственно к нему.

Согласно другому правилу, установленному Тарики, в тех случаях, когда председатель «Арамко» желал побеседовать с министром, он должен был обратиться с соответствующей просьбой, а затем несколько дней ожидать, пока тот назначит время аудиенции. Когда же председатель приезжал, Тарики нередко заставлял его ждать в приемной.

Ямани упразднил и это правило.

— Если председатель «Арамко» хотел меня видеть, я принимал его тут же и никогда не заставлял ждать. Помню, когда я сообщил о новом порядке работы, мои секретари были крайне удивлены. Они сказали, что людям из «Арамко» нельзя мирволить. Но я заявил, что буду поступать именно так.

Освоившись на новой работе, Ямани начал искать свое собственное лицо и в картеле ОПЕК, переживавшем в ту пору процесс становления.

— Еще в 1962 г. ОПЕК была организацией, о которой никто и слыхом не слыхал. Когда она была создана, нефтяные компании встретили в штыки саму эту идею. Они не желали слышать слово «ОПЕК», не желали разговаривать с представителями ОПЕК. Они даже отказывались посылать корреспонденцию по адресам, в которых упоминалась ОПЕК.

Было ясно, что ОПЕК не выживет, если не добьется серьезного признания со стороны ведущих нефтяных компаний. И Ямани, видя, что гора не идет к Магомету, решил, что ОПЕК сама должна тем или иным способом заставить компании считаться с ее существованием.

Некоторое время он обдумывал путь, которым можно было достигнуть поставленной цели, но в конце 1962 г. возникла чрезвычайно удобная ситуация, какую нельзя было и придумать.

Группа экспортеров нефти должна была обсуждать вопросы, касавшиеся некоторых платежей, с группой нефтяных компаний. Ямани, представлявший Саудовскую Аравию, как правило, имел дело только с «Арамко». Он знал: стоит ему сказать четырем компаньонам «Арамко», что им предстоит встретиться с министрами ОПЕК, те сейчас же скажут: мы не хотим иметь дело с ОПЕК. Поэтому он добился от остальных экспортеров согласия на то, чтобы Саудовская Аравия представляла их интересы в переговорах со всеми нефтяными компаниями.

— Я пригласил компании на переговоры с Саудовской

Аравией. Поскольку Саудовская Аравия была их партнером, они не могли не явиться. А рядом с собою я усадил некоторых членов ОПЕК. Я сообщил нефтяным компаниям, с кем они имеют дело, но сказал, что все эти люди выступают под флагом Саудовской Аравии. По правде говоря, теперь им просто некуда было деться. Формально они вели переговоры с Саудовской Аравией, а по существу — с ОПЕК.

Так была пробита первая брешь в стене.

Зарегистрированная в соответствии с Уставом ООН, Организация стран — экспортеров нефти первоначально базировалась в Женеве. Но Швейцария не пожелала предоставить ей статус посольского учреждения. Поэтому Ямани предложил перенести штаб-квартиру ОПЕК в Вену. Как он признается теперь, это было обусловлено двумя важными причинами. Во-первых, австрийцы обеспечивали ОПЕК дипломатическое признание, которое было ей совершенно необходимо; во-вторых, в Вене лишь один городской квартал отделял самого Ямани от лучшей оперы мира.

* * *

4 июня 1967 г., когда отношения между Израилем и Египтом обострялись с каждым часом, сирийцы, иракцы и египтяне призвали все арабские страны в случае войны полностью прекратить экспорт нефти.

На следующий день Израиль атаковал Египет.

То, что Сирия, Ирак и Египет сделали такое заявление всего за день до начала шестидневной войны, едва ли было простым совпадением. Вот что говорит по этому поводу Ямани:

— Нападение израильтян на Египет не было неожиданностью. Но никто не знал, когда и где оно произойдет. Президент Насер был заранее предупрежден американцами. От него мы и узнали, что Израиль готовится начать войну.

Ничего неожиданного не было и в призывах использовать нефть как политическое оружие.

Нефть не впервые оказалась стержневым элементом большой политики: так было во время событий 1953 г. в Иране, когда был свергнут режим Моссадека и шах вновь воссел на Павлиний трон, передав право распоряжаться иранской нефтью международному консорциуму. В 1956 г., когда Абдель Насер национализировал Суэцкий канал, нефть вновь выступила в этом качестве. Египтяне блокировали канал, сирийцы перекрыли иракский трубопровод, тянувшийся к Средиземному морю, и Соединенные Штаты были

вынуждены спасать Европу, компенсируя острый топливный дефицит.

К тому же за одиннадцать лет, отделявших июньскую войну от Суэцкого кризиса, зависимость европейских стран от арабской нефти резко возросла: теперь они покупали почти втрое больше, чем раньше. Сирия, Ирак и Египет не сомневались, что Запад нуждается в ней больше, чем арабы в западных партнерах. На совещании арабских стран — экспортеров нефти, состоявшемся в Багдаде, они предложили начать нефтяной бойкот.

Ямани встретил этот призыв без малейшего энтузиазма.

— Полное прекращение экспорта невозможно, — пытался он образумить своих арабских коллег, — а частичное бесполезно.

Сирийцев его слова привели в ярость. Один из руководителей сирийской делегации бросил Ямани в лицо:

— Мы вас раздавим!

Это был первый из многочисленных случаев, когда Ямани угрожали смертью.

Ямани понимал: сирийцы будут делать все, что в их силах, лишь бы сохранить свой престиж. Он понимал также, что, если ему не удастся найти должный ответ, престиж утратит он сам. Поэтому он посмотрел прямо в глаза кричавшему и, призвав все свое мужество, сказал:

— Я вам помогу: скажу, когда наиболее удобно осуществить этот план. Сразу после полуночи я вернусь в гостиницу из клуба. Я буду один. Лучшего времени вы не найдете.

Все, кто сидел за столом заседаний, были потрясены.

Сирийцы выскочили из зала.

Друзья Ямани умоляли его немедленно покинуть Багдад и вернуться в Саудовскую Аравию. Но Ямани не хотел отступать. Не меняя начального плана, он отправился в клуб и, как обещал, ушел оттуда сразу после полуночи.

Верный своему слову, он вернулся в гостиницу один. Но сирийцы, по-видимому, решили не приводить угрозу в исполнение.

Ямани не склонен думать, что спасся благодаря своей дерзкой браваде. Напротив, он объясняет благополучный исход общей атмосферой униженности, которая господствовала тогда в арабском мире.

— Сирийским руководителям попросту не хватило духу.

После этих событий Ямани попытался предостеречь своих коллег.

— Если мы будем использовать нефтяное оружие без должной рассудительности, то уподобимся человеку, который не глядя палит перед собой, не попадает во врага и рикошетом

ранит самого себя.

Он как в воду глядел. В конечном счете воинствующие арабские страны насолили только себе, и никому другому. Они жестоко просчитались в своей оценке международной ситуации.

Начнем с того, что в нефтяном эмбарго не были заинтересованы саудовцы. Дипломатические отношения между Саудовской Аравией и Египтом находились на небывало низком уровне из-за войны в Йемене. К тому же Саудовская Аравия вообще не могла пойти на прекращение добычи нефти, поскольку тут же лишилась бы попутного газа, который был ей необходим для производства электроэнергии. Такая же судьба постигла бы и соседний Кувейт, который вдобавок остался бы без питьевой воды, так как без электричества не могли работать опреснительные установки.

Кроме того, Соединенные Штаты — главный враг, против которого задумывался бойкот, — были совершенно неуязвимы. В ту пору потребности Америки в нефти еще могли удовлетворяться из источников, находившихся в Западном полушарии.

У такой страны, как Венесуэла, не было никаких причин присоединяться к арабам. То же можно было сказать и об Иране. Оба этих государства в два счета нажили кучу денег, заняв освободившееся место на мировом рынке.

И даже Ливия в скором времени повернулась спиной к своим арабским братьям, увеличив экспорт нефти в Западную Германию.

Арабские экспортеры не смогли установить для себя потолочные квоты. Их голоса звучали разрозненно и нестройно. Сколь-либо ощутимый дефицит на мировом рынке создать не удалось.

Попытка использовать нефтяное оружие кончилась безусловным, позорнейшим крахом.

Тем не менее арабы извлекли из своей ошибки несколько очень полезных уроков. Один из них состоял в том, что арабским странам не приходится рассчитывать на поддержку неарабских экспортеров. Поэтому они отнеслись с благосклонностью к идее создания Организации арабских стран — экспортеров нефти (ОАПЕК), которую выдвинул Ямани.

— Я полагал, что такая организация сможет выполнять две функции. Одна из них носила политический характер. До сих пор вопросы, связанные с арабской нефтью, решались в рамках Лиги арабских государств. Это казалось мне неправильным, поскольку на решения, принимаемые Лигой, оказывали влияние и многие из тех стран, которые не имели своей нефти. Когда на встречах в

Багдаде в июне и в августе 1967 г. обсуждалась возможность использования нефти в качестве политического оружия, немногочисленные нефтедобывающие страны подверглись серьезному давлению со стороны Египта и Сирии. Именно там впервые рассматривался план введения эмбарго, и там же мне в голову пришла мысль об учреждении арабской нефтяной организации. Я поделился этой мыслью с кувейтским министром и сказал, что нам нужно всерьез задуматься над созданием организации, в которой арабские экспортеры нефти могли бы обсуждать свои проблемы сами, без постороннего вмешательства.

Кувейтцу эта идея понравилась, и Ямани решил обсудить ее с Фейсалом.

— Я не стал сообщать об этом плане иракскому правительству, так как оно было слишком радикальным. Я вообще не хотел, чтобы иракцы узнали о нем раньше времени. Сначала мою идею должен был поддержать король Фейсал. Он дал согласие, и я написал проект устава будущей организации. Этот проект я показал кувейтцам, и они его одобрили. Тогда я направил его ливийцам, и они тоже его приняли. Только в 1968 г. мы послали наш проект иракцам, которые отвергли большинство пунктов предложенного устава и категорически отказались к нам присоединиться.

Ирак очень быстро сообразил, что организация, которую хочет создать Ямани, устроена совершенно неприемлемым для него образом.

— Мы не хотели, чтобы они присоединялись к нам с самого начала. Наш план предполагал, что ОАПЕК будет коммерческим союзом, а не политическим, чего желали бы иракцы, — признается Ямани.

В 1970 г. в ОАПЕК были приняты Алжир, Абу-Даби, Бахрейн, Дубай и Катар. Ирак примкнул к остальным лишь годом позже. Когда в октябре 1973 г. началась война «судного дня», страны ОАПЕК уже действовали сообща.

Тогда-то Ямани и убедил своих собратьев, что нефть действительно можно использовать как политическое оружие, но для этого нужен правильный подход.

Покорение «Арамко»

В течение всех 60-х гг. Ямани был вынужден часто менять место проживания, переезжая вместе с королем то в Эр-Рияд, то в Джидду, то в Таиф.

В 1964 г. распался его первый брак.

— Мой брак оказался неудачным, и мы расстались. Я оставил дом в Эр-Рияде, где жила моя семья, и решил жить в гостинице — так мне было легче.

Ямани снял на длительный срок номер на первом этаже отеля «Аль-Ямама»; вскоре он перестроил этот номер, сделав для себя отдельный вход, выводивший в тенистый палисадник. Получилась небольшая квартирка с одной спальней, которую никак нельзя было назвать роскошной. Спустя несколько лет Ямани расширил свои апартаменты, добавив к ним еще две комнаты, и, застеклив террасу, стал использовать ее как библиотеку и гостиную.

В отеле «Ямама» он прожил больше пятнадцати лет.

Вскоре после своего переезда в отель Ямани почувствовал, что в ближайшем будущем ему неизбежно придется дать бой четырем совладельцам «Арамко». Впервые он продемонстрировал серьезность своих намерений, заключив бартерную сделку с Румынией (саудовская нефть была поставлена в обмен на товары). Тем самым он дал американцам понять, что в случае необходимости Саудовская Аравия найдет сбыт для своей нефти.

Но некоторые религиозные группировки внутри страны выступили против подобных сделок. Они считали, что Саудовская Аравия не должна иметь контактов со странами коммунистического блока. И стали оказывать давление на Ямани, требуя, чтобы он подал в отставку.

Ко всему этому добавлялись переживания, вызванные распадом семьи, и Ямани решил пересмотреть свои жизненные планы.

— Я сказал королю Фейсалу, что хочу уйти из правительства и вернуться к своей юридической практике. Но он ответил: «Я тебе этого не позволю, как не позволил бы уйти из дома родному сыну». И я остался.

Чем дольше Ямани находился на своем посту, тем яснее понимал, что в нефтяную политику Саудовской Аравии необходимо внести серьезные коррективы. И убеждался, что саудовцы непременно должны забрать «Арамко» в свои руки.

— Я всегда верил, что Саудовская Аравия рано или поздно сама будет владеть и распоряжаться своими природными

ресурсами. Эта вера не покидала меня с первого дня, когда я пришел в министерство. Разумеется, поначалу я говорил лишь о частичном участии Саудовской Аравии в капитале компаний. Но не приходится объяснять, что такое участие рассматривалось мною лишь как первый шаг в нужном направлении. Впрочем, в самом начале своей карьеры я едва ли сознавал это до конца. Разумеется, в то время я еще не вполне ясно представлял себе, к чему стремлюсь. Но очень скоро для меня стало абсолютно очевидно, что, начав с доли участия в 25%, мы должны со временем договориться о 51%, а может быть, и о большей цифре.

Но чего уж точно Ямани не сказал бы «в самом начале», так это того, что «цифра, о которой мы должны договориться» в один прекрасный день составит все 100%.

— Нет, я поставил вопрос не совсем так. И к тому же не сразу, а несколько позже. Я предпочитал говорить о «полном участии». При этом я имел в виду, что мы будем получать от другой стороны помощь в области технологии и маркетинга и напрямую включимся в распределение и торговлю нефтепродуктами. Именно этот вид участия, по моему постоянному убеждению, наиболее отвечал нашим интересам. Что касается лично меня, то я никогда не менял своей позиции. Моей целью было создание таких условий, при которых мы станем полноправными собственниками и сможем сами распоряжаться нефтью, которая находится в недрах нашей земли.

Но, выступая в 1968 г. в Американском университете Бейрута (АУБ), Ямани пел совсем по-другому.

В речи, которая ныне расценивается как поворотный пункт в отношениях Саудовской Аравии с четырьмя совладельцами «Арамко» и как важнейшая веха в деловых отношениях между Западом и всеми нефтедобывающими странами, Ямани говорил о различиях между национализацией и участием в капитале.

По его образному выражению, союз стран-экспортеров с нефтяными компаниями должен стать «нерасторжимым, как католический брак». Он выразил уверенность, что ничто не свяжет нефтяные компании со странами-экспортерами так прочно, как участие последних в активах компаний. Хотя, допустил Ямани, сами нефтяные компании могут смотреть на это несколько иначе.

— Некоторые из этих компаний, — сказал он далее, — ослеплены величием империи, которую они построили. Чтобы создать эту поистине огромную державу, они потратили несколько десятилетий. А теперь они видят в своих владениях незваных гостей, все эти местные компании, которые зарятся на кусок лакомого пирога, чего, конечно, западные компании никак

не ожидали… Возглавив министерство, — признается Ямани, — я предполагал что добьюсь выкупа в течение десяти лет. Но тогда я был очень молод и, возможно, торопился чуть больше, чем следовало. С возрастом я стал более терпелив и расположен к ожиданию. Тем не менее мы постоянно готовили почву для осуществления этого плана, исходя из известной концепции, которая на языке права называется «изменившимися обстоятельствами». Время от времени мы заговаривали об этом с менеджерами «Арамко», и они относились к нашим идеям с пониманием. Мы готовили условия для выкупа акций компаний по меньшей мере четыре года, и лишь затем я начал открыто к этому призывать.

Выступая в АУБ, Ямани объяснил, что арабы ставят своей целью участие в капитале, во-первых, для того, чтобы прямым или косвенным образом помочь ведущим нефтяным компаниям поддерживать уровень цен; во-вторых, для того, чтобы усилить позиции национальных компаний в торговле готовыми нефтепродуктами, «не нанося ущерба ни нам, ни другим заинтересованным сторонам».

Ямани предлагал комплексную сделку. Получив долю в капитале, арабы были готовы перейти к постепенной интеграции на здоровой коммерческой основе.

— Я излагал свои идеи в самом общем виде. Но не оставил места недомолвкам, заявив, что, по моему глубокому убеждению, Саудовская Аравия должна сама распоряжаться своими природными ресурсами. Таким образом, я стремился к той же цели, что и Тарики. Но он хотел прийти к ней, используя политическую силу. Я же понимал, что это невозможно. Поэтому одним из первых шагов, которые я предпринял на посту министра, было основание национальной нефтяной компании и нефтяного университета.

Ямани был убежден, что Саудовская Аравия не сможет перейти к участию в капитале до тех пор, пока ее университет не начнет выпускать собственных инженеров, ученых и менеджеров, в которых нуждалась национальная нефтяная компания.

К середине 60-х гг. Университет нефти и полезных ископаемых в Дахране развернул свою деятельность в полную силу; то же можно было сказать и о национальной нефтяной компании «Петромин».

Ямани считает основание университета одной из наиболее значительных своих заслуг. Это было первое учебное заведение такого рода в нефтедобывающих странах, до сих пор остающееся самым большим на Ближнем Востоке. Учебная программа была разработана группой профессоров из Массачусетского

технологического института, Принстона и АУБ, преподавание велось исключительно на английском языке. В год открытия университета было принято 100 студентов. В наши дни здесь обучается около 3000 человек, специализирующихся по различным предметам общего и прикладного машиностроения, теоретической науки и организации производства. При университете существует также крупный научно-исследовательский центр.

Любопытный штрих: сразу же после смещения Ямани с министерского поста университет получил новое название. По не вполне понятным причинам он называется теперь Университетом нефти и природных ресурсов имени короля Фахда.

— Работники «Арамко» с самого начала мешали мне создать университет, — продолжает Ямани, — потому что понимали, куда клонится дело. Они знали, что я хочу включиться в нефтяной бизнес и принимать непосредственное участие в их деятельности. А как только это случится, следующим моим шагом будет прямой выход на рынок. Разумеется, я стремился получить долю в капитале с самого первого дня. Но я предпочитал об этом не говорить, ожидая удобного момента. В 1968 г. в Бейруте я счел, что такой момент наступил.

Реакция нефтяных компаний на речь Ямани в АУБ была столь же недвусмысленной, как и содержание самой речи. Они были предельно разгневаны и не скрывали намерения дать решительный отпор. Тут не было ничего странного: Ямани посягал на то, что они считали своей вечной собственностью.

— Их враждебность меня нисколько не удивила. Речь ведь шла не просто о куче денег. Коренная перемена статуса — вот что выводило их из себя. Они утрачивали полноту контроля, которой пользовались раньше. «Арамко» должна была претерпеть решительную перемену. Нам открывался свободный доступ ко всей информации. А этого им ох как не хотелось.

Еще бы!

Боб Бругэм, тогдашний президент «Арамко», понимал, что Ямани собирается в будущем прибрать к рукам все 100%, и заявил ему, что реализация подобных планов нанесет ущерб Соединенным Штатам:

— Если вы заберете у американцев все, они утратят интерес к Саудовской Аравии.

— Мы не забираем все, — ответил Ямани. — Взамен мы предоставляем вам надежный источник снабжения.

— Этого недостаточно, — настаивал Бругэм.

— Вполне достаточно, — провозгласил Ямани, убежденный, что время для участия в капитале «Арамко» наступило.

«Арамко» не собиралась сдаваться без боя. Впрочем, некоторые члены администрации говорили в узком кругу, что стоило бы вступить с саудовцами в переговоры и как можно скорее заключить мир. Бругэм и Майк Амин даже составили записку, в которой поддержали идею участия Саудовской Аравии в капитале, утверждая, что лучше сейчас поступиться малым, чем впоследствии отдать все. Однако четыре учредителя в Соединенных Штатах полностью исключали этот вариант. По-видимому, в Нью-Йорке и в Сан-Франциско никто не понимал истинного смысла речи Ямани. А он был прост: либо вы отдадите сами, либо мы и так возьмем.

В сущности, Ямани шел тем же путем, что и Тарики. Но Джордж Балу и здесь отмечает принципиальное различие в поведении этих двух людей:

— Тарики в последнее время перед отставкой все чаще и чаще вел себя как политик. После первого арабского нефтяного конгресса он даже выступил с серией публичных лекций, в которых поучал, какими соображениями должен руководствоваться арабский политический деятель. Тут и следует искать причину его отставки. Тарики влез в политику слишком глубоко. Ямани же никогда не зарывался и воздерживался от неразумных претензий. Но это, конечно, не значит, что он раскрывал все свои карты.

* * *

После окончания второй мировой войны цена на нефть определялась двумя способами, не имевшими между собой ничего общего.

В течение 50-х и большей части 60-х гг. цена определялась нефтяными компаниями, которые стремились поддержать ее стабильный уровень и делали это посредством регулирования добычи, в полном соответствии с действием рыночных сил: когда спрос возрастал, они увеличивали добычу, когда спрос падал, они уменьшали добычу.

В конце 60-х годов ситуация резко изменилась. Мировой спрос на нефть в это время начал превышать мировое предложение. Когда в июне 1967 г. был надолго перекрыт Суэцкий канал, средиземноморские экспортеры — Ливия, Алжир и Ирак — нашли для своей сырой нефти значительно более широкий рынок сбыта. К концу 1969 г. — что совпало с военным переворотом, который возглавил двадцатисемилетний армейский лейтенант Муаммар Каддафи, — Ливия удовлетворяла более

четверти общеевропейской потребности в нефти.

Теперь мир разделился на два четко различавшихся лагеря.

К одному принадлежали продавцы нефти.

К другому — ее покупатели.

Многие историки считают, что человеком, навсегда расколовшим мир на эти два лагеря, был Заки Ямани, и произошло это в результате его стремления к участию в капитале «Арамко».

— Нет, это не так, — категорически отвергает их выводы Ямани. — К чему идет дело, было ясно уже много лет. В 50-х и 60-х гг. единственной силой, определявшей цены на нефть, была группа нефтяных компаний. Они полностью координировали свои действия с ведущими западными странами-импортерами. У компаний была возможность играть на разнице. Нам они платили нашу долю, исчислявшуюся на основе справочной цены. В 50-х годах они манипулировали справочной ценой совершенно произвольно, время от времени ее снижая и уменьшая тем самым наши доходы. В последний раз они снизили цену в августе 1960 г. Фактически создание ОПЕК было не чем иным, как устрашающей мерой по отношению к нефтяным компаниям.

— Между 1968 и 1971 г., — говорит Ямани, — нефтяные компании наконец уразумели, что они больше не могут обращаться со странами-экспортерами так же, как до войны 1967 г.

В мае 1970 г. произошел странный инцидент. На территории Сирии был сильно поврежден трубопровод «Таплайн», который тянулся из Саудовской Аравии к средиземноморскому порту Сидон. Сирийцы — по своим собственным соображениям — не разрешили проводить на «Таплайне» ремонтные работы. И на восемь месяцев подача нефти по трубопроводу была прекращена. Объем поставок сократился почти на полмиллиона баррелей в сутки, и это мгновенно ощутили в Европе. Впервые в истории нефтедобычи цены на нефть резко пошли вверх. В считанные дни они подпрыгнули на 50 центов.

Ухватившись за идеальную возможность вбить клин между странами-экспортерами Персидского залива, американцы попытались наладить прямой контакт с иранским шахом, предложив ему увеличить закупки в обмен на гарантию устойчивых товарных поставок. Но тут сказались всегдашние естественные разногласия между Ираном и Саудовской Аравией: узнав, что шах изучает возможность сепаратного контракта, Ямани встал на его пути.

— Мы заявили шаху, что не намерены спокойно наблюдать, как он обделывает свои дела вне рамок ОПЕК. Это его ужасно

разозлило, ибо он надеялся извлечь из сепаратного соглашения с американцами максимальные барыши.

Чтобы умиротворить саудовцев, американцы предложили несколько увеличить закупки одного из сортов саудовской сырой нефти. Ямани отверг это предложение, по-прежнему противодействуя шаху.

Начался фантастический покер — со ставками, которых не знала мировая история.

Увидев, что спрос на его нефть быстро возрастает, Каддафи велел сократить добычу. Он объявил, что бережет ливийскую нефть. Но затем предложил нефтяным компаниям пересмотреть прежние условия концессий. Ямани вел переговоры с каждой компанией в отдельности, откровенно используя тактику «разделяй и властвуй». И вынудил их повысить цены. В течение полугода доходы Ливии возросли почти на 30 центов за баррель.

После этого высоких цен возжаждали и остальные экспортеры.

Некоторым из них удалось поднять уровень отчислений от прибыли до 55%.

В декабре 1970 г. ОПЕК приняла резолюцию, призывавшую немедленно начать переговоры с нефтяными компаниями, на которых были бы определены размеры прироста отчислений от прибыли для всех ее членов. Картель даже установил минимальный уровень отчислений — 55% и потребовал повсеместного и согласованного повышения цен.

Тут же заявлялось, что в случае безрезультатности предстоящих переговоров картель будет вынужден принять односторонние меры.

Переговоры должны были начаться 12 января в Тегеране.

За неделю до совещания Венесуэла подняла уровень отчислений с 50 до 58%.

Затем нефтяным компаниям предъявил ультиматум Каддафи. Все компании, базирующиеся в Ливии, должны были поднять отчисления от прибыли, производить платежи не ежеквартально, а ежемесячно, и в обязательном порядке увеличить капиталовложения в ливийскую экономику — как в нефтяную промышленность, так и в другие отрасли. Эти условия не подлежали обсуждению — отказ подчиниться означал немедленную национализацию.

Охваченные паникой, в Вашингтон срочно съехались представители Соединенных Штатов, Великобритании, Франции и Голландии. Правительства этих четырех стран решили объединить усилия и оказать решительную поддержку компаниям «Экссон», «Шеврон», «Бритиш петролеум», «Галф», «Мобил» и

«Тексако».

Однако встреча в Тегеране очень быстро приобрела неуправляемый и хаотичный характер. Компании хотели видеть всех экспортеров за одним столом переговоров. Но представители ОПЕК — Ямани, иранский министр финансов Ямшид Амузегар и иракский министр нефти Саадун Хамади — настаивали на раздельных переговорах для стран Персидского залива и стран Средиземноморья.

Президент Никсон немедленно направил в Тегеран специального посланника. Это был помощник государственного секретаря Джон Ирвин-второй, позже ставший послом США во Франции. Он со всей твердостью заявил шаху, королю Фейсалу и эмиру Кувейта, что Америка не согласна разделять переговоры надвое. Соединенным Штатам явно не хотелось играть в чехарду. Но ливийцы наотрез отказались вести переговоры совместно со странами Персидского залива, и в конце концов компании были поставлены перед свершившимся фактом.

В начале переговоров с экспортерами Персидского залива компании предложили увеличить цену на 15 центов за баррель.

Ямани, Амузегар и Хамади предложили другую цифру: 54 цента.

Компромиссное соглашение, к которому пришли участники переговоров, предполагало немедленное повышение цены на 35 центов, с последующим ежегодным повышением на 2,5% плюс дополнительная ежегодная пятицентовая надбавка в течение пяти лет, на которые было рассчитано соглашение.

Когда переговоры переместились в Триполи, ливийцы потребовали увеличить цены на 12 долларов за баррель. В результате они получили 90 центов и ряд других уступок, выторговав себе гораздо лучшие условия, чем страны Персидского залива.

— Если нефтяные компании не притворялись, заявляя, что потрясены происходящим, — говорит Ямани, — то им следовало пенять только на себя. Они должны были понимать, что рост потребления нефти рано или поздно приведет к дефициту предложения и это вызовет резкий скачок цен. Тут не нужно обладать какими-то особенными способностями, достаточно знать простые правила арифметики. Этого просто не могло не случиться. Предотвратить это было невозможно. Но они и в ус не дули, пока не пробил роковой час.

Соглашения, заключенные в Тегеране и Триполи, оказались недолговечными: они были нарушены до истечения предусмотренного пятилетнего срока. События в мире смешали все карты; никто уже не думал соблюдать свои обязательства.

ОПЕК, отложив в сторону вопрос о ценах, потребовала участия в капитале. В июле 1971 г. картель одобрил резолюцию, призывавшую ее членов предпринять неотложные шаги в этом направлении.

Затем Каддафи национализировал «Бритиш петролеум».

Это напугало другие нефтяные компании, и 15 января 1972 г. в Женеве между ними и шестью странами ОПЕК начались переговоры об участии последних в капитале. Последним сроком для перехода к новому принципу ОПЕК назначила конец года.

Через месяц переговоры зашли в тупик.

По поручению четверки совладельцев «Арамко» председатель компании «Экссон» обратился к президенту Никсону с просьбой заступиться за них перед королем Фейсалом. Никсон направил Фейсалу послание, где, в частности, говорилось, что «Ямани занял неразумную позицию, которая нанесет величайший ущерб интересам Саудовской Аравии».

Получив это послание, Фейсал немедленно вызвал к себе Ямани. Он был возмущен.

— Никсон говорит, что ты слишком резок. Нет, он увидит, кто на самом деле резок!

Они вместе набросали короткий ответ нефтяным компаниям, который был оглашен по саудовскому радио. Этот ответ состоял всего из двух фраз.

— Мы приложим все усилия, чтобы заключить соглашение об участии в капитале, — заверил компании Фейсал. — Если же вы откажетесь от сотрудничества, мы будем вынуждены предпринять иные меры, чтобы достигнуть наших целей.

Итак, вмешательство Никсона лишь осложнило ситуацию.

3 марта 1972 г. нефтяные компании попытались вывести из игры остальных экспортеров, предложив заключить быстрое и выгодное соглашение непосредственно с саудовцами. Но Ямани тут же отверг это предложение, не скрывая от совладельцев «Арамко» своего личного недовольства их поведением.

— Подобные маневры убедили нас окончательно, что мы должны готовиться к серьезному сражению, — велел передать он в «Арамко».

Ямани не шутил, и в «Арамко» это хорошо понимали. Через неделю четыре компании согласились на немедленный переход к 20-процентному участию Саудовской Аравии в капитале «Арамко». Не прошло и месяца, как Ирак объявил, что добился 25-процентного участия, а Абу-Даби, Катар и Кувейт известили о переходе также к 20-процентному участию в капитале компаний, действовавших в этих странах.

Венесуэльцы и индонезийцы подхватили почин, потребовав

51-процентного участия в капитале компании «Шелл», но им ответили, что компания на это не согласится и, коли на то пошло, предпочтет 100-процентную государственную собственность на основе долгосрочных контрактов.

В июне Ирак национализировал «Ирак петролеум компани».

Месяцем позже Иран вышел из переговоров об участии в капитале, объявив, что он заключил сепаратное соглашение с действовавшим на его территории консорциумом.

Переговоры продолжались в течение всего лета 1972 г.; на нефтяном рынке, как и раньше, царило глубокое смятение.

ОПЕК по-прежнему угрожала компаниям национализацией, если соглашение об участии стран-экспортеров в капитале не будет достигнуто. То же самое делал и король Фейсал.

В сентябре Ямани выступил в Лондоне на симпозиуме стран Северного моря, развивая главным образом те же идеи, которые он высказал в своей речи в АУБ четыре года назад.

— Участие в капитале — это то, что мы предлагаем вместо национализации, — услышали из его уст представители средств информации.

Трудно было выразиться яснее.

Имея мало возможностей для выбора, четыре совладельца «Арамко» согласились на 25-процентное участие Саудовской Аравии с последующим поэтапным увеличением ее доли до 51% к 1982 г. Соглашение предусматривало также выплаты за простые акции, рассчитываемые на основе текущих цен, — компании должны были получить их в течение трех лет.

Каждая из американских компаний имела собственного представителя в команде, которая вела переговоры с Ямани. «Экссон» была представлена своим первым вице-президентом Джорджем Пирси, ветераном переговоров в Тегеране и Триполи.

— Встреча в Тегеране имела мало общего с переговорами об участии стран-экспортеров в капитале нефтяных компаний, — вспоминает Пирси. — Сам Ямани держался совсем по-другому. В Тегеране он был не один, рядом находились Амузегар и Хамади. И поведение наших партнеров зачастую граничило с нечестностью. Для Ямани быть впутанным в какие-либо махинации, нарушать данное слово было просто неслыханным делом. Мы спрашивали себя: высказывает ли он собственное мнение или, как послушный слуга, всего лишь исполняет, что ему велели? Порою казалось, что на него оказывает давление кто-то вне королевства. С каждым днем это проявлялось все очевиднее. К концу тегеранской встречи он стал особенно несговорчив и вел себя крайне надменно. Впрочем, надменность сквозила в его поведении и раньше — это было видно по тому, как Ямани

относился к другим министрам нефти. Он почти никогда не считался всерьез с их мнением. Амузегар был исключением; он в интеллектуальном отношении не уступал Ямани. Но всех остальных Ямани просто тиранил.

Ямани решительно это отрицает.

— Я всегда обходился с другими министрами очень уважительно, включая тех, с которыми у меня были разногласия. И никогда не давал повода для упреков в надменности.

Так или иначе, переговоры об участии в капитале — в отличие от встреч в Тегеране и Триполи, носивших строго официальный характер, — проходили в сравнительно непринужденной обстановке.

Сначала местом переговоров был дом Ямани в Ливане.

Ямани купил его за несколько лет до описываемых событий. Дом находился в пригороде Бейрута и стоял на вершине холма, откуда открывалась необыкновенно широкая и красивая панорама. Он был построен над катакомбами, в которых Ямани нашел замечательные мозаики: впоследствии эти мозаики были вмонтированы в декор плавательного бассейна.

Четверо американцев, представлявших нефтяные компании, встречались здесь с Ямани каждое утро: обычно они беседовали на открытом воздухе, возле бассейна, а когда приходило время, вместе, как старые друзья, садились за обеденный стол. Каждый старался найти решение, которое удовлетворило бы всех.

— Нельзя сказать, что саудовцы держали пистолет у нашего виска, — продолжает Пирси. — Обе стороны вели себя достойно. Компании в то время были абсолютно необходимы, только они могли вести дело. Мы понимали, что саудовцы хотят распоряжаться своими природными ресурсами, и не спорили с тем, что они в любой момент могут объявить о национализации. Но, полагаю, в ту пору Саудовская Аравия очень заботилась о своем международном престиже. Встречи носили теплый, дружественный характер, — добавляет Пирси, — но при этом Ямани никогда не торопился с уступками и ни на мгновение не ослаблял хватки.

Некоторые пункты будущего соглашения он обсуждал раздельно с каждой компанией: ведь, когда переговоры подходят к трудному этапу, нередко оказывается удобнее вести их один на один. Но Ямани никогда не пытался стравить компании между собой; он к этому вовсе не стремился… Впрочем, не подумайте, что он упускал из виду свою цель. Ямани — искуснейший дипломат.

В отличие от рыбаков, которые любят рассказывать, как рыба сорвалась с крючка, специалисты по переговорам явно

предпочитают истории о том, как им удалось вытащить ее на берег. Однажды на переговорах в Ливане, во второй половине дня, вспоминает Пирси, Ямани сделал предложение, на которое он, Пирси, ответил отказом. На этом переговоры в тот день и кончились. На следующее утро четверо американцев, как обычно, собрались возле бассейна. Когда появился Ямани, они молча пили сок. Ямани поздоровался, сел и, обращаясь непосредственно к Пирси, повторил свое вчерашнее предложение. Пирси вновь его отклонил.

Ямани пожал плечами и сказал:

— Коли так, не вижу никакого смысла продолжать встречу.

Пирси остался сидеть на своем месте и внимательно смотрел на Ямани, не говоря ни слова.

Прошло довольно много времени. Ямани тоже сидел на своем месте и внимательно смотрел на Пирси. И тоже не говорил ни слова. Как вспоминает Пирси, молчание длилось несколько минут.

Потом, словно забыв о неразрешимом противоречии и уже не угрожая покинуть встречу, Ямани стал просто говорить о чем-то другом. И началось обычное утреннее заседание.

Вскоре после начала бейрутских переговоров местные власти уведомили Ямани, что политическая ситуация становится все более нестабильной. По их мнению, в другой стране американцы чувствовали бы себя гораздо безопаснее. Поэтому переговоры были перенесены в Эр-Рияд и продолжались в кабинете Ямани.

Само собой понятно, что в Ливане Ямани уделял американцам все свое внимание. Но в Саудовской Аравии, по словам Пирси, им пришлось выдерживать жестокую конкуренцию.

— Как бы ни был занят Ямани, он всегда находил время для своей семьи. Дома у него был настоящий проходной двор. Без конца являлись какие-то посетители и мешали вести беседу. Да и собственные его дети каждую минуту входили в комнату, где мы сидели.

Завершающая фаза переговоров, на которой были сглажены последние противоречия, длилась немногим меньше месяца.

— Нам пришлось немало повозиться. Оглядываясь назад, я прихожу к выводу, что притязания саудовцев были более чем умеренными. Они хотели лишь частичного совладения, при котором могли бы получать от нас всю необходимую помощь, и проявляли готовность оплатить все сполна, чтобы сохранить свой международный престиж. А ведь во многих странах события приняли совсем другой оборот.

По мнению Пирси, Ямани в глубине души не считал национализацию сколь-либо приемлемым вариантом.

— Но будем откровенны: все козыри были в его руках. А у нас, по правде говоря, козырей было негусто. Западная технология, западный менеджмент, саудовский престиж в мире — вот, пожалуй, и все. Мы предполагали, что сможем сделать предметом обсуждений плату за все ресурсы, которые переходили в их руки. Но они неизменно ограничивали этот вопрос исключительно тем, что находилось над поверхностью земли. Мы не получили ни гроша за запасы нефти, находившиеся в земных недрах, а величина этих запасов была просто фантастической. Единственное, что нам удалось выторговать, — это плату за надземное имущество, что само по себе было немалым достижением, если учесть тогдашнюю международную ситуацию.

Переговоры разрешились джентльменским соглашением только потому, считает Пирси, что совладельцы «Арамко» хорошо знали, с кем они имеют дело.

— Ямани — сердечный, обходительный человек, у него европейские манеры. В ту пору мы нисколько не сомневались в его искренности. Позже стало несколько труднее: не всегда можно было догадаться, к чему он клонит и каковы мотивы его поступков. Ямани очень хорошо понимал американцев. Кроме того, пока король Фейсал был жив, он не испытывал политического давления внутри страны. Кажется, будь Ямани даже родным сыном Фейсала, они не были бы преданы друг другу более горячо. Король целиком и полностью доверял своему министру. Но после смерти Фейсала мы не всегда могли понять, по своей ли воле действует Ямани или следует полученным свыше инструкциям. По-видимому, второе случалось чаще, чем первое.

Пирси прав только отчасти.

После гибели Фейсала Ямани далеко не всегда подчинялся высочайшей воле. И это очень раздражало Фахда.

Участие в капитале нефтяных компаний увеличило доходы стран-экспортеров. Вместе с тем необходимо было и выплачивать компенсацию. Чтобы покрыть издержки, страны-экспортеры в январе 1973 г. подняли цены на нефть. Саудовцы увеличили цену барреля сырой нефти на 15 центов. Абу-Даби надбавил 30 центов. Потом подняли цену иранцы, а вскоре примеру остальных последовали Кувейт и Катар.

В течение всего 1973 г., как и раньше, царила сумятица. Ливийцы прибрали к рукам 51% акций нескольких нефтяных компаний и национализировали остальные. Нигерийцы получили 35% концессий «Шелл-Бритиш петролеум». А Ирак национализировал паи, которыми владели в «Басра петролеум компани» компании «Экссон», «Мобил» и «Ройал датч». Еще до

окончания года — за полных девять лет до обещанного крайнего срока! — осуществил переход к 51-процентному участию в капитале Кувейт. И тогда ОПЕК объявила, что в создавшейся ситуации 51-процентное участие не может быть признано достаточным и удовлетворительным.

— В начале 70-х годов, — поясняет Ямани, — страны-экспортеры стали участвовать в определении цен на нефть наряду с нефтяными компаниями. Мы заключили соглашения в Тегеране, а затем соглашения в Триполи, после чего, действуя совместно с компаниями, подняли цены. Но такое положение дел сохранялось недолго, потому что вскоре произошли слишком большие перемены, и мы почувствовали, что настало время пересмотреть эти соглашения.

Новые переговоры начались в Женеве и должны были продолжиться в Вене.

В это время разразилась октябрьская война.

— Нефтяные компании сочли для себя невозможным и далее играть роль буфера между экспортерами и потребителями. Политические события, равно как и картина спроса и предложения, сделали экспортеров намного сильней, чем раньше. Теперь они могли диктовать цены. Если бы нефтяные компании стали потакать экспортерам и согласились поднять цены до уровня, неприемлемого для потребителей, то им бы пришлось худо. Поэтому компании решили выйти из игры. Они не могли продолжать сотрудничество. Тем самым они еще больше развязали руки экспортерам, которые получили возможность устанавливать цены по собственному усмотрению. Я убежден, что цены поднялись бы и без всякой войны. Это было лишь вопросом времени. Война просто ускорила события. Но так или иначе всем стало ясно: грядет новая эра.

Первый нефтяной кризис

1973 год начался неплохо: было подписано соглашение о прекращении огня во Вьетнаме, и первые американские военнопленные стали возвращаться домой.

Но 7 мая Ричард Никсон бесстыдно солгал американскому народу, поклявшись, что ему ничего не известно о «второстепенном инциденте» — краже со взломом в Уотергейте.

Ровно через три месяца Федеральное бюро расследований публично заявило, что вице-президент Спиро Эгню получил взятку в размере 10 000 долларов.

2 сентября советник президента Генри Киссинджер успешно завершил мини-переворот, в результате которого государственный секретарь Уильям Роджерс был отправлен в отставку, а сам Киссинджер переместился из Белого дома в большой кабинет государственного департамента.

6 октября египетские войска перешли Суэцкий канал, а сирийские войска вторглись на Голанские высоты.

Спустя четыре дня последовала бесславная отставка Эгню.

Еще через шесть дней, когда израильские танки, отразили атаку египтян, пересекли Суэц и Великобритания призвала к временному запрету любых поставок оружия странам Ближнего Востока, администрация Никсона объявила о продаже Израилю партии вооружений стоимостью 2,2 миллиарда долларов.

В течение суток арабские нефтедобывающие страны прекратили поставки нефти во все остальные страны мира, объявив, что эмбарго будет продолжаться до тех пор, пока Израиль удерживает оккупированные территории.

22 октября Израиль, Египет и Иордания согласились принять предложение ООН и прекратить огонь (в дальнейшем, однако, это соглашение неоднократно нарушалось всеми участниками конфликта).

6 декабря на пост вице-президента США был назначен Джеральд Форд, которому предстояло спустя несколько месяцев стать первым в истории Америки президентом, не прошедшим через выборы.

Спустя неделю британский премьер-министр Эдвард Хит предложил в качестве меры по экономии топлива переход к трехдневной рабочей неделе.

А десятью днями позже, 23 декабря, Иран объявил, что цена на нефть, добываемую в Персидском заливе, увеличивается вдвое.

Уходящий 1973 год трудно было помянуть добром.

* * *

Как считает Заки Ямани, нефть и политика всегда были неразделимы и в те годы, когда арабы находились под колониальным владычеством, и после того, как они добились политической самостоятельности.

Но прежде ни одному из арабских государств не удавалось по-настоящему доказать это остальным.

К октябрю 1973 г. мир стал совсем иным.

За шесть лет, прошедшие после июньской войны 1967 г., произошли разительные изменения в структуре нефтяной промышленности, резко возросла зависимость мировой экономики от ближневосточной нефти. Арабо-израильский конфликт сфокусировал внимание всего мира на регионе Ближнего Востока. Арабы неожиданно нашли общий язык и выступили единым фронтом. И когда 17 октября арабские министры нефти пустили наконец в ход нефтяное оружие, оно на этот раз сработало.

Правда, Ямани возражает против использования слова «оружие».

— Почему вы называете это оружием? Не лучше ли сказать, что в данном случае речь шла о политическом инструменте? Оружие используется для того, чтобы причинять людям боль; политический инструмент — для того, чтобы добиться нужных политических результатов, вызвать благоприятные политические изменения. Мы не считали возможным использовать нефть как оружие, потому что это был далеко не лучший путь к подлинному сотрудничеству с Западом, и особенно с Соединенными Штатами. Но король Фейсал расценивал американскую политику на Ближнем Востоке как предельно одностороннюю. Он не раз давал Западу понять, что Соединенные Штаты, представляя на переговорах интересы Израиля, должны были бы найти мирное решение палестинской проблемы и проблемы территорий, оккупированных Израилем в ходе июньской войны 1967 г. Использование нефти как политического инструмента было мерой, которую мы приберегали на крайний случай, если достигнуть этих целей не удалось бы никакими иными средствами.

В сентябре 1952 г., выступая в Институте Ближнего Востока в Джорджтауне, Ямани сказал, что в 1982 г. его страна будет добывать 20 миллионов баррелей в сутки и что это количество нефти удовлетворит с лихвою любые мыслимые потребности Соединенных Штатов. Он дал понять, что Саудовская Аравия охотно обеспечит устойчивое снабжение американцев, если

получит взамен освобождение от пошлин на импорт нефти, привилегированный статус для саудовских капиталовложений и свободный доступ к торговле нефтепродуктами.

В указании на экономическое могущество государства, способного добывать такое количество нефти, увидели косвенный намек на то, что Саудовская Аравия отлично знает, как использовать в политике нефтяной фактор.

Двумя месяцами позже, в интервью «Ньюсуик», Ямани еще раз подчеркнул: Соединенным Штатам пришло время понять, что его страна занимает в мировой экономике совершенно особое место.

— Не забывайте, какая драгоценность у нас в руках.

Смысл этих слова был вроде бы прост: Саудовская Аравия, располагая столь огромными запасами нефти и производительной мощью, может — если этого пожелают западные партнеры — быть гарантом стабильности на мировом рынке.

Но при этом молчаливо подразумевалось и другое: если понадобится, Саудовская Аравия может с той же легкостью дестабилизировать рынок.

Корреспондент напрямую спросил Ямани о возможном использовании нефтяного оружия. Ответ содержал недвусмысленное предупреждение, легко читавшееся между строк:

— Мы не считаем перспективным использование нефти в качестве разрушительной силы. Нам кажется, для арабов лучше всего было бы сделать нефть фундаментом подлинного сотрудничества с Западом, главным образом с США. Мы хотели бы использовать нефть в созидательных, а не разрушительных целях.

Рядом с эти интервью «Ньюсуик» напечатал справочную заметку о Саудовской Аравии, в которой отмечалось, что эта страна готова ныне «взять на себя роль лидера арабского мира». А добился этого, добавлял автор заметки, не кто иной, как шейх Ямани.

В тот же день, когда появилось интервью в «Ньюсуик», хорошо информированный и уважаемый еженедельник «Петролеум интеллидженс уикли» напечатал интервью с заместителем Ямани — принцем Саудом ибн Фейсалом, сыном короля.

Красивый молодой человек с черными усами и бородкой, унаследовавший от отца острый, всепроникающий взгляд, принц Сауд родился в 1941 г. в Саудовской Аравии. Образование он получил на Западе, окончив экономический факультет

Принстонского университета. Когда в середине 60-х гг. он вернулся с дипломом домой, король вызвал Ямани в кабинет и сказал, что хочет отдать Сауда под его начало.

— Но одно условие, — добавил Фейсал, — никаких поблажек.

— Вот так Фейсал воспитывал своих детей, — комментирует эту историю один из сотрудников министерства нефти. — Сауд стал впоследствии заместителем министра вовсе не потому, что был сыном короля. Фейсал в первую очередь хотел, чтобы он научился работать. И старый король знал: в мире нет лучше места для изучения нефтяного бизнеса, чем под крылышком у Ямани.

В настоящее время принц Сауд — министр иностранных дел Саудовской Аравии и, вне сомнений, наиболее влиятельный из внуков Ибн Сауда. Его часто называют самым талантливым и компетентным человеком в правительстве. Сообразительный, четко мыслящий человек западного склада, он во многом унаследовал стиль поведения и приятные манеры своего отца.

За годы, проведенные под опекой Ямани, он перенял и подход, который его учитель применяет в отношениях с журналистами.

— Все твердят, что мы не умеем отделять нефть от политики. Я никак не возьму в толк почему, — сказал Сауд в интервью «Петролеум интеллидженс уикли».

Если рассматривать тогдашние публичные заявления Ямани и Сауда в их совокупности, возникает впечатление, что жребий в ту пору уже был брошен.

И саудовцы не были одиноки.

6 января 1973 г. Национальная ассамблея Кувейта единодушно приняла постановление, рекомендовавшее использовать нефть как оружие в борьбе против Израиля. Кувейтский парламент призвал остальные арабские страны «заморозить все существующие соглашения с западными нефтяными компаниями с момента начала вооруженной борьбы против сионистского врага».

Примерно к середине месяца на это событие отреагировал Белый дом. Джон Эрлихман, старший помощник Никсона по внутренним делам — вскоре он станет известен как главный организатор уотергейтского заговора, — собрался в поездку по странам Персидского залива. Очевидно, в Белом доме надеялись, что Эрлихман сумеет каким-то образом умиротворить саудовцев и разговорам о нефтяном оружии удастся положить конец.

Джеймс Эйкинс, в ту пору временно перешедший с поста директора отдела топлива и энергетики, который он занимал в государственном департаменте, в Белый дом, связался с менеджером «Арамко» Майком Амином, попросив его передать

конфиденциальное послание Ямани. Поездку Эрлихмана предполагалось держать в строгом секрете. В Белом доме не хотели сообщать о ней государственному департаменту. Пока Генри Киссинджер руководил внешней политикой Соединенных Штатов из кабинета в Белом доме, его люди не видели абсолютно никакого смысла в подчинении правилам государственного департамента. Во всяком случае, так было до тех пор, пока Киссинджер не был назначен государственным, секретарем и не стал официально выполнять обязанности, которые фактически были возложены на него ранее. Эйкинс хотел, чтобы Амин попросил Ямани взять Эрлихмана под свою опеку и чтобы тот привез домой сообщение примерно такого рода: «Мы, саудовцы, любим американский народ, хотя нас и огорчает ваша политика».

В это же время Джон О'Коннел, первый вице-президент компании «Бетчел» — его начальником ранее был министр финансов Джордж Шульц, — обратился в «Сокал» с просьбою представить ему анализ ближневосточной ситуации, как она видится совладельцам «Арамко». Поскольку «Бетчел» имела в этом регионе серьезные финансовые обязательства, О'Коннел хотел удостовериться, что его интересы надежно защищены. И председатель «Арамко» Фрэнк Юнгерс прислал в Сан-Франциско Джону Мак-Квину, директору ближневосточного отдела «Сокал», телекс, содержавший исчерпывающую информацию по всем вопросам, которые могли возникнуть в связи со сложившейся ситуацией.

Телекс начинался довольно странным предуведомлением: «Вся информация, которая излагается ниже, должна быть перепечатана на обычной бумаге без маркировки «Арамко» и всякого иного упоминания нашей компании».

В своем телексе Юнгерс обсуждал выдворение советских военных советников из Египта, которое в середине 1972 г. осуществил Анвар Садат. Расценивая этот шаг как попытку достигнуть мирного урегулирования конфликта с Израилем, Юнгерс отмечал, что «Соединенные Штаты, парализованные эксцессами предвыборной кампании, не сумели (или не пожелали) воспользоваться, быть может, самой многообещающей возможностью разрешения ближневосточной проблемы, которая представилась за двадцать четыре года, прошедшие после создания государства Израиль».

Далее он обрисовал последние события.

«В сирийской прессе усиливаются нападки на США. Иракский президент Бакр, выступая недавно на семинаре по проблемам использования нефти в качестве оружия, сказал: «Теперь мы можем использовать арабскую нефть во всех наших сражениях с

империалистическими врагами». Состоявшаяся в декабре международная конференция арабских профсоюзов призвала к полному экономическому бойкоту США и потребовала, чтобы арабские правительства начали борьбу против американских интересов во всем арабском мире. В прошлом месяце в Каире экономический совет Лиги арабских государств обсуждал возможность использования арабской нефти в качестве оружия против США, и египетская газета призвала арабский народ проявлять «однозначную враждебность» по отношению к интересам Соединенных Штатов и к американским гражданам во всем арабском мире».

В прошлом подобные призывы были, как правило, неэффективными, отмечал Юнгерс, но в настоящее время арабские страны стремятся заставить Саудовскую Аравию отказаться от ее проамериканской политики и оказывают на нее очень сильное давление, которое все более возрастает.

«В сентябре министр нефти Ямани сделал смелое и далеко идущее предложение, которое может привести к установлению особых экономических отношений между Саудовской Аравией и США. От Ямани потребовалось немалое политическое мужество, чтобы сделать такое предложение, и, несмотря на острую критику, которой его подвергли в других арабских государствах, он повторял и разъяснял его уже несколько раз».

Юнгерс тем не менее полагал, что, какой бы нажим ни оказывал на саудовцев арабский мир, они не дрогнут — если только не возобновится арабо-израильская война или Соединенные Штаты не совершат вызывающе произраильских действий.

«Случись что-нибудь в этом роде, Саудовскую Аравию могут вынудить отказаться от экспорта нефти в США и Западную Европу. При финансовых ресурсах, достигающих трех- или четырехлетнего годового дохода, она вполне способна — если к этому ее подтолкнут Израиль и мы — пойти на такой шаг, не опасаясь за свое благополучие».

Согласно в высшей степени надежному источнику, О'Коннел передал это сообщение Шульцу, который ознакомил с ним «соответствующие инстанции». По предположению информанта, под этими инстанциями подразумевался Белый дом — Ричард Никсон или, что более вероятно, Генри Киссинджер — или, по меньшей мере Уильям Роджерс из государственного департамента.

Реакции не последовало.

В марте эмир Кувейта провел пресс-конференцию и публично подтвердил неизменность политического курса своей страны:

— Когда придет время, мы используем нашу нефть как оружие в борьбе против Израиля. Это наша неколебимая позиция.

Его предупреждение было напечатано в американских газетах.

Реакции не последовало.

В апреле король Фейсал отправил Ямани и Сауда в Вашингтон, поручив им передать американской администрации весьма необычное послание. «Мы хотели бы сотрудничать с вами, — писал король. — Мы считаем себя вашими друзьями. Но вы должны сделать хоть что-нибудь для разрешения арабо-израильского конфликта, должны сделать какой-то ход. Не пускайте события на самотек. Для нас существующее положение вещей неприемлемо. Вы должны найти способ разрешения конфликта, в противном случае мы будем вынуждены отказаться от сотрудничества с вами и использовать нефть как аргумент в споре».

Под «существующим положением вещей» Фейсал, как и Ямани, подразумевал неизменное безразличие, с которым администрация Никсона относилась к ближневосточному конфликту.

Ямани и Сауд провели встречи с Джорджем Шульцем, Уильямом Роджерсом и Генри Киссинджером. Они очень подробно объяснили каждому из них сложившуюся ситуацию. Они передали им королевское послание и были очень приветливо приняты Шульцем и Роджерсом.

Но реакция Киссинджера показалась Ямани более чем странной.

— Единственное, что его интересовало, — говорил ли я об этом с другими представителями власти. Я ответил, что говорил — с Шульцем и Роджерсом. Киссинджер пожелал узнать, что именно я им сказал. Я ответил: то же самое, что вам. Тогда он попросил меня больше не обсуждать этого ни с кем. Мне стало ясно: Киссинджер не хочет, чтобы кто-нибудь знал о моих переговорах с ними. Когда я покидал Белый дом, у меня осталось впечатление, что послание, которое я передал Киссинджеру, не достигнет Никсона. Судя по всему, Киссинджер был гораздо больше обеспокоен тем, как скрыть факт моих переговоров и сгладить острые углы в привезенном мной послании, нежели существом дела.

На следующий день Ямани вылетел в Лондон на частном самолете компании «Мобил ойл».

Сразу же после приземления первый вице-президент «Арамко» Дж. Дж. Джонстон, сопровождавший Ямани, отправил менеджерам четырех компаний-учредителей секретную записку, в

которой характеризовались взгляды Ямани на саудо-американские отношения.

«Ямани сказал, что виделся с Роджерсом и Шульцем, — писал Джонстон. — И главное, о чем он говорил всем представителям власти, с которыми беседовал, — это об опаснейшей угрозе, таящейся в политике Соединенных Штатов… Он сказал, что целый рад политических деятелей Саудовской Аравии резко возражает против увеличения добычи нефти, а многие из них выступают за ее ограничение, по разным причинам: одни не хотят транжирить национальное достояние, другие не считают нужным поощрять теперешнюю политику Соединенных Штатов, поддерживающих недружественное государство, — отсюда и критика, которая обрушилась на него, Ямани… Поэтому он заявил всем представителям власти, с которыми встречался, что если Соединенные Штаты будут продолжать свою политику, правительство Саудовской Аравии, несмотря на свое желание сохранять добрые отношения с нефтяными компаниями и с Соединенными Штатами, сочтет ограничение добычи абсолютно неизбежным».

«Неизбежное ограничение добычи» означало, по сути дела, не что иное, как нефтяное оружие.

В тот же день «Вашингтон пост» напечатала статью, в которой говорилось, что Ямани прилетал в столицу, чтобы передать специальное предостережение короля Фейсала.

— Эта утечка информации вызвала известный интерес, — говорит Ямани. — Некоторые журналисты обратились в государственный департамент за подтверждением. Но пресс-секретарь государственного департамента, отвечая на вопрос о моем визите, сказал: «Ямани не выражает точку зрения короля или Саудовской Аравии». Согласно заявлению пресс-секретаря, я выражал лишь собственную точку зрения.

В июне в Саудовскую Аравию прибыли два американских журналиста — один из «Крисчен сайенс монитор». Другой из «Вашингтон пост». По просьбе Ямани король дал им краткую аудиенцию.

Фейсал повторил журналистам то же самое, что Ямани говорил Киссинджеру, Шульцу и Роджерсу.

Почти сразу же после опубликования их статей пресс-секретарь государственного департамента заявил, что изложенные в них взгляды не отражают официальную политику Саудовской Аравии. И вновь было сказано, что это частная точка зрения Ямани.

Несколькими днями позже Ямани находился наедине с Фейсалом в королевском кабинете. Фейсал с очевидным

удовольствием слушал вечерние новости Би-би-си и «Голоса Америки». Услышав опровержение государственного департамента, он усмехнулся и сказал:

— Если не я выражаю официальную точку зрения Саудовской Аравии, то кто же?

Прошло еще несколько недель, и группа тележурналистов Си-би-эс попросила разрешения взять интервью у Фейсала. Ямани рекомендовал королю воспользоваться этой возможностью, чтобы еще раз объяснить американской общественности существо официальной политики Саудовской Аравии.

Король последовал его совету.

— Только после того, как Си-би-эс проинтервьюировала Фейсала перед камерой, — говорит Ямани, — и все услышали изложение нашей позиции из его уст, государственный департамент был вынужден признать, что речь идет о чем-то более серьезном, нежели частное мнение министра нефти.

И все же администрация Никсона по-прежнему не хотела поверить, что эмбарго становится реальной угрозой. Во всяком случае, вела она себя так, как будто этой угрозы не существовало.

Джеймс Эйкинс, впоследствии покинувший отдел топлива и энергетики и ставший послом в Саудовской Аравии, утверждает, что он в те дни был единственным человеком, предупреждавшим, что Фейсал не намерен шутить. Но это был глас вопиющего в пустыне.

— Администрация не приняла слов короля всерьез, думала, он блефует. Я был знаком с Фейсалом много лет и знал, что тот не бросает слов на ветер. Он обращался к нам не один раз, начиная с первых дней 1973 года. Сначала он делал это через Ямани, который излагал саудовскую позицию очень четко и недвусмысленно. И не надо думать, что на короля оказывали какое-то давление. Он сам видел в этом свой долг. Он был арабским лидером и чувствовал, что на карту поставлены интересы всего арабского мира.

Бывший сотрудник ЦРУ утверждает:

— Никто не принял всерьез предостережений Джеймса Эйкинса, потому что никто не соотносил их с реальностью. Доклады, поступавшие в разведывательную службу, сверялись с данными, которые поставляли израильтяне, — считалось, что они разбираются в ближневосточной ситуации лучше, чем любой из нас. А израильтяне уверяли наших аналитиков, что ситуация не внушает особого беспокойства.

Многие полагают, что Никсон недооценил политические последствия событий, разворачивавшихся вокруг арабской нефти и Ближнего Востока, поскольку все это свалилось на него в самом

разгаре уотергейтского кризиса и он в то время думал только о собственном спасении.

Ямани также считает, что это обстоятельство сыграло очень важную роль.

— Я видел, какое воздействие оказывает Уотергейт на Никсона. Казалось, его мысли заняты чем угодно, только не предметом беседы. Он был слишком поглощен Уотергейтом, чтобы уделять внимание чему-либо иному. Помнится, мы с принцем Фахдом, который тогда был заместителем премьер-министра, прибыли в Вашингтон, чтобы попытаться образумить американцев. Во время встречи с Никсоном мы оба поняли, что он находится в состоянии крайнего нервного возбуждения. Никто из нас не мог найти с президентом общий язык, и после этой встречи мы единодушно пришли к выводу, что в настоящее время с ним едва ли можно обсуждать серьезные вопросы.

Другие склонны объяснять двойственную позицию американских властей тем, что они попросту не отдавали себе отчета в важности нефтяной проблемы. К сторонникам этой точки зрения принадлежит Джеймс Эйкинс.

— Киссинджер в ту пору мало интересовался нефтью. То же можно сказать и о Никсоне. Для всей администрации это было слишком свежей темой. Никто не хотел по-настоящему заняться этим вопросом, ведь раньше нам не приходилось сталкиваться с подобными вещами. Кроме того, в этой области никогда не возникало трудностей. Все думали, что цены на нефть будут снижаться и снижаться и что на нефтяном рынке всегда будет разливанное море товара.

Существует и третья теория. Если верить ей, американцы пребывали в твердой уверенности, что Саудовской Аравии негде искать новых союзников, что она не сможет и не захочет переметнуться к русским, что лишь Соединенные Штаты в состоянии обеспечить ее безопасность и защитить экономические интересы, и делали из всего этого нехитрый вывод: как бы там саудовцы ни ершились, никуда они от нас не денутся.

Этот взгляд разделяют разные люди, в том числе сэр Джеймс Крейг, бывший британский посол в Саудовской Аравии.

— Причина, по которой администрация Никсона не пожелала внять предупреждению Фейсала, — всегдашняя убежденность американцев, что Саудовская Аравия является заклятым врагом коммунизма и это, по определению, делает ее проамериканским государством. Американцы считали Саудовскую Аравию абсолютно надежным другом.

Этого мнения придерживается и Эйкинс.

— Мы привыкли так рассуждать о многих странах. О

Саудовской Аравии. Об Иордании, Швейцарии, Ирландии и многих, многих других…

Однако Джеймс Шлезингер, который в разные годы возглавлял министерства обороны и энергетики, а также ЦРУ, не убежден, что эта теория вполне справедлива.

— Так думали отнюдь не все — что нам-де незачем беспокоиться насчет Саудовской Аравии, потому что ей негде искать союзников. К этой точке зрения тяготели те, кто занимал произраильскую позицию. По-моему, Джим Эйкинс слишком уж на ней настаивает. Он описывает сложную, неоднозначную ситуацию в черных и белых тонах. Да, такая точка зрения существовала. Но не все ее разделяли. Она не была общепринятой. Могу поручиться, что Киссинджер руководствовался совсем иными взглядами. Я знаю это абсолютно точно. Киссинджер гораздо лучше видел ситуацию. И чрезвычайно опасался, что саудовцы покинут наш лагерь.

Шлезингер не только не видит в разрыве саудовцев с Америкой ничего невозможного, но считает, что в то время этот разрыв был до известной степени свершившимся фактом.

— Они отдалились от американцев. И что еще более важно, они вынуждены были подчеркивать эту отдаленность, чтобы не подорвать позиции Саудовской Аравии в арабском мире и позиции королевской семьи внутри страны.

Ямани допускает, что рассуждения типа «саудовцам некуда деться» и в самом деле сыграли свою роль.

— Да, это был один из многих факторов, в силу которых американцы думали, что Саудовская Аравия не отойдет от них ни при каких обстоятельствах. Но после октября 1973 г. им пришлось строить отношения с нами совсем на другой основе.

Тут напрашивается вопрос: кто именно в американской администрации считал, что терпение саудовцев безгранично? Никсон? Киссинджер? Или оба?

Вот что говорит по этому поводу Эйкинс:

— Едва ли это был Никсон. Позиции Никсона и Киссинджера весьма и весьма различались. В моей рецензии на второй том книги Киссинджера я специально проанализировал то место, где автор рассказывает, как Никсон хотел подарить мир Ближнему Востоку и намеревался оказать давление на Израиль, чтобы тот отвел свои войска, и как хитроумно он, Киссинджер, заставил Никсона отказаться от этих намерений. Он добился своего благодаря Уотергейту. Ничто не сравнится с этой книгой по разоблачительной силе. И в конце моей рецензии я прихожу к заключению, что подлинная трагедия Уотергейта состоит в том, что мы потеряли возможность установить мир на Ближнем

Востоке. Из книги очень хорошо видно, что Никсон хотел двигаться в этом направлении, но Киссинджеру удалось сломить его волю. А ведь Никсон очень легко находил общий язык с саудовцами и был в прекрасных отношениях с Фейсалом. Когда представилась возможность, я показал Никсону эту рецензию и спросил, верны ли, хотя бы в общих чертах, мои выводы. «Не меняйте здесь ни единого слова», — ответил Никсон.

* * *

Демарши арабов, угрожавших пустить в ход нефтяное оружие, нашли прямую параллель в заявлении ОПЕК, которая выразила озабоченность слишком низкими ценами на нефть и призвала аннулировать соглашения, достигнутые в Тегеране и Триполи.

Первые несколько месяцев 1973 г. рынок находился в состоянии стабилизации. Цены имели тенденцию к повышению и «подпирали» установленные барьеры. Однако февральская девальвация доллара отрицательным образом сказалась на доходах экспортеров, и в марте они стали требовать от нефтяных компаний компенсации которая возместила бы им убытки, связанные с обесценением доллара. Компании сопротивлялись как могли, но рост воинственных настроений в арабском мире заставил их пойти на уступки. В июне было достигнуто соглашение, определявшее новую формулу, по которой ОПЕК устанавливала цены. Нефть сразу же подорожала на 12%.

В сентябре, когда цены опять уперлись в предельные границы, ОПЕК призвала к пересмотру соглашений, заключенных в Тегеране и Триполи. Три радикально настроенных члена — Алжир, Ирак и Ливия — начали требовать такого пересмотра, как только доллар был девальвирован. Но Саудовская Аравия и Иран выступали против.

Теперь же, когда инфляция в мире составляла в среднем 7—8% и компании состригали огромную разницу, намного превосходившую ту, что предусматривалась прежними соглашениями, Саудовская Аравия решила, что настало время действовать.

Оставалось привлечь на свою сторону Иран.

Ямани отправился в Тегеран, чтобы убедить шаха и доктора Амузегара в необходимости новых переговоров с нефтяными компаниями.

— В то время, — говорит Ямани, — тегеранские соглашения доживали последние дни, а быть может, и вовсе были мертвы. За

два года, которые прошли со времени их подписания, ситуация в мире качественно изменилась, и эти соглашения нуждались в решительном пересмотре.

Шах и доктор Амузегар поддержали идею Ямани, и вскоре начались новые переговоры.

8 октября, на третий день войны, министры нефти Саудовской Аравии, Ирана, Ирака, Кувейта, Катара и Абу-Даби встретились в Вене с группой из пяти человек, представлявших нефтяные компании. Ее возглавляли Джордж Пирси из «Экссон» и француз Андре Бенар из «Шелл».

Министры предложили увеличить цену, составлявшую тогда 3 доллара за баррель, по меньшей мере вдвое.

Пирси и Бенар попробовали столковаться на 15-процентном повышении.

Ямани сбавил и предложил 5 долларов за баррель.

Пирси и Бенар набавили и предложили 25-процентное повышение.

И на этих цифрах, разница между которыми составляла 1,25 доллара, переговоры застопорились.

— Это был весьма деликатный момент, — говорит Ямани. — По существу, обсуждались два принципиально различных вопроса. Один носил политический характер. Дело шло о войне и об использовании нефти в качестве инструмента политики. Вторым вопросом были цены на нефть. Проблема состояла в том, чтобы не объединять эти два вопроса и рассматривать их отдельно. Я не хотел отталкивать от нас компании, не мог с ними порывать. Я не хотел смешивать цены на нефть и политику.

Но это было легче сказать, чем сделать.

Пирси и Бенар твердо стояли на своем. Они утверждали, что столь резкий скачок цен никак не оправдывается состоянием рынка.

Не хотели менять занятых позиций и министры нефти. Они утверждали, что существующие цены явно занижены, и, поскольку изменилась сама игра, нужно изменить и ее правила.

Ямани задержался в Вене еще на два дня, настаивая, чтобы компании изменили свою позицию.

За эти два дня Пирси и Бенар отправили в Лондон и в Нью-Йорк несколько десятков телеграмм.

Однако после полуночи 12 октября, не получив дальнейших инструкций, они явились в номер «Интерконтиненталя», который занимал Ямани, и попросили отложить переговоры. Они сказали, что в настоящее время не способны на что-то большее.

На рассвете Ямани покинул Вену.

Встретившись спустя четыре дня в Кувейте, шесть министров

нефти стран Персидского залива решили в одностороннем порядке поднять цену на 70%, доведя ее до 5,12 доллара за баррель.

— Я сразу же, как только решение было принято, осознал политическое и экономическое значение этой даты, — говорит Ямани. — Страны-экспортеры впервые оказались лицом к лицу, без посредников, с основными индустриально развитыми странами. Шестнадцатое октября 1973 года стало историческим рубежом. В этот день ОПЕК взяла в руки власть. Реальную власть.

Эмбарго

Когда разразилась война, Ямани был в Женеве.

— Первое время мы не знали, кто начал боевые действия. Мы были обеспокоены. Когда мы узнали, что инициатива принадлежала Египту и Сирии, нас охватил энтузиазм. Мы с нетерпением ожидали исхода событий.

Сопоставив факты, Ямани пришел к выводу, что Фейсал был целиком посвящен в египетские военные планы.

В августе 1973 г. Садат посетил Саудовскую Аравию и провел с королем длительную конфиденциальную беседу. В прошлом после встреч такого рода Фейсал обычно сообщал Ямани, какие вопросы на них обсуждались. Нередко он просил у Ямани совета; иногда просто рассказывал, о чем шла речь.

На этот раз король был явно встревожен. Но не сказал Ямани ни слова.

Согласно принятому у саудовцев протоколу, Садата во время его пребывания в стране сопровождал Хишам Назер, бывший тогда министром планирования. Направляясь по окончании беседы во дворец, который был предоставлен ему как гостю, Садат признался Назеру: «После бесед с королем Фейсалом я чувствую, что с моих плеч сняли часть тяжелого бремени».

Спустя две недели Ямани зашел к королю сообщить, что на следующий день улетает на конференцию в Сан-Франциско.

Фейсал не сказал ни слова. Он внимательно смотрел на Ямани, как бы раздумывая, говорить или промолчать.

— Завтра мне нужно улетать, — повторил Ямани.

— Когда ты вернешься? — спросил король.

— Как только кончится конференция, — ответил Ямани.

Фейсал вновь замолчал.

Видя, что король чем-то озабочен, Ямани спросил:

— Ехать мне или оставаться?

После чрезвычайно долгого раздумья Фейсал сказал:

— Езжай. Но возвращайся как можно скорее.

Это был первый случай за все годы их дружбы, когда Фейсал вел себя подобным образом.

На следующий день после отлета Ямани король вызвал к себе своего сына Сауда.

— Когда возвращается Заки? — спросил он принца.

— Не знаю, — ответил Сауд. — Хочешь, я пошлю ему телеграмму или позвоню: спрошу, когда он собирается вернуться?

Фейсал и в этот раз очень долго размышлял, а затем сказал:

— Нет, не нужно.

Это опять-таки был первый случай за все годы их дружбы, когда Фейсал вел себя подобным образом.

Сразу же по возвращении Ямани Сауд рассказал ему о беспокойстве, которое испытывал отец. Ямани немедленно отправился к королю.

— Я вам зачем-то нужен? — спросил он Фейсала.

— Нет, — ответил Фейсал. — Пока еще нет. Может быть, несколько позже.

Через несколько дней после возвращения из Сан-Франциско Ямани собрался отправиться в Вену, чтобы председательствовать на совещании комитета министров: речь должна была идти о пересмотре соглашений, заключенных в Тегеране и Триполи.

По своему обыкновению, он зашел к королю, чтобы поставить его в известность о предстоящем отъезде.

— Пошли кого-нибудь другого, — неожиданно сказал Фейсал.

Ямани объяснил, что его нельзя заменить никем, так как на совещании комитета может председательствовать только министр.

— Если я не приеду, — напомнил он королю, — могут подумать, что Саудовская Аравия не желает пересмотра соглашений, и это окажет самое нежелательное влияние на ход переговоров.

Согласившись с его доводами, Фейсал кивнул:

— Ладно, езжай.

Но Ямани понял, что королю очень не хочется его отпускать.

— Фейсал хотел, чтобы я оставался дома. Он знал, что в ближайшем будущем должно произойти нечто очень важное.

Зять президента Насера доктор Ашраф Марван («ныне бизнесмен, живущий в Лондоне») возглавлял в то время египетскую разведку и был единственным свидетелем беседы Садата и Фейсала.

— Нам представлялось необходимым информировать о наших намерениях короля Фейсала, потому что это был самый уважаемый, самый влиятельный лидер в регионе Персидского залива, — говорит Марван. — Мой тесть когда-то вел войну против Фейсала в Йемене, они были врагами. Но это обстоятельство не мешало президенту Насеру относиться к Фейсалу с уважением. И для президента Садата было вполне естественным посвятить саудовского короля в наши планы. Но, когда начнется война, он не сказал. Не из страха, что саудовцы поставят в известность американцев, а те, в свою очередь, предупредят израильтян. Вовсе нет. Просто у нас не было причин вдаваться в какие-либо подробности: мы лишь хотели сообщить,

что собираемся начать войну. Садат сказал Фейсалу, что это произойдет скоро, очень скоро, — но не сказал, когда именно.

После того как торжество в стане арабов обернулось новым унижением, Ямани понял: приближается момент, когда от Саудовской Аравии потребуются решительные действия.

— Арабы, особенно палестинцы, всегда предлагали использовать нефть в качестве политического оружия, средства наказать Запад. Я знал, что арабские экспортеры хотят встретиться и решить, как вести себя дальше. Нужно было хорошо подготовиться к этой встрече, что-то изобрести.

Ямани провел в Вене две строго секретные встречи со своими коллегами. Один из них до сих пор служит в министерстве нефти; другой — египтянин, работающий в Кувейте. Он изложил свою точку зрения обоим. Если арабы собираются использовать нефть как инструмент для воздействия на Запад, сказал Ямани, то наиболее эффективной мерой было бы немедленное и резкое уменьшение совокупного уровня добычи. А затем можно будет каждый месяц снижать его еще на 5%. Замысел Ямани состоял в том, чтобы создать определенный климат, влияющий на мировое общественное мнение, и дать мировому сообществу время для более внимательного рассмотрения спора между арабами и израильтянами.

— Я беседовал с ними в абсолютно конфиденциальной обстановке и могу ручаться, что оба не рассказывали о содержании нашего разговора никому другому. Представляете, каково было мое изумление, когда за два дня до встречи министров в Кувейте я открыл «Интернэшнл геральд трибюн» и прочитал там слово в слово все, о чем говорил в венской гостинице? Выходит, у меня в номере были установлены подслушивающие устройства.

— Но кто это сделал?

— Не знаю, — отвечает Ямани.

— Вы кого-нибудь подозреваете?

Ямани пожимает плечами:

— Какое это имеет значение?

Слежка за Ямани ведется уже долгие годы, и он, по-видимому, до некоторой степени к ней привык. С конца 70-х гг. в команду, обеспечивающую его безопасность, входит эксперт по подслушивающим устройствам.

Он не склонен думать, что электронный шпионаж существует только на Западе «в отличие, скажем, от Ближнего Востока», но убежден, что подслушивание распространено в западных странах гораздо шире, чем полагает большинство людей. По признанию Ямани, он всегда держится настороже, когда приезжает в

Соединенные Штаты.

Особенно часто подслушивание ведется в гостиницах, ибо там его легче всего организовать.

Охранникам Ямани случалось находить скрытые микрофоны и передающие устройства в самых разных местах — от стенных шкафов до громадных цветочных букетов, которые присылал ему в знак уважения какой-либо менеджер. Один случай был особенно неприятным: кто-то установил в соседнем здании лазерное подслушивающее устройство, наведя его луч на окна номера, в котором остановился Ямани; устройство это, по-видимому, не было как следует отрегулировано, и всю ночь оконные стекла тряслись и гудели, не давая Ямани спать. В другой гостинице, которую Ямани не хочет называть, жучки, как выяснилось, вмонтированы в стену стационарным образом.

Когда ему приходится обсуждать по-настоящему секретные вопросы по гостиничному телефону, он прибегает к помощи портативного скремблера — поскольку ничто не прослушивается так легко, как внутренние коммутаторы.

Ямани убежден, что лучшее оружие, которое можно противопоставить любому типу слежки, — это бдительность.

— Я знал, что радикально настроенные арабские страны — Ирак, Ливия, Алжир и Сирия — собираются выдвинуть предельно деструктивные лозунги, — продолжает Ямани. — И изложил Фейсалу свой план: немедленное снижение совокупного уровня добычи на 10% и последующее ежемесячное снижение на 5%. Я сказал, что это расшевелит Запад, но в то же время не принесет ему серьезного вреда. По моему мнению, этих мер вполне достало бы, чтобы создать в наших отношениях с Западом новый климат. Король сразу же со мной согласился. Помню, и минуты не прошло, как дал положительный ответ.

Правитель государства, которое считало себя лидером мусульманского мира, Фейсал никогда не оставлял сомнений ни в своих антисионистских чувствах, ни в глубокой приверженности к исламу. Он был призван защищать не только священные города Мекку и Медину, но и третью величайшую святыню ислама — иерусалимскую мечеть Аль-Акса, «Купол над скалой». А мечеть эта находилась в руках израильтян.

Война сплотила арабов духовно. Кроме того, арабские страны осознали, что объединяет их и нефть, которой они торгуют на мировом рынке. План использования нефти в качестве оружия казался в новой ситуации особенно перспективным.

И Фейсал, и Ямани хорошо понимали: если нефтяное оружие почему-либо не сработает, престижу арабов будет нанесен тяжелый урон. Игра была сопряжена с немалым риском.

Фейсал опасался также, что равнодушие американцев к делу арабов может подтолкнуть некоторых экстремистски настроенных арабских лидеров к сближению с русскими. А возможное появление на Ближнем Востоке коммунистического плацдарма страшило его гораздо больше, чем произраильская позиция американцев.

Все эти факторы оказали более или менее серьезное влияние на характер встречи Фейсала с председателем «Арамко», которая произошла 3 мая 1973 г. Во время визита вежливости, который Фрэнк Юнгерс нанес Фейсалу, король изложил ему свои взгляды на американскую политику в ближневосточном регионе.

— Фейсал указал, что Саудовская Аравия больше не в состоянии оказывать нам поддержку в одиночку, — вспоминает Юнгерс. — Он лишь мимоходом коснулся обычной темы антиарабского заговора, но подчеркнул: сионисты, равно как и коммунисты, вот-вот доведут дело до такой ситуации, когда американцам уже не удастся защитить свои интересы на Ближнем Востоке… Необычной в этой встрече, столь отличавшейся от наших предыдущих бесед, была не столько трактовка израильско-сионистско-коммунистической проблемы, сколько обоснованное и четкое требование решительных мер, которые изменили бы ход событий.

Ныне совершенно очевидно, что Фейсал находился в заблуждении, которое было характерно и для остальных арабских лидеров в период до октября 1973 г.

Как указывают многие историки, до октябрьской войны саудовцы были убеждены, что Америка может решить израильскую проблему одной фразой. Они думали, что Соединенным Штатам достаточно сказать Израилю: «Больше не получите ни цента», — и все тут же уладится.

Они честно верили в возможность этого «простого» решения.

Отказ Америки произнести всего лишь одну фразу воспринимался с недоумением: получалось, американцы не просто поддерживают Израиль в его борьбе с арабами, но вдобавок и отказывают в какой-либо помощи арабам.

В октябре 1973 г. они начали прозревать.

К моменту, когда нефтяной кризис достиг максимальной остроты, саудовцы наконец осознали, что проблема Израиля, арабских земель и палестинцев является для Америки не чисто внешней, но, в значительной степени, и внутренней проблемой.

— Фейсала, естественно, тревожило поведение американцев, — комментирует события тех дней Ямани. — Он несколько раз говорил мне об этом после моего возвращения из Вашингтона. Помню, примерно месяцем позже я проводил в

Женеве встречу с ближневосточными директорами американских нефтяных компаний, которые входили в «Арамко». Фейсал, как раз возвращавшийся из Парижа в Саудовскую Аравию, сделал в Женеве остановку. И я организовал для американцев встречу с королем. Фейсал тогда сказал им буквально следующее: передайте вашему правительству, что если оно будет бездействовать, если не приложит усилий, чтобы урегулировать ближневосточный конфликт, то американским интересам будет нанесен ощутимый урон.

Иными словами, Фейсал угрожал американцам национализацией.

— Нет-нет, я так не считаю, — возражает Ямани. — Он просто предупредил их: не думайте, что наше терпение безгранично. Он держался очень дружественно. Он сказал: «Пожалуйста, доведите до сведения вашего правительства в Вашингтоне: мы считаем себя вашими друзьями и хотим сохранить эту дружбу. Но ситуация на Ближнем Востоке с каждым днем приближается к критической точке. Вашингтон должен предпринять такие шаги, которые позволили бы нам и дальше строить нефтяную политику на дружественной основе. В противном случае прошу не обижаться». Он сказал только это, ничего больше.

Ну конечно, только это. Или что-то в этом роде.

Встреча состоялась 23 мая 1973 года. Американцев представляли Юнгерс («Арамко»), Эл Декрейн («Тексако»), С. Дж. Хедлунд («Экссон»), Г. С. Мозес («Мобил») и Джонс Мак-Квин («Сокал»). В числе саудовцев был принц Султан, часто путешествовавший вместе с королем.

Секретные записи, сделанные после беседы, свидетельствуют, что Фейсал сказал следующее: «Уважение к американским интересам на Ближнем Востоке, как и прочность позиции Саудовской Аравии в арабском мире, тают с каждым днем. Поскольку правительство в Соединенных Штатах отказывает Саудовской Аравии в действенной поддержке, нам грозит изоляция среди наших арабских друзей, а Его Величество не желает с этим мириться… Вы рискуете потерять все, что имеете».

Над нефтяными концессиями нависла явная угроза.

Во всяком случае, так сочли американцы, которые приняли следующее совместное решение: «Мы считаем нужным: 1) информировать общественность Соединенных Штатов о ее подлинных интересах в регионе (в настоящее время американцы введены в заблуждение «карманными» средствами массовой информации); 2) информировать правительство Соединенных Штатов».

Ситуация самым прямым образом затрагивала коммерческие интересы «Арамко», и с четырьмя совладельцами произошло то, что происходит с любым человеком, когда становится очень жарко.

Их прошиб пот.

Спустя неделю Декрейн, Хедлунд, Мак-Квин, Мозес и Джонстон («Арамко») уже курсировали по кабинетам Белого дома, государственного департамента и министерства обороны. Они прибыли в Вашингтон, чтобы ознакомить официальных лиц с монологом короля Фейсала.

Несмотря на «общее внимание, проявленное к информации, и признание, что проблема действительно существует», из официального отчета, составленного «Арамко», видно, что в Вашингтоне «всерьез усомнились, что со стороны Саудовской Аравии неизбежно последует решительная акция и что для ее предотвращения нужны какие-либо дополнительные меры — кроме тех, что уже предпринимаются».

Почему же так случилось? Начать надо с того, что представителям нефтяных компаний не удалось повидать настоящих тузов. Они не попали ни к Киссинджеру, ни к президенту. Во всех ведомствах, где они побывали, с ними беседовали чиновники средней руки.

Руководитель ближневосточного отдела государственного департамента заявил, что представленная ими информация опровергается сведениями, которыми располагает его отдел.

Военный советник Белого дома объяснил им, что при Насере Саудовская Аравия ощущала гораздо больший нажим со стороны Египта и успешно ему противостояла, а теперь, когда этот нажим не так велик, и подавно не дрогнет.

Исполняющий обязанности министра обороны — временный заместитель Джеймса Шлезингера — заверил посетителей, что Фейсал нуждается в Америке и что их страхи лишены оснований.

В ЦРУ им сказали: «Фейсал блефует».

«По мнению некоторых официальных лиц, — говорилось в заключении доклада «Арамко», — Его Величество поднял ложную тревогу, угроза существует только в его воображении. Поэтому правительство Соединенных Штатов не может и не будет принимать каких-либо срочных мер для разрешения арабо-израильского конфликта».

В июне ливийцы национализировали «Банкер хант ойл компани», и Анвар Садат назвал эту акцию «началом сражения против американских интересов на Ближнем Востоке».

Потом последовало заявление правителя эмирата Абу-Даби:

— В грядущей судьбоносной битве мы без колебаний

применим нефтяное оружие.

Потом с заявлением выступил вице-президент совета революционного командования Ирака:

— Вооруженный конфликт может стать запалом, который подожжет нефть.

И наконец, сделал свое заявление государственный департамент США:

— Саудовские угрозы не беспокоят правительство Соединенных Штатов.

Чтобы довести до сведения американцев точку зрения Фейсала — или, по меньшей мере, умиротворить саудовцев, — «Мобил» купила большую рекламную площадь в «Нью-Йорк таймс» и опубликовала заявление, в котором говорилось: Америка зависит от саудовской нефти, но американо-саудовские отношения постоянно ухудшаются, и так будет продолжаться до тех пор, пока Соединенные Штаты не предпримут по-настоящему эффективных шагов для установления мира на Ближнем Востоке. Если этого не будет сделано, предупреждали авторы заявления, «главным критерием решений, принимаемых Саудовской Аравией, могут стать политические факторы».

Одновременно «Сокал» разослала всем своим акционерам письмо, где подчеркивалось: «В большинстве стран арабского мира утверждается мнение, что Соединенные Штаты отвернулись от арабского народа».

27 августа менеджер «Арамко» встретился с Ямани в Дахране, чтобы обсудить недавнее интервью Фейсала и настойчивое стремление короля повлиять на политику Соединенных Штатов. В секретном докладе, подводившем итоги этой встречи, указывалось: «Ответы Его Величества на вопросы, поставленные «Ньюсуик», были написаны Ямани».

Далее в докладе говорилось: «Король чувствует свою личную ответственность за происходящее и понимает, что нефть сейчас может стать весьма эффективным оружием. Кроме того, он находится под постоянным давлением арабского общественного мнения и арабских лидеров, прежде всего Садата. Его терпение на пределе, и он часто проявляет нервозность».

Желая показать, насколько Фейсал озабочен сложившейся ситуацией, менеджер «Арамко» сообщал, что король попросил Ямани регулярно представлять ему подробные отчеты о текущем состоянии дел «Арамко», планах расширения добычи и о возможном воздействии сокращения нефтедобычи на потребителей в США.

Он поинтересовался, в частности, каков может быть эффект, если объем нефти, добываемый «Арамко», сократится на два

миллиона баррелей в сутки.

— Это совершенно беспрецедентно, — говорит Ямани, — раньше король никогда не вдавался в такие детали.

Менеджер «Арамко» сообщал и о том, что в Саудовской Аравии есть лица, которые «ради собственной выгоды» пытаются уверить Соединенные Штаты, будто Саудовская Аравия не приведет свои угрозы в исполнение. «Эти лица — группа Фахда». В Соединенных Штатах также есть люди, которые вводят в заблуждение Никсона, преуменьшая серьезность намерений Саудовской Аравии. Тут Ямани упомянул Киссинджера. «Именно поэтому, — сказал он, — король в своих интервью и публичных заявлениях старается исключить всякие сомнения в возможном исходе событий».

2 сентября Фейсал дал интервью телесети Эн-би-си.

— Нас серьезно беспокоит, что Соединенные Штаты не вносят коррективы в свою политику на Ближнем Востоке и продолжают поддерживать Израиль, — сказал король. — Это делает уязвимыми наши позиции в арабском мире и, как следствие, оказывает влияние на наши отношения с американскими друзьями.

Когда представитель Эн-би-си спросил, намеревается ли Саудовская Аравия сократить экспорт в Соединенные Штаты, Фейсал ответил со всей откровенностью:

— Та безоглядная поддержка, которую Америка оказывает сионизму, и ее антиарабская политика предельно осложняют для нас дальнейшее снабжение Соединенных Штатов нефтью.

Тремя днями позже, на пресс-конференции, президент Никсон, отвечая на заявление Фейсала, сказал, что неправильно увязывать в одно политику, которую США проводят по отношению к Израилю, и арабскую нефть:

— Наша политика не является ни произраильской, ни проарабской. Мы скорее настроены проарабски, чем произраильски, потому что у арабов есть нефть, а у Израиля ее нет.

6 октября, в день начала войны, Фейсал направил Никсону послание, в котором призвал оказать нажим на Израиль и заставить его уйти с оккупированных территорий. Никсон не сделал этого, напротив: он поставил израильтянам новое оружие и боеприпасы, компенсируя все, что те потеряли за первые три дня военных действий.

12 октября Фейсал направил Никсону второе послание, на этот раз предупредив его, что Саудовская Аравия не сможет оставаться в стороне, если Соединенные Штаты и дальше будут помогать Израилю вести войну против арабов.

На следующий день Никсон приказал приступить к снабжению Израиля по воздушному мосту.

15 октября Фейсал совершил последнюю попытку. Он велел министру иностранных дел отвезти Никсону третье послание, в котором предлагал американцам сделать какой-нибудь примирительный жест, отчасти заглаживающий уже причиненный вред, — такой жест еще мог бы спасти позиции Саудовской Аравии в ближневосточном регионе.

Прием саудовского министра был запланирован на 16 октября.

Но в это время Белый дом получил информацию от том, что Советы заключили с арабами широкомасштабное соглашение о поставке оружия. Опасаясь, что появление на Ближнем Востоке русского форпоста поставит под угрозу региональный баланс сил и снабжение Соединенных Штатов нефтью, Никсон и Киссинджер сочли главной задачей Америки восстановление равновесия на поле боя. Как только израильтяне вновь обретут силу и окажутся в состоянии остановить продвижение арабов, рассудили президент и государственный секретарь, Америка вмешается в спор и положит конец боевым действиям. Тогда, и только тогда, — уже в мирных условиях — Соединенные Штаты смогут приступить к поиску решения проблемы.

Белый дом в одностороннем порядке перенес встречу с саудовским министром иностранных дел на 17 октября.

Фейсал воспринял это как личное оскорбление.

Но все же не терял надежды и разрешил своему министру провести в Вашингтоне пресс-конференцию. Он хотел удостовериться, что президент правильно представляет себе позицию Саудовской Аравии.

Однако Соединенные Штаты в ту пору переживали нелегкие времена. Среди американцев усиливалось недовольство арабами и их главными пособниками — русскими, которые оказывали арабским странам всевозможную закулисную поддержку. Было это справедливым или нет, но многие отождествляли тех и других, видя в них одну шайку. А там, где хоть чуточку пахло возможностью советского вмешательства, не оставалось места для рассуждений об «умеренных арабах» и «арабах-экстремистах». И на пресс-конференции саудовского министра эти настроения прорвались наружу. Дошло до того, что один из возражавших ему журналистов сказал:

— Нам не нужна ваша нефть. Можете ее пить, если хотите.

— Хорошо, — ответил министр. — Посмотрим.

После этого Фейсал сказал Ямани:

— Приступай к делу.

Прежде всего надо было собрать министров ОПЕК.

Они встретились 16 октября в Кувейте, в отеле «Шератон». Совещание продолжалось всего лишь несколько часов. Объявив о недействительности тегеранских соглашений, Ямани и Амузегар вместе с остальными членами картеля проголосовали за увеличение цены на нефть до 5,12 доллара за баррель.

В тот же день неарабские делегаты покинули отель, предоставив ОАПЕК действовать в свой черед.

Утром 17 октября делегация Ирака потребовала полной национализации всего американского имущества на Ближнем Востоке.

Совещанию надо было решить три совершенно разных вопроса: во-первых, о поднятии цен, во-вторых, о сокращении добычи членами ОАПЕК и, в-третьих, об эмбарго.

Ямани был, как никогда, исполнен решимости втолковать радикалам, в первую очередь представителям Ирака, почему нельзя просто взять да и национализировать все, что принадлежит американцам.

— Мы должны были убедить их, что предлагаем лучшее из возможных решений. Сами понимаете, как жаркие дискуссии разгорелись на совещании.

Делегаты спорили до хрипоты и плохо себя сдерживали.

— Увы, все шло обычным порядком, — вздыхает Ямани, еще раз замечая, что сам он, к сожалению, никогда не теряет самообладания.

— Почему «к сожалению»?

— Потому, что это подчас бывает очень кстати. Не всегда, конечно. Но иной раз это разряжает обстановку.

В тот день радикалы стояли на своем, требуя прекращения всяких поставок американцам.

Стоял на своем и Ямани.

Всем, кто сидел за столом заседаний, было ясно, что любая акция, предпринятая арабами, не возымеет эффекта, если в ней не примет участия Саудовская Аравия.

Но и Ямани было ясно, что любые демарши арабских государств, рядом с которыми нет Саудовской Аравии, не произведут никакого впечатления на Запад.

А этого он не хотел.

Посвятив предобеденные часы беседам с представителями Кувейта и других стран залива, Ямани заручился их поддержкой. Затем он сосредоточил усилия на слабейшем звене в цепочке радикалов — делегации Алжира.

Почти весь остаток дня он беседовал с алжирцами наедине, без третьих лиц. И к вечеру смог убедить их, что нужные плоды

принесет именно та мера, которую предлагает он, — последовательное сокращение добычи.

Лед начал таять. Вслед за Алжиром на позиции Ямани перешла и Сирия.

К концу дня не сдался только Ирак. Нажим остальных членов ОПЕК привел лишь к тому, что иракцы решили покинуть совещание.

Начался второй акт.

Было принято решение немедленно сократить добычу нефти на 10% и затем ежемесячно сокращать ее еще на 5% — с оговоркой, что экспорт в дружественные страны не будет снижаться.

— Мы разделили мир на дружественные, нейтральные и враждебные страны, — поясняет Ямани. — Но рекомендуя ввести эмбарго против враждебных стран, мы оставили фактическое решение этого вопроса на собственное усмотрение правительств государств.

Ямани вернулся в Эр-Рияд, где свершился третий, и последний, акт драмы.

Введение эмбарго зависело теперь от короля Фейсала. И этот шаг — во всяком случае, так уверяет Ямани — вовсе не был неотвратим.

— Фейсал никогда не стремился к введению эмбарго на поставки в Соединенные Штаты. Но Никсон не оставил ему иного выбора.

Джим Эйкинс, в отличие от Ямани, считает, что это рано или поздно должно было случиться.

— Это вынужденное решение не доставило Фейсалу радости, но иначе он просто не мог поступить. «Мы добываем слишком много нефти, — не раз говорил он мне, — больше, чем нужно. И не в состоянии рационально использовать доход, который она нам приносит. Мы поступаем так только потому, что вы нас об этом просите. Но впредь мы не будем этого делать, пока не увидим прогресса в деле возвращения арабам их земель». Саудовцы сожалели о введении эмбарго, но объясняли это тем, что Америка во время войны поставляла оружие Израилю. Она направляла из Германии самолеты с военными грузами прямо на оккупированный Синай. Арабы расценивали такие действия как враждебные. Позже конгресс проголосовал за резкое увеличение помощи Израилю. Это переполнило чашу их терпения и сделало эмбарго неизбежным.

О введении эмбарго публично объявил король Фейсал. Он сказал:

— В связи с увеличением американской военной помощи

Израилю Королевство Саудовская Аравия решило прекратить все поставки нефти Соединенным Штатам Америки.

И в государственном департаменте, и в Белом доме заявление Фейсала вызвало некоторую растерянность.

Похоже, до последней минуты посольство Соединенных Штатов в Саудовской Аравии получало успокаивающие заверения из «компетентного и заслуживающего доверия» источника, весьма близкого к королю. Смысл этих заверений состоял в том, что, несмотря на словесную поддержку, которую Фейсал, естественно, не может не оказывать своим арабским братьям, он никогда не предпримет действий, которые могли повредить отношениям Саудовской Аравии с Соединенными Штатами.

К несчастью для американцев, эта информация оказалась ложной. А источником ее, если верить служащему, который в те годы работал в посольстве, был не кто иной, как министр внутренних дел принц Фахд.

22 октября к решению Саудовской Аравии присоединились остальные члены ОАПЕК. Эмбарго распространялось и на Голландию, поскольку эта страна упорно отказывалась осудить Израиль, а голландские добровольцы открыто сражались на стороне израильтян.

Голландия заявила, что не подчинится шантажу. Ее твердость заслужила похвалу и одобрение американцев.

Ямани расценивает поведение голландцев иначе:

— Роттердам — крупнейший нефтяной рынок, там находится масса нефтеочистительных заводов. Конечно, прекращение поставок было для голландцев весьма болезненным. Это могло парализовать их бизнес. Они знали, на что идут, принимая свое решение. Но я не считаю, что нужно их за это уважать, потому что не считаю происходившее шантажом.

Ямани называет эмбарго вполне законной политической акцией и говорит, что Саудовская Аравия выступила в данном случае как достойный ученик самих же Соединенных Штатов.

— Как бы то ни было, — продолжает он, — голландцы относились к Израилю иначе, чем другие страны Европейского сообщества. В Нидерландах была группа политиков, которая, как нам стало известно позже, очень тяжело переживала события, происходившие в их стране во время нацизма. И это наложило отпечаток на их действия. По правде говоря, я не понимаю, почему нужно мириться с несправедливостью, которую творит человек, только на том основании, что когда-то он сам был жертвой такой же несправедливости. Прошлое никак не может оправдать поведения израильтян.

Скачок цен, сокращение добычи и эмбарго совпали во

времени, и это было шоком для промышленно развитых стран. Западу необходимо было ткнуть в кого-нибудь пальцем и сказать: вот он, главный злодей! Но обвинять было бы не совсем корректно. Кроме того, на такое обвинение последовал бы резонный ответ: «Мы здесь ни при чем, арабские министры нефти действовали независимо». Поэтому мир стал искать виновника среди арабских министров нефти. И под прицел телекамер попала наиболее знакомая физиономия.

— Наши симпатии принадлежат Западу, — непрерывно повторял Ямани, пытаясь объяснить происходящее западным репортерам. — И ваши и наши интересы состоят в том, чтобы совместно трудиться ради общего блага. Мы живем в едином мире. Мы стараемся убедить вас, что вы должны пройти навстречу нам, арабам, свою половину пути. В этом случае все мы узнаем друг о друге много нового и мир станет лучше.

Но чем длиннее становились очереди возле бензоколонок в Соединенных Штатах, тем с меньшей охотой слушали Ямани западные журналисты.

Даже сейчас Ямани чувствует необходимость объяснить тогдашнюю позицию Саудовской Аравии:

— Поймите, наконец: вопросы о сокращении добычи и об эмбарго на поставки нефти в Соединенные Штаты рассматривались раздельно. Эмбарго имело иную политическую природу. По существу, оно не означало сокращения количества нефти, импортируемой Соединенными Штатами. Сами понимаете, если нефть из Саудовской Аравии и других арабских стран уходит куда-то, то Соединенные Штаты обязательно найдут возможность устранить дефицит. Поэтому эмбарго было наиболее символическим из всех наших действий.

Чисто символическим, если верить уроженцу Бахрейна Махди ат-Таджиру — бывшему послу Объединенных Арабских Эмиратов в Великобритании, а в настоящее время одному из лидеров арабского бизнеса в Европе и Соединенных Штатах.

— В 1973 г. на Западе шумели на все лады, будто арабы используют нефтяное оружие, чтобы оказать нажим на Соединенные Штаты и остальные страны свободного мира. Но скажите по совести: разве это было правдой? Где, как мы это делали? Разве это было настоящим эмбарго? По сути дела, никто не испытывал дефицита. Мы говорили об эмбарго исключительно для внутреннего потребления. И хотели поймать вас на эту удочку.

По мнению ат-Таджира, единственный реальный способ сделать из нефти оружие — это полностью прекратить ее добычу.

— Вы хотите использовать нефть как оружие? Перекройте

кран. Только так, не иначе. Но в 1973 г. ни о чем подобном и речи не было. Разве можно говорить об эмбарго, если вы отправляете нефть в порт и не в состоянии проследить ее дальнейший маршрут? Объявляется эмбарго, но никто и не думает закрывать нефтепромыслы. Какое же это эмбарго? Это просто символический жест. По-видимому, — говорит ат-Таджир, — арабы лишь хотели показать, что они могут использовать нефть в качестве оружия. А может быть, когда-нибудь это действительно случится. Не вижу причин, которые помешали бы им это сделать. Конечно, это отразится на странах-экспортерах куда сильнее, чем на странах-импортерах, потому что у нас нет других источников дохода. Но все зависит от того, кто будет стоять во главе арабских стран в будущем. Сейчас идет ирано-иракская война. Вы верите хоть на миг, что она скоро кончится и что потом все снова пойдет на лад? Где угодно, но не в этом регионе. Те, кто думает, что после войны жизнь в заливе вернется в прежнюю колею, сами себя обманывают.

Челночная дипломатия Ямани

Само по себе эмбарго ничего не меняло.

Партии саудовской нефти, изначально предназначенные для Соединенных Штатов, а теперь отправляемые в другие пункты доставки, попросту переадресовывались и попадали к тем же американцам.

По-настоящему болезненный удар нанесло Западу сокращение нефтедобычи, самым непосредственным образом затронувшее жизненный уклад всех ведущих индустриальных держав. Атлантический Союз дал серьезные трещины. Мировые валютные рынки попали в неуправляемый штопор.

Первым пал на колени перед арабами «Общий рынок», возглавляемый Францией.

В ноябре Европейское экономическое сообщество выработало совместный политический курс, «со всей настоятельностью» призвав обе стороны, вовлеченные в ближневосточный конфликт, немедленно возвратиться на позиции, которые они занимали 22 октября. Иными словами, Израиль должен был отступить. Страны «Общего рынка» объявили также, что, по их общему мнению, мирное урегулирование должно базироваться на таких принципах, как прекращение израильской оккупации территорий, захваченных в 1967 г., признание суверенитета, территориальной целостности и независимости всех государств региона и, наконец, признание законных прав палестинцев.

Поспешили продемонстрировать свою лояльность и японцы. Публично заявив, что Япония не желает оскорбить арабские государства своим официально провозглашенным нейтралитетом, и испытывая между тем панический страх при мысли о возможном прекращении поставок арабской нефти на полностью зависящий от них остров, японцы призвали Израиль отойти к рубежу, который был указан в декларации «Общего рынка».

4 ноября, видя, что нефтяной кризис не побудил Соединенные Штаты сколь-либо серьезно пересмотреть их отношение к Израилю, арабские министры нефти сделали новый ход. Они снизили уровень добычи на 25%. Этому решению отказался следовать только Ирак, по-прежнему требовавший национализации всего имущества США и Голландии.

Впрочем, по настоянию саудовцев ОАПЕК не стала стричь всех под одну гребенку. Ямани пожелал, чтобы «дружественные» государства получали нефть в прежнем объеме. К таковым относились Испания, Индия, Бразилия, арабские страны Ближнего Востока и Северной Африки, а также несколько мусульманских

стран — Турция, Пакистан и Малайзия.

Полностью лишались поставок Соединенные Штаты и Голландия. Остальным странам предоставлялся шанс проявить свое благонравие.

Поскольку, по заверениям Ямани, эмбарго и сокращение добычи должны были стать прежде всего инструментом воздействия на общественное мнение, арабские министры нефти решили послать на Запад своего представителя, дабы наилучшим образом изложить политические мотивы своих действий. Они уже пробудили внимание заблудших душ — пора было начинать проповедь.

Роль проповедника, как и следовало ожидать, была возложена на Ямани.

Впрочем, министры решили, что вместе с Ямани поедет и президент ОАПЕК Белаид Абдассалам. Это был удачный выбор. Абдассалам, министр нефти Алжира, принадлежал к радикальному крылу ОАПЕК, и его присутствие оттеняло умеренный курс, которого придерживался Ямани.

Министры начали поездку с Парижа и Лондона.

Во французской столице, где они были тепло встречены президентом Жоржем Помпиду, Ямани прямо заявил, что главная цель их вояжа — добиться, чтобы европейские страны оказали нажим на Израиль и заставили его уйти с территорий, захваченных во время шестидневной войны.

В столице Великобритании, где гостей столь же тепло встретил премьер-министр Эдвард Хит, Ямани постарался объяснить англичанам, что нефть используется арабами как инструмент для достижения политических целей, а отнюдь, не как оружие, которое должно причинять боль.

У Ямани не шел из головы минувший уик-энд, проведенный в Женеве, где учились в школе его дети.

Швейцарское правительство в целях экономии топлива запретило движение транспорта в воскресные дни. На улицах не было автомобилей. Город казался безжизненным и производил гнетущее впечатление. Сердце Ямани сжалось: если бы не нефтяной кризис, все выглядело бы совсем иначе.

Поэтому на следующий день, прибыв в Лондон вместе с Абдассаламом, он сказал, что искренне надеется на скорейшее окончание кризиса. Он пожелал жителям Великобритании счастливого Рождества и выразил сожаление, что они испытывают неудобства.

— Поверьте, я говорю это совершенно искренне, — сказал он англичанам.

Он выразил и надежду на то, что израильтяне в ближайшем

будущем поймут, какой дорогой ценой обходится всему миру незаконная оккупация арабских земель.

По его словам, арабы лишь хотели привлечь к происходящему внимание обычных людей и никогда не были склонны к экстремизму.

Британцев, однако, трудно было убедить, что поведение арабских стран следует называть как-то иначе. В декабре 1973 г. несчастья сыпались на них словно из рога изобилия.

Следом за нефтяным пришел банковский кризис, стремительно обрушившийся на Сити и заставший деловой мир врасплох. Он буквально в мгновение ока сокрушил британский рынок недвижимости. Одновременно началась забастовка шахтеров, которая лишила страну угля и очень быстро вынудила Хита объявить о переходе на трехдневную рабочую неделю. В Великобритании стали частыми перебои в подаче электричества. Резко подорожали штормовые фонари, свечи. На улицах скапливались груды мусора. Деловая жизнь замерла. Обсуждался вопрос о нормировании потребления энергии. Правительство было на грани отставки.

Хотя нефтяной кризис был отдельной проблемой, Ямани видел, что англичанам приходится слишком уж несладко и что необходим какой-то примирительный жест. В знак особой расположенности к Великобритании он пообещал сделать для нее исключение и восстановить поставки нефти до уровня, существовавшего перед введением эмбарго.

Поддержка, которую оказали делу арабов французы, и признательность, которую выражали им англичане, позволяли считать начало поездки многообещающим. Как и рассчитывал Ямани, он и Абдассалам оказались в центре внимания мировой прессы.

Они пустились в путь по остальным европейским странам и, точно Гензель и Гретель, рассыпавшие хлебные крошки, чтобы отыскать дорогу домой, даровали льготы всем, кто выражал сочувствие арабам.

Бельгия получила передышку, потому что ее парламент принял декларацию, осуждавшую Израиль. Один из ее очистительных заводов ранее получал нефть по трубопроводу из Роттердама, и Ямани распорядился возобновить поставки по этому трубопроводу.

На очереди был «Общий рынок», объединявший девять государств.

Ямани и Абдассалам направились в Западную Германию, где встретились с Вилли Брандтом. После длительной дискуссии в кабинете канцлера в Бонне Ямани пришел к выводу, что Брандт

занимает крайне произраильскую позицию. Лидер Западной Германии, еще не получивший тогда Нобелевской премии мира, сказал, что еврейское государство имеет право на существование. На это Ямани сказал, что палестинцы также имеют право жить по-человечески.

Брандт сравнил палестинцев с североамериканскими индейцами. Он сказал:

— Не существует же государства индейцев. И никто об этом даже не заговаривает.

— Может быть, так случилось только потому, что индейцам не повезло, — ответил Ямани, — и они не окружены многочисленной группой близкородственных народов, которые хотят им помочь. Если бы не это, сегодня их судьба могла быть совсем другой.

Брандт не согласился с Ямани.

— Насколько помнится, — говорит Брандт, — беседа в Бонне была достаточно дружелюбной, хотя я и возражал против использования нефтяного эмбарго в качестве политического рычага. Мое высказывание насчет американских индейцев, похоже, было неправильно понято. Это было одним из моих наблюдений общего характера, состоявшим в том, что мир много раз приходил к весьма спорным решениям, когда дело шло о границах и о коренном населении.

Как бы то ни было, Брандт использовал свое немалое влияние, чтобы согласовать действия европейских стран, направленные на преодоление энергетического кризиса. Европейское экономическое сообщество еще раз заявило, что поддерживает резолюцию ООН, осуждающую Израиль и призывающую его немедленно уйти с оккупированных арабских территорий.

— Мое правительство, — подчеркивает Брандт, — твердо придерживалось резолюции ООН. Западная Германия также была вознаграждена, получив соответствующую льготу.

Между тем позиция американцев становилась все более жесткой. Генри Киссинджер и Уильям Саймон, недавно коронованный энергетический «царь» Америки, выступили с резкими заявлениями в прессе: по их мнению, «в воздухе явственно запахло шантажом».

Чтобы противостоять этому шантажу, Киссинджер, прочно окопавшийся в государственном департаменте, призвал промышленно развитые государства как можно скорее провести встречу в Вашингтоне. Он хотел, чтобы западные импортеры нефти выступили против арабов единым фронтом. Вашингтонский нефтяной саммит был запланирован на февраль.

Тем временем министр обороны Джеймс Шлезингер стал публично обсуждать проблему саудовских нефтяных месторождений и возможность военной интервенции.

— Арабы изрядно меня обгадили, — говорит Шлезингер, — но если вы откроете газеты того времени, то увидите, что меня просто спросили на пресс-конференции: вы возьмете под контроль нефтепромыслы, если президент прикажет вам это сделать? И я ответил утвердительно. Если вы припоминаете, Киссинджер тогда стал рассуждать о так называемом «перекрытии кислорода». Это была одна из его геополитических идей, состоявшая примерно в следующем: когда менее сильное государство пытается перекрыть кислород великой державе, та должна готовить ответную акцию. Мы с президентом были готовы к решительным действиям, если того потребовала бы ситуация. Но не думаю, что дело зашло бы так далеко.

Ямани утверждает, что знал о силах быстрого реагирования Соединенных Штатов и о планах захвата саудовских месторождений в конце 1973 г. или в самом начале 1974 г.

— Я был очень встревожен, когда впервые об этом услышал, потому что понимал, что это обернется настоящей бедой. Не только для Саудовской Аравии, но и для всего мира.

Как вспоминает бывший высокопоставленный служащий министерства обороны, «в те дни по колледжу военно-морского флота разгуливало множество полковников морской пехоты, которые говорили, что эта чертова мразь на верблюдах скоро узнает, почем фунт лиха. Нефтяной кризис сидел в печенках у средних американцев — особенно у тех, кому приходилось выстаивать очереди возле бензоколонок. Спору нет, он показал, какое важное место арабы занимают в мире, повысил их авторитет. Но арабы не снискали в Соединенных Штатах новых симпатий. И многие американские солдаты говорили: война, которую ведет Израиль, — это наша война».

Несмотря на это, Ямани и сейчас убежден, что попытка захвата саудовских нефтепромыслов была бы обречена на провал еще до ее начала.

— Вторжение в зону нефтедобычи стало бы чистым самоубийством. С практической точки зрения захват был неразрешимой задачей. И остается таковой. Если вы вспомните, где находятся месторождения, то поймете, почему я так говорю. Они разбросаны в пустыне, и, чтобы взять под контроль все нефтепромыслы, нужно несколько сотен тысяч солдат. А чтобы после этого вести добычу, нужны еще тысячи и тысячи. Нет, сделать это было просто невозможно. Невозможно и теперь.

Более того, — говорит Ямани, — если бы американцы, не

пожелав продолжать добычу, решили разрушить нефтедобывающие установки, они уничтожили бы вместе с ними и себя. Все равно как если бы жена, задумавшая насолить мужу, отрезала себе нос. Уничтожить нефтепромыслы невозможно, захватить их и эксплуатировать также невозможно.

Узнав о планах американцев, Ямани, естественно, поспешил посоветоваться с Фейсалом.

Король тоже был убежден в полной невозможности такого развития событий.

— Думаю, это только разговоры… Чистый блеф, — сказал мне Фейсал.

Шлезингер с этим не согласен.

— Блеф? Ничего подобного. Я был готов овладеть каким-нибудь не слишком крупным объектом, скажем Абу-Даби. Наше военное превосходство вполне позволяло захватить одно из арабских государств. Эти планы действительно напугали и рассердили арабов. Они были не блефом, а самой настоящей реальностью. И начиная с 1973 г. арабы были не на шутку ими обеспокоены.

Согласно одному из ближневосточных источников, Фейсал воспринял эту угрозу гораздо более серьезно, чем утверждает Ямани. Его тревожили не только проекты Пентагона, но и намерения израильтян, которые, по некоторым сведениям, также разработали экстренный план захвата нефтепромыслов. Поэтому король предпринял сверхсекретные меры предосторожности, и саудовская национальная гвардия получила инструкции, предусматривавшие в случае вражеской атаки уничтожение особо важных объектов. С выходом этих объектов из строя саудовская добыча нефти сокращалась до предельно низкого объема, и оккупационным силам потребовалось бы не менее года и около 5 миллиардов долларов, чтобы вновь привести нефтепромыслы в рабочее состояние.

После аншлагов в Европе Ямани и Абдассалам продолжили свои гастроли в Соединенных Штатах. Здесь Абдассалам сразу оказался в тени. Гвоздем программы был Ямани.

Все хотели встретиться именно с ним.

В то время он уже был известен как араб, который не имеет равных среди соплеменников в искусстве обращаться с представителями средств информации. Ему было что сказать американцам. К тому же он обладал достаточным природным талантом и ораторской выучкой, чтобы заставить себя слушать.

Министры прилетели в Нью-Йорк, где их ожидало множество репортеров.

Ямани отказался сказать им хотя бы слово.

Не задерживаясь, министры отправились прямиком в Вашингтон, где Ямани предстояло дать телевизионное интервью. Ямани считал выступление в Вашингтоне целью своей миссии. И до этого интервью не хотел говорить ни с кем.

Разыгрывая недоступность, он намеренно обострял внимание к своей персоне.

Представ перед камерами в прекрасном черном костюме, раскованный и уверенный в себе, Ямани был несколько смущен откровенно недружелюбным тоном, который звучал в вопросах.

— Я понял, что меня хотят рассердить.

Но он сохранил самообладание и держался так же спокойно, как и вначале.

— Я объяснил ситуацию так, как это сделал бы настоящий друг. Даже попросил прощения за все неудобства, которые причинил американцам кризис. И что вы думаете? Телерепортеры были глубоко разочарованы. Я понял это по их лицам. Позже я узнал, что интервью так и не прошло в эфир. Видимо, они хотели показать американской публике совсем другой тип араба — отсталого бедуина из пустыни или что-то в этом роде. Боюсь, что их ожидания не оправдались.

Зато оправдались ожидания «Ньюсуик», напечатавшей в своем рождественском выпуске за 1973 г. интервью с Ямани, выдержанное в духе откровенной конфронтации.

«*Ньюсуик*». Не существует ли опасности, что ваша нефтяная политика толкнет государства, страдающие от нее, на отчаянные шаги?

Ямани. Это могло бы быть правдой, если бы вы всерьез полагали, что арабы намерены использовать нефтяное оружие до тех пор, пока ваша экономика не рухнет. Но пусть так: все равно я не думаю, что вы решитесь на крайние меры. Вы ведь знаете, что у нас в руках по-настоящему сильное оружие, которое мы не пускаем и не собираемся пускать в ход.

«*Ньюсуик*». Но если вы не намерены причинять серьезного ущерба экономике США, Японии и европейских государств, стоит ли рассчитывать, что нефтяное оружие сработает?

Ямани. Поскольку нефтяное оружие рассчитано не на то, чтобы причинять кому-то ущерб, но должно лишь привлечь внимание к нашим проблемам, я полагаю, мы будем использовать его только в этом контексте».

Интервью сопровождалось подробным очерком, посвященным Ямани: очерку был предпослан интригующий заголовок: «Всего лишь простой бедуин». Эту характеристику дал себе сам Ямани.

В очерке говорилось: пишущие о Ямани часто употребляют такие эпитеты, как «блестяще одаренный», «непреклонный»,

«внушающий страх», но сам он утверждает, что все это не более чем ярлыки… «Преувеличенно-умоляющим жестом воздев руки, он улыбается как Мона Лиза и смиренно возражает:

— Что вы, я всего лишь простой бедуин».

Следующий абзац начинался словами: «Верно, но не совсем». Это было сущей правдой.

Далее автор писал: «Безупречные костюмы от Кардена и модные черные туфли, которые носит Ямани, полностью отвечают самым высоким международным стандартам. Однако всякого, кто видит в нем обычного жуира из арабского мира, ждет жестокое потрясение. Ямани отменный знаток нефтяного бизнеса и умеет твердо вести свою линию».

«Ньюсуик» назвала Ямани «человеком дня».

Остальная пресса, особенно вашингтонский журналистский корпус, буквально не давала Ямани прохода, его забрасывали вопросами, фотографировали, цитировали, словно рок-звезду.

Пребывание Ямани в столице США обернулось вереницей званых завтраков, обедов, ужинов и нескончаемой чередой коктейлей. Он встретился с новым вице-президентом Джерри Фордом, с Генри Киссинджером, с членами кабинета, сенаторами, конгрессменами, дипломатами, банкирами, бизнесменами.

Типографские станки работали без передышки.

На гребне успеха, достигнутого в Соединенных Штатах (хотя попытка склонить администрацию Никсона к отказу от поддержки Израиля не принесла желанного результата), Ямани отправился в Японию.

Японцы уже в начале 1973 г. приняли к сведению угрозу, которой не хотел внять Вашингтон. Они хорошо понимали, что прекращение поставок арабской нефти парализует японскую экономику.

Стремясь пресечь кризис в самом начале, тогдашний министр промышленности Ясухиро Накасонэ совершил визит на Ближний Восток, засвидетельствовав свою лояльность всюду, где только мог. По возвращении домой Накасонэ возвестил миру следующее:

— Ныне я еще более твердо убежден, что ближневосточную нефть следует рассматривать не как обычный товар, но как предмет, имеющий самую глубокую связь с политикой.

Ему не было нужды напоминать японцам, что нефть была — и остается по сей день — особо важным для этой страны ресурсом. По этой причине, сказал Накасонэ, нефтяная политика государства ни при каких обстоятельствах не может зависеть от прихотей японских промышленников. Она должна полностью контролироваться правительством. Накасонэ даже охарактеризовал правительственный подход как «нефтяную

дипломатию».

Очерчивая государственную политику и этой области, Накасонэ сказал:

— В настоящее время мировой рынок нефти переживает переходный период, когда страны-экспортеры ищут среди стран-потребителей партнеров, с которыми они могли бы заключить долгосрочные соглашения. Если между группой крупнейших мировых экспортеров нефти и Японией, одним из основных импортеров, установятся отношения сотрудничества, это будет иметь огромное влияние на международный рынок.

Накасонэ явно хотел задобрить арабов и гарантировать Японии бесперебойные поставки нефти. Но тут началась война.

Япония, официально провозгласившая нейтралитет в арабо-израильском конфликте, внезапно поняла, что арабы смотрят на нее весьма косо. Опасаясь, что эмбарго разрушит экономику страны и приведет к отставке правительства, японцы решили спасти свою репутацию в глазах арабских поставщиков. Не смея, по целому ряду причин (включая и вполне очевидные), попросту упасть им в ноги и взмолиться о пощаде, они признали, что, отсиживаясь за забором, наносят оскорбление арабам. И японский кабинет решил пересмотреть вопрос о нейтралитете — в том, что касалось отношения Японии к Израилю.

У японцев были две возможности.

Можно было внять призыву Соединенных Штатов и сохранять нейтралитет. Но при этом ничто не гарантировало Японии пополнения запасов нефти, если подойдут к концу те, что имелись. А их должно было хватить на 59 суток.

Можно было, напротив, рискнуть благорасположением американцев и начать флирт с арабами.

Японцы выбрали путь наименьшего сопротивления. Они призвали Израиль освободить оккупированные арабские территории.

Ямани были оказаны в Токио высшие почести; его даже принял император, что обычно предусматривалось лишь для главы государства. Визит самым подробным образом освещался в японской печати. В течение той недели, что Ямани провел в Японии, некоторые газеты выпускали специальные приложения, на все лады восхвалявшие гостя. И чтобы не было и тени недопонимания, эти приложения получили мощную поддержку в виде обильной рекламы — тем самым японские промышленники со всей откровенностью показали, чью сторону они держат в ближневосточном конфликте.

Не стоит и говорить, что за всем этим проглядывалось нескрываемое желание государства, зависящего от внешнего

источника энергии, снискать благосклонность человека, который мог открыть или, наоборот, закрыть кран одним мановением руки.

Сам Ямани также согласен с тем, что, не будь кризиса, его едва ли встретили бы подобным образом.

— Я приезжал в Японию практически каждый год, но до января 1974 г. меня ни разу не принимал император. В то время император вообще принимал только глав государств или глав правительств. Сейчас исключения случаются чаще, но тогда это было в высшей степени необычно. Я был, по существу, первым арабским министром, удостоившимся такой чести.

Итак, нефтяное оружие — или, как настаивает Ямани, «нефть в качестве инструмента политики» — сработало еще в одной стране.

Выступая перед японцами, Ямани, прекрасно улавливавший сигналы, которые посылала ему аудитория, старался предстать в лучшем свете.

— Японии, — сказал Ямани, — нужны долгосрочные контракты, которые обеспечат ей регулярное снабжение саудовской нефтью.

Он сказал, что японцы смогут обойти многие из ныне существующих торговых барьеров, если, в свою очередь, пожелают помочь в осуществлении различных экономических проектов Саудовской Аравии.

Ямани сказал также, что король Фейсал мог бы понизить цены на нефть, но добавил: «При условии, что остальные пять стран-экспортеров залива согласятся последовать их примеру. Мы обсудим этот вопрос с остальными членами. Мы не индивидуалисты, и было бы преждевременным говорить о том, насколько могут быть понижены цены».

Не прошло месяца после вашингтонского нефтяного саммита, и Ямани умышленно стремился вбить клин между странами-импортерами.

— Некоторые из импортеров, — сказал он в Японии, — сейчас чрезвычайно заинтересованы в двусторонних соглашениях со странами-экспортерами. Это, в первую очередь, Япония и, далее, Франция, Великобритания и Западная Германия. Саудовская Аравия готова к диалогу с этими странами.

Его выступление привело в бешенство Генри Киссинджера. Ямани нанес мощный удар по стратегии государственного департамента, стремившегося сплотить импортеров и изолировать экспортеров.

Но он смутил и экономическую комиссию ОПЕК, которая в это время заседала в Вене. Члены ОПЕК совсем недавно

согласились поддерживать цены на существующем уровне до конца марта, когда, как предполагалось, экономический комитет выпустит свою записку, определяющую краткосрочную и долгосрочную динамику цен. То, что Ямани предложил японцам, англичанам, французам и западным немцам вести дела с Саудовской Аравией на сепаратной основе, делало ситуацию непредсказуемой.

— Это правда, — соглашается Ямани. — Я действительно предложил Франции, Германии, Японии и Англии сотрудничество на сепаратной основе. Не стану скрывать: я хотел вести дело независимо от тринадцати членов картеля. Но это никак не затрагивало ОПЕК, потому что ОПЕК не имела никакого отношения к маркетингу. Речь шла о двусторонних торговых связях. В то время всего важнее для этих стран было обеспечить себе надежный источник снабжения. К примеру, японцам нужны были гарантии, что они смогут получить от нас столько нефти, сколько им потребуется. Если бы я дал им такие гарантии, они бы успокоились.

Другими словами, Японии предлагалось заключить соглашение в режиме особого благоприятствования.

— Верно. Но не забывайте, что речь шла о двух разных вещах. Во-первых, об отношениях между Японией и Саудовской Аравией. Мое предложение подразумевало именно этот аспект. И во-вторых, о политической проблеме, затрагивавшей все арабские страны. Что касается двусторонних отношений, то мы хотели, чтобы Япония помогла создать в Саудовской Аравии современную инфраструктуру — в обмен на нашу готовность обеспечивать ее энергией. Что касается общеарабского дела, то мы хотели, чтобы Япония публично признала, что Израиль должен вернуть захваченные территории. И мне было нужно только одно — объяснить Японии, что такое заявление сразу переместит ее в другую категорию стран.

* * *

Можно ручаться, что до 16 октября 1973 г. в Америке, Европе и Японии лишь немногие хотя бы краем уха слышали об ОПЕК. Еще меньше было людей, знавших о существовании ОАПЕК.

И почти никто не узнал бы шейха Ямани, даже если бы он подошел на улице и представился.

Но, когда началась война, положение изменилось.

«ОПЕК», «ОАПЕК» и в особенности «Заки Ямани» — этими словами пестрели первые полосы всех газет.

Эдвард Хит, в те годы хорошо знавший Ямани, говорит, что тот всегда производил на него прекрасное впечатление.

— Ямани необычайно одарен; он никогда не теряет самообладания и отлично чувствует международную ситуацию.

По-видимому, Ямани отвечал Хиту взаимностью: когда Хит дирижировал оркестром в Швейцарии (его любимое хобби) и узнал, что Ямани также находится в стране, то послал ему персональное приглашение, и Ямани пришел на концерт.

Примечательно, однако, что Хит, рассказывая о «редком взаимопонимании», наладившемся между ним и Ямани, не забывает упомянуть, что западные политики хорошо знали о «приниженном» положении, которое тот занимает в Саудовской Аравии. Они не раз с молчаливым удивлением наблюдали, как некоторые члены королевской семьи не стесняются указывать Ямани, что, несмотря на тесные отношения с Фейсалом, он не принадлежит и не будет принадлежать к королевской фамилии.

Да, в Саудовской Аравии положение Ямани было в известном смысле «приниженным». Но на Западе дело обстояло иначе. Пока был жив Фейсал, все твердо знали, что слово Ямани — это слово короля.

— Каждый раз, когда у нас с Ямани возникали разногласия, — вспоминает один из служащих «Арамко», — мы просили его устроить нам встречу с Фейсалом, Ямани никогда не отказывался. Он заранее знал, какой будет реакция короля. Он был у верен, что Фейсал всегда его поддержит, потому что их взгляды полностью совпадали.

Еще один человек, знавший Ямани в те дни, — сэр Алан Ротни, тогдашний английский посол в Саудовской Аравии.

— Я впервые приехал в эту страну в середине лета 1972 г. В Джидде у Ямани был маленький домик поблизости от королевского дворца; в ту пору этот домик находился как бы на приморском бульваре, теперь это не так, потому что всю прибрежную полосу застроили. Ямани уже десять лет занимал пост министра. Но фигурой мирового ранга он стал только после того, как в 1973 г. цены на нефть выросли вчетверо. Тогда он сразу выдвинулся на первый план.

Необходимо отметить, что до появления на политической сцене Ямани западные люди привыкли считать более-менее развитыми и цивилизованными лишь средиземноморских арабов; в арабах же из стран залива видели отсталых бедуинов, живущих по законам феодального общества.

Ямани сломал этот стереотип. Мир увидел в нем человека, который сумел воплотить в реальность планы использования арабской нефти для борьбы с Израилем.

Сам Ямани также считает, что оказал известное влияние на общественное мнение Запада.

— Полагаю, я помог западным странам, и особенно Соединенным Штатам, изменить представления об арабах как о диком, невежественном народе. Едва ли я казался американцам диким и невежественным, когда с ними беседовал. И это помогло рассеять заблуждения насчет «отсталых бедуинов из пустыни».

Я тут же напоминаю, что он сам назвал себя «простым бедуином». Ямани широко улыбается:

— Ну что ж, я ведь родился в этой части света. Там я вырос. Там мои корни. И кто знает, может быть, бедуины не так уж плохи.

Я замечаю, что его все же трудно принять за «простого бедуина».

— Я прекрасно себя чувствую на Западе, — отвечает Ямани. — Великолепно. Иногда, правда, я надеваю арабское платье, но с единственной целью — немного отдохнуть. Оно ведь удобнее, чем западная одежда. Впрочем, и другие бедуины, имей они возможность жить на Западе, вероятно, освоились бы там не хуже меня.

Он на мгновение умолкает, потом снова улыбается.

— Поймите: мы, бедуины, умеем приспосабливаться к любым обстоятельствам.

* * *

План Киссинджера предполагал создание организации, которая объединила бы страны, импортирующие нефть, и, твердо придерживаясь определенных торговых и финансовых соглашений, противостояла странам-экспортерам. И лишь в дальнейшем, после окончательного оформления картеля импортеров, эта организация могла бы вступить в коллективные переговоры с ОПЕК.

В назначенном на 11—12 февраля 1974 г. вашингтонском нефтяном саммите должны были принять участие главы девяти государств Европейского экономического сообщества, Канады, Норвегии и Японии, а также генеральный секретарь Организации экономического сотрудничества и развития.

В случае успешной реализации плана Киссинджера арабам пришлось бы туго.

— Разумеется, мы противодействовали этому как могли, — говорит Ямани. — Я лично делал все, чтобы помешать Киссинджеру. И его очень раздражала моя позиция. Он хотел,

чтобы все импортеры нефти — как развитые, так и развивающиеся государства — выступили единым фронтом против ОПЕК. Я же изо всех сил стремился, чтобы эта встреча не состоялась, потому что она противопоставила бы экспортеров нефти всему миру. И не скрывал от предполагаемых участников саммита нашей обеспокоенности.

Ямани справедливо опасался, что Америка может сплотить свой лагерь и найти эффективный способ обезвредить нефтяное оружие, — Киссинджер только об этом и мечтал. Государственный секретарь был убежден, что если страны-импортеры по-прежнему будут сидеть сложа руки, весь мир — не исключая арабов — погрузится в глубокую экономическую депрессию.

Запад отнесся к инициативе Киссинджера с пониманием, и все главы государств, получившие приглашение, прибыли в Вашингтон.

Нефтяной саммит обещал принести неплохие результаты.

Дело испортил представитель Франции, упрямец по имени Мишель Жобер. Подчеркивая особое положение своей делегации, Жобер отказался говорить на каком-либо языке, кроме французского. Рабочим языком встречи был английский, и, надо сказать, Жобер вполне сносно им владел. Но почему-то решил, что все шагают не в ногу, и упорно отстаивал свое право говорить по-французски. Поэтому ход совещания то и дело замедлялся из-за вмешательства переводчиков.

Мало того, когда Соединенные Штаты предложили объединить усилия в преодолении энергетического кризиса, Жобер опять счел, что его партнеры по «Общему рынку», которые отнеслись к этому предложению благосклонно, шагают не в ногу с Францией.

При голосовании Франция осталась в одиночестве, а все остальные участники встречи согласились координировать политику своих стран в области экономии энергии и ограничения потребления, создать систему распределения ресурсов в условиях жесткого дефицита, оказывать поддержку национальным программам развития альтернативных источников энергии и, кроме того, ускорить осуществление исследовательских и прикладных программ в сфере энергетики.

Бывший премьер-министр Великобритании сэр Алек Хьюм, в то время возглавлявший министерство иностранных дел, делится воспоминаниями о вашингтонской встрече.

— Жобер довольно ловко вел свою линию. Я был вместе с ним на нескольких конференциях, и почти всегда он держался за свой французский. Было бы намного легче, если бы Франция

согласилась сотрудничать с остальными, хотя, должен признаться, мы и в этом случае вряд ли смогли бы оказать сопротивление арабам. Но позиция Франции чрезвычайно осложнила нашу общую задачу.

Отказ Франции сотрудничать с участниками нефтяного саммита в Вашингтоне не был сюрпризом и для Ямани.

— Впрочем, если бы они и достигли полного согласия, то все равно не смогли бы ничего сделать. Мы, в отличие от них, всегда могли найти общий язык с развивающимися странами. Франция проводила свою политику последовательно: она не пожелала вступать и в Международное энергетическое агентство (МЭА), созданное Киссинджером. Эта страна отвергла избранный Киссинджером путь конфронтации и искала путь к сотрудничеству. По сути дела, Франция была настроена так же, как Саудовская Аравия.

Франция всегда считала, что арабы в своих отношениях с Западом отводят ей по традиции совершенно особое, привилегированное место. Но это было чистой иллюзией. Когда французы владели колониями в Северной Африке, их влияние в Марокко, Алжире и Тунисе действительно было велико. Теперь, однако, их оттуда вышвырнули, и Алжир национализировал имущество, принадлежавшее французским нефтяным компаниям. Французы верили также, что находятся в особых отношениях с Ираном, — потому что предоставили изгнанному аятолле Хомейни приют на вилле под Парижем. Но впоследствии, когда аятолла вернулся в Тегеран, главным пунктом назначения для иранских нефтяных танкеров стала отнюдь не Франция.

А пока что французы откровенно заигрывали с саудовцами.

Впрочем, Ямани слишком дипломатичен, чтобы употреблять такие выражения.

— Конечно, французы покупали нефть у Саудовской Аравии. Но они покупали ее и в других странах. Я, право же, не согласен с теми, кто объясняет подобными мотивами сотрудничество Франции с нами или, наоборот, нежелание сотрудничать с участниками вашингтонского нефтяного саммита. Мне кажется, они просто придерживались иной философии в отношении стран третьего мира. Результаты вашингтонского саммита свидетельствовали, что Европа, при всех возможных оговорках, капитулировала перед нефтяным оружием. Могущество и единство европейских стран оказались мифом. Как выяснилось, и богатство Европы, и ее внешнеторговые связи, и многочисленность ее населения — все это весит не так уж много на весах мировой политики.

На вопрос, испытал ли он удовлетворение от того, что

вашингтонская конференция потерпела своего рода фиаско, Ямани не задумываясь отвечает:

— Конечно. Ведь дело шло к конфронтации, а это не сулило ничего хорошего ни экспортерам, ни потребителям. Но если оценивать события с точки зрения такой сверхдержавы, как Америка, можно оправдать и ее поведение, и образ мыслей.

По признанию Ямани, ему понятны чувства американцев: когда Штаты внезапно обнаружили, что ими пытаются командовать небольшие страны, это было очень горькой пилюлей.

— Я не осуждаю американцев за то, что они решили покарать эти небольшие страны. Еще бы ОПЕК, как им показалось, сама нарывалась на драку. Но дело-то в том, что ОПЕК вовсе не стремилась к конфронтации. Просто Америке было трудно свыкнуться с тем, что страны-экспортеры впервые сами стали определять цену на нефть. А в глазах американцев это ли не было лучшим доказательством враждебности к импортерам? Думаю, они рассуждали именно так.

Ямани, всегда склонный мыслить исторически, был уверен, что наступит время, когда фаза противоборства будет пройдена, и надеялся, что кризис побудит промышленно развитые государства вступить в серьезные переговоры с развивающимися странами.

— Мы не хотели той конфронтации, к которой вел дело Киссинджер. Мы хотели сотрудничества. Мы стремились установить контакт между различными группами стран, по принципу «Север — Юг».

Прямым следствием вашингтонской конференции стало заявление Алжира, призвавшего провести сессию Организации Объединенных Наций, посвященную экономическим проблемам Юга (включая проблемы энергетики).

Саудовская Аравия направила в Нью-Йорк специальную делегацию, возглавляемую шейхом Ямани.

Понимая, что Генеральная Ассамблея ООН во многом похожа на совещание ОПЕК (только более громоздкое), Ямани и здесь занялся привычным лоббированием. Первые несколько дней в Нью-Йорке он непрерывно беседовал с делегатами по телефону или с глазу на глаз — и все яснее сознавал, что намерение Алжира вынести проблемы Юга на Генеральную Ассамблею не принесет конкретных результатов, но лишь потопит дело в болтовне.

— Мне предоставилась возможность вбить клин между развивающимися странами и Киссинджером и перетащить их в наш лагерь. Но будем откровенны: Организация Объединенных Наций не то место, где можно прийти к действенному

соглашению. Тут произносят громкие речи, но этим все и кончается. Ничего реального не происходит. А энергетическая проблема, по моему глубокому убеждению, была в то время жизненно важной. Слишком важной, чтобы доверять ее решение Генеральной Ассамблее.

Обратившись к участникам сессии, Ямани предложил организовать специальную конференцию «Север — Юг», на которой были бы рассмотрены все проблемы отношений между развитыми и развивающимися странами, в том числе и проблемы энергетики. Он даже конкретизировал свой план, указав, что такая конференция могла бы начаться отдельным совещанием десяти государств, которое выработает для нее повестку дня.

Но этому решительно воспротивилась Америка.

— Я хотел найти реальные формы сотрудничества. Киссинджер же искал конфронтации. Это было ясно как день. Вашингтонский саммит не оправдал ожиданий Киссинджера, и поэтому он решил создать Международное энергетическое агентство.

Несмотря на реакцию американцев, на следующий день после выступления Ямани на Генеральной Ассамблее с ним встретился посол Франции, который выразил интерес к его предложению провести встречу «Север — Юг».

Беседа Ямани с послом принесла нужные плоды: президент Франции Валери Жискар д'Эстен направил послание королю Фейсалу. Он предложил, чтобы Франция и Саудовская Аравия совместно призвали провести подготовительное совещание десяти государств, состав которого был намечен Ямани.

Вскоре Франция и Саудовская Аравия приступили к реализации этого плана.

Ямани, однако (не ставя в известность Валери Жискар д'Эстена), не рекомендовал королю Фейсалу брать на себя слишком активную роль в организации совещания.

— Это осложнило бы наше положение как в ОПЕК, так и вне ОПЕК. По моему мнению, Саудовской Аравии не следовало появляться на авансцене в этом качестве. Конечно, мы активно влияли на события, но я предпочитал оставаться в тени. Франция была на это согласна, и тем самым мы добились, чего хотели.

В конце концов усилия по созыву конференции «Север — Юг» увенчались успехом, хотя ее организаторы с самого начала столкнулись со множеством трудностей.

Против конференции выступили американцы, охарактеризовавшие этот план как попытку нейтрализовать Международное энергетическое агентство в самом его зародыше.

В Великобритании его расценивали в лучшем случае как

пустую затею, дублирующую проекты, которые уже находились в стадии реализации; в худшем — как досадную помеху.

Повестка дня, составленная представителями «десятки», включала четыре группы проблем: сырьевые ресурсы, передача технологии, внешняя задолженность и энергетика.

Но в последующие два года единый замысел распался на такое множество частностей, что фактически испарился.

Жискар д'Эстен с великим прискорбием объявил о его кончине. Он относился к этому плану как к собственному детищу. И мог винить в том, что случилось, только самого себя.

Как выяснилось, Ямани поступил весьма дальновидно, когда уступил всю славу французскому президенту, а сам остался за кулисами.

Но если бы план удался, киссинджеровское МЭА недосчиталось бы многих козырей.

— Киссинджер организовал МЭА исключительно в целях конфронтации, — утверждает Ямани, — и именно поэтому ОПЕК отказывалась вступать с МЭА в переговоры. Даже сейчас, когда характер деятельности МЭА изменился, контакты с этой организацией по-прежнему считаются в ОПЕК неблаговидным поступком.

Официально это так. Но сцена — одно дело. Кулисы — совсем другое.

— Скажу откровенно: мне случалось брать этот грех на душу, — говорит Ямани. — Негласно, при закрытых дверях. В 70-е годы я часто встречался с руководителем МЭА в конфиденциальной обстановке. Став председателем комитета по долгосрочной стратегии ОПЕК, я наладил и контакты с ЕЭС. Это шло вразрез с правилами, но я сознавал, что игнорировать МЭА мы не можем. Роль этого учреждения была слишком велика. Не в самом начале, но позже, когда оно вышло наконец из организационной стадии и приобрело вес, — тогда я прислушивался к нему с неизменным вниманием. Разумеется, приходилось действовать с большой осторожностью, ведь, что ни говори, Саудовская Аравия все-таки член ОПЕК и не имеет права делать публичные шаги, которые могут вызвать раздражение у других членов. Политика есть политика. И все же не стану отрицать: я неоднократно виделся с председателем МЭА. Иногда мы вместе обедали. Иногда просто встречались в спокойной обстановке и обменивались мнениями. Неофициальные контакты часто оказываются очень и очень полезными.

Крах ближневосточной политики Киссинджера

Рабочий кабинет Ямани находился на втором этаже ничем не примечательного желтоватого здания на полпути между аэропортом и центром Эр-Рияда.

По коридору, соединявшему холл с внутренними помещениями, медленно расхаживали секретари в белых арабских одеждах; стены коридора были увешаны огромными цветными фотографиями нефтеочистительных заводов, буровых вышек и нефтедобывающих установок, высящихся в пустыне.

Обычно в приемной дожидались аудиенции министра не менее дюжины посетителей. Одетые в арабское платье и в западные костюмы, они сидели, глядя в потолок или уставясь в пол, курили, посматривали на часы, гадая, сколько ждать.

Сам министерский кабинет был просто великолепен — огромная, обшитая деревянными панелями угловая комната, посреди которой красовался колоссальный стол в стиле ампир. В том же стиле была выдержана и остальная обстановка — стулья, столики; кроме того, в кабинете стояли большие арабские диваны, уложенные, как это принято у арабов, разноцветными подушками.

В глаза входящему бросалось множество телефонов (казалось, их трезвон не смолкает ни на минуту), коротковолновая рация, которой то и дело пользовался Ямани, и длинные простыни телексов со сведениями о ценах на нефть во всех концах света: к концу дня они скапливались на большом столе, громоздясь пухлыми кипами.

Каждого, кто попадал наконец из приемной в кабинет, по арабской традиции тут же угощали сладким чаем с мятой или кофе с кардамоном. И не один посетитель не отказывался от угощения. Все знали: чашка чая или кофе хоть как-то скрасит те томительные минуты, когда Ямани будет жонглировать телефонными трубками.

* * *

В самом начале ноября 1973 г., когда нефтяное эмбарго действовало в полную силу, а цены были подняты до 5,12 доллара за баррель, произошло, казалось бы, заурядное событие, почти, а то и вовсе не замеченное теми, кто не имел

отношения к миру нефтяного бизнеса.

Нигерия устроила аукцион, предложив для продажи одиночную партию своей сырой нефти.

Хотя из-за сокращения добычи общемировой объем продажи нефти сократился в то время лишь на 7% по отношению к уровню, который существовал в сентябре до введения эмбарго, большинством участников аукциона владела настоящая паника.

Нигерийская нефть была продана по 16 долларов за баррель.

Узнав о случившемся, счастья решил попытать и иранский шах. Экономика Ирана находилась в плачевном состоянии. Внешний долг намного превзошел все допустимые границы. Шах между тем намеревался провести в жизнь крайне амбициозный пятилетний план экономического развития. Он остро нуждался в деньгах.

В начале декабря Иран провел аукцион и продал свою нефть по 17,4 доллара за баррель.

Предвидя дальнейшее, Ямани призвал своих коллег не поддаваться гипнозу аукционных цен. Он пытался доказать, что эти цены в значительной степени объясняются введением эмбарго и сокращением добычи. И предупредил:

— Поскольку эти меры имеют чисто политическую природу, они не могут дать нормального экономического эффекта.

Но у шаха было свое мнение на этот счет.

Прошло три недели, и министры шести стран залива, входящих в ОПЕК, встретились в Тегеране.

Шах, решивший воспользоваться небывалым ажиотажем, который воцарился на рынке, сказал министрам, что иранское правительство хотело бы повысить получаемые им отчисления до 14 долларов с каждого барреля, что в действительности означало повышение цен примерно до 23 долларов за баррель.

Ямани прекрасно понимал, что столь резкий скачок цен бросит экономику Запада в штопор. Более того: стремительное повышение цен имело бы нездоровые последствия и для стран-экспортеров. В то же время западный рынок без особых осложнений мог абсорбировать менее резкий прирост цен, и, исходя из этого, Ямани предложил поднять цену на «саудовскую легкую» (рыночный эталон сырой нефти, принятый ОПЕК) до 7,5 доллара за баррель. Но не выше.

Шах, поддерживаемый радикалами, выдвинул компромисс: 12 долларов.

Ямани не хотел сдаваться, но чувствовал, что рассориться в эту решающую минуту с другими экспортерами (и особенно с арабами) значило поставить под угрозу само существование ОПЕК.

Шах просил его дать ответ.

Ямани сказал, что должен посоветоваться с королем. Извинившись, он покинул зал заседаний и поспешил к телефону. Однако ему не удалось дозвониться до Фейсала ни с первого, нм со второго, ни с третьего раза.

Шах так же настойчиво требовал ответа.

После нескольких безуспешных попыток связаться с Эр-Риядом Ямани был вынужден решать за короля, гадая, как тот поступил бы на его месте.

— Это был по-настоящему критический момент, — вспоминает Ямани. — Я принимал решение с огромной неохотой, опасаясь, что последствия столь резкого скачка цен будут очень тяжелыми. В действительности они оказались не такими уж страшными; но тогда я этого не знал. Я боялся, что быстрый рост цен повергнет экономику Запада в глубочайшую депрессию. А я знал и не уставал повторять всем и каждому: если будет плохо Западу, будет плохо и нам.

У Ямани были две возможности. Можно было сопротивляться шаху, рискуя расколоть ОПЕК, или же согласиться с ним, а впоследствии попытаться снизить цены. Он выбрал второе.

Только по возвращении домой Ямани узнал, что, дозвонись он тогда до Эр-Рияда, Фейсал поддержал бы его и высказался против изменения цен.

Баррель нефти стал стоить 11,65 доллара. Всего за несколько месяцев цены выросли в четыре раза.

На пресс-конференции, состоявшейся после совещания, шах выглядел наиболее агрессивным «ястребом» среди представителей стран залива.

— Отныне западные потребители научатся бережливости, — сказал он журналистам. — Все эти баловни судьбы, которые сытно едят три раза в день, имеют собственные автомобили и ведут себя, в сущности, как террористы, забрасывая бомбами всех, кто им не нравится, должны будут пересмотреть привычные представления о привилегированном положении развитых промышленных стран. Ничего, усерднее трудиться никому не вредно.

В словах шаха звучала плохо скрытая зависть.

Но, если бы он и сдерживал себя, избрав менее резкий тон, не было бы сомнений, что эта враждебность в значительной степени направлена против Ямани.

— Саудовцы всегда связывали шаху руки, — отмечает представитель государственного департамента Соединенных Штатов. — Но, заботясь о прочности Павлиньего трона, он никогда не осмеливался публично критиковать «дружественного»

монарха. Хотя тот был человеком, с которым шах менее всего хотел сообразовывать свою политику. Поэтому он сделал мальчиком для битья Ямани. Для него это был идеальный способ выражать свою неприязнь к Саудовской Аравии как таковой и к ее королю в частности.

С этим мнением согласен Иан Сеймур из «Мидл ист экономик сервей»:

— Вы говорите, шах недолюбливал Ямани. — Сеймур усмехается. — Ну, это слишком мягко сказано. Когда шаху нужно было обрушить очередной удар на саудовский режим, под руку всегда попадался министр нефти. Публично обвинять Фейсала или Халеда он не мог, и все стрелы летели в Ямани. Он называл Ямани орудием империалистов, но это было лишь фигурой слога, которую следовало понимать примерно так: вы, саудовцы, мешаете Ирану идти его собственным путем. Если кто и был орудием империалистов, так это шах. Конечно, он и Заки смотрели на вещи по-разному. Выступления Ямани носили иной характер: он доказывал, что Саудовская Аравия сохраняет за собой право на часть трофеев, которые достаются империалистам.

Ямани, рассказывая о своих отношениях с шахом, как всегда, остается джентльменом и маскирует истинные чувства с помощью характерных дипломатических оборотов.

— Трудно сказать, как в точности относился ко мне шах, но, спору нет, ему не всегда нравилось мое поведение. Ну и, конечно, меня критиковать было гораздо легче, нежели членов королевской семьи.

Несмотря на публичное противостояние шаха и Ямани (главным образом связанное с деятельностью ОПЕК), в частной жизни они, по-видимому, относились друг к другу отнюдь не враждебно.

В 60-х годах, когда шах проводил медовый месяц в сан-францисском отеле «Марк Хопкинс», случилось так, что Ямани остановился в том же отеле. Он издали увидел шаха и его невесту в коридоре, но не захотел их беспокоить. Вечером того же дня, когда Ямани уже засыпал, в его номере зазвонил телефон. Плохо соображая спросонок, он снял трубку.

— Заки, это Реза.

Ямани не сразу понял, с кем говорит.

— Почему вы меня избегаете? — спросил шах. — Я же видел вас сегодня в коридоре. Прошу вас, отобедайте с нами завтра.

Примерно в те же годы, находясь в Тегеране, Ямани пытался купить несколько черенков виноградной лозы для своего сада в Таифе. Но ему сказали, что вывоз виноградных лоз из Ирана запрещен. Ямани безумно хотелось иметь этот сорт, но он не

сказал ни слова никому из членов иранского правительства и, разумеется, шаху. Смирившись, он оставил дело без последствий. Спустя тринадцать лет, после особенно жаркого совещания ОПЕК, шах прислал ему пучок именно этих лоз. По-видимому, он отлично обо всем знал и решил сделать Ямани подарок.

* * *

После скачка цен внимание мировой прессы сосредоточилось на нефти. Газеты наполнились множеством статей, в которых подвергались детальному и всестороннему рассмотрению проблемы нефтяного бизнеса.

Совершенно неожиданное мнение высказал обозреватель Джек Андерсон, лауреат Пулитцеровской премии. Он предположил, что саудовцы, обладая запасом, который трудно растратить и за сто лет, боятся, что высокая цена на нефть чрезмерно собьет спрос и они не успеют сбыть с рук и десятой доли своего богатства.

— Маневрируя в преддверии тегеранской встречи, — писал Андерсон, — саудовцы и Джим Эйкинс, новый американский посол в Саудовской Аравии, настойчиво призывали Киссинджера оказать давление на шаха, использовав в качестве рычага американские поставки оружия Ирану. Но это ни к чему не привело, если не считать рутинного послания Киссинджера, направленного в Тегеран. Шах оставил его без внимания, и администрация Никсона с полным правом могла гордиться, что не запятнала свою репутацию и не пошла на применение силы, чтобы снизить цены на импортируемую нефть.

На вопрос, правду ли говорит обозреватель, Ямани отвечает без долгих раздумий:

— Да. Король Фейсал неоднократно просил Киссинджера побеседовать с шахом. Но это доказывает, что Фейсал не знал истинных намерений Киссинджера. А тот хотел как раз повышения цен. Потому что в конечном счете рост цен свел бы к минимуму зависимость Америки от импорта. По-настоящему высокие цены стимулируют поиск новых месторождений внутри страны, разработку альтернативных источников энергии и тем самым приводят к постепенному уменьшению зависимости от покупок нефти за рубежом. Именно к этому и стремился Киссинджер. Он хотел подорвать могущество арабов, прямо зависевшее от нефти, хотел выбить из рук арабов их мощное оружие. Решить эту нелегкую задачу можно было лишь единственным способом — добиться повышения цен на нефть.

Таким образом, и у Киссинджера, и у шаха были свои причины желать роста цен.

Это подтверждает и Хамед Захри, иранец иракского происхождения, бывший в течение десяти лет пресс-секретарем ОПЕК.

— Иран хотел купить самолеты. А Никсон и Киссинджер в то время стремились вооружить эту страну. Им нужен был сильный Иран. В распоряжении Ирана было единственное средство добыть деньги — поднять цены на нефть. Есть основания подозревать, что Киссинджер и внушил шаху эту мысль. Мол, проблемы нет: увеличьте цены, а на выручку купите самолеты.

Как и Ямани, Захри убежден, что, вздувая цены в 1973 г., шах действовал по тайному наущению американцев.

— Но, думаю, имел значение и еще один фактор. После вьетнамской войны экономика Соединенных Штатов находилась в не слишком завидном состоянии, особенно если сравнивать с Японией или Германией. Единственное, чем американцы могли затормозить развитие японской и германской экономики, — это добиться повышения цен на нефть, от которой обе эти страны столь сильно зависели. Шах и Киссинджер сварганили это дело общими усилиями. Вы всерьез верите, что все телефоны в Тегеране могли внезапно испортиться? Иранцам, чтобы выполнить свою роль, в ту минуту надо было каким-то образом нейтрализовать Ямани, не дать ему проконсультироваться с Фейсалом. И они отключили телефоны.

Как ни странно это прозвучит, мы вправе утверждать, что король Фейсал относился к Генри Киссинджеру весьма и весьма сдержанно. Фактически, указывает Джим Эйкинс, отношение короля к Киссинджеру во многом граничило с недоверием.

— Дело в том, что Киссинджер ему лгал. До того, как Киссинджер поднялся наверх, Фейсал был чрезвычайно расположен к Америке. Я много раз подолгу беседовал с королем и после этих бесед говорил себе: смотрите-ка, вот кто на самом-то деле американский министр иностранных дел. У короля было прекрасное чувство истории. Он готов был делать все, что отвечало интересам Америки, именно Америки, а не Израиля. С ним легко было находить общий язык. Возможно, я как никто другой помог Киссинджеру наладить контакты с королем. А Киссинджер показал себя заправским мошенником.

Заметим справедливости ради, что Эйкинс и Киссинджер никогда не питали друг к другу пылкой симпатии.

И это еще мягко сказано.

Эйкинс был назначен в Саудовскую Аравию в конце 1973 г. Но не захотел играть по правилам Киссинджера, и тот очень

быстро отозвал его обратно.

Как и во всех подобных случаях, на конфликт между Эйкинсом и Киссинджером можно посмотреть и с другой стороны. Вот что по этому поводу говорит старинный и близкий друг Киссинджера:

— По убеждению Джима, он знал арабов лучше, чем Киссинджер, чем вообще кто-либо другой. Поэтому он не выполнял указаний Генри, если не был с ними согласен. Спору нет, и Генри вечно ставил подножки своим послам, на это он был великий мастер.

Таким образом, в суждения Эйкинса о Киссинджере можно внести известные поправки.

— Эйкинс — один из самых заносчивых людей на свете, — утверждает Джордж Балу. — Болезненное самолюбие Джима бросается в глаза всякому, кто с ним сталкивается. Он очень талантлив и очень агрессивен. Еще до своей отставки Эйкинс сказал мне, что ему не усидеть на этом посту. По его словам, Генри Киссинджер вышел из доверия у арабов. В самом деле, войне 1973 г. положила конец челночная дипломатия Киссинджера. И арабы до сих пор убеждены, что Киссинджер тогда их предал. Если смотреть на случившееся с их точки зрения, так оно и есть.

По мнению Эйкинса, у Киссинджера ум устроен так же, как у Меттерниха.

— Меттерних был способен говорить императору одно, королю Пруссии — другое, королю Франции — третье и так далее. А к тому моменту, как дело доходило до сопоставления, сама ситуация была уже совершенно иной, и все забывалось. Но Киссинджер, видимо, не понимал, что со времен Меттерниха мир изменился. И выходить сухим из воды стало не так просто. Теперь его послания сопоставляли очень быстро. Первая реакция была такой, на какую он и рассчитывал. Его партнеры думали: «Наверное, мы ошиблись. Американский министр иностранных дел не может лгать». Но очень скоро они убеждались, что Киссинджер и в самом деле лгал. И если бы в период, предшествовавший гибели Фейсала, Киссинджер сказал королю: «Гарантирую, что завтра солнце встанет на востоке», король сказал бы своим советникам: «Не стоит торопиться: посмотрим, что будет».

Если верить уже упомянутому близкому другу Киссинджера, проблемы в его отношениях с арабами отчасти объяснялись тем, что Киссинджер был не только американцем, но всегда оставался и европейцем.

— Он так и не усвоил до конца американское чувство

дисциплины во всем, что касается правды и лжи. Обычно для американцев между этими понятиями пролегает абсолютно ясная граница. Для европейцев и для арабов эта граница может быть не столь отчетливой. Американцы, как правило, терпеть не могут, когда разным людям говорят разное. Но этого нельзя сказать о каждом европейце и о каждом арабе. По-моему, Эйкинс несколько преувеличивает, сравнивая Киссинджера с Меттернихом, хотя в какой-то степени это и справедливо. Но, может быть, Фейсал не любил Киссинджера просто потому, что тот был евреем.

Ямани возражает:

— Это не имеет никакого отношения к делу.

По признанию Ямани, и он сам, и Фейсал не были большими поклонниками Киссинджера, но король никогда не заговаривал о его вероисповедании.

— Ни единого раза. Фейсалу, как и мне, это было совершенно безразлично. Видите ли, я уважаю всех умных людей, а Киссинджер исключительно умен. Достаточно посмотреть ему в глаза, как сразу в этом убеждаешься. А иметь дело с умным человеком — независимо от того, разделяет он ваши взгляды или нет, — всегда приятно. Тут рождается своего рода азарт. Конечно, я отдавал себе отчет, что Киссинджер не вполне нейтрален. Но это не мешало мне иметь с ним дело — хотя бы потому, что не приходилось выбирать.

Во время поездки в Саудовскую Аравию в начале 1975 г. Киссинджер продемонстрировал высочайшее искусство дипломатического политеса, расточая прямо в лицо неумеренные похвалы королю Фейсалу. Однако, вернувшись в гостиничный номер и оставшись наедине со своими сотрудниками, он с таким же жаром принялся его бранить.

Поскольку филиппика, произнесенная Киссинджером, появилась в отчете ЦРУ, можно предполагать, что номер прослушивался.

По поводу утверждения Эйкинса, будто Киссинджер вел себя с арабами как «заправский мошенник», Ямани замечает:

— Эйкинсу, конечно, виднее, потому что он получал необходимую информацию. Я не был в курсе переговоров, которые Киссинджер вел с египтянами, сирийцами и иранцами. Но Эйкинс несколько раз говорил мне, что Киссинджер водит арабов за нос. Как посол, он был вынужден держать язык за зубами, к этому его обязывало положение. Но то же самое нам говорили и многие другие. Помните и о том, что Фейсал был очень проницателен: мне иногда казалось, он умеет читать человеческие мысли. Правда, он никогда не подал бы виду, обнаружив, что Киссинджер нам лжет. Он умел держать роль до

конца.

Если бы Киссинджер вел себя иначе, Фейсал едва ли занял бы столь жесткую позицию во время их последней встречи, когда вновь обсуждалась проблема мира на Ближнем Востоке.

Эта встреча состоялась в феврале 1975 г. Накануне умер саудовский министр иностранных дел, и Фейсал попросил Ямани встречать Киссинджера от имени правительства.

Ямани встретил гостя в аэропорту и доставил его во дворец. Во время беседы, которую они вели по дороге из аэропорта в Эр-Рияд, Ямани заметил, что государственный секретарь держится крайне напряженно.

Целью Киссинджера было заключить второе израильско-египетское соглашение об отводе войск.

Но, когда он изложил свой план в королевском кабинете, Фейсал не согласился. Король сказал, что второе соглашение должно быть заключено между Израилем и Сирией.

Киссинджер убеждал Фейсала не мешать ему, обещая, что он сначала добьется соглашения между Израилем и Египтом, а затем уже между Израилем и Сирией.

— Нет, — сказал Фейсал. — Я на это не пойду.

— Мы приложим все усилия, чтобы соглашение между Израилем и Сирией было заключено сразу же после израильско-египетского соглашения, — пообещал Киссинджер.

— Нет, — повторил Фейсал. — Я буду против. Сначала — соглашение между Израилем и Сирией.

Так продолжалось еще некоторое время.

Как говорит Ямани, Фейсал хотел настоящего — полного и всеобъемлющего — урегулирования.

— Вопрос был принципиальный, потому что без всеобъемлющего урегулирования конфликт продолжался бы до бесконечности. На первом этапе Израиль должен был прийти к соглашению с теми, кто участвовал в военных действиях, — с Египтом и Сирией. Мы говорили об отводе войск, это мыслилось как подготовительная фаза для окончательного урегулирования. А затем, к примеру, должны были начаться переговоры с Иорданией. Но в первую очередь шли египтяне и сирийцы. По убеждению Фейсала, американцы должны были настоять, чтобы Израиль начал переговоры с Египтом, а потом с Сирией, ибо это был единственный способ начать мирный процесс.

План Киссинджера представлялся Фейсалу слишком узким.

— Король понимал: если решить только египетскую проблему, Египет окажется в изоляции среди стран арабского лагеря, а сирийская проблема останется нерешенной. К этому, безусловно, и вел дело Киссинджер.

После окончания встречи Ямани проводил шефа государственного департамента обратно и аэропорт.

Киссинджер, как и раньше, держался очень нервозно. Он все время повторял: «Теперь мы не сможем заключить второе соглашение между Израилем и Египтом». Он понимал, что без одобрения Фейсала подписать это соглашение не удастся. Египет никогда не станет действовать вразрез с волей Фейсала.

Спустя месяц Фейсал был убит.

И Киссинджеру удалось добиться соглашения между Израилем и Египтом.

Это не означает, разумеется, что между этими двумя событиями существовала какая-то связь. Хотя одно время и ходил слух, что в убийстве Фейсала замешано ЦРУ.

Ямани решительно опровергает эти домыслы.

— Любое событие обрастает сплетнями. Но эта версия не получила никаких подтверждений.

Здесь Киссинджера готов защищать даже Джеймс Эйкинс.

— Ко времени гибели Фейсала Генри Киссинджер полностью утратил доверие Саудовской Аравии и других стран арабского мира. И поскольку юный убийца Фейсала приехал в страну прямо из Соединенных Штатов, где имел серьезные неприятности с полицией и едва не попал за решетку, многие решили, что он был наемным агентом ЦРУ и что Киссинджер или ЦРУ причастны к убийству Фейсала. Меня трудно назвать апологетом Киссинджера, но эта история стала одним из главных камней преткновения в моих отношениях с жителями Ближнего Востока. И до сих пор приходится им доказывать, что в ней нет ни грана правды. Они рассуждают так: Киссинджер увидел, что Фейсал больше не приносит пользы, что им нельзя манипулировать, как раньше, и решил от него избавиться. Когда имеешь дело с арабами, часто сталкиваешься с этой особенностью. Они слишком торопятся с выводами. Дедукция — это их конек. И они готовы считать любое дедуктивное рассуждение неопровержимым доказательством.

Если бы не тогдашние действия Киссинджера, считает Ямани, ближневосточная ситуация сейчас была бы более предсказуемой.

— Важно ответить на один вопрос: действительно ли американцы при Киссинджере хотели полного и всеобъемлющего урегулирования или только старались сбить пламя и на неопределенное время законсервировать ситуацию; а там, глядишь, об урегулировании уже не было бы речи? Израиль и дальше оккупировал бы территории, захваченные в 1967 г., а потом их аннексировал. Я вижу вещи именно так, и, думаю, все, кто следит за событиями на Ближнем Востоке, разделяют мои

взгляды.

По словам Ямани, ничего не изменилось и тогда, когда президентом стал Джеральд Форд. Архитектором американской внешней политики по-прежнему оставался Киссинджер.

— Я впервые встретился с Фордом в начале 1974 г., когда он был вице-президентом. Он, кажется, не слишком хорошо разбирался в нефтяном бизнесе. Но я от него многого и не ждал. К тому же он лишь начинал знакомиться с проблемами Ближнего Востока. Кто хорошо разбирался в наших проблемах в ту пору, так это Уильям Саймон. Он очень трудолюбив, и мы с ним прекрасно ладили. Я даже останавливался у него дома в Вашингтоне. Помню, однажды я проснулся рано и выглянул в сад: Саймон уже сидел за работой, разбирая огромную пачку документов.

В 1976 г., когда президентом был избран Картер, Киссинджер получил отставку.

— Мы в то время думали, что дальнейшее зависит от поведения Израиля. Если он всерьез говорит о мире, инициативы Картера могут стать шагом вперед. Если нет, они обернутся шагом назад.

Активность Картера привела к заключению кэмп-дэвидских соглашений, подписанных в 1978 г. президентом Египта Анваром Садатом и премьер-министром Израиля Менахемом Бегином. Решения, принятые той осенью в горах Мэриленда, заложили основу для мирного договора между Египтом и Израилем, который был подписан следующей весной.

Мир надеялся, что кэмп-дэвидские соглашения положат конец ближневосточному конфликту.

Ямани, оставаясь неисправимым прагматиком, понимал, что этого не случится.

— Кэмп-Дэвид был направлен на то, чтобы изолировать Египет от арабского мира и ослабить единый фронт, которым выступали арабы. Израильтяне получали возможность перевести дух и могли сколь угодно долго сохранять за собой западный берег, а потом без труда аннексировать захваченные территории, официально объявив их частью Израиля.

Единственным позитивным результатом кэмп-дэвидских соглашений он считает возвращение Синайского полуострова.

— Но не более. История покажет, что единственным выигрышем для нас было возвращение Синайского полуострова, тогда как изоляция Египта быта чистым проигрышем. Поймет ли Израиль когда-нибудь всю важность справедливого и мирного урегулирования ближневосточного конфликта, особенно палестинской проблемы, остается неясным.

Под «справедливым и мирным урегулированием» Ямани

понимает прежде всего возвращение всех территорий, оккупированных в 1967 г.

— Но этим дело не исчерпывается, ведь самое главное — удовлетворить законные права палестинцев. Палестинцы должны жить как люди. Они хотят вновь ощутить свою государственность, образовав федерацию с Иорданией или создав независимое государство. Любой приемлемый для них вариант решил бы проблему.

Остается, однако, вопрос об Иерусалиме.

— Если Иерусалим не будет освобожден, если мусульмане не получат права посещать его без каких-либо ограничений и молиться в мечети Аль-Акса, дело не будет доведено до конца. Израиль должен прекратить оккупацию восточного Иерусалима и предоставить мусульманам всего мира свободный доступ к их святыням — наравне с представителями всех других конфессий, для которых Иерусалим является святым городом.

Во время кэмп-дэвидских переговоров ходили слухи, что в действительности Саудовская Аравия, которую тогда возглавляли король Халед и кронпринц Фахд, рекомендовала египтянам заключить соглашения с израильтянами и первыми сделать шаг к миру. Но саудовцев не поддержала более воинственная часть арабов, и они были вынуждены отступить.

— Да, так считали многие, — говорит Ямани, — но мы это официально опровергли. Боюсь, что по этому вопросу мне нечего добавить.

Времена бума

Эмбарго было отменено весной 1974 г. В Соединенные Штаты вновь стала поступать арабская нефть. В Саудовской Аравии начался бум. Страна вступила в эпоху беспрецедентной экономической эйфории.

Однако для самого Ямани решение о снятии эмбарго обернулось немалыми волнениями.

— Решить этот вопрос было отнюдь не просто, — говорит Ямани. — Но американцы начали предпринимать реальные усилия по поиску мирного урегулирования ближневосточного кризиса и добились отвода войск. А мы, как я уже говорил, не собирались причинять серьезного ущерба ни одной стране.

Согласно одному из американских источников, после заключения первых соглашений об отводе войск Садат связался с Фейсалом и призвал его снять эмбарго. Естественно предположить, что Садат обещал Киссинджеру заступиться за американцев и помочь им выйти из нефтяного кризиса.

Это подтверждает и Ямани.

— Садат хотел, чтобы мы сняли эмбарго почти сразу после подписания соглашений. Я лично передал его мнение королю Фейсалу. Но король не согласился: это казалось ему слишком поспешным.

Только в феврале 1974 г. Фейсал решил, что настало время нормализовать отношения с Западом. По его предложению был организован саммит в Алжире, на котором, кроме него, присутствовали Садат, президент Алжира Хуари Бумедьен и президент Сирии Хафез аль-Ассад. Главы государств обсудили проблему между собой и лишь затем отдали распоряжение о разработке реальных мер по отмене эмбарго на уровне министров.

Встреча арабских министров нефти должна была состояться в Триполи. Но тут заартачился полковник Каддафи: он объявил, что выступает против снятия эмбарго, и отказался принять министров в Ливии.

Садат пригласил министров в Египет. Встреча была официально перенесена в Каир.

Как только это произошло, у Каддафи вновь изменилось настроение. Он стал настаивать, чтобы встреча была проведена в Ливии.

Причина такого поведения Каддафи, считает Ямани, вполне очевидна.

— Каддафи зазывал нас в Ливию, чтобы помешать отмене

эмбарго. Думал, что вынудит нас оставить эмбарго в силе.

Непосредственно перед вылетом в Триполи Ямани получил тревожные известия от Садата: египетская разведка напала на след двух заговоров.

Организация освобождения Палестины замыслила напасть на самолет голландской авиакомпании КЛМ и уничтожить его, как только министры примут решение о снятии эмбарго на поставки нефти в Голландию. ООП уже совершила нападение на самолет КЛМ в ноябре 1973 г., когда он летел в Японию. 3 марта 1974 г., в тот самый день, когда встреча была вновь перенесена в Триполи, палестинцы захватили над Югославией самолет компании «Бритиш эруэйз», заставили экипаж приземлиться в Амстердаме и взорвали самолет на взлетной полосе, так что новое нападение палестинцев было вполне вероятным.

Но второй заговор, который обнаружили египтяне, внушил Ямани еще большее беспокойство.

Садат сообщил, что он направлен непосредственно против Ямани и министра нефти Кувейта, хотя точный план палестинцев остается неизвестным. Египетская разведка не смогла выяснить, намереваются ли они захватить двух министров и потребовать выкупа или же собираются убить обоих в отместку за их участие в отмене эмбарго. Но сам факт заговора не вызывал у египтян сомнения. «Они что-то против вас замышляют», — писал Ямани Садат.

Встреча в Триполи была назначена на 13 марта.

В ночь на 13 марта Ямани не спалось. У него был грипп — прекрасный повод, чтобы отложить поездку. Но он чувствовал, что обязан присутствовать на встрече. В конце концов, убеждал себя Ямани, Каддафи не позволит, чтобы на ливийской территории с арабским министром случилась какая-то неприятность.

Но так ли это?

Утром в самолете, летевшем в Триполи, Ямани раскрыл газету и прочитал, что полиция арестовала группу палестинцев, пытавшихся пронести оружие на борт самолета КЛМ.

Он сразу подумал, что информация, полученная от Садата, как минимум, наполовину подтвердилась.

— Мне, конечно, не хотелось, чтобы она подтвердилась целиком.

Ямани понимал, что даже под таким удобным предлогом как грипп, возвращаться поздно. Поэтому он велел своему пилоту сразу же заправить баки и никуда не отлучаться Ямани сказал, что хочет иметь возможность покинуть Триполи сразу же, как только почувствует угрозу.

Все утро и значительную часть дня арабские министры обсуждали те выгоды и убытки, которыми было чревато полное снятие или, наоборот, продление эмбарго, а также всевозможные промежуточные варианты.

Занятная деталь: в наиболее критический момент дискуссии ливийскому министру передали какое-то сообщение, после чего он поднялся и покинул зал. Он отсутствовал 15—20 минут, а затем вернулся и изложил точку зрения полковника Каддафи на существо обсуждавшейся проблемы. Когда министра вызвали во второй, в третий раз, всем стало до смешного ясно, что Каддафи и его правая рука, майор Джеллуд, сидят в одном из соседних помещений и слышат все, что говорится.

Зал заседаний прослушивался.

Нельзя сказать, что спрятанные микрофоны особенно тревожили Ямани. Это было в порядке вещей. Гораздо сильнее угнетало Ямани другое: он чувствовал, что с каждой последующей минутой пребывания в Триполи все более рискует оказаться в заложниках у террористов.

Ямани решил бежать.

Это надо было сделать незаметно. Никто не должен заподозрить, что у него на уме.

Совещание продолжалось весь день и затянулось до вечера. Принять окончательное решение об отмене эмбарго было не так легко, как это казалось раньше. Поэтому после обеда было предложено отложить принятие решения до совещания ОПЕК, которое должно было состояться через три дня в Вене.

Председательствовавший на заседании алжирский министр Абдассалам счел эту идею вполне приемлемой. Но надо было считаться с чувствами полковника Каддафи. Никто не хотел, чтобы отсрочка была воспринята ливийским лидером как оскорбление. Ямани, Абдассалам и несколько других участников встречи решили, что наиболее дипломатичным выходом будет формальная просьба об отсрочке со стороны сирийского министра, который сошлется на необходимость проконсультироваться со своим президентом.

Когда он это сделал, ливийский министр не проявил никаких эмоций. И тут Ямани решил, что пора уносить ноги.

Действуя с обычной осторожностью, он незаметно передал своему секретарю записку, в которой велел сейчас же подать к выходу автомобиль.

Он выждал еще несколько минут, продолжая беседовать с коллегами, потом встал, вежливо извинился и вышел из зала заседаний, как если бы направлялся в туалет. Но в холле он свернул не налево, а направо, к выходу, сел в автомобиль и

приказал шоферу немедленно везти его в аэропорт.

Он не знал, как скоро Каддафи и Джеллуд догадаются о случившемся и сделают попытку его задержать. Но понимал: времени очень мало.

Прибыв в аэропорт, Ямани поспешил к своему самолету.

И тут его остановили ливийские полицейские.

Ямани осведомился, что им нужно.

Офицер попросил показать паспорт.

Помня, что времени терять нельзя, Ямани набросился на офицера:

— Что я слышу? Ливия — главная защитница арабского единства, а вы требуете у меня паспорт?

Последовало неловкое молчание: ливиец решал, как ему поступить в создавшейся ситуации.

Зная, что лучшая оборона — это наступление, Ямани поспешил развить натиск:

— Вы что, не знаете, кто я? Я официальный представитель Саудовской Аравии, вам это известно или нет? Как же вы смеете требовать у меня документы?

По-видимому, офицер позвал бы начальство, если бы Ямани предоставил ему хоть малейшую возможность это сделать.

Но Ямани не дал ему такой возможности.

— Может быть, ваше превосходительство… — пошел на попятный офицер, — может быть, вы позволите хотя бы сделать в вашем паспорте отметку?

Ямани посмотрел ему прямо в глаза.

Офицер схватил паспорт, стремительно нацарапал свою подпись и тут же вернул его обратно.

Ямани быстро поднялся по трапу и сказал пилоту:

— Взлетай сию же минуту.

Пилот спросил, куда лететь.

— Главное — подняться в воздух, — ответил Ямани. — А там решим.

Когда самолет покинул воздушное пространство Ливии, снова напомнил о себе грипп: Ямани почувствовал острую боль в ушах. Через несколько минут ему стало совсем худо.

Он велел пилоту лететь в Женеву. Но тот сказал Ямани, что в эту ночь Женева не принимает, аэропорт закрыт. Ямани предложил лететь в Рим. Но, когда пилот связался с Римом, ему сказали, что тамошний аэропорт тоже закрыт — из-за шторма.

— Ну что ж, — сказал Ямани, — тогда летим в Афины. Нужно поскорее попасть хоть куда-нибудь, потому что у меня ужасно болят уши. Не в Триполи же возвращаться.

И пилот взял курс на Грецию.

Он связался с Афинами по радио, но начальство аэропорта соглашалось дать разрешение на посадку только в том случае, если ему сообщат, кто находится на борту. «Арабы», — лаконично ответил пилот. Греки спросили, есть ли у этих арабов въездные визы. Переговорив с Ямани, пилот ответил: «Нет».

В разрешении на посадку было отказано.

Но люди высокого ранга и мировой известности легко обходят любые правила.

— Скажи им, что на борту шейх Ямани и что у него сильно болят уши, — велел Ямани своему пилоту. — Не меняй курса. Скажи, у тебя в самолете больной, которому срочно нужна помощь.

Прошло еще полчаса, и греки сообщили, что готовы принять Ямани. В аэропорту его встречали министр иностранных дел и министр внутренних дел Греции.

Они даже привезли с собой врача.

* * *

В 1970 г. король Фейсал переместил шейха Хишама Назера, бывшего ранее заместителем Ямани, на пост министра планирования.

У назеровского министерства были весьма амбициозные замыслы, но сравнительно небольшой бюджет. Оно то и дело оставалось без денег еще до окончания пода.

Но наступивший нефтяной бум радикально изменил ситуацию, и в 1974 г. Назер имел возможность расходовать на создание государственной инфраструктуры до 33 миллионов фунтов стерлингов (77 миллионов долларов) в сутки!

В 1974—1976 гг. нефть лилась из скважин рекой, и Саудовскую Аравию охватила настоящая золотая лихорадка. Ее жители не успевали тратить деньги.

Они разом получили все, в чем нуждались, — воду, продовольствие, школы, больницы, цемент, сталь, дороги, телефонные сети, линии электропередачи, железнодорожные и портовые склады для импортируемых товаров.

— Это был ни с чем не сравнимый, беспрецедентный период нашей истории, — говорит Ямани. — Король Фейсал всегда считал опасным отпускать вожжи, чтобы Запад не зашел слишком далеко. Он говорил: будем осторожны, страны-импортеры не должны думать, что рынок у них в руках. А потом, неожиданно для нас, началась эта эра процветания. И мы поняли: помимо прочего, процветанием можно воспользоваться и для того, чтобы

укрепить наши связи с Западом. Поскольку у нас появились лишние деньги, мы начали активно инвестировать их в экономику западных стран. А когда вы инвестируете деньги в экономику какой-либо страны, как это делали мы в Соединенных Штатах, то, само собой разумеется, вы заинтересованы в благополучии этой страны.

Сэр Джон Уилтон был в 1970—1974 гг. послом Великобритании в Кувейте, а в 1976 г. получил назначение в Саудовскую Аравию.

— Зримым признаком саудовского процветания стали колоссальные пробки, образовавшиеся в портах, — вспоминает Уилтон. — Это было невероятное зрелище: сотни и сотни кораблей, ожидающих разгрузки в Джидде… Все время рассказывали о случаях, когда гибли груды товаров — ржавеющих, гниющих, пожираемых портовыми крысами… По сути дела, это был настоящий кризис.

Времена бума привели в Саудовскую Аравию десятки тысяч иностранцев: подобно калифорнийским золотоискателям, они жаждали легкой поживы и надеялись урвать частицу богатства, внезапно свалившегося на саудовцев. Каждый день открывались новые гостиницы, появлялись рестораны, где готовили блюда европейской кухни. Всюду, куда ни взглянешь, высились строительные леса. Саудовская культура переживала мощную встряску.

Хотя саудовцы могли получать едва ли не все, чего желали, они, как ни парадоксально, далеко не всегда были в состоянии воспользоваться этим без посторонней помощи. Так, в 1976 г. больница короля Фейсала была напичкана новейшим медицинским оборудованием, отвечавшим самым высоким стандартам. Только это ставило ее в один ряд с лучшими медицинскими учреждениями мира. Но саудовцы были вынуждены приглашать на работу иностранных врачей, так как их медицинские институты тогда выпускали слишком мало специалистов.

Эпоха процветания породила новый тип дельцов: это были арабы-комиссионеры, буквально заполнившие арену международного бизнеса. В торговых кругах их иногда вежливо называли «посредниками»; если же в вежливости не было нужды, то пользовались более точным наименованием — «барышники».

Посредничество было одной из самых древних коммерческих традиций, существовавших в арабском мире. Но только в условиях бума из этого сословии выдвинулись несколько поистине одаренных людей, которые устремились в большой мир на поиски больших денег, оставив привычную торговлю

верблюдами и каждодневную базарную толкотню.

Среди этих людей выделялся Аднан Касоги.

Его отец был врачом, которого время от времени приглашали ко двору Ибн Сауда, так что Касоги с юных лет имел связи в высших кругах саудовского общества. Он использовал эти связи, чтобы составить начальный капитал, причем действовал как посредник, сводивший покупателя и продавца и получавший комиссионные с обоих. Позже он занялся торговлей оружием, постоянно расширяя масштаб своей деятельности — речь шла уже о многомиллиардных контрактах, — сколотил огромное состояние, сделавшее его (во всяком случае, на какое-то время) одним из богатейших людей в мире. По некоторым данным, в пору наибольшего успеха Касоги тратил на свои личные нужды более 330 тысяч долларов в сутки, что в год составляет 120 миллионов!

Сулейман Олаян в начале 40-х годов работал водителем грузовика в «Арамко», получая не более 300 риалов в месяц. Но в 1947 г. Олаян занялся внешней торговлей. Он также сумел заручиться поддержкой королевской семьи и к тому времени, когда начался бум, раскрутил свое дело на полную катушку. Деньги, хлынувшие в его карманы в начале 70-х годов, Олаян тут же реинвестировал в банки Соединенных Штатов — среди которых были «Мелон» и «Бэнкерс траст» — и вскоре стал крупнейшим акционером «Чейз Манхэттен», вторым после Дэвида Рокфеллера.

Следуя общему примеру, решили поправить свои дела и члены монаршей фамилии.

При жизни Ибн Сауда в королевском доме на занятия бизнесом смотрели косо. Ибн Сауд любил повторять:

— Существует два дела, которые нельзя смешивать: бизнес и управление страной. Правитель должен думать, как потратить деньги на благо народа, а не как нажиться самому. Если ты не мешаешь деловым людям, они не станут мешать тебе. Но стоило одному из сыновей Ибн Сауда открыть свое дело, как о философии старого короля быстро забыли.

Первым членом королевской семьи, нарушившим традицию, был принц Талал, который стал просить у отца субсидию на строительство цементного завода — и в конце концов добился своего. Начальник королевской канцелярии Абдулла Сулейман сумел внушить королю, что принц, занимающийся частным бизнесом, будет хорошим примером для остальных. И хотя Ибн Сауд пытался найти компромиссное решение (он позволил Талалу основать компанию, но настоял, чтобы принц был лишь одним из ее акционеров), обет финансового целомудрия,

установленный им для членов королевской семьи, был мгновенно забыт.

Довольно забавно, что первым саудовским бизнесменом из августейшего семейства стал именно Талал, будущий лидер «свободных принцев». Но то, что короля помогал уломать Абдулла Сулейман, выступивший в роли консультанта, уже не просто забавно, а по-настоящему смешно. Руки этого человека были по локоть запачканы грязью: он участвовал во множестве самых разных афер, включая и нашумевшую «танкерную сделку» между правительством и Аристотелем Онассисом, которая вылилась в грандиозный скандал.

Король Фейсал был очень скромным человеком и не занимался коммерцией, но его шурин Кемаль Адам чрезвычайно успешно и долго подвизался на поприще торгового посредничества.

Король Халед, правивший после Фейсала, больше интересовался соколиной охотой, чем бизнесом.

Теперешний кронпринц Абдулла не занимается бизнесом в пределах Саудовской Аравии. Однако он вложил деньги в компанию «Хант бразерс», пытавшуюся монополизировать мировой рынок серебра, и понес вместе с ней огромные убытки.

Совсем иное дело — Фахд, чья предпринимательская деятельность приобрела поистине колоссальный размах.

Просадив миллионы за игорным столом в дни своей бурной молодости, Фахд впоследствии возместил убыток с лихвой. Вместе с другими членами своей семьи — старшим сыном, шестнадцатилетним принцем Абдул Азизом, и любимыми шурьями, Абдул Азизом аль-Ибрахимом и Халедом аль-Ибрахимом, он сделался обладателем баснословного состояния.

По абсолютно надежным данным, Фахд — второй среди богатейших людей планеты, уступающий лишь султану Брунея.

Одной из любопытных сторон его коммерческой деятельности было необыкновенно успешное и прибыльное сотрудничество с таинственным Джоном Лацисом.

Об этом крупнейшем судовладельце из Афин, который маниакально избегает внимания средств информации и особенно не любит, когда его фотографируют, известно следующее. В юности он работал багажным грузчиком на паромах, курсировавших через Эгейское море. Но к июлю 1971 г. морские перевозки и торговля нефтью принесли Лацису, владевшему офисами в Афинах, Лондоне и Нью-Йорке, столько денег, что он позволил себе предложить 3 миллиона долларов военному режиму Греции, когда Соединенные Штаты решили прекратить помощь «черным полковникам». Дар Лациса был вежливо

отклонен.

В сентябре 1979 г., когда цены на нефть взмыли за облака, Лацис стал официальным уполномоченным греческого правительства: ему было поручено осуществить срочные закупки нефти в Саудовской Аравии.

Одновременно Лацис действовал и в личных интересах, провернув серию строительно-бартерных сделок с Фахдом, — в обмен на нефть он подрядился построить в Саудовской Аравии несколько портов. Примерно тогда же — предположительно за 35 миллионов долларов — Лацис купил у Ставроса Ниархоса яхту «Атлантида», которую впоследствии подарил Фахду. Эту яхту, получившую новое название — «Абдул Азиз», часто называют самой роскошной яхтой в мире. По-видимому, столь щедрый подарок был выражением признательности за поддержку, которую кронпринц оказывал Лацису в их обоюдовыгодных торговых комбинациях.

Что и говорить, времена бума сделали фантастически богатыми очень многих людей.

Когда в 1962 г. Ямани был назначен на пост министра, он получал жалованье 12 тысяч риалов в месяц. Тогда это составляло около 950 фунтов стерлингов (2655 долларов). Но когда дела саудовцев стали идти хуже, король Фейсал понизил жалованье Ямани до 10 тысяч риалов в месяц.

Потом наступили хорошие времена, и жалованье Ямани постоянно возрастало — так что к октябрю 1986 г. он получал 50 тысяч риалов в месяц плюс дополнительные 400 тысяч риалов ежегодно, что в общей сложности составляло 325 тысяч фунтов (500 тысяч долларов) в год.

В настоящее время Ямани, как бывший государственный служащий, получает пенсию в размере 100% жалованья, которое он имел к моменту отставки. Но даже если сложить все деньги, полученные Ямани за 28 лет пребывания в правительстве, это не даст никакого представления о его истинном богатстве.

Мы должны принять в расчет саудовскую систему земельных дарений. Дарение земли, неотъемлемая составная часть жизненного уклада во всех странах арабского мира, — традиционный способ, которым саудовская королевская семья награждает верных слуг, выражая им благодарность за хорошо сделанное дело.

— Из года в год, — говорит Ямани, — король Фейсал проявлял по отношению ко мне исключительную щедрость. Я получил от него огромные земельные участки и право распоряжаться ими по собственному усмотрению. Конечно, и король Халед был ко мне очень щедр. Но Фейсал, тот во мне

просто души не чаял, и благодаря ему в период с 1974 по 1976 г. у меня скопилось целое состояние недвижимости.

В те времена, когда Ямани получил от короля первые земельные участки, недвижимость в Эр-Рияде стоила буквально гроши. Бум взвинтил цены до немыслимой величины.

— В годы бума было очень легко нажить кучу денег, — продолжает Ямани, — возможностей для этого было очень много. Скажем, мне дарили землю или я покупал ее сам — и продавал; потом покупал еще больше земли и опять продавал. И так далее. Мне повезло, и я сумел сделать на торговле земельными участками большой капитал. Но еще большей удачей было то, что я вовремя вышел из игры, до краха, который произошел в 1976 г.

Ямани умело воспользовался нажитым богатством, скупив недвижимость в разных странах мира. Сейчас он владеет земельными участками в Саудовской Аравии, Италии, Швейцарии, Ливане, Франции и Англии. У него есть дома в Эр-Рияде, Джидде, Мекке и Таифе, в пригороде Бейрута, на Женевском озере, швейцарском горном курорте, Сардинии, в лондонском Мейфере и сельском районе графства Суррей.

Юридическая фирма Ямани с начала 60-х стала одной из наиболее процветающих в странах залива; в настоящее время она имеет главные офисы в Эр-Рияде, Джидде, Бахрейне и представительства в Швейцарии, Великобритании, Соединенных Штатах и Японии.

Ямани имеет также долю в капитале ряда саудовских предприятий — нескольких больниц и компании, выпускающей бумажные товары, которая среди прочего делает гигиенические салфетки.

Наконец, Ямани вложил деньги и в некоторые международные фирмы: ему, в частности, принадлежит контрольный пакет акций швейцарской часовой фирмы «Вашрон Константен» и учредительский капитал объединения «Инвесткорп» — банковской группы, имеющей долю в капитале нескольких крупных нью-йоркских фирм.

Тем не менее Ямани каждый день ходит на работу.

— А как же иначе? Я должен управлять моими инвестициями. Само собой не движется ни одно дело. Мне нужно работать, чтобы поддерживать образ жизни, к которому я привык.

— Бесспорно, подаренные земли помогли ему взять хороший старт, — говорит Уилтон. — Но то, что Ямани сумел так хорошо развить успех, показывает, что он очень талантливый бизнесмен. Вы, конечно, слышали массу историй о коррупции и темных махинациях различных арабских министров и дельцов. Но утверждаю со всей категоричностью: ни разу в связи с подобными

историями при мне не упоминали Заки. Конечно, всегда найдутся люди, которые скажут: «Знаем-знаем, откуда у него денежки». Но не стоит обращать на это внимание. Заки всегда производил на меня впечатление исключительно порядочного человека.

Всего за три месяца до отставки Ямани одна из английских газет опубликовала сенсационный очерк, в котором шла речь о его личном состоянии. Приводя мнение работника международной нефтяной компании, который называл Ямани «изрядным сукиным сыном, но при этом честнейшим человеком», автор очерка добавлял:

— Это внушает утешительную мысль, что, имея достаточное количество денег, все «они» станут такими же, как и «мы».

Еще одно из вложений Ямани в международный бизнес — доля в капитале «Сауди Юропиэн инвестмент корпорейшн», компании-учредителя Саудо-Европейского банка в Париже. Недавно в совет директоров этой компании был введен сын Ямани, Хани.

Часть имущества этой компании составляют акции компании «Готко», базирующейся в Соединенных Штатах.

Первоначально «Готко» была торговым филиалом «Галф ойл корпорейшн», но когда в 1983—1984 гг. «Галф» была продана компании «Сокал», «Готко» выделилась в самостоятельную фирму. Тут же распустили слухи, будто Ямани был одним из главных закулисных участников этой операции. Более того: его имя стали потихоньку пускать в ход, чтобы привлечь новых инвесторов. «Знаете ли — только тсс… Ямани тоже в этом участвует». Все заинтересованные лица знали: чем меньше будет шума, тем меньше вероятность, что Ямани узнает, как используется его имя.

— Послушайте, что я скажу. — Ямани наклоняется вперед, показывая, сколь большое значение он придает этому вопросу. — Все то время, что мне довелось быть министром, я ни разу не позволил себе заняться личной коммерцией в области нефти.

Он делает паузу, чтобы подчеркнуть важность своих слов:

— Ни разу.

Одно время в «Плэтс» и других нефтяных журналах стали писать, что Хани собирается купить часть акций американской компании «Юнайтед Стейтс ойл».

По признанию Хани, отец запретил ему это.

— Я рассказал ему о моих планах и попросил совета. Но он меня остановил. Пока я остаюсь министром нефти, сказал отец, ни один из членов нашей семьи не должен лично заниматься нефтяным бизнесом. И вопрос был закрыт.

Заметим, что Ямани имел легальную возможность торговать

нефтью. Ничего криминального в этом не было.

Подтверждает это и сам Ямани.

— Верно. Это не противоречило законам Саудовской Аравии.

— Значит, стоило вам захотеть, и вы могли бы это делать?

— Конечно, — говорит Ямани. — Мне совсем не трудно было нажить на нефти большие деньги.

— Так что же вам мешало?

— Я понимал, что это нехорошо, — говорит Ямани.

* * *

Вопрос о нефти стал рассматриваться в должной перспективе только после драматических событий 1973—1974 гг.

— Ранее нефть по-настоящему не ценили, повторяет свою мысль Ямани. — Страны-импортеры наивно верили, что на веки вечные обеспечили себя дешевым энергоносителем. Нефтяные компании радовались своим сверхприбылям. Экспортеры же — из-за тогдашних рыночных условий и неспособности защитить собственные права — были обуяны самой обычной жадностью.

В конце лета 1973 г. некоторые члены ОПЕК пришли к выводу, что нужно удвоить цены и в дальнейшем их индексировать, учитывая ежегодную 10-процентную инфляцию.

Но и эти цифры были определены «с недолетом»: в январе 1974 г. цены были вновь повышены.

Как указывает Ямани, истинное положение вещей было искажено из-за эмбарго. Нормальные условия были восстановлены только в марте 1974 г.

— Последней инстанцией, удостоверяющей правильность экономических прогнозов, является рыночный механизм. Заметное понижение спроса, наблюдавшееся на мировом рынке после января 1974 г., было, вне всякого сомнения, прямым следствием резкого роста цен. Мы, саудовцы, призывали установить более низкие цены только потому, что хорошо понимали: резкие и внезапные скачки могут отрицательным образом сказаться на всей мировой экономике. И хотя наши попытки снизить цены не увенчались успехом, я абсолютно убежден, что без наших усилий они и вовсе взмыли бы до небес.

Несмотря на то что Саудовская Аравия со дня на день должна была стать хозяйкой собственной судьбы, быстро приближаясь к заветной цели — полному выкупу «Арамко», — ее интересы, по мнению Ямани, по-прежнему были тесно связаны с интересами стран-импортеров.

— Главное, в чем были заинтересованы страны-импортеры, —

это надежность поставок и невысокий уровень цен. Но это всегда было и нашей целью. Мы тоже стремились к надежности поставок. Однако нам приходилось заботиться и об адекватном уровне резервов. Нефть принадлежит к числу невосстановимых ресурсов и является для нас главным источником средств к существованию. Не стоит доказывать, что мы должны рационально расходовать наши национальные богатства.

Когда в марте 1974 г. участники прерванного совещания министров нефти вновь собрались в Вене, отмена эмбарго в отношении Соединенных Штатов получила формальное подтверждение. Спустя четыре месяца то же было сделано и по отношению к Голландии.

На Западе еще долго, в течение всего лета 1974 г., когда цены на нефть колебались около 11,65 доллара за баррель, ощущали на зубах неприятный привкус, оставленный нефтяным кризисом. Ямани знает, что и по сей день многие, особенно в Соединенных Штатах, никак не могут отделаться от горьких воспоминаний.

— Что ж, вполне естественно. Я это хорошо понимаю.

Кризис кончился, но, по мере того как нефтяная стратегия Саудовской Аравии обретала более тесную связь с общей политической ситуацией на Ближнем Востоке, саудовцам все чаще приходилось натыкаться на сопротивление иранцев.

Шах, как и раньше, хотел продавать нефть по 20—25 долларов за баррель. И на его пути стоял Ямани, главный выразитель интересов Саудовской Аравии.

К этому времени Ямани вполне овладел искусством обращения с представителями средств информации, и с каждым годом вокруг него вилось все большее количество журналистов. Он, однако, понимал, что это ставит его в довольно неприятное положение. Чем больше о нем писала мировая пресса, тем резче его критиковали на родине, особенно некоторые члены королевской семьи, которым не нравилось, что выходец из незнатной семьи подрывает их престиж в международных кругах.

Хотя на совещании ОПЕК в марте 1974 г. Ямани не удалось добиться понижения цен, он все же сумел уговорить своих коллег заморозить цены на три месяца. Но в июне, когда члены ОПЕК встретились в Эквадоре, картель выразил недовольство тем, что нефтяные компании получили в течение первой половины года «избыточные прибыли». Промышленно развитые страны подверглись критике и за то, что не сдерживали «опасных инфляционных тенденций». Чтобы восстановить справедливость, ОПЕК решила, что входящие в нее государства поднимут плату за право разработки недр на 2%, что, по существу, означало увеличение цены нефти на 10—11 центов за баррель.

Опасаясь, как бы первый шаг в этом направлении не завел слишком далеко, Ямани заявил, что Саудовская Аравия временно воздержится от повышения платы, не вполне убедительно сославшись на то, что это-де может помешать саудовцам взять под полный контроль «Арамко».

Выиграв время, Ямани стал думать, как сбить цены. Он решил использовать тот же способ, которым шах старался их поднять, и объявил, что «Петромин», саудовская государственная нефтяная компания, устраивает аукцион.

Когда шах решил попытать удачи в ноябре 1973 г., на рынке господствовала истерия, и это позволило ему резко взвинтить цены. Но аукционы в других странах залива, проведенные в начале 1974 г., кончились провалом — цены на них оказались в среднем на 10% ниже рыночных. Вдохновленный этим опытом, Ямани задумал выставить на аукцион небольшую партию нефти и пригласить на него строго отобранную группу покупателей, из которых, как он твердо знал, никто не станет платить выше 11,65 доллара за баррель.

Он знал: если провести операцию достаточно умело, цены, установленные ОПЕК, рухнут.

Чего Ямани не учел, так это реакции американских средств информации, которые стали осыпать его шумными похвалами.

Возможность снижения цен обрадовала американцев.

Но их чувств не разделяли коллеги Ямани по ОПЕК… Во-первых, они не хотели низких цен. И во-вторых, им не нравилось, что Ямани и Саудовская Аравия все время играют на руку Соединенным Штатам.

Иран и Алжир выразили совместный протест королю Фейсалу, предупредив его, что перед лицом угрозы снижения цен Саудовской Аравией обе страны пойдут на сокращение добычи и тем самым удержат существующий уровень цен. Алжирцы даже попытались склонить саудовцев к отмене аукциона. Ямани всячески защищал свою идею. Но, когда в дело вмешался принц Фахд, взявший сторону противников аукциона, Фейсал сдался.

Остаток года Ямани посвятил тихой и кропотливой работе, подготавливая полное приобретение «Арамко».

Ни риторические рассуждения Ямани о надежности поставок и бережном отношении к природным ресурсам, ни многократные заверения короля Фейсала, что Саудовская Аравия стремится поддерживать прочные дружественные связи со странами Запада, не могли разубедить американцев, и к концу 1974 г. в Соединенных Штатах ощущалось общее недовольство тем, как вели себя в последний год с четвертью нефтяные компании и как продолжают себя вести некоторые союзники США, прежде всего

Саудовская Аравия. В то же время поведение Ямани вызывало нескрываемое раздражение у некоторых членов королевской семьи.

В глазах многих экспортеров, особенно иранцев и ливийцев, Ямани был орудием Соединенных Штатов.

В глазах многих импортеров, в том числе и американцев, он был человеком, который сначала устроил нефтяной кризис, а теперь не переставая твердил, что цены вот-вот пойдут вниз, между тем как они по-прежнему лезли вверх.

Ямани с величайшим искусством проводил завершающие мероприятия по выкупу «Арамко» и, как считали некоторые американские дипломаты, служившие тогда в Саудовской Аравии, искал пути к примирению с Фахдом, Султаном и Салманом.

Но тут был убит король Фейсал.

Над Ямани нависла угроза отставки.

Убийство короля Фейсала

Нефть — самый важный на свете товар.

Нефтяной бизнес не сравним ни с одним другим — как по совокупному объему продаж, так и по денежному обороту.

Этот бизнес так или иначе затрагивает все страны планеты и всех людей, которые на ней живут. Исключение составляют, быть может, только дикие племена глухих районов Африки или обитатели непроходимых джунглей Новой Гвинеи.

Есть еще золото — видимо, следующий по значению товар, которому тоже случалось становиться политической силой. Но не золото вращает фабричные турбины и поднимает в воздух самолеты. Золото никогда не имело такого политического значения, как нефть.

И нет на земле товара, который с такой же эффективностью контролируется столь небольшим количеством людей.

Пусть эквадорцы контролируют мировую торговлю бананами. А южноафриканцы — мировой рынок алмазов. И пусть ни в одной стране нет лучших красных вин, чем во Франции. Все это в конечном счете не слишком важно.

Мир не погибнет, даже если в нем не останется ни одной банановой пальмы.

Но с нефтью дело обстоит совсем иначе.

По крайней мере, в настоящее время.

Жители Саудовской Аравии, обладающей примерно третью мировых запасов нефти, в основном придерживаются консервативных взглядов и убеждены, что нефть дарована им Аллахом. Этим, полагают они, была вознаграждена их ревностная вера.

Исполненные вечной благодарности, саудовцы не склонны пересматривать догматы Корана. Они считают своим долгом хранить неколебимую преданность исламу. Это не мешает им видеть в деньгах, которые приносит ниспосланная свыше нефть, средство для модернизации страны. Но никому не позволяется делать второе в ущерб первому. Поэтому реформы в Саудовской Аравии сопряжены с огромным риском.

Успех преобразований, осуществляемых любым саудовским королем, зависит от того, насколько осторожно он действует.

Когда Фейсал решил, что настало время ввести образование для девочек, ему удалось преодолеть сопротивление значительной части общества только благодаря величайшей находчивости. Ранее школу посещали одни мальчики и обучение в ней почти полностью контролировали религиозные лидеры,

которые традиционно выступали против высшего образования, если только речь не шла о чисто богословских дисциплинах. И Фейсал нашел единственно верный ход: он поручил создание новой системы образования одному из этих консерваторов.

В 1953 г. в Саудовской Аравии появилось телевидение. Некоторые приверженцы мусульманских традиций активно протестовали, утверждая, что это новшество повлечет слишком радикальное сближение с разлагающимся Западом, и против него вопиет любая строго консервативная интерпретация ислама.

Считаясь с мнением могущественных религиозных кругов, Фейсал подчинил телевидение некоторым цензурным правилам. Так, все любовные сцены подлежали обязательному изъятию. Это относилось даже к поцелуям в мультфильмах. Вместе с тем Фейсал заявил, что телевидение абсолютно необходимо для просвещения народа и что его появлению в Саудовской Аравии все равно не смогут помешать никакие экстремистски настроенные элементы. Одним из людей, видевших в телевидении нечто вроде ереси, был твердолобый, экзальтированный фанатик по имени Халед ибн Мусаид. Взгляды Халеда вызывали у королевской семьи некоторое беспокойство, потому что он был племянником короля Фейсала (сыном пятнадцатого сына Ибн Сауда).

Какое-то время, однако, Халед не привлекал к себе особого внимания — до тех пор, пока не возглавил вооруженное нападение на построенный в Эр-Рияде телецентр.

Полиция, немедленно прибывшая на место происшествия, попыталась пресечь беспорядки. Но Халед и его сторонники отказались разойтись.

Руководивший операцией полицейский офицер, узнав, что во главе бунтовщиков стоит саудовский принц, отправил донесение начальнику сил безопасности, а тот поспешил информировать о происходящем Фейсала.

Фейсал размышлял очень долго. И ответил: не имеет никакого значения, кто этот человек. Закон превыше всего.

— Если принц откроет огонь, — сказал король, — вы тоже должны стрелять.

Начальник сил безопасности, собственноручно застрелил Халеда ибн Мусаида.

Спустя несколько лет брат убитого, Фейсал, отправился учиться я Соединенные Штаты. Там он стал принимать наркотики и в 1970 г. был арестован в штате Колорадо за тайную торговлю ЛСД.

Хотя король Фейсал отказался ходатайствовать о смягчении участи своего племянника, государственный департамент, узнав о

происшедшем, послал в Колорадо соответствующий сигнал. В неофициальном порядке местного судью попросили учесть королевское происхождение подсудимого и быть снисходительным. Судья принял во внимание раскаяние молодого человека и, вынеся приговор с отсрочкой исполнения, назначил ему испытательный срок.

В 1971 г. несостоявшийся студент возвратился домой, и король запретил ему покидать пределы Саудовской Аравии.

Когда Фейсалу ибн Мусаиду исполнилось двадцать семь, его жизненный багаж состоял из некоторых идей саудовских радикалов, любовницы-американки, с которой он прожил пять лет, и твердого намерения убить дядю.

* * *

Заки Ямани никак не мог предполагать, что 25 марта 1975 г. окажется столь ужасным днем.

Он встал рано, умылся, прочитал утренние молитвы. Потом, просматривая срочную корреспонденцию, поступившую за ночь, приступил к завтраку, состоявшему из тарелочки особой волокнистой овсянки.

До половины девятого, может быть до без четверти девять, Ямани провел время за неспешным чтением бумаг в маленькой гостиной своего номера-квартиры в отеле «Ямама». Потом он оделся, вызвал шофера и отправился в министерство, находившееся в нескольких сотнях метров от отеля.

Первая половина рабочего дня, как всегда, была полностью распланирована.

Как всегда, Ямани ожидало множество посетителей.

В любой другой день он оставался бы у себя в кабинете до 15—15.30, а потом отправился бы в отель «Ямама», где его ждал поздний ленч, состоявший из йогурта, орехов, фиников и фруктов.

В любой другой день он вернулся бы в министерство в 17.00—17.30 и продолжил прием посетителей или, может быть, принял участие в заседании совета министров, которое нередко затягивалось до девяти часов вечера.

В любой другой день он провел бы вечер привычным образом. Возможно, принес бы домой документы, которые не успел прочесть на службе. Или играл в карты с приятелями. Или просто лежал на своем большом диване и болтал по телефону с друзьями из разных стран мира, косясь одним глазом в телевизор.

Но утром 25 марта 1975 г. в Эр-Рияд прибыл Абдул Муталеб

Казими, новый министр нефти Кувейта. На 10.30 был запланирован визит Казими к королю. Ямани должен был сопровождать кувейтскую делегацию и представить ее Фейсалу.

В 10.10 он отправился на автомобиле в расположенный поблизости дворец и встретил Казими в приемной небольшого королевского кабинета.

Было 10.20 утра.

— Казими представил меня всем своим спутникам, включая молодого человека, которого он назвал «братом» Фейсалом ибн Мусаидом. Я его не знал. Но меня поразило, что этот человек, принадлежавший, судя по имени, к саудовской королевской семье, говорил с кувейтским акцентом. Бросалось в глаза и то, что он нервничал, причем очень сильно. Но, поскольку он явно был знаком с Казими и, как мне тогда показалось, сопровождал делегацию, я тут же об этом забыл.

Ожидая короля, Ямани сказал кувейтцам, что тот появится в кабинете ровно в 10.25.

— Он идеально точен, — заверил Ямани. — Можете сверять по нему часы.

Словно подтверждая его слова, ровно в 10.25 Фейсал, сопровождаемый телохранителем, вошел в свой кабинет.

Ямани увидел это из приемной. Он извинился перед кувейтцами и, оставив их в обществе руководителя службы протокола, прошел к королю, чтобы обменяться с ним парой слов наедине.

Он рассказал о цели визита Казими и хотел вернуться обратно, но король в то утро был особенно весел и сказал Ямани еще несколько шутливых фраз, задержав его на две-три минуты. Потом они вместе вышли в комнату для приемов.

Бригада тележурналистов уже установила аппаратуру для съемки встречи, которая должна была продолжаться не более 10—15 минут — этого времени хватало как раз на то, чтобы обменяться приветствиями и выпить по чашке кофе.

Когда Фейсал был готов встретить гостей, Ямани занял место рядом с ним. Напротив расположилась телевизионная бригада.

Двери открылись, и руководитель службы протокола ввел кувейтцев в комнату.

Первым вошел Казими. Остальные члены делегации ждали своей очереди в дверях.

Фейсал обратился к Казими со словами приветствия.

В эту самую минуту молодой человек с саудовским именем и кувейтским акцентом ринулся к королю.

Все произошло почти мгновенно.

Молодой человек подбежал к Казими так стремительно, что

никто не сообразил, в чем дело.

От Фейсала и Ямани его отделяла лишь пара футов.

Он выхватил из-под одежды револьвер 38-го калибра и начал стрелять.

Было 10.32 утра.

Он выстрелил трижды.

— Я не понял, что произошло. Я услышал выстрелы, но не видел, кто стреляет. Король упал. Я бросился к нему.

В комнате началась паника.

Ямани поднял голову и увидел, что королевский телохранитель схватил молодого человека и вырывает у него револьвер. Он выкручивал убийце запястье, вынуждая его держать револьвер дулом вверх.

Тот не отрываясь смотрел на Ямани.

Раздалось еще несколько выстрелов.

— Он впился в меня взглядом. Не сводя с меня глаз, он палил в потолок.

В комнату ворвалось еще несколько охранников: они бросились на стрелявшего, вырывая у него оружие.

Ямани выбежал наружу, громко призывая на помощь.

Другие тоже подняли крик.

Шумя и толкаясь, все столпились вокруг Фейсала, который, истекая кровью, простерся на ковре.

Ямани вбежал обратно в комнату и протиснулся сквозь толпу. Он склонился над королем и уже не отходил от него до тех пор, пока не приехала «скорая помощь».

Врачи немедленно доставили Фейсала в Центральную больницу. Но выяснилось, что первый же выстрел пробил королю яремную вену.

В течение нескольких часов не было сделано никаких официальных заявлений, что, естественно, создавало почву для самых различных домыслов.

Первое заявление гласило, что король был дважды ранен с близкого расстояния в голову и трижды — в грудь. Было сказано также, что молодой принц без труда сумел ввести в заблуждение дворцовую охрану.

Прошел слух, что король лишь ранен.

Наконец эр-риядское радио официально оповестило саудовцев, что Фейсал убит; при этом убийца был назван душевнобольным, действовавшим в одиночку.

Сообщение было явно нацелено на то, чтобы пресечь возможные слухи о заговоре и о восстании против короля, к которому мог быть причастен молодой принц.

Потом объявили, что на трон вступил кронпринц Халед, а

титул кронпринца перешел к министру внутренних дел Фахду.

Поскольку Халед не слишком активно выполнял свои обязанности, будучи кронпринцем, в тот момент все предполагали, что реальным главой исполнительной власти в государстве будет Фахд, тогда как монарху уготованы скорее церемониальные функции.

Король Фейсал уже давно понял, что Халед не способен управлять страной и предпочитает охотиться в пустыне вместе с бедуинами. Поэтому Фейсал пошел на беспрецедентный шаг, назначив Фахда вторым заместителем премьер-министра.

Но Халед, взойдя на престол, решил руководствоваться собственным мнением.

Новый король лично допрашивал убийцу в течение многих часов. Фейсал ибн Мусаид рассказал Халеду, что, глядя в глаза Ямани и стреляя в потолок, был искренне убежден, что револьвер направлен на министра. Он не сомневался, что убил и Ямани.

Только после того, как Халед пришел к выводу, что «убийство не связано с какими-либо внешними силами», к племяннику короля была допущена медицинская комиссия, которая установила, что тот, «несмотря на свое душевное заболевание, в момент убийства находился в здравом уме».

18 июня принц Фейсал ибн Мусаид был выведен на середину главной площади Эр-Рияда, что находилась перед Дворцом Правосудия, и проведен вдоль рядов собравшихся на ней зрителей.

Нетвердо ступавший принц был облачен в белые одежды, глаза его были завязаны.

Сопровождавший принца солдат поставил его на колени и пригнул к плахе.

Палач взмахнул большим мечом и четким, уверенным движением отсек убийце голову.

Отрубленная голова была насажена на кол и на 15 минут выставлена для обозрения, после чего останки увезла машина «скорой помощи».

Некоторые убеждены, что убийца попросту мстил за своего брата.

Другие говорят, что это был составной элемент серии террористических актов, которыми предполагалось инициировать мировую революцию.

Третьи (сохраняющие свое мнение и сейчас) предположили, что убийство было осуществлено по сценарию ЦРУ.

Кое-кто считает, что к покушению был причастен Каддафи.

Точно известно лишь одно: во время учебы в Беркли молодой принц проявлял интерес к радикальным арабским движениям, в

частности к ООП, и к различным второстепенным марксистским группам. Он был убежденным антисионистом и часто говорил своим американским друзьям, что его семья занимает недостаточно жесткую позицию по отношению к Израилю.

Непосредственно после убийства в нью-йоркской газете было приведено следующее свидетельство одного из друзей принца:

— Он все время повторял: ничто так не мешает развитию арабского мира, как его семья. И без конца твердил, что саудовский королевский дом выше всего ставит сотрудничество с американскими нефтяными компаниями.

Ямани твердо убежден, что убийство не было местью за брата.

— Молодой принц принадлежал к другому стану. Его брат был очень религиозен. А принц был настроен антирелигиозно.

По мнению Ямани, племянник короля хотел свергнуть существующий режим.

— Я, конечно, не могу ручаться… Но спустя несколько месяцев, когда я оказался в плену у террориста Карлоса, он признался мне, что был знаком с принцем. Карлос любил поддразнивать подружку молодого человека, спрашивал, как ее угораздило связаться с таким реакционером. А та отвечала: он совсем не реакционер. И как-то сказала Карлосу: скоро вы все убедитесь, что он настоящий герой.

* * *

Саудовское общество представляет собой необычайно сложную систему, но, вопреки распространенному представлению, секрет управления этой страной состоит отнюдь не в способности сплачивать в некий монолит различные кланы и группировки. Речь скорее идет о том, чтобы удерживать их от слишком явного разрыва, а для этого требуется более тонкое искусство.

Главная задача правительства — сохранять хрупкое общественное равновесие.

В королевской семье Халед представлял, грубо говоря, традиционалистов, опиравшихся на бедуинские племена. Фахд был признанным лидером технократов и — по крайней мере, в саудовских терминах — прогрессистом.

Нельзя сказать, что между двумя группировками существовала открытая вражда. Саудовской королевской семье свойствен типично восточный, таинственный стиль поведения. Все решения принимаются без посторонних, при закрытых дверях;

грязное белье обычно стирают дома. И случаи, когда один королевский племянник был застрелен, а другой публично обезглавлен, составляют редчайшее исключение.

Но после смерти Фейсала и воцарения Халеда борьба за влияние приобрела более открытый характер. Халед был известен своим благочестием и любим в народе. Новый король, однако, был слаб здоровьем: еще в 1972 г. в Соединенных Штатах ему была сделана сложная операция на открытом сердце. Надеясь, что Халед в скором времени сойдет со сцены, напористая группировка Аль-Фахд дружно продвигалась к командным высотам.

«Наблюдая за поведением Ямани, — писала в середине апреля 1975 г. английская «Санди таймс», — можно догадываться о том, что происходит между Фахдом и королем».

Газета отмечала, что в течение предыдущего года отношения между Ямани и Фахдом приобрели натянутый характер.

«Фахду, видимо, не нравится, что Ямани находится на короткой ноге с западной прессой. Влияние Ямани зиждилось на безграничном доверии, которое оказывал ему Фейсал. Но это доверие, равно как и блестящий жизненный успех Ямани, всегда раздражало саудовский истеблишмент. Поэтому, наверное, — заключала газета, — на протяжении всего прошлого года Ямани так и не удалось примириться с Фахдом».

Поэтому, соглашались саудовские эксперты, положение Ямани стало после смерти Фейсала более шатким.

Ожидали, что о его отставке объявят в ближайшие две-три недели.

Прогноз не подтвердился, но высоколобые знатоки оставались при своем убеждении. Они уверяли всех и каждого, что Ямани будет изгнан еще до конца года.

Не подтвердился и этот прогноз. Но они не уставали твердить, что отставки Ямани следует ожидать со дня на день.

Это ожидание растянулось более чем на 11 лет.

Впрочем, Джиму Эйкинсу отставка Ямани не казалась столь уж неизбежной.

— Ямани необыкновенно умен и сообразителен, превосходно знает свой предмет. Еще до убийства короля наладил неплохие отношения с остальными членами королевской семьи, с Фахдом и с Абдуллой (ставшим при Фахде кронпринцем). И когда короля не стало, никому в голову не приходило прогнать Ямани.

Но многие считают иначе.

— Остается только удивляться, что Ямани сумел так долго оставаться на службе, — делится своими взглядами один из старших менеджеров «Арамко», — ведь у него было множество

завистников среди принцев. После гибели Фейсала положение Заки существенно изменилось. Его слово уже не обладало прежним весом. Перемена не то чтобы бросалась в глаза, нет, она была почти незаметной. Но очень важной… Фахд постоянно давал Ямани понять, что, в отличие от Фейсала, не нуждается в чужих советах. И все же Фахд и братья Судаири, пришедшие к власти после убийства Фейсала, сумели обуздать свои ревнивые чувства и оставили Ямани на его посту. Конечно, они не слишком его любили. Но понимали, что нуждаются в Заки больше, нежели он в них.

— Ключевым вопросом в Саудовской Аравии всегда был вопрос о власти, — развивает сходную точку зрения сэр Джон Уилтон, бывший посол Великобритании. — Вопрос, кому и в какой степени она принадлежит. Безусловно, отношения, сложившиеся между Ямани и Фейсалом, и влияние, которым Ямани пользовался при прежнем короле, вызывали у Фахда глухую ревность. Но он был достаточно умен, чтобы держать себя в узде. Теперь-то власть была в его руках, и только от него зависело, как ее распределять. Все твердили, что Фахд далеко не так расположен к Ямани, как Фейсал, и отныне Ямани придется ступать по тонкому льду, — продолжает Уилтон. — Знаете ли, вместо того чтобы строить искусственные водоемы, в Саудовской Аравии предпочитают заниматься гаданием о будущих перестановках в кабинете. Это главное национальное развлечение, особенно во время рамадана.

«Вот увидите, — говорят саудовцы, — кончится рамадан, и король сформирует правительство заново: Ямани отправит в отставку, Султана назначит туда-то, Абдуллу — туда-то». И так каждый год. Но, как правило, ничего не происходит. Саудовский кабинет остается практически одним и тем же. До сих пор в правительстве сидят люди, которые работали еще при Фейсале. По существу, долгие годы после убийства Фейсала состав министров не претерпевал сколь-либо значительных изменений. Правда, министр связи умер, и на его место был назначен другой. Да еще заместитель министра обороны принц Турки рассердил своих братьев порочившей его женитьбой, и они потребовали, чтобы Турки оставил общественную деятельность. Но за этими редкими исключениями у кормила власти оставались одни и те же люди. Спору нет, при Фахде Ямани действительно ступал по тонкому льду. Но и самый тонкий лед в Саудовской Аравии обычно держится лет десять, если не больше.

По-другому судит Джеймс Шлезингер, тогдашний министр обороны США.

— После смерти Фейсала Ямани остался единственным

технократом, которому пришлось управлять неповоротливой и громоздкой саудовской машиной. Но он уже не мог выступать от лица Саудовской Аравии, как делал это при Фейсале.

Мнение сэра Джеймса Крейга, еще одного бывшего посла Великобритании в Саудовской Аравии:

— Надо принимать во внимание личный фактор. У Фейсала был редкий природный ум. Он не получил систематического образования, но с юных лет путешествовал по свету и встречался с премьер-министрами многих стран. В тринадцатилетнем возрасте он побывал в Англии и познакомился с Ллойд Джорджем. И в том, что они с Ямани так хорошо понимали друг друга, нет ничего удивительного. Халед был очень ограничен. Милейший человек, но старый пень, причем, видимо, он был таким и десяти лет от роду. Он явно не мог уразуметь, что такое инфляция. Он даже не знал, как эта штука называется по-арабски. И абсурдным было бы представить его сидящим с министрами и торжественно рассуждающим о пятилетнем плане развития Саудовской Аравии. Все это делал Фахд. Как правило, именно он председательствовал на заседаниях совета министров. Халед появлялся там редко, лишь в тех случаях, когда этого требовал ритуал.

Крейгу тоже не раз приходилось слышать, что Фахд завидует Ямани, но он считает это преувеличением.

— Конечно, недоброжелательство тут было. Но причина крылась отнюдь не в интеллектуальном превосходстве Заки, ведь Фахд просто не понимал, что это такое. Если, к примеру, я ничего не смыслю в музыке и она не доставляет мне никакого удовольствия, стану ли я завидовать тому, кто устроен иначе? Что могло злить Фахда, так это широкая известность Ямани, внимание, которое проявляла к нему мировая пресса. Это дурацкое, но вполне естественное человеческое чувство обострялось еще и потому, что Фахд предвидел политические последствия, которые вызвала бы отставка Ямани. Почему Заки так долго продержался на своем посту при этом короле, с которым, как все отлично знали, у него никогда не было хороших отношений? Дело, по-моему, было в том, что увольнение Ямани повлекло бы за собой дезорганизацию мирового нефтяного рынка. В 1975 г. эр-риядский истеблишмент прекрасно отдавал себе отчет, что Заки пользуется всемирным признанием, что это один из столпов мирового нефтяного бизнеса и, до известной степени, всей мировой экономики. Поэтому власти нервничали. И неспроста. Как ни хотелось им отстранить Ямани от дел, последствия такого шага были воистину непредсказуемы.

Трудно судить об интеллекте Фахда, поскольку интеллект не

всегда можно отделить от образования и воспитания, которое получил человек, — замечает Крейг. — Конечно, его не назовешь интеллектуалом. Но Фахд наделен неплохим природным умом и проницательностью; кроме того, он уже очень много лет вращается в высших сферах внутренней и международной политики. Тут, знаете ли, любой пообтрется. Даже глупый человек хочет не хочет, а набирается опыта. А Фахд далеко не глуп. Как оказалось, он способен понимать — возможно, не до конца и не во всех тонкостях — такие вещи, как инфляция, экономическое планирование и нефтяная политика. По-моему, он долго, большую часть своего царствования, следовал советам Заки. И в 1975 г. Заки был ему очень нужен. Но со временем Фахд почувствовал, что способен принимать решения, идущие вразрез с рекомендациями Заки. Нельзя, — говорит Крейг, — сбрасывать со счетов и личные качества Ямани, позволившие ему стать политическим долгожителем. Слухи о его скорой отставке возникали каждые полгода. Однажды я спросил его: «Говорят, вы уходите со своего поста; вы, должно быть, и сами об этом слышали?» Он засмеялся: «Ну, такие слухи возникают систематически. Но еще ни разу они не подтвердились, а когда меня и впрямь уволят, я, видимо, узнаю об этом последним».

Как выяснилось позже, он был совершенно прав.

Когда в 1975 г. одному крупнейших саудовских бизнесменов сказали, что Ямани скоро отправят в отставку, тот ответил:

— Может быть, это и произойдет. Но не сейчас. Насколько мне известно, Фахду понадобилось два года, чтобы уволить своего повара.

Перемены, начавшиеся после смерти Фейсала, наиболее заметно проявились в стиле руководства. По убеждению Ямани, в королевской семье Фейсалу не было равных: он был подлинным исключением.

— Но лично я работал точно так же, как раньше, — добавляет Ямани, — тут никаких изменений не произошло.

Это, видимо, не совсем соответствует истине.

По свидетельству некоторых сотрудников американских нефтяных компаний, работавших в Саудовской Аравии и находившихся в дружеских отношениях с Ямани, в моменты высшей откровенности он признавался, что ему следовало бы уйти из правительства сразу после гибели Фейсала.

Ямани это отрицает.

— Я никогда не говорил ничего подобного. Возможно, я испытывал эмоции такого рода, не спорю. Мне ведь и в самом деле было очень тяжело оставаться на моем посту. Но я не уходил. Прошло много времени, прежде чем я свыкся со смертью

Фейсала. Я поныне ощущаю его гибель как большую личную утрату. И глубоко преклоняюсь перед этим человеком.

Я расспрашиваю Ямани о других переменах, вызванных гибелью Фейсала, и по его долгому пристальному взгляду понимаю, насколько ему не хочется говорить.

Вопрос. По вашему мнению, произошли еще какие-то изменения?

Ответ. Может быть… да, произошли.

Вопрос. В нефтяной политике?

Ответ. Нет, в других вещах.

Вопрос. В каких, например?

Ответ. Видите ли, я привык подробно обсуждать любые вопросы с Фейсалом. И я всегда точно знал, как настроен король. Какие-то его мысли я даже мог угадать.

Вопрос. А как складывались ваши отношения с королем Халедом?

Ответ. Они были очень теплыми и сердечными. У Халеда была добрая душа, он заботился о народе и о его благополучии. И следил за событиями в стране. Если, к примеру, кто-то нуждался в операции на сердце, Халед посылал его в заграничную клинику. Он любил свой народ, и народ платил ему взаимностью.

Вопрос. Если бы Фейсала не убили и он прожил бы, скажем, еще лет шесть, до семидесятипятилетнего возраста, сейчас все шло бы иначе или точно так же?

Он говорит, что никогда не задавался подобным вопросом. Ответ удается вытянуть не сразу, только после нескольких «и все-таки, как вы полагаете?». Ямани поддается, начиная размышлять вслух.

— Если бы Фейсал был жив, кэмп-дэвидские соглашения, я думаю, не были бы подписаны. Без согласия Фейсала никто не решился бы на этот шаг — настолько большим уважением он пользовался у всех без исключения ближневосточных лидеров. Когда во время общеарабских совещаний в верхах он брал слово, сразу бросалось в глаза, с каким вниманием собравшиеся следят за его речью. Его мнение никогда не оспаривалось. Думаю, мы не столкнулись бы и с ростом цен на нефть. Того, что случилось в 1979 г., можно было бы избежать. Тогда мы были вынуждены подчиниться внешнему давлению, а Фейсал, полагаю, смог бы устоять. Он обладал огромной внутренней силой и умел сопротивляться любому нажиму. Кроме того, — продолжает Ямани, — Фейсал обладал редкой способностью находить взаимопонимание со всеми слоями саудовского общества. Ему помогало несколько обстоятельств. Во-первых, его мать происходила из знаменитого своим благочестием рода аль-

Ашайх. Фейсал находился в хороших отношениях с этим кланом. Во-вторых, он сам был известен как глубоко набожный человек. Поэтому ни одна из религиозных группировок не вступала с ним в конфликт. В-третьих, он понимал, что страна должна двигаться вперед, и за это его уважали прогрессисты. Поверьте, его влияние было огромно.

— Ну а что вы скажете о Фахде?

— Он пользуется любовью и уважением своего народа, — бесцветным тоном отвечает Ямани.

* * *

23 марта, за два дня до убийства Фейсала, в мекканской Великой Мечети состоялась скромная церемония по случаю подписания брачного контракта между Ямани и Таммам аль-Анбар.

Поскольку Таммам была дочерью состоятельного саудовского бизнесмена, который в прошлом был начальником королевской службы протокола и послом Саудовской Аравии в нескольких странах, позже предполагалось провести традиционную мусульманскую свадебную церемонию и несколько торжественных приемов.

Но все эти планы были опрокинуты 25 марта.

После того как «скорая помощь» увезла Фейсала в больницу, охранники поспешили заняться министром нефти. Они доставили его обратно в отель «Ямама». Им пришлось внести Ямани в комнату буквально на руках.

Бледный как полотно, ошеломленный убийством короля, он находился в состоянии глубокого шока.

В течение нескольких первых дней после гибели Фейсала, все более осознавая реальность происшедшего, Ямани не мог спать. Он испытывал отвращение к пище. Месяц, а то и больше он чувствовал себя больным.

Со временем чувство неописуемого ужаса, который Ямани пережил в момент убийства Фейсала, перешло в глубокую, иссушающую тоску.

— Мое физическое состояние было крайне тяжелым. Я испытывал самое настоящее страдание. Вместе с Фейсалом в то утро умерла и частица меня самого.

Естественно, не могло быть и речи о большой свадебной церемонии и обычных в таких случаях пышных торжествах.

Но, поскольку брачный контракт был подписан, Ямани и Таммам считались женатыми.

— Таммам согласилась отказаться от свадебного пира в обычном смысле этого слова. Она хотела поскорее прийти в мой дом, окружить меня заботой. И 14 апреля мы устроили очень тихую церемонию для узкого круга лиц.

Если верить молве, последняя воля Фейсала состояла в том, чтобы остальные члены королевской семьи относились к Ямани так, как если бы тот был его родным сыном.

Но, видимо, это лишь слух. Насколько известно, Фейсал не оставил завещания; во всяком случае, Ямани ничего об этом не знает.

— Не думаю, что это правда.

Как бы то ни было, при жизни Фейсал действительно любил Ямани как сына.

— Я проводил с королем большую часть моего времени. Но всегда помнил, что это мой начальник.

Здесь Ямани не вполне искренен. Несомненно, отношения между ним и Фейсалом выходили за рамки обычных отношений между служащим и работодателем. Когда Фейсал находился в Эр-Рияде, Ямани мог отлучаться из города только по государственным делам. Для других министров такой режим, как правило, не был обязательным. Но было известно, что Фейсал однажды обратился с подобной просьбой ко всем своим сыновьям.

Всю весну и лето Ямани не мог победить тоску. Утешение он находил в любви своей жены Таммам, в своей вере и лишь иногда в работе.

Бесспорно, это был худший год в его жизни. Ямани просил небо, чтобы тяжелые времена поскорее миновали.

Таммам была беременна первым из своих будущих пятерых детей. И она и Ямани надеялись на лучшее будущее.

Но 1975 год еще не кончился.

И в самом его конце Таммам едва не стала вдовой.

В руках у Карлоса

В то воскресное утро Вена только начинала пробуждаться ото сна.

Улицы еще не были запружены машинами. Но уже открылся Кристкиндлмаркт, рождественский рынок. Открылись и кафе на Ринге, где можно было спрятаться от холода и, просматривая свежую газету, пить горячий кофе.

Было 11 часов утра 21 декабря 1975 г. Оставалось всего четыре дня до Рождества.

Вдоль улиц тянулись гирлянды праздничных огней, в витринах магазинов были выставлены кукольные сцены, изображавшие Рождество. В холлах отелей стояли нарядные рождественские ели, а на стенах лавок красовались большие картонные буквы, гласившие: «С Новым годом!»

На втором этаже дома 10 по Карл-Лейгер-Ринг, который ОПЕК делила с канадским посольством и с австрийской штаб-квартирой «Тексако», в большом конференц-зале (без окон, но со стеклянной стеной, отделявшей зал от холла), 11 министров нефти, их заместители, секретари и сотрудники центральных органов ОПЕК начали свою очередную встречу.

В повестку дня были включены вопросы о перепадах цен и о квотах, а также об учреждении специального фонда ОПЕК, откуда развивающиеся страны могли бы получать беспроцентные займы.

Однако уже в первой половине дня программа встречи претерпела самые неожиданные изменения.

В понедельник Ямани должен был выступать с речью в Англии, поэтому он хотел лишь убедиться, что все идет по плану, и сразу же покинуть совещание. Он намеревался вернуться к себе в отель как можно раньше, собрать вещи, сделать несколько телефонных звонков и улететь из Вены не позднее середины дня.

По в то утро дебаты проходили особенно интересно. Два министра затеяли исключительно жаркий спор. Ямани посмотрел на часы и увидел, что стрелки подходят к 11.40. Подумал, что вообще-то ему пора бы идти. Но схватка была настолько увлекательной, что он решил немного задержаться.

Если бы он уехал пятью минутами раньше, то благополучно попал бы в Англию к запланированному выступлению.

Если бы он ушел, как собирался, и, по своему обыкновению, не сел в лифт, а стал спускаться по лестнице, то, видимо, был бы убит.

Ибо ровно в 11.40 в главный подъезд здания уверенной походкой вошли пятеро мужчин и одна женщина — в длинных

пальто, в шапках и со спортивными сумками в руках.

Они прошли через небольшой холл, мимо группки журналистов и двух австрийских полицейских, и стали быстро подниматься по лестнице.

Ничего не подозревая, один из полицейских любопытства ради вежливо поинтересовался, куда они идут.

Гости не стали тратить времени на ответы. Не оборачиваясь, все они перешли на бег.

И когда они взбежали на второй этаж, началось нечто поистине ужасное.

Бандиты, возглавляемые человеком с усами и бородкой, в коричневой кожаной куртке, светло-сером свитере с глухим воротником, брюках цвета хаки, коричневых туфлях и коричневом берете, вытащили из-под пальто оружие и открыли беспорядочную пальбу.

Один из них, немец по национальности, бросился к коммутатору и, угрожая служащему револьвером, отключил телефонные линии.

Полицейский, стоявший на втором этаже, схватился было за свой карабин, но человек в берете удержал его руку.

Девушка в серой шерстяной шапочке, надвинутой на глаза, подбежала к полицейскому, что-то крикнула, приставила ему к подбородку револьвер и нажала на курок.

Четверо бандитов устремились через холл второго этажа к конференц-залу. Стрельба не прекращалась.

Навстречу девушке бросился иракский охранник.

Она его застрелила.

Перед ней возник молодой ливиец.

Девушка убила и его.

Один из террористов, прикрывавший своих товарищей сзади, задержался у лестницы и швырнул вниз ручную гранату — на случай, если кому-нибудь вздумается их догонять.

Как раз в это время человек в берете и его друзья ворвались в конференц-зал.

Размахивая автоматами и револьверами, бандиты принялись стрелять в потолок; в зале поднялся крик и началась общая паника.

Светильники были разбиты; стало темно, и весь зал мгновенно наполнила пороховая вонь.

Ямани бросился под стол, за которым происходило заседание.

— Вначале я подумал, что это европейцы, выступающие против повышения цен на нефть. Я решил, что они хотят нам отомстить.

Человек в берете пронзительно кричал, приказывая всем лечь на пол. Остальные продолжали палить в потолок.

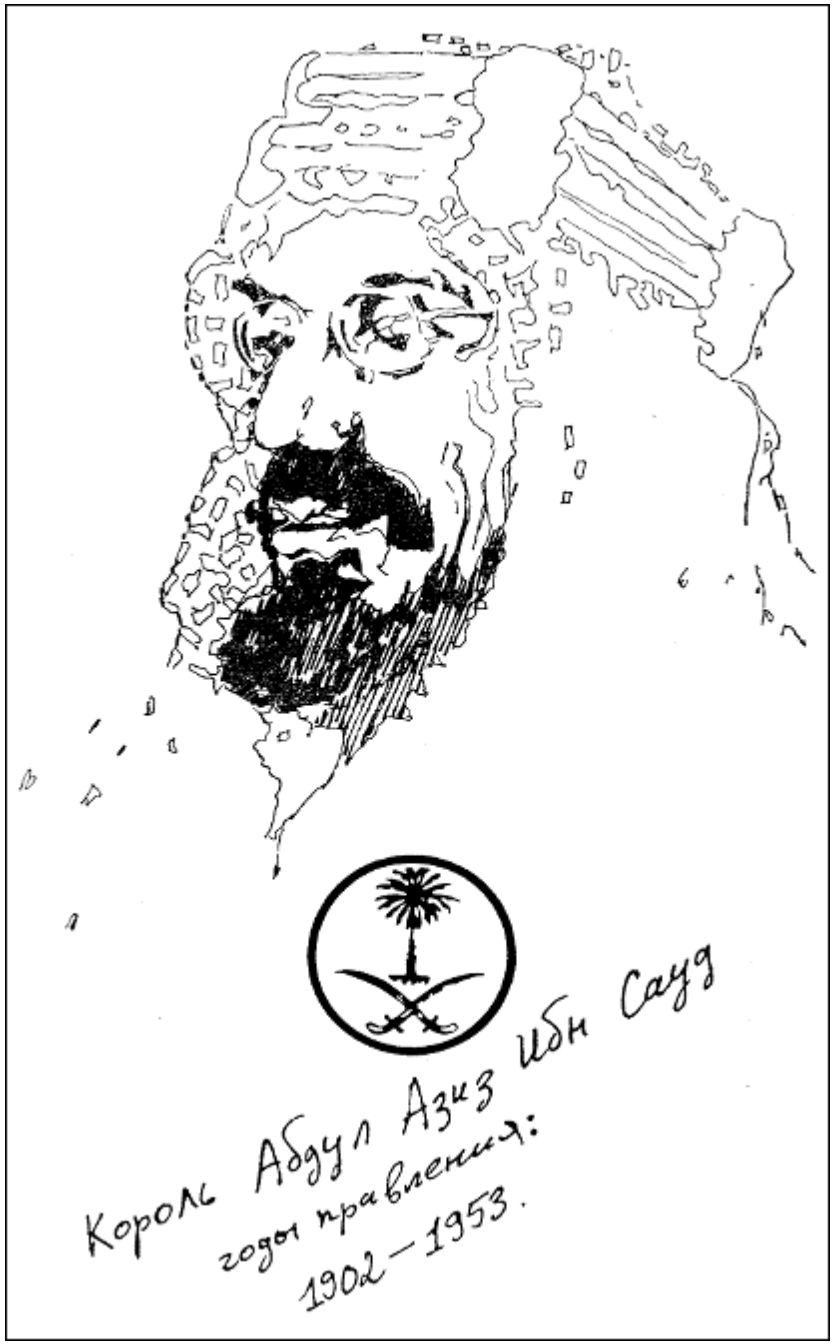
До тех пор пока главарь не взял ситуацию под свой контроль, его спутники не прекращали стрельбы.

Участники совещания оказались в безвыходном положении. Одни лежали на полу, другие прижались к стене в углах, третьи спрятались под столами. Всюду валялись опрокинутые стулья. Столы были сдвинуты, в воздухе кружились бумаги. Некоторые из находившихся в зале молились вслух. Некоторые не могли сдержать слез и громко рыдали. Одна из секретарш, полностью утратившая самообладание, раскричалась так, что человек в берете выпустил ее из зала. Но вообще-то все случилось настолько молниеносно, что большинство людей, находившихся в зале, были попросту ошеломлены и молча, с замиранием сердца следили за происходящим.

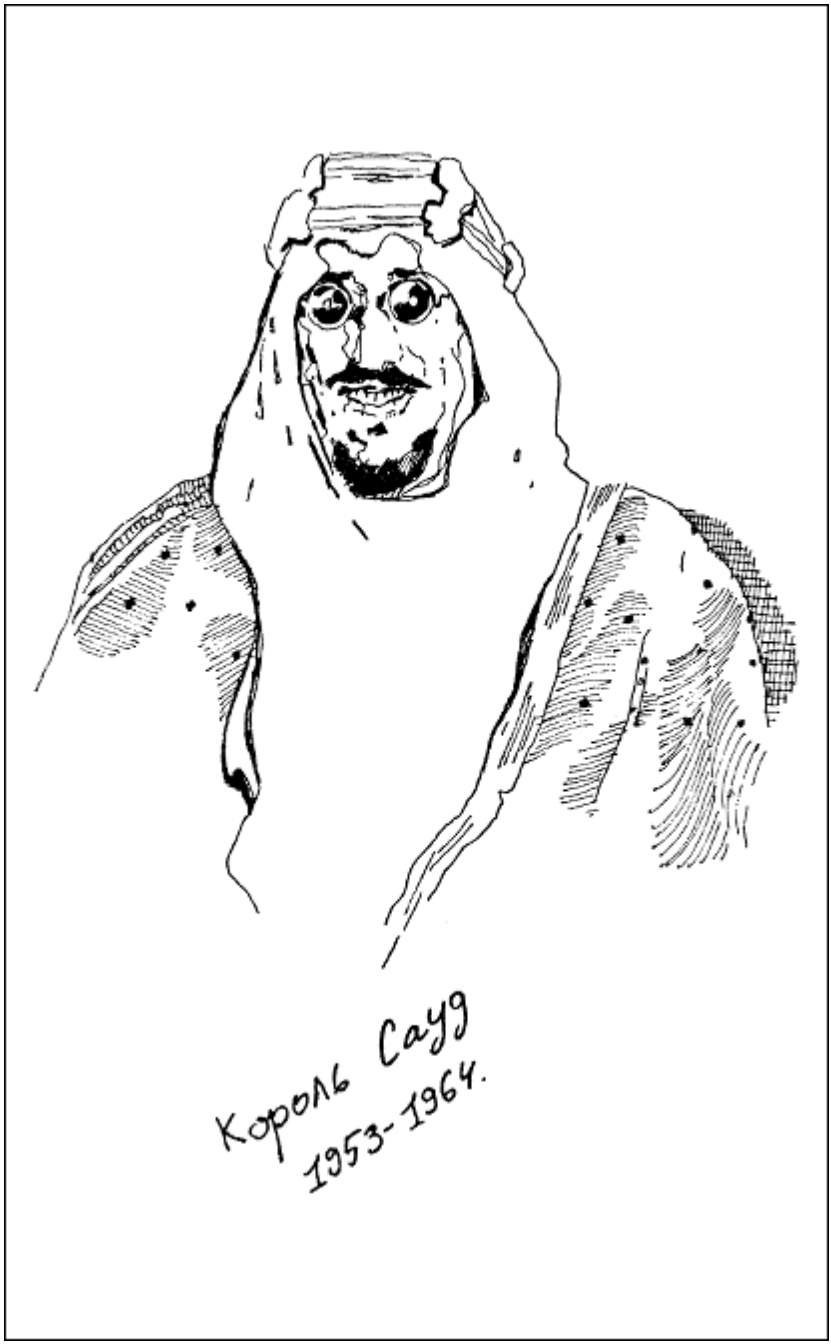
— Когда стрельба стихла, на короткое время воцарилась мертвая тишина. Потом я услышал, как кто-то спросил по-английски: «Ну что, нашли Ямани?» Внутри у меня все оборвалось.

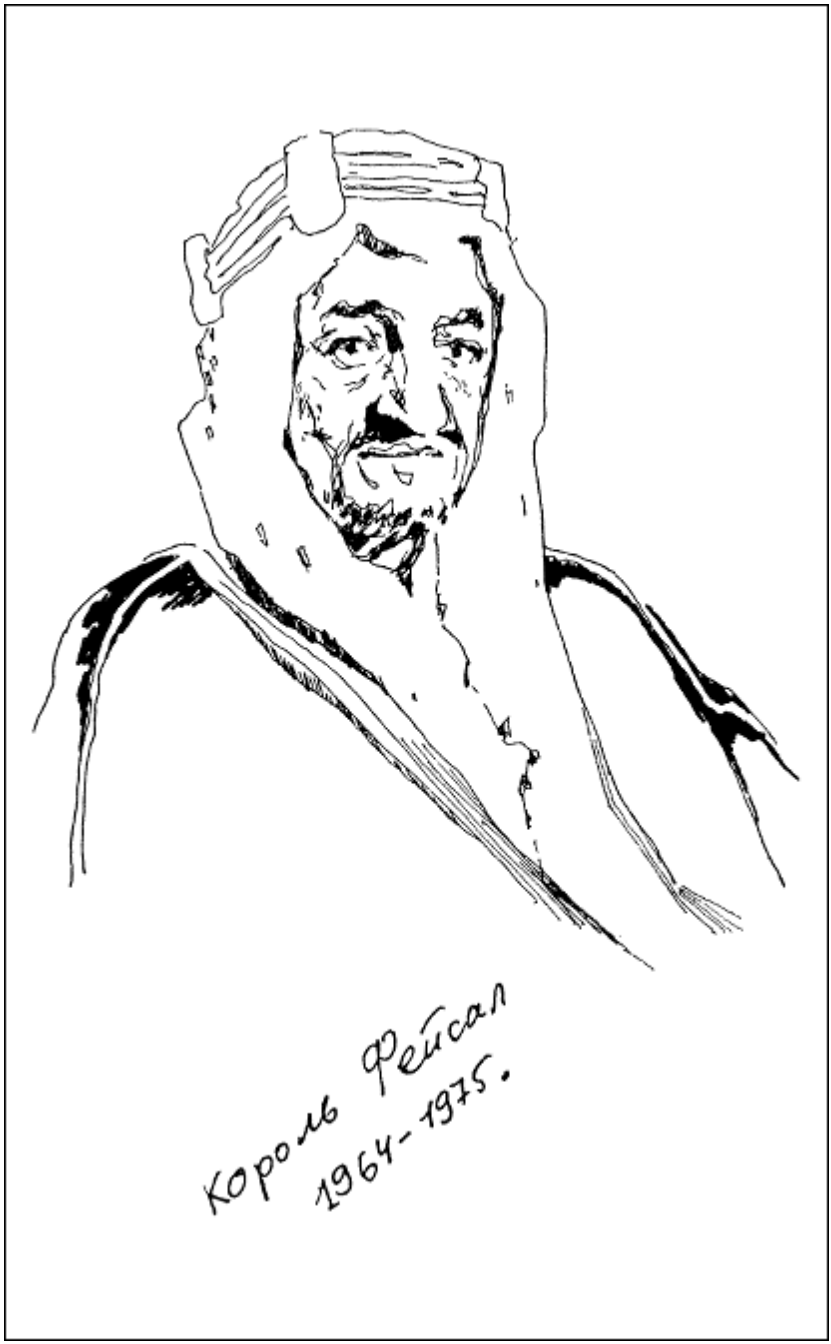
Один из террористов опустился на четвереньки и пополз вдоль зала, освещая фонариком каждого лежащего. Он заглядывал под все столы и наконец наткнулся на Ямани, причем приветствовал его ироническим жестом.

— Он сообщил остальным, что нашел меня. Внезапно я понял, что сейчас меня убьют, что моя жизнь пришла к концу.

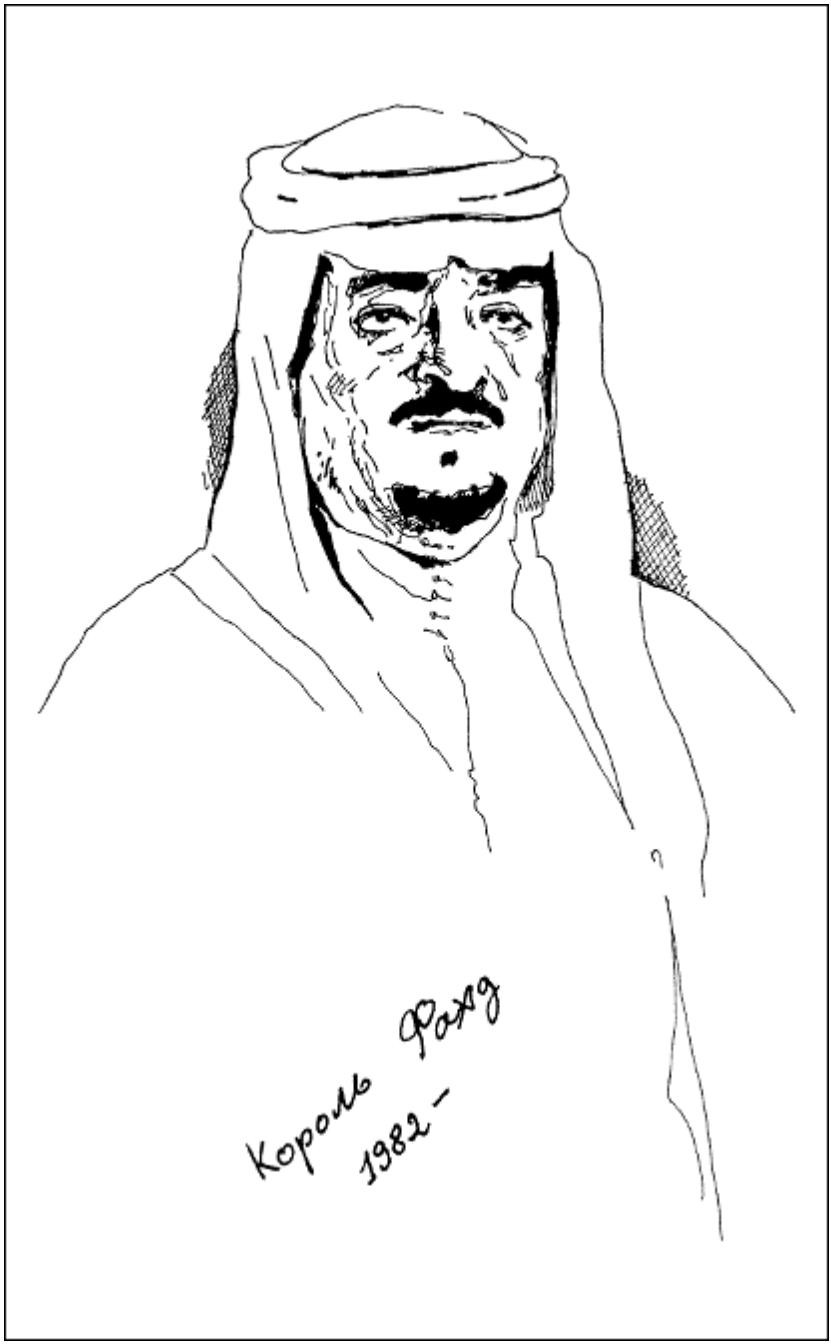


Король Абдул Азиз Ибн Сауд
годы правления:
1902 – 1953.


Король Сауд
1953-1964.


Король Фейсал
1964-1975.

Король Халед
1975 - 1982.


Король Фахд
1982 –

Захватив конференц-зал, террористы почти сразу же разместили в каждом из его углов динамитные заряды. Все необходимые приспособления они принесли в своих спортивных сумках. В течение двух минут зал был опутан проводами.

К этому времени венская полиция уже была уведомлена о случившемся. К дому с воем сирен съезжались полицейские

машины. Первым делом полиция оцепила близлежащий квартал. После этого заняли свои позиции коммандос из антитеррористического подразделения, разместившись вдоль улицы и на крышах соседних домов.

В тот момент, когда коммандос приблизились к главному подъезду, террористы, охранявшие вход и коридор, бросили еще несколько гранат — под лестницу и в шахту лифта. В завязавшейся перестрелке один из террористов был ранен.

Когда обе стороны укрепились на удобных для себя позициях, человек в берете потребовал, чтобы его раненый приятель был доставлен в больницу. Полиция, со своей стороны, настаивала на выдаче всех раненых заложников.

Согласие было достигнуто; полиция забрала раненого террориста и вместе с ним кувейтца, у которого было прострелено плечо. После этого полицейские отошли на прежние позиции. Началось длительное ожидание.

Как только удалось отыскать канцлера Австрии доктора Бруно Крайского, который на уик-энд уехал кататься на лыжах, ему сообщили об осаде. Узнав, что одиннадцать министров ОПЕК захвачены в качестве заложников и что уже погибло три человека, Крайский вернулся в Вену, чтобы провести экстренное заседание кабинета.

Человек в берете поручил иракскому атташе быть посредником в переговорах между ним и полицией.

И сам сообщил иракцу:

— Вы наверняка обо мне слышали. Я — Карлос.

Это было правдой. Штаб-квартиру ОПЕК захватил человек, за которым полиция всей Европы охотилась как ни за одним другим преступником.

Ильич Рамирес Санчес, родившийся 12 октября 1949 г. в Каракасе, кареглазый шатен с одутловатым лицом, 5 футов 11 дюймов ростом, был сыном состоятельного адвоката, долгое время поддерживавшего самые тесные связи с венесуэльской коммунистической партией. Отец Санчеса был настолько предан идее коммунизма, что двух других своих сыновей назвал Владимиром и Лениным.

В детстве Ильич был необщительным и застенчивым ребенком, страдал полнотой. По слухам, он постигал основы своего ремесла в 1966 г. в лагере Монтанзас, находящемся в холмистой местности вблизи Гаваны; там его обучали искусству подрывной и террористической деятельности кубинские и советские агенты. Спустя несколько лет он был направлен и Москву, в институт Дружбы народов имени Патриса Лумумбы, где должен был прослушать шестимесячный курс советской

коммунистической теории, предназначенный для радикально настроенных студентов из стран третьего мира. Но еще до окончания курса Ильич был отчислен русскими за антисоветскую деятельность экстремистски-левацкого толка.

Вскоре после возвращения Ильича в Венесуэлу у него начались неприятности с полицией Каракаса. Он был обвинен в организации студенческих волнений и на два месяца упрятан за решетку.

Из Венесуэлы он перебрался во Францию, где участвовал в беспорядках в Марселе.

Затем след Ильича обнаруживается в Лондоне, где жили в ту пору его родители. Какое-то время он работал, преподавая испанский язык в школе секретарей в Мейфере. Представляясь богатым молодым экономистом, он сблизился с кругом здешних респектабельных латиноамериканцев, часто посещал приемы и вечеринки. В это время он решил взять псевдоним и стал называть себя Карлосом Рамиресом.

Примерно тогда же он завязал контакты с Народным фронтом освобождения Палестины (НФОП). Это та самая группировка, которая взяла на себя ответственность за убийство израильских спортсменов на Олимпийских играх в Мюнхене в 1972 г. и за резню в аэропорту Тель-Авива в том же году. О том, как обучали Карлоса инструкторы из НФОП, мы почти ничего не знаем, известно только, что он проходил подготовку в одном из лагерей в Иордании или в окрестностях Бейрута. Но это, возможно, лишь слухи.

Впрочем, не так уж важно, где обучался Карлос.

Важно, чему он обучался.

Курс он, очевидно, окончил с отличием, поскольку в течение нескольких следующих лет руководство НФОП доверило ему участие по меньшей мере в шести крупнейших операциях, осуществленных этой организацией в Европе. Среди них были такие, как взрыв магазина-аптеки в Париже (двое убитых и 34 раненых), нападение на французское посольство в Голландии, обстрел из базуки самолета в парижском аэропорту Орли и убийство в Лондоне Эдварда Сифа, главы фирмы «Марк и Спенсер». Последняя акция носила особенно дерзкий характер. Карлос пробрался в дом Сифа, находившийся в северной части Лондона, настиг хозяина в туалете и застрелил его из 9-миллиметрового револьвера, после чего преспокойно скрылся.

К моменту убийства Сифа имя Карлоса мало что говорило даже знатокам. Только спустя два года полиция случайно обнаружила револьвер, который он использовал для убийства, а сотрудники скотленд-ярдовского подразделения по борьбе с

терроризмом нашли бумагу, которая впоследствии получила название «списка приговоренных к смерти» — написанный от руки перечень лиц, которых Карлос намеревался убить. В него были включены видные английские бизнесмены лорд Сейнсбери и лорд Гудмэн, драматург Джон Осборн, певица Вера Линн, член парламента Тони Бенн, диск-жокей Дэвид Джекобс, скрипач Иегуди Менухин и уже упомянутый Эдвард Сиф.

Числился там и шейх Ахмед Заки Ямани.

Саудовцы были поставлены в известность, и два сотрудника секретной службы Саудовской Аравии прибыли в Ливию и потребовали, чтобы Каддафи арестовал Карлоса. Но Каддафи заявил, что такого не знает, и саудовские агенты вернулись домой ни с чем.

Весной 1975 г., действуя по наводке информатора из НФОП, сотрудники французской контрразведки совершили налет на дом 9 по улице Тулье, в студенческом квартале 5-го округа Парижа. К двери подошел сам Карлос. В завязавшейся перестрелке были убиты два детектива и наводчик из НФОП. Террорист сумел бежать.

Карлоса искали во Франции и в Испании, но он, судя по всему, вернулся в Лондон, где и скрывался в течение нескольких месяцев, подготавливая нападение на ОПЕК.

Из Лондона Карлос отправился в Багдад; известно, что там он встречался с представителями НФОП.

Наконец он проследовал в Швейцарию, где вместе с сообщниками спрятал коммюнике для прессы (об этом будет речь ниже) и внес в свой план последние коррективы.

Спустя более чем два с половиной года после захвата штаб-квартиры ОПЕК один из террористов в интервью немецкому журналу «Шпигель» сообщил, что их шестерка прибыла в Вену 19 декабря. По его хвастливому признанию, все они были так нагружены револьверами, автоматами и гранатами, что «с трудом поднялись по ступенькам», когда в воскресенье утром садились в пустой трамвай, чтобы ехать на Карл-Лейгер-Ринг.

Охарактеризовав Карлоса как исключительно тщеславного человека и рассказав, что он несколько раз в день принимает душ, а потом пудрит себя с головы до ног, бандит заявил, что общее командование операцией осуществлял Вади Хаддад, палестинский террорист, в настоящее время считающийся убитым.

До этого высказывалось предположение, что Карлос действовал под руководством доктора Жоржа Хабаша, лидера НФОП, неоднократно говорившего журналистам, что, расколов ОПЕК, он сможет нейтрализовать любую интригу прозападных

членов этой организации (подразумевались Саудовская Аравия и Иран), которые могут склониться к заключению мирного соглашения с Израилем в ущерб интересам палестинцев.

Но в упомянутом интервью получили подтверждение слухи о связях Карлоса с другой, менее известной группировкой — Северным фронтом Сопротивления, пользовавшимся мощной поддержкой Сирии, Ирака и Ливии и решительно протестовавшим против «капитулянтской позиции», которую занимали Саудовская Аравия, Иран и даже арафатовская Организация освобождения Палестины в вопросе мирного урегулирования.

В этом случае — если, конечно, верить человеку, которого интервьюировал «Шпигель», — «план нападения на ОПЕК исходил от одного из арабских президентов».

Хотя террорист не назвал имени, не было сомнений, что он имел в виду своего кумира — ливийского полковника Каддафи. Таким образом, Хаддад лишь выполнял поручение, полученное сверху.

Первоначально Хаддад намеревался похитить папу. Но потом сообразил, что похитителей папы не станет укрывать ни одно арабское государство. Тогда его взор обратился на Махди ат-Таджира. В начале 1975 г. Хаддад составил список богатейших международных бизнесменов и на первое место в нем поместил Таджира, намереваясь получить за бахрейнца в качестве выкупа не менее 25 миллионов долларов. Но этот план был отвергнут Карлосом, который навел справки и выяснил, что Таджир (чье личное состояние, по слухам, достигало 13 миллиардов долларов) постоянно окружен телохранителями.

Когда неназванный «арабский президент» предложил захватить всю верхушку ОПЕК и, если удастся, убить Заки Ямани, Хаддад и Карлос получили наконец задание, которое их вполне устраивало.

…Но вернемся в Вену, где Карлос и его люди, игравшие на очень крупные ставки (вне зависимости от того, кто именно финансировал операцию), забаррикадировались в конференц-зале.

Они разделили заложников на четыре группы.

Те, которых Карлос назвал «друзьями», — алжирцы, иракцы и ливийцы были помещены прямо перед входом, вдоль стеклянной стены, отделявшей зал от библиотеки.

«Нейтралов» — нигерийцев, кувейтцев, эквадорцев, венесуэльцев и габонцев — он собрал в середине зала, напротив «друзей».

Все служащие ОПЕК располагались непосредственно за

входом, у передней стены, справа.

Дальше всего от входа, затиснутые в дальний угол, образованный стеклянной перегородкой и задней стеной, разместились «враги» — саудовцы, иранцы, египтяне и катарцы.

Все заложники были связаны, рты им заткнули кляпом. Кроме того, вокруг «врагов» были разложены динамитные шашки, и один из террористов уселся напротив, с садистской ухмылкой поигрывая двумя концами провода.

Всегда придававший большое значение саморекламе, Карлос послал полиции записку, в которой объявил, что он и его шайка входят в организацию, называющуюся «Оружие арабской революции». Ранее о существовании такой организации не слыхал ни один человек в мире.

Полиция сообщила новость репортерам, и они тут же оповестили об этом мир.

Последовало не менее спешное заявление ООП, отрицавшей всякую связь с террористами.

За этой акцией, направленной на подрыв ОПЕК, указала ООП, без сомненья, стоит американский империализм и сионизм.

НФОП хранил молчание.

Через посредника-иракца Карлос передал австрийским властям, что требует предоставить ему самолет, на котором он и заложники могли бы вылететь в любую страну света, какую он назовет. По его словам, предпринятая операция должна была сорвать заговор на высшем уровне, который имел целью узаконить сионистское присутствие в Палестине. Карлос сказал, что намерен «противостоять этому заговору, нанести удар по тем, кто его поддерживает, и применить революционные санкции ко всем лицам и партиям, которые в нем замешаны».

Одновременно власти получили от Карлоса письмо на семи страницах, в котором были изложены его идеи. О местонахождении письма сообщил неизвестный, позвонивший по телефону в пресс-центр Организации Объединенных Наций в Женеве — оно было спрятано в мужском туалете, находящемся в этом здании.

Это и было коммюнике, оставленное Карлосом в Женеве перед отъездом в Вену.

Кто именно уведомил прессу о существовании коммюнике, осталось тайной. Звонивший мог принадлежать ко многим международным террористическим организациям, с которыми поддерживала контакты банда Карлоса, — японской «Красной армии», немецкой группе Баадер-Майнхоф, турецкому Народно-освободительному фронту, баскским сепаратистам или какой-то из фракций палестинского освободительного движения. Ясно

было одно: даже если бы Карлосу не удалось захватить заложников и остаться в живых, его знакомый все равно сообщил бы о письме.

Карлос, таким образом, не сомневался, что его голос будет услышан в мире и при неудачном исходе операции.

Заявление Карлоса представляло собой типичную громогласную прокламацию террористов, в которой подробно перечислялись побудительные мотивы их действий. Иран был заклеймен как «активный пособник империалистов», а президент Египта Садат назван «одним из главных предателей». В то же время расточались похвалы Ираку, Сирии и палестинцам, названным «прогрессивными силами», которые добиваются права самостоятельно распоряжаться нефтяными ресурсами «на благо арабского народа и других народов третьего мира».

Карлос прежде всего потребовал, чтобы его письмо было прочитано по австрийскому радио.

Потом он сказал:

— Нам должен быть предоставлен автобус с зашторенными окнами, который завтра в 7 часов утра отвезет нас в венский аэропорт. К этому времени там должен стоять самолет «Дакота-9» с заправленными баками и экипажем из трех человек, которые доставят нас и заложников в указанное мной место.

Кроме того, он потребовал передать ему два каната, по дюжине метров каждый, пять пар ножниц, несколько мотков клейкой ленты, сто бутербродов и побольше фруктов — «столько, сколько удастся раздобыть».

Говоря в основном по-английски, но пересыпая свою речь арабскими и особенно щедро испанскими фразами (роль переводчика исполнял венесуэльский министр нефти), Карлос пригрозил, что, если его требования не будут выполнены, он застрелит сначала заместителя Ямани, а потом заместителя Амузегара. Если требования не будут выполнены и после этого, он убьет самого Амузегара, а потом Ямани. Если и это не принесет результата, он взорвет здание и уничтожит всех, кто в нем находится.

Австрийское правительство начало обдумывать ответный ход.

С того времени, как бандиты ворвались в здание, и примерно до двух часов дня Ямани никак не мог понять, кто они и чего хотят. Ему было трудно допустить, что это палестинские коммандос: ведь их главарь не был арабом.

Девушка была немкой, сообщники называли ее Надой. Позже в ней опознали 25-летнюю Габриэлу Крохер-Тидерман, бывшую студентку-социолога, члена западногерманской террористической организации «Движение второго июня». Помощник Карлоса

сказал, что он ливанец и что его зовут Халид. Еще один бандит был палестинцем, его звали Юсеф. Раненый террорист был немцем. О последнем из шестерки Ямани говорит, что по его легкому акценту можно было узнать уроженца Северного Йемена.

Некоторые из арабов, участвовавших в конференции ОПЕК, вначале решили, что на них напала израильская ударная бригада. Говорят, один из них прямо спросил об этом Карлоса, на что тот ответил: «Жаль, но я и вправду похож на еврея».

Охваченный вполне понятным страхом, Ямани пытался успокоиться, непрестанно повторяя отрывки из Корана.

— В какой-то момент двое террористов вышли из зала, и их сменили двое других, в том числе девушка, которой на вид было за двадцать.

С легкой усмешкой она сказала своему боссу: «Я убила двоих». Тот ответил: «А я одного». Потом девушка спросила: «Где Ямани?» Он указал на меня. Когда нам сообщили, что это Карлос, я испытал шок. Я знал о существовании списка приговоренных к смерти. И знал, что во время налета на парижскую квартиру Карлоса весной этого года французская полиция обнаружила бумаги и документы, которые содержали детально разработанный план моего убийства. Карлос и его банда были детально осведомлены обо всех моих передвижениях и о моем образе жизни.

У них даже был список мест, которые я обычно посещаю в разных городах.

Около 4 часов дня Карлос увел Ямани в соседнюю комнату, чтобы поговорить с ним наедине.

Карлос уселся за стол. Ямани взял стул и сел напротив. В комнате было темно.

Карлос сказал по-английски: «Вы будете казнены».

И, помолчав, добавил, что их действия не направлены лично против Ямани.

— Мы вас уважаем, — сказал Карлос. — Но вы будете казнены, потому что наша акция направлена против вашей страны.

Ямани сразу же почувствовал, что с Карлосом можно столковаться.

— В самом деле, когда человеку говорят: мы вас уважаем и любим, но собираемся вас казнить, это звучит не совсем обычно. И я сказал: «Объясните, что вам от меня нужно». Я сказал: «Говорите прямо, без выкрутасов».

Карлос ответил:

— Какие еще выкрутасы? У меня в руках револьвер, и я могу вас убить сию же минуту. Что мне нужно? Да ничего. Вы

полностью в моей власти.

Ямани признал, что его жизнь находится в руках Карлоса. Но, сказал он террористу, в его словах нет логики.

— Как ни странно, в этот момент я почти успокоился. Я уже не был так напуган, как поначалу, потому что понял, что имею дело не с сумасшедшим. В это трудно поверить, но Карлос держался в высшей степени хладнокровно. Да-да, он сохранял полное самообладание. И совсем не походил на сумасшедшего. У меня не было впечатления, что этот человек способен сделать нечто необдуманное. И я мог поручиться, что он не собирается убивать меня прямо сейчас.

…Пусть не сейчас, но, как явствовало из плана, который обрисовал Карлос, в конце концов Ямани непременно будет убит.

— Если австрийцы не согласятся выполнить мои требования и не дадут самолет, — сказал Карлос, — я начну убивать заложников.

Он даже назначил время, когда будет казнен Ямани, — шесть часов вечера.

— Надеюсь, — сказал он, — вы на меня не в обиде. Такой умный человек, как вы, поймет, что мы руководствуемся благородными целями и намерениями.

— Почему вы думаете, что я на вас не в обиде? — поинтересовался Ямани. — Нет, вы все же хотите меня к чему-то принудить.

Карлос засмеялся.

— Зачем мне вас к чему-то принуждать? Если я кого-то и принуждаю, так это австрийское правительство, — чтобы выбраться отсюда.

Если австрийцы дадут самолет, сказал Карлос, они полетят в Ливию, где неарабские министры — за исключением Амузегара — будут отпущены на свободу. Там же, в Триполи, будут освобождены министры Алжира и Ливии. Затем самолет отправится в Багдад, и там будут отпущены министры Ирака и Кувейта. Конечным пунктом путешествия станет Аден.

— Там-то, в Адене, — пообещал Карлос, — мы убьем вас и Амузегара.

После этого он отвел Ямани обратно в конференц-зал, где им вместе предстояло ожидать, что ответят австрийцы. В случае их отказа Ямани расстался бы с жизнью уже через час.

Он взял ручку и бумагу и начал писать последнее письмо Таммам, матери и детям.

— Что и говорить, ожидание смерти — ужасная и мучительная вещь. Но человеческая душа устроена очень странно. Когда настало пять часов вечера, а австрийское правительство

еще не обнародовало коммюнике, Карлос подошел ко мне и, улыбаясь, напомнил, что меня ожидает.

Но к этому моменту мое настроение изменилось, и в сердце у меня больше не было страха. Я думал уже не о себе, а о моей семье, о детях, о родственниках, о других людях, за которых чувствовал ответственность. Я написал им прощальное письмо, в котором изложил мою последнюю волю.

Несколько позже Карлос развязал всех заложников и поднял их с пола. Он разрешил им сесть на стулья и сказал, что они могут разговаривать и даже ходить по залу — все, кроме «врагов». Если кто-нибудь из «врагов» посмеет встать со стула, предупредил Карлос, он тут же будет застрелен.

Ровно в 17.20 венское радио начало передавать декларацию Карлоса. А правительство сообщило, что предоставляет в его распоряжение самолет.

Для Ямани это означало временную отсрочку.

Взвесив все обстоятельства, австрийцы сочли единственным приемлемым вариантом капитуляцию. Они объяснили мотивы своего поведения в кратком пресс-релизе:

— В здании находятся взрывные устройства, ручные гранаты и много оружия. Как ясно из поведения террористов, они без раздумий пустят все это в ход. Разрешая им покинуть здание вместе с заложниками, мы, по-видимому, уменьшаем опасность. Мы вынуждены идти на риск.

Но, даже согласившись на требования Карлоса, Крайский выдвинул два обязательных условия. Во-первых, сказал он, должны быть освобождены все австрийцы. Во-вторых, все иностранные заложники, которые следуют вместе с террористами в самолет, должны письменно заявить, что делают это добровольно.

Террористы согласились, но выдвинули встречное условие: их раненому товарищу, которого отвезли в больницу, должны были разрешить улететь вместе с ними.

В этот момент иранский шах объявил, что отдаст приказ уничтожить самолет Карлоса, если тот окажется в воздушном пространстве Ирана.

Все это едва ли утешало заложников, хотя знание, что они останутся в живых по меньшей мере до завтрашнего утра, когда самолет сядет в Северной Африке, было все же лучше, чем полная неизвестность.

Напряжение в конференц-зале несколько спало. Принесли еду. Полицейские постарались как следует и ожидали, что ее хватит на всех.

Но среди прочего они прислали гору бутербродов с ветчиной.

А мусульмане, как известно, ветчины не едят. Поэтому за едой пришлось посылать вновь.

Ранее на этот вечер был запланирован прием на пятьсот персон, который ОПЕК собиралась дать в ресторане отеля «Хилтон». Кто-то в конференц-зале, вспомнив об этом, предложил полицейским принести еду оттуда. И они доставили большую часть того, что предназначалось для пятисот человек, в зал, где находились 70 заложников и пятеро захвативших их террористов.

В ту ночь некоторые из заложников, несмотря на постоянное шипение и треск, издаваемые радиоприемниками террористов, ухитрились заснуть.

Но не Ямани.

Его стул стоял на некотором расстоянии от стены, и ему не на что было склонить голову. Он не мог заснуть, даже если бы захотел.

Как выяснилось, это было благом.

Террорист, державший в руках разведенные концы проводов, которыми приводилось в действие взрывное устройство, начал засыпать. Ямани заметил, что глаза у него слипаются и концы провода сходятся ближе и ближе.

Он подозвал Карлоса:

— Этот парень взорвет нас всех.

Карлос тут же прикрикнул на подручного и велел ему уйти. После этого он заизолировал концы проводов и заверил Ямани, что теперь бояться нечего.

Но Ямани по-прежнему не мог спать.

Утром атмосфера снова изменилась. Измученными людьми овладело безразличие, казалось, многие смирились со своей судьбой.

На рассвете прибыл австрийский почтовый автобус, остановившийся возле заднего выхода. Все окна автобуса были наглухо зашторены.

В 7 часов утра Карлос начал выводить через заднюю дверь заложников, группу за группой. Чтобы заполнить автобус, ему понадобилось около получаса. И тут обнаружилось, что для всех заложников не хватает места. Поэтому Карлос освободил весь персонал ОПЕК и некоторых членов делегаций.

Автобус, в котором находились группа Карлоса и более сорока заложников, направился в аэропорт, сопровождаемый машиной «скорой помощи», везшей раненого террориста, и двумя машинами полиции.

Прибыв в аэропорт, Карлос обменялся рукопожатиями с представителями австрийских властей. Он улыбнулся и приветственно помахал рукой перед камерами телевидения,

которое вело прямую трансляцию с места события.

Когда «Дакота-9» австрийской авиакомпании поднялась в воздух, Карлос объявил, что они получили приглашение из Алжира и, вместо того чтобы направиться прямо в Триполи, теперь летят туда.

Спустя некоторое время он прошел между рядами кресел и уселся рядом с Ямани.

— Дело в том, что Алжир революционная страна, — сказал он, — и я не мог отказаться. Правда, я не сотрудничаю с алжирцами, но они не станут мешать моим планам.

Ямани спросил, как долго они пробудут в Алжире.

— Два часа, — ответил Карлос. — Там я отпущу некоторых заложников — тех, кого собирался освободить в Триполи, а потом мы полетим в Ливию.

— Удивительно, — вспоминает Ямани, — но, когда мы сидели рядом и разговаривали, могло показаться, что между нами возникла своего рода дружба. Едва ли он стал бы так откровенничать, если бы не знал, что мне предстоит умереть. Например, он сказал, что считает сирийцев отступниками и что на них нельзя полагаться. По словам Карлоса, в 1970 г. он участвовал в гражданской войне между королем Иордании Хусейном и вооруженными отрядами палестинцев, но после этого начал разочаровываться в арабах. Не понимаю, сказал он, как иорданцы могут любить своего короля. Его это, по-видимому, очень огорчало. Он сообщил мне, что был знаком с внуком короля Фейсала. Знаете, я до сих пор считаю, что Карлос говорил мне правду, — ведь совсем нетрудно делиться своими тайнами с человеком, который никогда их не выдаст.

Он рассказал Ямани о том, что их ожидает в Ливии.

— В аэропорту Триполи, — сказал Карлос, — нас встретит ливийский премьер-министр. Там будет стоять «Боинг-707», на котором мы сможем совершить беспосадочный перелет в Багдад. В Багдаде мы освободим некоторых министров. Следующая остановка — Кувейт, там будут освобождены остальные заложники. Исключая вас и Амузегара. Ну а потом полетим в Аден.

И вновь подтвердил свое намерение убить Ямани и Амузегара в Адене. Оттуда, сказал Карлос, он собирается вылететь в одну из африканских стран.

По-видимому, опьяненный своим успехом — ведь, что ни говори, ему удалось остаться в живых и взять в заложники министров ОПЕК, — Карлос вел себя как кинозвезда. Он даже дал одному из заложников автограф: «В полете Вена Алжир Карлос 22.12.75».

Кроме того, он попросил венесуэльского министра нефти отправить по почте письмо, адресованное его матери, сеньоре Рамирес Санчес.

Но тремя часами позже, когда самолет совершил посадку в аэропорту Алжира Дар аль-Бейда, игривое настроение, владевшее Карлосом, бесследно улетучилось.

— Карлос начал нервничать, — вспоминает Ямани. — Он велел всем опустить шторки на окошках и предупредил: любой, кто попытается их поднять, пока самолет находится на земле, будет застрелен на месте.

Все, застыв, наблюдали, как Карлос расставляет вдоль салона остальных террористов. Они направили на заложников дула автоматов — на тот случай, если полиция или военные попытаются захватить самолет штурмом.

Карлос открыл заднюю дверь и, вооружась автоматом, занял место рядом с ней.

Внезапно он проскрежетал:

— Назад!

Все, кто был в самолете, похолодели от ужаса.

— Назад! — крикнул Карлос еще раз. Он обращался к алжирскому министру иностранных дел, который подошел к самолету и начал было подниматься по заднему трапу.

Министр ретировался.

Следующие 15—20 минут Карлос беседовал с Белаидом Абдассаламом. Алжирский министр нефти получил разрешение покинуть самолет и передать властям заявление террориста.

Через несколько минут министр вернулся, чтобы лично проводить Карлоса в аэропорт.

Когда главарь банды удалился, заднюю дверь заперли. Снова началось ожидание.

В отсутствие Карлоса террористы вели себя более нервно, они заметно волновались. Ямани все время опасался, как бы один из них от усталости и перевозбуждения не выкинул чего-нибудь такого, после чего ситуация станет полностью неуправляемой.

— Мы очень долго сидели в глубокой тишине, скованные страхом.

Карлос беседовал с алжирцами значительную часть дня. Как выяснилось позже, те уговаривали террориста отпустить всех заложников. При этом условии они были готовы выполнить любые его требования. Но Карлос не согласился. Тогда Абдассалам попросил, чтобы Карлос дал слово не причинять вреда ни Ямани, ни Амузегару. Но Карлос вновь ответил отказом, хотя цинично пообещал «сделать все, чтобы не причинить им вреда». Далее алжирцы предложили, чтобы Карлос отпустил всех

заложников в Багдаде, а сам вернулся в Алжир, где ему будет предоставлено убежище. Эта идея ему понравилась. Хорошо, сказал он. Но добавил: «Если только в Багдаде я не получу приказа следовать в Аден».

Вернувшись в самолет вместе с алжирским министром иностранных дел, Карлос освободил всех неарабских заложников, за исключением Амузегара.

Отпустил он и Абдассалама.

После этого, вновь поручив охрану самолета своим нервничающим сообщникам, он возвратился в аэропорт, чтобы продолжить беседу с алжирцами.

Заложники провели весь день в самолете, стоявшем на взлетной полосе.

Изнемогая от голода и духоты в неудобных, притиснутых друг к другу креслах, Ямани и его товарищи по несчастью молча молили небеса, чтобы до возвращения Карлоса ничто не вывело их стражей из равновесия.

Он вернулся около пяти часов вечера, сопровождаемый Абдассаламом. Несмотря на возражения Карлоса, алжирский министр нефти наотрез отказался покинуть своих арабских коллег.

Задняя дверь была закрыта, и пилот получил приказ лететь в Триполи. Теперь на борту было 20 заложников, включая шестерых министров.

Как только самолет поднялся в воздух, Карлос разрешил поднять занавески.

Перед отлетом на борт была доставлена еда, и теперь все могли утолить голод. Пока Ямани ел, Карлос, усевшийся рядом, завел с ним разговор и дал понять, что алжирцы пытались спасти его и Амузегара.

До Ливии было два часа лету.

В пути Карлос написал еще одно письмо и передал его одному из помощников Ямани. Оно было адресовано приятелю Карлоса, с которым тот учился в одной студенческой группе в Лондоне. Теперь этот приятель работал в министерстве Ямани. Именно это письмо впоследствии помогло окончательно установить личность Карлоса — на основании его почерка и отпечатков пальцев.

Впервые после воскресного утра, когда началась вся эта заваруха, террористы по-настоящему расслабились и держались гораздо более спокойно.

Карлос, видимо, был полностью уверен в себе: когда самолет сел в Триполи, заложников уже не брали под прицел автоматов и даже разрешили не опускать занавески.

Но, когда Карлосу сообщили, что майор Джеллуд еще не прибыл в аэропорт, он приказал держать двери самолета запертыми.

Снаружи дул промозглый ветер, шел дождь. Внутри было тесно и душно, в воздухе стоял тяжелый запах.

Заложники провели в закрытом самолете еще полтора часа.

Когда Джеллуд наконец приехал в аэропорт, на встречу с ним отправился ливийский министр нефти, сопровождаемый Халидом, главным помощником Карлоса.

В течение следующего часа, пока Карлос дожидался их возвращения, дверь самолета оставалась открытой; всем было разрешено передвигаться по салону и, не спрашивая позволения, ходить в туалет.

Ямани спросил Карлоса:

— Почему на переговоры не отправились вы?

— Так уж устроены ливийцы, — ответил Карлос. — Они настояли, чтобы переговоры вел араб.

Халид вернулся вместе с ливийским министром и майором Джеллудом, который стал прохаживаться вдоль салона, разговаривая с заложниками. Но, подойдя к Ямани и Амузегару, Джеллуд ограничился самым холодным приветствием. Он, правда, пожал им руку, но при этом смотрел в сторону. Затем он уединился с Карлосом в переднем отсеке. Джеллуд сказал Карлосу, что ему и заложникам придется некоторое время подождать в аэропорту Триполи. И что им предоставят «Боинг-737», который находится в аэропорту Тобрук.

Но Карлос знал: на «Боинге-737» долететь до Багдада без посадки нельзя. Нужно будет заправляться на полпути, возможно в Дамаске. В дискуссии зазвучали острые ноты, Карлос не скрывал своих чувств; Джеллуд даже не пытался его успокоить. Карлос требовал, чтобы ливийцы вели себя честно и сделали свою часть работы.

Джеллуд сказал, что попытается получить «Боинг-707» у международной компании или у другой арабской страны. Карлосу не осталось ничего лучшего, как смириться и ждать.

— Мы сидели и самолете, по которому хлестал дождь, — вспоминает Ямани, — и наблюдали за Карлосом, который все заметнее нервничал. То же можно было сказать и о других террористах. Все они явно теряли присутствие духа. Они были крайне утомлены: ведь никто из них за все это время не сомкнул глаз. Девушка разрыдалась. Халиду стало плохо, у него началась рвота. Карлос сел рядом со мной и, пытаясь скрыть свое беспокойство, завел разговор о себе. Он рассказывал о своем детстве, о годах учебы, о своей семье, о своих любовных

похождениях.

Когда время подошло к полуночи, а обещанного «Боинга-707» не было и в помине, Карлос разразился гневной речью против ливийцев:

— С этим народом нельзя иметь дело. Они обо мне просто забыли!

Он объявил, что принял решение перелететь в Тобрук, взять там «Боинг-737» и лететь на нем в Багдад. Хотя этот самолет мог долететь до Багдада только при сильном попутном ветре, Карлос сказал, что хочет попытать удачи.

Но австрийский пилот отверг план Карлоса, сказав, что у него нет карт, на которых был бы отмечен Тобрук, и что он не знает этот аэропорт.

Ливийцы обещали дать карты.

Пилот сказал, что не сможет адаптировать их к навигационной системе «Дакоты-9».

Осознав безвыходность ситуации, Карлос сказал, что не остается ничего другого, как вернуться в Алжир и раздобыть «Боинг-707» там.

Перед отлетом из Триполи он освободил еще десятерых заложников, включая Абдассалама и двух членов саудовской делегации.

Когда их выводили из самолета, один из саудовцев обернулся и сказал Карлосу:

— Ради всего святого, пощадите Заки Ямани!

Тот со смешком ответил:

— Здесь, в Триполи, я получил инструкции от моего начальства: мне приказано не причинять никакого вреда ни ему, ни иранскому министру. Теперь-то уж точно могу обещать, что с ними ничего не случится.

Но в его глазах читалась неприкрытая издевка и сарказм.

Оставив в самолете четырех министров — Ямани, Амузегара, кувейтца Казими, иракца Карима — и еще шестерых заложников, Карлос велел пилоту возвращаться в Алжир. Пилот выбрал маршрут, и самолет покинул Триполи.

Но на полпути Карлос отказался от первоначального плана. Мрачный, выведенный из равновесия «предательством» ливийцев, он велел пилоту изменить курс и лететь в Тунис. Он сказал, что от тунисцев помощи можно ждать скорее, чем от алжирцев.

Пилот связался по радио с Тунисом, чтобы получить новые ориентиры, и попросил разрешения на посадку.

Тунисские власти ответили отказом.

Придя в бешенство, Карлос приказал во что бы то ни стало посадить самолет в Тунисе.

— Они не посмеют нас остановить, — прорычал он летчику. — Садись, говорю тебе!

Но тут аэродром погрузился в темноту. Все сигнальные огни были разом выключены.

О посадке не могло быть и речи. И «Дакота-9» взяла курс на Алжир.

Карлос приказал опустить занавески на окнах, а после посадки в алжирском аэропорту вновь поручил охрану заложников своим приятелям и отправился на переговоры.

Он отсутствовал очень долго.

Террористы уже не скрывали своего беспокойства.

Самолет напоминал пороховой ящик, готовый взорваться в любую минуту.

Когда Карлос наконец поднялся на борт, его лицо кривилось в растерянной усмешке. Ямани сразу понял, что дела у бандитов идут неважно и что он старается это скрыть.

Карлос направился прямиком к Ямани и Амузегару и, подойдя вплотную, сказал:

— Не знаю, как и быть. Но я демократ, а вы оба понимаете, что такое демократия. Сейчас я проведу совещание с моими товарищами, и мы вместе решим, как поступить с вами. Я сообщу вам о нашем решении.

Совещание проходило в переднем отсеке самолета.

Ямани и Амузегару не оставалось ничего иного, как молча наблюдать происходящее.

Когда террористы закончили дискуссию, Карлос подошел к Ямани и Амузегару:

— Мы решили освободить вас в середине дня. Теперь вашей жизни ничего не угрожает, — сообщил он заложникам.

— Почему только в середине дня? — поинтересовался заместитель Ямани.

— До этого времени я хочу поддерживать напряженность, — ответил Карлос. Он предложил выключить внутреннее освещение. — Вы можете спокойно спать, ваша жизнь вне опасности.

В этот момент Габриэла, не скрывая злобы, пронзительно крикнула Карлосу:

— Сволочь, чтоб ты сдох!

Ямани понял, что этой ночи ему не пережить.

— Я не сомневался, что они решили казнить нас прямо в самолете.

Один из бандитов предложил Ямани и Амузегару кофе, другой принес сласти, третий дал подушки, чтобы им было удобнее спать.

Освещение было сведено до минимума, пилот и его помощники покинули самолет.

— Воцарилась удушливая тишина, — вспоминает Ямани. — Как перед бурей. Я понимал, что моя жизнь кончится здесь, в самолете. Теперь это было абсолютно ясно.

Но тут алжирцы вызвали Карлоса наружу, сказав, что хотят с ним встретиться. Он ушел и отсутствовал два часа.

Ямани сидел в своем кресле, ожидая смерти.

До сих пор Ямани не может понять, как алжирцы догадались, что Карлос солгал, пообещав отпустить его и Амузегара в середине дня, и что он назначил их казнь на семь часов утра. По его предположению, они каким-то образом успели установить подслушивающие устройства и слышали, как Карлос совещался со своими сообщниками. Карлоса вызвал из самолета руководитель алжирской службы безопасности. Он сказал:

— Мы знаем ваши планы. Мы поставили в известность президента, и он велел передать: если вы убьете Ямани, мы уничтожим вас всех.

Карлос отказался поверить, но руководитель службы безопасности позвонил президенту Бумедьену и передал трубку Карлосу.

По некоторым сведениям, Карлос в какой-то момент сказал алжирцам:

— Если я их отпущу, то не получу остатка денег, которые мне причитаются.

То есть намекнул на возможность сделки с Бумедьеном.

Ямани это доподлинно не известно. Точно он знает одно: Карлос вернулся в самолет взбудораженным и злым.

Он сказал остальным бандитам, что собирается делать, отдал необходимые распоряжения, а потом, пройдя вдоль всего салона, разбудил тех немногих заложников, которые спали.

После этого Карлос остановился перед Ямани и Амузегаром. Голосом, исполненным нескрываемой ненависти, террорист объявил, что он и его друзья приговорили Ямани и Амузегара к смерти и что этот приговор является окончательным.

— На этот раз вам удалось избежать гибели, но знайте: наши руки дотянутся до вас всюду, где бы вы ни находились. И мы приведем наш приговор в исполнение быстрее, чем вы можете предположить.

Затем он в течение нескольких минут осыпал бранью двух министров и политику, которую проводят их правительства.

Кончив свой монолог, Карлос объявил, что он и остальные террористы покидают самолет и, как только они уйдут, все могут считать себя свободными.

После этого Карлос и его люди вышли из самолета.

Ямани и остальные заложники несколько минут не двигались, предполагая, что за ними кто-то придет. Но этого не произошло, и, поднявшись с мест, они вышли наружу. Алжирский министр иностранных дел встретил их у аэропорта и провел в зал ожидания.

Ровно в 5 часов 45 минут по местному времени пытка кончилась.

Но не совсем…

Алжирские власти разместили заложников в одном зале ожидания. Карлос и его банда находились в соседнем зале.

Они видели друг друга через стеклянную перегородку.

Палестинец Халид сказал, что хочет поговорить с Ямани, и охранники провели его в зал, где находились заложники.

— Хочу предупредить, — сказал Халид, — вы будете убиты куда скорее, чем ждете, Карлос не оставит вас в живых.

Пока Халид говорил, Ямани следил за выражением его глаз.

— Зрачки у него были расширены и все время бегали. Он то и дело оглаживал грудь правой рукой. И очень нервничал, как будто собирался что-то сделать и никак не мог решиться.

Наступило общее замешательство, и тут алжирский министр иностранных дел тоже почувствовал опасность.

Быстро отреагировав, он протянул Халиду стакан сока.

Это отвлекло Халида на несколько мгновений, которых оказалось достаточно, чтобы сотрудники алжирской службы безопасности окружили его и, обыскав, обнаружили под курткой подвешенный на ремне револьвер.

Позже, во время допроса, Халид заявил:

— Я хотел привести в исполнение смертный приговор, который мы вынесли преступникам.

Ямани считает, что эти слова были чистой правдой.

Он не изменил своего мнения и сейчас.

Таммам, Хани и Маха прилетели в Алжир из Швейцарии, чтобы поскорее встретиться с Ямани. Они вместе улетели в Иорданию, где находился в то время король Халед, а оттуда направились домой, в Джидду, где Ямани, как героя, встречала огромная толпа и множество телерепортеров.

С момента захвата заложников до возвращения Ямани в Саудовскую Аравию прошло четверо суток, в течение которых он ни на минуту не сомкнул глаз.

Позже Ямани еще раз, уже на родной земле, приветствовал Халед, подаривший своему министру новехонький «роллс-ройс».

По вполне понятным причинам следующий приезд Ямани в Вену состоялся не скоро.

— Австрия — открытая страна. Местные власти не ограничивают въезд и выезд. Существует неформальное правило, если угодно — нечто вроде джентльменского соглашения между правительством и террористами, которые не совершают в пределах Австрии своих актов. Но дважды это правило нарушалось — на этот раз группой Карлоса, а еще раньше, я помню абсолютно точно, террористы напали на поезд, в котором прибыли евреи из России. Так что джентльменское соглашение работает со сбоями. И Вену нельзя считать вполне безопасным местом.

Ямани не утверждает, что венская полиция подставила ОПЕК под удар. Но напоминает, что ОПЕК ставила вопрос о дополнительных мерах безопасности еще до нападения Карлоса.

— В этом здании раньше уже произошел небольшой инцидент. По-моему, канадскому посольству угрожали взрывом бомбы или чем-то в этом роде. Тогда секретариат ОПЕК попросил усилить охрану. Но ничего не было сделано.

* * *

Проявляя запоздалое рвение, австрийцы направили алжирским властям формальную просьбу о выдаче Карлоса. Алжирцы оставили эту просьбу без внимания, а другие страны к ней не присоединились.

Как и многие другие, австрийцы ожидали, что Карлос будет арестован. Этого не произошло: всем пятерым террористам было разрешено покинуть аэропорт, и никто не ограничивал их дальнейших передвижений.

Карлос поселился в отеле «Альберт Первый», в номере 505.

В 1977 г., после перестрелки на границе с ФРГ во время которой были ранены два охранника, швейцарская полиция арестовала Габриэлу Крохер-Тидерман, действовавшую в паре с одним из членов группировки Баадер-Майнхоф.

По некоторым сведениям, она показала на допросе, что необходимую информацию об устройстве штаб-квартиры ОПЕК в Вене предоставил Карлосу не кто иной, как один из руководителей иракской правящей партии Баас.

По случайному ли совпадению в то утро из всей иракской делегации, насчитывавшей тринадцать участников, на совещании ОПЕК появилось только три человека?

Беседуя с Ямани, Карлос не скрывал, что между Каддафи и Ираком существуют тесные связи. Он заранее сказал Ямани, что может случиться в Триполи, и его опасения полностью

подтвердились. Известно также, что оружие, бывшее у Карлоса, привез в Австрию тот самый немецкий террорист, который впоследствии получил ранение. Это оружие он получил в Риме, а туда оно было переправлено дипломатической почтой из Ливии.

Журналист Ронни Пейн, эксперт по вопросам терроризма, тоже считает, что в этом деле чувствуется рука Каддафи.

— По-моему, в этом нет никаких сомнений. Я уверен, что Каддафи оплатил работу вперед и, кроме того, посулил террористам большое вознаграждение после ее окончания. Мне это известно из израильского источника.

По некоторым данным, террористы получили миллион долларов до операции и должны были получить столько же потом.

Что касается дальнейшей судьбы Карлоса, то, по утверждению Пейна, он вскоре перебрался из Алжира в Аден.

— Ему в то время трудно было найти лучших друзей.

Известно, что Вади Хаддад — который во время захвата заложников находился в Багдаде — также имел дом в Адене.

Впрочем, это может быть простым совпадением, так как, по мнению Пейна, Аден был едва ли не единственным приемлемым вариантом.

— При ближайшем рассмотрении понимаешь: у Карлоса был не слишком богатый выбор. Алжирцы хотели от него избавиться, а отправившись к Каддафи, он поставил бы себя в сложное положение. На Каддафи абсолютно нельзя положиться. Только что он был вашим лучшим другом, а спустя минуту говорит: соблаговолите удалиться. Может быть, он и вовсе не пожелал бы принять Карлоса, потому что задолжал ему. Насколько мне известно, с деньгами Каддафи расстается очень неохотно. Во всяком случае, я не слишком доверяю всем этим россказням о том, как он заплатил миллион фунтов одной банде, два миллиона фунтов другой, и так далее. Он, возможно, щедр на посулы, но частенько забывает платить по счетам — тому очень много доказательств.

Кажется, Карлос вновь промелькнул на поверхности в 1984 г., когда в Германии велись допросы Габриэлы Крохер-Тидерман, которая отбывала пятнадцатилетнее тюремное заключение в Швейцарии за нападение на сотрудников пограничной службы в 1977 г., Карлос (или человек, называвший себя Карлосом) потребовал прервать дознание; в противном случае он грозил убить германского министра внутренних дел.

Говорили также, что он был причастен к взрыву на марсельском железнодорожном вокзале Сен-Шарль в январе 1984 г.

Но время от времени появляются сообщения, что Карлоса больше нет в живых.

— Судьба Карлоса — одна из самых больших загадок, — говорит Пейн. — Все время приходится ловить какие-то обрывки, крупицы сведений, поступающих из самых разных источников. Недавно из Израиля сообщили, что одна из палестинских группировок убила Карлоса, потому что тот слишком много знал. Но каких-либо подтверждений не последовало. Напротив, из источника в Западной Германии мне стало известно, что Карлос живет в Триполи и недавно женился. Даже свадьбу сыграл — вы только подумайте!

Примерно через год после захвата заложников австрийская полиция при участии саудовской разведки завершила обработку материалов по этому делу. К их числу относилась и запись беседы между раненым немецким террористом и австрийскими властями.

Немец рассказал о споре, который возник между террористами, когда решался вопрос, кому убивать Ямани и Амузегара. Никто не возражал против второй части работы. Все были готовы прикончить Амузегара. Но оставался вопрос: кто убьет Ямани? Все отказались. Выбор пал на Карлоса. Было решено, что это должен сделать вожак.

Вскоре египетская газета «Акбар Эль Йоум» сообщила, что, по имеющимся у нее сведениям, план нападения на ОПЕК был разработан и полностью финансировался Каддафи при поддержке Жоржа Хабаша и НФОП.

Как выяснилось, во время захвата заложников Хабаш находился в Триполи.

Правительства некоторых стран получили неопровержимую информацию, подтверждавшую, что операцию финансировал Каддафи.

На вопрос, правда ли это, Ямани отвечает уклончиво:

— Я не знаю, сколько получил каждый террорист.

— Но вы знаете по крайней мере, кто им платил?

Ямани мгновение молчит, а потом утвердительно кивает:

— Тот, кого вы подозреваете больше других.

Заговор братьев Судаири

Кронпринц Фахд искусно низвел короля Халеда до положения чисто номинального лидера. Но Ямани, вопреки общим ожиданиям, сохранил за собой должность министра нефти.

Минул 1975-й и начался 1976 год, а Ямани, как и прежде, определял совместно с Фахдом нефтяную политику государства, все более упрочивая свою репутацию политического долгожителя.

— Существовало множество самых разных причин, по которым Ямани был не слишком желательной фигурой для одного из центральных постов в правительстве, — указывает сэр Джеймс Крейг, бывший английский посол в Саудовской Аравии. — Одна из них, возможно, та, что Ямани был уроженцем Хиджаза, человеком «с запада». Помню, я разговаривал как-то со старым приятелем, который занимал высокий пост в саудовской Национальной гвардии, и он сказал мне: «С вами, послами, всегда происходит одно и то же. Вы живете в Джидде и имеете дело исключительно с хиджазцами. И думаете, что знаете Саудовскую Аравию. На самом деле это иллюзия. Я знаю, с кем вы общаетесь, — с людьми типа Ямани. Но это не настоящие саудовцы. Вот я — настоящий саудовец, потому что я родился в Неджде». Нам это знакомо по Англии. На севере — скажем, в Норчестере, — все до единого убеждены, что лондонцы изнежены, развязны и выше всего ставят собственную выгоду. Ну а в Неджде вам скажут, что все хиджазцы — городские жулики и более ненадежных людей не отыскать во всем королевстве.

Конечно, говорит Крейг, хиджазцы платят жителям Неджда той же монетой, называя Эр-Рияд «примитивным захолустным городишком где-то там, в пустыне».

Фейсал проводил большую часть времени в Хиджазе.

Халед, Фахд и родные братья Фахда предпочитали Неджд.

— Может быть, это одна из причин, — говорит Крейг, в силу которых после смерти Фейсала положение Ямани оказалось под угрозой.

Другой причиной была зависть.

Это невозможно отрицать. Все, кто хоть сколько-нибудь знаком с жизнью саудовской королевской семьи знают, что и Фахд, и Султан, и Салман испытывали к Ямани вполне естественную неприязнь.

Если Фахду от рождения свойственна крайняя мнительность и ревнивое отношение к чужому успеху, если он склонен к колебаниям и неуклюж, то Ямани блестяще одарен и исполнен

уверенности в себе. Если Султан был любимым младшим братом Фейсала и часто сопровождал его в поездках, то Ямани был его «приемным сыном» и, по-видимому, наиболее близким советником. Если Салмана часто называют самым популярным человеком в стране — говорят даже, что, если бы после смерти Фейсала были проведены выборы короля, победил бы именно Салман, — то во всем остальном мире самым знаменитым саудовцем столетия считают Ямани.

Ни один из принцев не получил систематического образования и не обладает широким кругозором: Ямани и тут может дать им всем большую фору.

— Как бы сильно ни раздражал Ямани таких людей, как Фахд, Султан или Салман, они не выражали этих чувств при жизни Фейсала, — делится своими наблюдениями сэр Алан Ротни, бывший английский посол в Саудовской Аравии. — Во всяком случае, открыто. Фейсал бы этого не потерпел. Все козни он видел насквозь. Но после его смерти у братьев уже не было причин скрывать свое раздражение.

Хотя Ямани категорически отказывается обсуждать свои разногласия с «семеркой Судаири», отрицая даже тот факт, что причиной его раннего расхождения с Фахдом и шестью остальными братьями была личная неприязнь и несходство взглядов, различные источники в Вашингтоне — люди, сделавшие своей специальностью точное знание обо всем, что происходит в закрытых для постороннего дворцах Саудовской Аравии, — утверждают, что конфликт Ямани с группировкой Аль-Фахд имел очень глубокие корни.

— Они нуждались в Ямани, — говорит американец, поддерживающий тесные коммерческие и личные связи со многими высокопоставленными лицами в странах Ближнего Востока. — Если бы Фахд выгнал Ямани сразу после смерти Фейсала, трудно и вообразить, какая бы потом пять-шесть лет творилась сумятица. Я имею в виду не только Ближний Восток, но и весь мир. Помните, в 1976—1977 гг. шах хотел бешено взвинтить цены? Кто его удержал? Ямани. Когда шаха свергли и цены взлетели таки до небес, кто осадил ОПЕК железной рукой? Ямани. Баррель нефти уже стоил 36 долларов, и если бы не Ямани, цены поднялись бы еще выше. И 45 и 50 долларов — все это было вполне реальным. Одному Богу ведомо, что тогда могло бы случиться.

Не является секретом, что группировка Аль-Фахд представляет собой замкнутый союз, отличающийся глубоким недоверием к чужакам. Самое главное для членов этого союза — чисто клановая преданность, которую они обязаны сохранять по

отношению к руководителям-принцам; страна и правительство тут отступают на второй план. Они демонстрируют это практически ежедневно, относясь с нескрываемой подозрительностью к любым политическим шагам, которые могут не понравиться части принцев. Отсюда, в частности, хорошо известная всему королевству неспособность короля Фахда принимать сложные политические решения.

Это не означает, что члены группировки Аль-Фахд плохо соображают.

Вовсе нет.

Страной управляют не государственные институты, а живые люди. Эти люди полагаются на других людей, те, в свою очередь, на еще большее количество людей, и так далее по нисходящей. Это племенная система, совмещенная с бюрократической иерархией. Преданность вознаграждается выше, чем результаты труда, потому что ценится выше, чем компетентность.

И точно так же, как компетентности противоположна некомпетентность, доверию противоположна мнительность.

Преданность постоянно подвергается проверке. Все шпионят друг за другом.

Невозможно представить, чтобы Фахд не был осведомлен о планах Султана, Салмана и остальных братьев. И наоборот.

Старейшина клана — Хосса бинт Ахмад аль-Судаири, вне всяких сомнений, любимая жена Ибн Сауда.

В этой женщине, видимо, таится нечто особое, потому что Ибн Сауд женился на ней дважды. Первый их брак был бездетным, поэтому Ибн Сауд развелся с Хоссою, и она вышла замуж за его брата. От брака с ним у Хоссы родился сын. Когда Ибн Сауд понял, что у нее могут быть дети, то уговорил брата развестись и женился на Хоссе вновь. От их второго брака родились семь сыновей и четыре дочери.

Старший сын, родившийся в 1920 г., — Фахд.

С 1953 г. Фахд входит в состав правительства: первоначально он занимал пост министра образования, а в 1962 г. стал министром внутренних дел. Этим выдвижением братья Судаири были отчасти вознаграждены за поддержку, оказанную Фейсалу во время его борьбы за власть с Саудом. Фахд быстро приобрел репутацию не слишком взыскательного, но вместе с тем и ужасно не любящего принимать решения начальника. Понимая, что рано или поздно станет королем («тогда конец забавам», — говорил Фахд), он сознательно стремился к веселому и разгульному образу жизни. И, не испытывая стеснения в деньгах, вскоре стал своим человеком во всех злачных местах Европы и салонах полусвета.

Фахд был завсегдатаем Монте-Карло. Говорят, однажды он умудрился спустить в течение двух часов 3,8 миллиона — 520 нефтедолларов в секунду!

Но то был Фахд-бонвиван, Фахд — азартный игрок. Фахд, возглавлявший «семерку Судаири», был совсем другим человеком.

Поскольку отношения в саудовской королевской семье основаны на уважении и безграничной преданности — особенно это относится к семерым Судаири, которые как минимум раз в неделю встречаются на семейных обедах, где не бывает посторонних, — Фахд всегда заботился о преуспеянии остальных членов клана.

Султан, родившийся в 1927 г., начал свою карьеру в 1953 г. на посту министра связи, а в 1962 г. был выдвинут на пост министра обороны. Это, по всей видимости, самый богатый член семейства, пользующийся почти неограниченной властью. Известно, что Султан не делает особой разницы между собственным банковским счетом и оборонным бюджетом государства, и он не был бы столь могуществен, если бы не умел использовать находящиеся в его распоряжении общественные средства для укрепления своих личных позиций. Точные цифры неизвестны, но по сведениям, которые никак нельзя счесть преувеличенными, он тратит на свои нужды около 100 миллионов долларов в год.

Баснословное богатство Султана временами ставит королевскую семью в несколько неловкое положение, тем более что Фахд, как король, с некоторых пор стремится всячески замаскировать размеры доходов, которые она получает от бизнеса, и создать в глазах международной общественности имидж «верных слуг народа, пекущихся о его благе». Впрочем, в актив Султану заносят последовательную и подчеркнутую приверженность к филантропии, снискавшую ему общее уважение.

Следующий по старшинству — Абдул-Рахман, родившийся в 1931 г. Это преуспевающий бизнесмен, которого Фахд назначил вице-министром обороны.

Далее следует Турки.

В семье не без урода — эта пословица применима именно к Турки, доставившему немало огорчений остальным братьям Судаири.

Турки родился в 1933 г. До 1978 г. он был вице-министром обороны. Этот мягкий, вежливый и благовоспитанный человек утратил благоволение братьев, женившись на саудовке марокканского происхождения по имени Фасси, благодаря

которой семейство Судаири приняло в свое лоно множество персонажей мыльной оперы.

Родственники Фасси, жившие в Джидде, проявляли склонность к антиправительственной деятельности, что не мешало им с удивительным проворством хапать денежки. Тратились эти капиталы с такой же быстротой. Среди множества нескромных поступков, которые позволяли себе члены этой семейки, была покупка громадного особняка на бульваре Сансет в Беверли-Хиллз; особняк был окружен парком, который украшали аляповато расписанные нагие статуи. В 1979 г. его уничтожил пожар. Претенциозные вкусы нуворишей из клана Фасси подверглись общему осуждению. Турки счел, что для него лично единственная возможность спасти свое лицо — уход из правительства. После отставки он несколько лет занимался благотворительной деятельностью, надеясь таким образом реабилитировать себя в глазах семьи и, если удастся, вновь войти в милость к братьям.

Следующий по порядку — Наиф, 1934 года рождения, сменивший Фахда на посту министра внутренних дел.

Самый младший брат — Ахмед, родившийся в 1940 г.; с 1975 по 1978 г. он был заместителем губернатора Мекки, после чего занял пост вице-министра в министерстве Наифа.

Между этими двумя братьями следует Салман.

Он родился в 1936 г.; в 1962 г. был назначен Фейсалом на должность губернатора Эр-Рияда. Влияние Салмана зиждется как на его огромном богатстве, так и на его широко известной щедрости.

Как ни странно, он с видимым удовольствием присутствует на публичных казнях, которые совершаются на городских площадях в тех случаях, когда преступник приговаривается к высшей мере наказания — отсечению головы. Салман известен также своей мстительностью и необыкновенной злопамятностью.

— Если вы с ним не поладили, — говорит один саудовский профессор, — ваши дела плохи.

Высокий, сравнительно стройный мужчина (остальные братья Судаири отличаются довольно плотным телосложением), Салман, по слухам, пользуется наибольшим доверием Фахда. И поэтому в семейных дискуссиях ему обычно принадлежит решающее слово.

По мере того как семеро братьев Судаири все увереннее прибирали к рукам высшую государственную власть, на освобождаемые ими должности продвигалось младшее поколение той же семьи. Три сына Фахда были назначены на важные посты в правительстве. Мухаммад стал губернатором Восточной провинции, Фейсал — президентом молодежной организации, а

Сауд — заместителем начальника внешней разведки. Видные посты занимают также сыновья Султана — Бандар, посол Саудовской Аравии в США, Фахд, губернатор провинции Табук, Турки, работающий в министерстве информации; и Салмана — Фахд, заместитель губернатора Восточной провинции, и Султан, который тоже работает в министерстве информации и стал первым саудовским космонавтом, совершившим полет на американском корабле многоразового использования.

Постепенно, шаг за шагом, семья Судаири овладевает страной.

Но если Халед находился на троне в эпоху процветания и богатства, то Фахд, пришедший к власти в 1982 г., вместе с привычкой к процветанию и богатству унаследовал постоянно снижающиеся доходы.

Фахд не уступает братьям в щедрости, но некоторые объясняют эту его черту только тем, что согласие обычно дается куда легче, нежели отказ.

Фахда нельзя назвать твердым, уверенным в себе правителем и решительным человеком.

Зато он необыкновенно словоохотлив. На обеде в Белом доме в 1985 г. Фахд обманул надежды американцев, ожидавших разъяснений относительно политической ситуации в заливе: вместо этого он пустился в хвастливые и пространные разглагольствования о турне, которое провела в Советском Союзе сборная Саудовской Аравии по футболу.

Пунктуальность явно не относится к числу его достоинств. На упомянутый обед в Белом доме, который должен был начаться в семь часов вечера, он прибыл после девяти часов, глубоко шокировав вице-президента Буша.

Премьер-министр Фукуда, дожидаясь Фахда, однажды был вынужден просидеть два часа в гостиничном холле. Королю Иордании Хусейну пришлось целый час кружить в своем самолете над эр-риядским аэропортом, поскольку Фахд не прибыл вовремя его встретить. А кронпринц Кувейта дожидался встречи с Фахдом целых два дня!

Фахд не отличается крепким здоровьем. Он очень тучен. При росте более 6 футов он весит свыше 300 фунтов. Уже много лет Фахд страдает заболеванием позвоночника, причем в последние годы его состояние ухудшилось из-за большого избыточного веса. Он страдает также заболеванием дыхательных путей, вероятно вызванным привычкой много курить.

Когда в начале 1987 г. он прибыл в Англию с официальным государственным визитом, пришлось специально укреплять королевскую карету, чтобы Фахд не перевернул ее, спускаясь по

ступенькам.

В Париже он выступал по телевидению вместе с президентом Миттераном. Несколько минут зрители могли наблюдать, как Фахд борется с удушьем. Потом изображение исчезло, а когда через несколько секунд оно появилось вновь, Фахд уже заканчивал свою речь. По свидетельству одного из репортеров, присутствовавших в студии, Фахд упал; ему помогли подняться и усадили в кресло. Сострадательный Миттеран приказал, чтобы эту сцену вырезали.

Помимо Салмана ближайшим другом Фахда является его двоюродный брат, принц Халед бин Абдулла бин Абдул-Рахман, чей отец был младшим братом Ибн Сауда. Среди принцев, занимающихся бизнесом, это, по-видимому, наиболее сильный профессионал. Партнер принца Халеда уважаемый во всем мире саудовский предприниматель Сулейман Олаян. Связь принца с Фахдом упрочивают и другие родственные узы: он женат на одной из четырех родных сестер короля.

С тех пор как Фахд утвердил на ключевых позициях в правительстве родных братьев, сыновей и племянников, он приблизился к осуществлению своей заветной мечты — пересмотру саудовской системы престолонаследия.

Согласно предписанию Ибн Сауда, короной должны поочередно, в порядке старшинства владеть все его сыновья.

Ибн Сауд хотел, чтобы на троне побывал каждый его сын. Но он не определил, что делать дальше — после того как сойдет в могилу первое поколение.

В некоторых осведомленных кругах на Западе существует убежденность, что Фахд намерен радикально изменить этот порядок и связать линию наследования исключительно со своей ветвью королевской семьи. Он намерен сделать семерых братьев Судаири единственными законными наследниками своего отца.

Это, однако, легче сказать, чем осуществить на деле: ведь речь идет о лишении права на престол нескольких сводных братьев Фахда.

Первым шагом в этом направлении было «уточнение» декрета Ибн Сауда. Группа Аль-Фахд ныне утверждает, что отец имел в виду передачу короны только «законным» сыновьям. Несколько его внебрачных детей, рожденных от рабынь и наложниц, не могут занять престол.

Ни Фахд, ни кто-либо иной не мог помешать Халеду стать королем. Точно так же не существует никакой возможности (если исключить прямое убийство) помешать приходу к власти кронпринца Абдуллы. Оба они родились от хорошо известных матерей, причем и тот и другой брак Ибн Сауда имел огромное

политическое значение.

Есть братья, которые при других обстоятельствах могли бы встать на пути семерых Судаири, но они не вправе претендовать на трон — по личным или по серьезным политическим мотивам. Никогда не наденет корону, например, отец убийцы Фейсала.

Тем не менее остается несколько младших братьев, по праву рождения имеющих все основания добиваться королевской власти.

Любому жителю Саудовской Аравии известно, что по меньшей мере двое из младших сводных братьев короля активно вербуют сторонников среди членов королевской семьи, чтобы обеспечить себе поддержку на случай, если будет предпринята атака на их права.

Не менее хорошо известно и то, что такая дестабилизация обстановки может вызвать самую резкую реакцию со стороны других, пока еще ведущих себя тихо группировок, которые образуют сложный политический конгломерат, называемый современной Саудовской Аравией. Трудно сказать, какая из этих группировок бросит вызов семерым Судаири. До сих пор племенные и религиозные интересы не проявили себя в полной мере. Но их нельзя сбрасывать со счетов.

Как именно Фахд собирается добиться согласия этих группировок, не знает никто, зато известно, что он, подобно своим сводным братьям, ведет энергичную обработку членов королевской семьи, преданных клану Судаири, призывая их поддержать официальное изменение порядка престолонаследия. В противном случае он едва ли пойдет на нарушение воли своего отца. Источники в Вашингтоне утверждают, что, заручившись необходимой поддержкой, Фахд объявит, что наследование ограничивается исключительно семью братьями Судаири, а затем передается следующему поколению этого клана, — по всей видимости, начиная со старшего сына Фахда и, далее, по боковой линии, его кузенам в порядке старшинства братьев Судаири.

Непредсказуемым фактором остается Абдулла. Никто — быть может, за исключением Фахда — не знает, согласится ли он поддержать заговор братьев Судаири.

Абдулла, родившийся в 1923 г., — тринадцатый сын Ибн Сауда. Его мать происходила из племенной конфедерации Шаммар, и брак ее с Ибн Саудом имел огромное значение для объединения страны.

Родных братьев у него нет.

Будучи командующим Национальной гвардией, Абдулла с 1963 г. является гарантом безопасности саудовской королевской семьи, защищая ее от угрозы военного переворота. Это, мягко

выражаясь, особо важный пост. В 1969 г. кронпринц Халед намекнул, что не прочь оставить общественную жизнь, но Абдулла выступил против. На семейном совете он заявил, что даст согласие при единственном условии — если это не будет означать автоматической передачи титула кронпринца Фахду. Фахд возразил, что Халед вправе удалиться от дел, коль скоро ему этого хочется. Халед никак не мог принять решения, но Фейсал, Абдулла и несколько других членов семьи переломили его волю, дружно настояв, чтобы он не отказывался от ответственности и в будущем занял трон.

Фейсал явно любил Абдуллу и доверял ему: недаром он назначил своего сводного брата вторым заместителем премьер-министра, которым был тогда Халед (должность первого заместителя уже была занята Фахдом). Не исключено, что Фейсал хотел таким образом подтвердить право Абдуллы на престол, изначально пресекая планы Фахда сделать в будущем своими преемниками братьев Судаири.

В 1977 г., когда Халед был болен и находился в лондонской больнице, распространилось множество слухов о его предполагаемом отречении. Одновременно Султан предложил подчинить Национальную гвардию возглавляемому им министерству обороны. Этот план был рассчитан на то, чтобы выбить почву из-под ног Абдуллы.

В то время было хорошо известно, что Фахд сопротивляется провозглашению Абдуллы кронпринцем и открыто выступает за то, чтобы эта должность была поручена Султану. Но мысль, что первую и вторую должность в государстве займут Фахд и Султан — даже если бы при этом были сделаны оговорки, позволявшие Абдулле в будущем занять престол, — породила в королевской семье и за пределами королевства столь сильное беспокойство, что Фахд был вынужден подтвердить королевские полномочия Халеда.

Абдулла сохранил право стать королем после Фахда (если не умрет раньше). Следующим кронпринцем почти наверняка должен стать Султан.

Если Фахд не предпринимает попыток изменить порядок наследования при своей жизни, объяснять это, возможно, следует тем, что остальные шестеро братьев Судаири согласны дождаться смерти Абдуллы.

Не будем забывать, что Иоанн Павел I, с виду вполне здоровый человек, занимал папский престол лишь 33 дня.

Каким бы путем Фахд ни достиг своей цели, в случае успеха он осуществит поистине радикальный переворот.

Судя по всему, Фахд считает, что игра стоит свеч…

Когда люди типа Фахда, Султана и Салмана сталкиваются с широко образованными, светскими людьми западной складки, каков Ямани, они сразу же перестают контролировать свои чувства и их неприязнь выплескивается наружу.

Американский вице-президент Джордж Буш и его спутники во время визита в Саудовскую Аравию весной 1986 г. имели случай убедиться, как далеко заходит эта неприязнь.

Буш прибыл в Дахран, чтобы от имени администрации Рейгана провести переговоры с Фахдом и обсудить с ним ряд вопросов, в том числе проблему нефти. После того как саудовское телевидение отсняло сцену официальных приветствий, американцы расселись вдоль одной стороны длинного стола переговоров, а король и его министры заняли места напротив.

Когда речь зашла о нефти, Буш начал рассказывать Фахду, какой удачной была его вчерашняя встреча с шейхом Ямани в Эр-Рияде. Видя, что Ямани сидит через несколько человек от Фахда, Буш не скупился на похвалы министру нефти и всячески превозносил его таланты.

Для Фахда это было непереносимой мукой. Он с трудом сдерживал ярость. Его руки тряслись.

По свидетельству одного из американцев, присутствовавших на встрече, Фахд не сумел скрыть своих чувств и выразил их в совершенно недвусмысленной форме:

— По всем вопросам, касающимся нефти, в Саудовской Аравии нужно обращаться ко мне, и ни к кому другому. Решения принимаю я, а не Ямани, — буркнул он Бушу.

Американцы были ошеломлены.

— Мы никак не могли ожидать, что король рассердится и проявит столь откровенную зависть, — замечает уже упомянутый член делегации.

Но еще меньше они ожидали того, что последовало дальше.

Фахд повернулся к своему министру информации и приказал ему проследить, чтобы имя Ямани и его фотоизображения были изъяты из всех отчетов и пресс-релизов, относящихся к встрече. Он также потребовал обработать отснятый телерепортаж таким образом, чтобы Ямани не было видно.

Ямани был показан только в первом выпуске новостей, успевшем к этому моменту выйти в эфир; из всех последующих он бесследно исчез.

— Король повелел, — продолжает американец, — неожиданно для всех превратить Ямани в невидимку. Хотя это было совершенно невозможно.

Не подтверждая и не отрицая, что этот инцидент действительно имел место — в самом деле, трудно отрицать то,

что видели собственными глазами вице-президент Соединенных Штатов и его спутники, — Ямани предпочитает утверждать, что ничего не помнит. И быстро уходит от темы.

Он испытывает явную неловкость.

Не секрет, что ребяческое поведение Фахда вызывает чувство неловкости и у Абдуллы. Когда Фахд уволил Ямани, причем сделал это, с точки зрения Абдуллы, чрезмерно резко, уже на следующее утро (как стало известно некоторым западным посольствам в Саудовской Аравии) Абдулла позвонил Ямани домой и извинился за поведение короля.

В тех же посольствах полагают, что после своего воцарения (если это произойдет) Абдулла попытается вернуть Ямани к общественной деятельности.

Но даже в этом случае абсолютно исключено, что Ямани согласится вновь принять портфель министра нефти. Для этого он слишком горд. Не может он стать и министром иностранных дел — по крайней мере до тех пор, пока сын Фейсала, принц Сауд, не решит оставить свой пост (не говоря уже о том, что министерством иностранных дел, как и другими ключевыми ведомствами, по традиции руководит один из принцев крови). Так что возможностей не слишком много. Маловероятно, что Ямани предложат назначение, не отвечающее тому весьма высокому статусу, которым он некогда обладал.

Но западные дипломаты в Джидде и в Эр-Рияде, судача за обеденным столом, нередко высказывают предположения, что Аблулла попытается соблазнить Ямани одной жизненно важной для страны должностью.

Безусловно, лучшего кандидата на эту должность не найти.

И она чрезвычайно почетна.

Если верить этим предположениям, Абдулла может предложить Ямани место посла в Соединенных Штатах Америки.

В лучах мировой славы

Первым ребенком Заки и Таммам Ямани был мальчик, родившийся в 1976 г. По вполне понятным причинам они назвали сына Фейсалом.

В 1977 г. у них родился сын Шараф, а в 1980 г. первая дочь, Сара. Вторая их дочь, Арва, появилась на свет в 1981 г., третий сын, Ахмед, — в 1983 г.

Поскольку король жил то в Эр-Рияде, то в Джидде, Заки и Таммам с детьми часто переезжали из отеля «Ямама» в свой джиддский дом — большой особняк на берегу Красного моря, с огромной гостиной, непосредственно примыкавшей к крытому плавательному бассейну.

Каждое лето, когда король отправлялся в свою горную резиденцию, семья Ямани переселялась на принадлежавшую ей ферму в Таифе, в холмистой местности примерно в 35 милях к юго-востоку от Мекки.

Старшие дочери Ямани, Май и Маха, к этому времени кончали школу в Швейцарии. Позже Май начала изучать антропологию в Филадельфии, а Маха — юриспруденцию в Кембридже. Хани, старший сын Ямани, поступил на юридический факультет Оксфордского университета, но впоследствии перевелся в университет Пенсильвании, где стал изучать менеджмент.

До женитьбы на Таммам Ямани жил один в отеле «Ямама». Впрочем, это одиночество не было полным: у Ямани был слуга и какое-то время повар; кроме того, он держал двух визгливых шпицев и двух африканских серых попугаев.

Держать маленьких собачек в то время было не принято. Любители собак (главным образом члены королевской семьи) отдавали предпочтение крупным охотничьим псам, которые были как бы атрибутом мужественности. Со шпицами и другими комнатными собачками устойчиво связывалось представление о европейской гостиной, где пьют чай старые леди викторианской эпохи. Они еще не стали частью саудовской культуры.

Ямани положил начало новой моде. Он был одним из первых, если не самым первым человеком в Саудовской Аравии, который стал держать маленьких собак и сделал их неотъемлемой частью домашнего обихода высших слоев общества.

Редкостью были и его африканские попугаи. У этих птиц была весьма опасная привычка: они с поразительной четкостью повторяли все, что слышали. Особенно неприятным было то, что попугаи дожидались ухода человека и начинали делать свое

черное дело тогда, когда приходил следующий гость.

Посетители Ямани быстро усвоили, что в присутствии его птичек ни о ком нельзя отзываться плохо.

* * *

Эпоха бума сделала многих саудовцев необыкновенно богатыми. Что касается Ямани, то он в это время сделался самым знаменитым министром нефти в мире, «суперзвездой» средств массовой информации.

— Это ничуть не удивительно, говорит сэр Джон Уилтон. — Дело, которым занимался Ямани, было главным предметом внимания всей мировой прессы. Не было человека, который не хотел бы с ним познакомиться. Западных людей особенно привлекало к Ямани то, что он был одним из немногих саудовцев, принимавших гостей в неофициальной обстановке. Его дом был открыт едва ли не для всех. Гостей там встречали очень приветливо. К ним всегда выходили его жена и дети. Это было неотъемлемым элементом любого приема.

По наблюдениям Уилтона, в Саудовской Аравии гораздо труднее справляться с ролью хозяина, чем на Западе.

— Всегда нужно знать, кого с кем вы можете соединять. Если вы хотите устроить прием и пригласить на него саудовцев с женами, вы должны точно знать, чья жена выезжает в свет и чья нет. Но это не все: вам не только следует помнить, кто из саудовцев ездит в гости с женами, но и знать, чье присутствие в обществе их жен они считают допустимым. Совершенно особым периодом, — добавляет Уилтон, — считается рамадан. Во время рамадана гости в доме Ямани появлялись после захода солнца. Молитвы к этому часу уже оканчивались, гостям подавали финики, воду, кофе. Позже начинался обед, который проходил в весьма непринужденной обстановке, напоминавшей наш а-ля фуршет. Ямани чрезвычайно гордился своим умением готовить, хотя, по правде сказать, я ни разу не видел его колдующим над сковородками. Атмосфера этих приемов разительно отличалась от официальных обедов, которые давал в честь глав иностранных государств король или кронпринц. Там были одни мужчины и все чинно сидели на строго указанных местах. На обедах у Ямани было гораздо веселее.

Бывший спикер британской палаты общин виконт Тонипенди, валлиец по происхождению, однажды побывал во время рамадана в доме Ямани и был поражен увиденной там сказочной картиной.

— На обед явились король Халед и все семь принцев. Заки

поставил огромный навес в саду своего таифского дома. И созвал к себе всех окрестных бедняков: ведь когда на обеде присутствует король, нужно приглашать весь народ. Нет, этого я никогда не забуду. Это пиршество, эту роскошь, эту торжественность, с которой Заки принимал своего короля… Все было как в «Тысяче и одной ночи».

Сколь ни велика была известность, которой Ямани пользовался среди западных людей у себя на родине, еще более он был знаменит на самом Западе.

Дважды его портрет украшал обложку «Ньюсуик», однажды — «Таймс», а как-то раз появился в рекламном объявлении английской автомобильной компании, которая обещала, что даст своим покупателям возможность «удрать от Ямани». (Ямани, к слову сказать, настоял чтобы компания больше не печатала этого объявления.)

Позже другая автомобильная компания попыталась назвать одну из своих моделей «Ямани», но и эта шутка пришлась ему не по вкусу.

Дважды он получал предложение из Голливуда. Кинопродюсер, намеревавшийся снять фильм о налете израильтян на Энтеббе, предложил Ямани сыграть роль пилота пассажирского самолета. Ямани вежливо отказался. Еще один продюсер прислал Ямани письмо, в котором говорилось, что если в будущем он уйдет из правительства и решит стать кинозвездой, то сможет получить любые роли по собственному выбору. Это письмо осталось без ответа — во всяком случае, до настоящего времени.

Будучи объектом столь пристального внимания, Ямани всегда заботился, чтобы это не мешало осуществлению его деловых планов.

В течение 70-х гг., особенно во второй их половине, он многократно посещал Вашингтон. Иногда о визитах объявлялось заранее, но часто этого не происходило. Чтобы избежать назойливого внимания журналистов, Ямани не сообщал о своем прилете даже в саудовское посольство, прятался в отеле или дома у кого-нибудь из американских коллег и прибегал к конспирации во вкусе детективных романов.

— Я часто встречался с Генри Киссинджером, но мы не всегда объявляли о наших встречах, поскольку оба считали, что их успех бывает обратно пропорционален шумихе, которую они вызывают.

Телохранители Ямани, снабженные портативными рациями, выводили его из гостиничного номера и, окружив плотной стеной, провожали незамеченным к лифту, а затем в гостиничный гараж, где уже ожидал лимузин с дымчатыми стеклами. Шофер

вез Ямани прямиком в гараж государственного департамента, и там он мгновенно проскакивал в кабину персонального лифта, который без остановок поднимал его в кабинет государственного секретаря.

— Никто не видел, как я приезжаю и уезжаю, если не считать людей, которые должны были об этом знать.

В Лондоне он прибегал к несколько иному методу.

— Я не раз приезжал и Лондон и встречался там с министром энергетики Найджелом Лоусоном или с Питером Уокером, занявшим этот пост позже, а пресса ничего об этом не знала. Встречи происходили дома (у Уокера) или в рабочем кабинете поздно вечером (у Лоусона).

Однажды Ямани тайно встретился с Маргарет Тэтчер.

Встреча состоялась в доме Питера Уокера. Это был завтрак в исключительно узком кругу: присутствовали только сама премьер-министр, ее муж, Ямани и Уокер.

О встрече не было известно ни одной живой душе.

— Мы могли говорить с полной откровенностью, зная, что поблизости нет журналистов. Не то чтобы нам нужно было что-то скрывать, но, когда за тобой не охотится пресса, чувствуешь себя не столь скованно и беседа протекает намного спокойнее.

Для некоторых партнеров Ямани, особенно американцев, был привычен более закрытый стиль.

— У Заки особый склад характера, — говорит один из членов правительства Соединенных Штатов, остававшийся в кабинете и при Никсоне, и при Форде. — Он никогда не подчинялся общепринятым представлениям. С президентом Никсоном ему нравилось встречаться в обстановке полной секретности. Правда, Никсон и сам предпочитал видеться с Ямани тайно, если только позволяли обстоятельства. Такие люди, как Дик Никсон, не любят лишнего шума.

Заметим, однако, что опыт общения с журналистами достался Ямани дорогой ценой.

Когда было введено нефтяное эмбарго, пресса перемыла ему все косточки.

В январе 1974 г. репортеры пронюхали, что две дочери Ямани направляются в частный пансион в Швейцарии.

— Обе они решили не носить дома покрывал, предпочитая западный стиль одежды, — сообщил какой-то газетчик.

— Что тут интересного для читателя? — пожимает плечами Ямани.

Как только стало известно, что Ямани обзавелся временной квартирой в Лондоне, Флит-стрит набросилась на эту новость. Газеты писали, что за самую обычную квартиру с двумя

спальнями, правда в районе Белгрейв-сквер, он выложил сумасшедшие деньги — 70 тысяч фунтов стерлингов. В то время средняя рыночная цена на такие квартиры (хотя не в столь фешенебельных районах) не поднималась выше 10 тысяч фунтов.

«Дейли экспресс» писала, что Ямани заново отделал квартиру, застеклив двери или заменив их занавесками-жалюзи, а также приказав выкрасить стены в белый цвет. Правдой здесь было только последнее — белые стены.

«Это было бы крайне эксцентричным, если б речь шла об англичанине», — заключала газета, не забывавшая привести и мнение соседа, который считал, что Ямани «хотел, быть может, усовершенствовать центральное отопление».

В июне 1975 г. была опубликована первая история из серии «Ямани и «Хэрродс».

«Дирекция «Хэрродс» несколько дней назад согласилась продлить работу магазина, чтобы две несовершеннолетние дочери Ямани могли совершить покупки, — сообщал какой-то пронырливый журналист. — Магазин закрылся для остальных посетителей, но в нескольких отделах персонал остался на своих местах, обслуживая Ямани и его дочерей, которые, по некоторым сведениям, истратили за час с четвертью, проведенные в магазине, более 35 тысяч фунтов. Правом подобного «вечернего» обслуживания обычно пользовались в прошлом только члены британской королевской семьи».

Следующая сплетня явилась на свет в декабре. Английские газеты оповестили читателей, что вечером 19 декабря, в пятницу, Ямани вновь побывал в «Хэрродс» со своими дочерьми и вновь оставил там 35 тысяч фунтов.

«Несколькими днями позже, — добавляли репортеры драматическим тоном, — он был захвачен террористами в Вене».

Отметим маленькую неувязку: самой близкой к магазину «Хэрродс» точкой, где побывал Ямани в декабре 1975 г., был Париж.

Годом позже тот же сюжет подала под новым соусом «Пресс ассошиэйшн». На сей раз сообщалось о полуторачасовом визите в «Хэрродс» Таммам («жены шейха Ямани, одного из самых богатых людей в мире» — характеристика, выглядевшая весьма странной). Она делала рождественские покупки. На вопрос, почему Таммам покидает магазин с пустыми руками, сопровождавший ее менеджер «Хэрродс» сказал: «Мы отправим пакеты с покупками позже.

Пакетов будто бы было так много, что они не поместились в «роллс-ройс» Ямани и пришлось направлять в аэропорт Хитроу грузовик, чтобы доставить их к самолету.

Все это никак не вязалось с другими эпизодами, описанными в той же статье, и выглядело абсолютной чепухой.

Версия, излагаемая Ямани, гораздо более прозаична.

— Мы совершали покупки в продуктовых залах «Хэрродс». Я с удовольствием хожу в этот магазин, потому что там можно найти все виды экологически чистых продуктов. Перед самым закрытием мы решили присмотреть кое-какую мебель для нашего сада. Мы поднялись на другой этаж и нашли то, что нам было нужно, но было уже полшестого, и магазин закрывался. Продавец успокоил нас, сказав, что в полшестого они лишь закрывают входную дверь и не пускают новых посетителей. Нам нет нужды уходить, заверил продавец. Мы купили мебель, заплатили за нее, оформили доставку и после этого ушли из магазина. Было шесть часов с небольшим.

В сентябре 1975 г., во время совещания ОПЕК в Вене, газеты начали разрабатывать тему «Ямани — могучий герой». Не жалея красок, они описывали его мужественное поведение в схватке с другими членами ОПЕК, позволившее отклонить их требования.

Цена на нефть составляла в то время 10,46 доллара за баррель, и некоторые из участников картеля хотели добиться ее повышения на 20 процентов. Но Ямани перед совещанием получил директиву не соглашаться более чем на пятипроцентное повышение. Для более решительных шагов ему нужно было заручиться согласием принца Фахда.

Дискуссия становилась все жарче, и Ямани, в которого летело множество стрел, был вынужден отвечать своим оппонентам криком на крик. Пытаясь предотвратить конфликт, министр Венесуэлы предложил компромисс: повышение цен на 7—8 процентов вместо 20 процентов, на которых настаивали остальные члены. Все ожидали, согласится ли на это Ямани.

Если Ямани находился в смятении, не располагая возможностью выйти за предписанный ему пятипроцентный уровень, то не меньшее смятение испытывали и остальные делегации, понимавшие, что решающая роль в определении цен и нефтяной политики принадлежит в конечном счете Саудовской Аравии. Даже если остальные члены решат повысить цены, осуществить это без согласия саудовцев будет крайне трудно.

В самом разгаре спора Ямани вышел позвонить домой, в Саудовскую Аравию. Это ему не удалось, и он перешел в другую комнату, где попытался дозвониться с другого аппарата, но с тем же успехом.

После этого, писали и газетах, разгневанный и обескураженный, он бросился вон и покинул заседание.

Ямани поспешил к своему автомобилю, но обнаружил, что

шофера нет на месте. Он уселся на заднее сиденье и тут же был окружен журналистами, которые стали бомбардировать его вопросами через окошко. Какой-то находчивый телерепортер просунул в машину микрофон, и Ямани сказал:

— У нас полное расхождение во взглядах. Ситуация накалена до предела.

Когда наконец появился шофер, Ямани приказал ему немедленно ехать в аэропорт; там он поднялся в свой частный самолет и улетел «туда, где есть исправные телефонные аппараты».

Этим местом был Лондон!

Хамед Захри, бывший пресс-секретарь ОПЕК, очень хорошо помнит это происшествие.

— Я готов допустить, что связь в Вене была в тот момент не идеальной. Но не думаю, что самым близким пунктом, откуда Ямани мог позвонить по телефону, был Лондон. Для его посольства в Вене не составило бы труда послать в Саудовскую Аравию шифрограмму. Нет-нет, это все было частью задуманного им представления. Может быть, вы не обращали внимания, но Ямани действительно первоклассный актер. Много раз, когда ему нужно было оказать давление на своих коллег, он прибегал к такому же приему: рассыпался в извинениях и покидал совещание.

Ямани, весьма удивленный всеми этими кривотолками, говорит, что пресса описывает лишь внешний ход событий. Но всей истины это не исчерпывает.

— Во-первых, — говорит Ямани, — я никогда не кричу и не повышаю голос. Я умею держать себя в руках. Во-вторых, я не «бросался вон». Я покидал заседание ОПЕК лишь два раза в жизни. Первый раз это было в 1963 г., когда министр Ирака заявил, что Саудовская Аравия — агент нефтяных компаний. Я потребовал, чтобы он извинился, а его слова были изъяты из протокола. Он отказался, и тогда я вышел из зала. После этого мы решили не присутствовать на совещаниях ОПЕК на министерском уровне. Мы посылали своих представителей, которые сидели и слушали, что говорилось, но сам я на встречи не ездил. В конце концов иракцы были вынуждены пойти на попятный и принести нам извинения. А их реплики были изъяты из протоколов.

Второй раз нечто подобное случилось, по его словам, в 1976 г. в Бали.

— Иракский министр нефти вновь обрушился на Саудовскую Аравию, назвав ее агентом империалистов. И я, как в прошлый раз, встал и удалился из зала. Я потребовал извинений и изъятия этой фразы из протокола. Конфликт был улажен лично

президентом Сухарто. На следующем заседании иракцы принесли нам извинения. Это все случаи, когда я покидал совещания ОПЕК. И делал я это только потому, что было затронуто достоинство моей страны.

Ямани, однако, не отрицает, что улетел из Вены в Лондон для того, чтобы позвонить оттуда по телефону.

— Это верно. Из Австрии в Саудовскую Аравию дозвониться очень тяжело. Конечно, я мог бы отправить шифрограмму из посольства, но это не идет в сравнение с личной беседой. К несчастью, произошла утечка информации, и стало известно, что я улетел в Лондон. В противном случае никто об этом бы не узнал.

А интервью, которое он будто бы дал, сидя на заднем сиденье своего автомобиля (сказав репортерам о «полном расхождении во взглядах» и о «ситуации, накаленной до предела»), по словам Ямани, просто не было.

— О моем отъезде из Вены не знала ни одна душа. Я ни с кем не разговаривал через окошко автомобиля. Действительно, большинство совещаний ОПЕК проходит в крайне напряженной обстановке. Но в этом нет ничего нового…

Еще одна излюбленная тема мировой прессы — интерес Ямани к гороскопам.

«Шейх — страстный астролог, он не расстается со справочником по астрологии», — писала одна из газет.

Этот материал был озаглавлен: «Двадцать одна вещь, которую вы не знаете о шейхе Ямани», — как если бы речь шла о рок-звезде.

Кроме интереса Ямани к гороскопам, обсуждались истории о том, что летом он любит жить в шатре, и о том, как в 1973—1974 гг., а потом в 1979 г. Ямани в одиночку вчетверо взвинтил цены на нефть, вызвав тем самым грандиозные мировые кризисы.

Наиболее интересной, однако, была астрологическая тема: почему, спрашивала газета, такой искушенный астролог, как Ямани, не предвидел, что Фейсал будет убит, что сам он попадет в руки Карлосу, а еще позже — будет отправлен в отставку Фахдом?

— Астрология, — отвечает Ямани, — играет в моей жизни важную роль. Но эта астрология не имеет ничего общего с газетными гороскопами.

Меня интересует влияние планет на людей, рыб, животных и растения; интересует, как воздействуют на нашу жизнь лунные циклы. А к астрологическим прогнозам, к тому, что случится завтра, к советам, как следует и как не следует поступать, я абсолютно равнодушен. Я никогда не интересуюсь газетными

гороскопами, ибо не верю, что кто-нибудь способен заглянуть в будущее.

У многих общественных деятелей складываются весьма своеобразные отношения с прессой, что-то вроде любви-ненависти. Особенно это относится к политикам. Они с радостью рассуждают о своих успехах, относя их на счет собственного политического искусства; если же речь заходит о провалах, обрушиваются с нападками на прессу, которая-де полностью исказила их мнение и создала неверное впечатление об их истинных устремлениях. «Правая пресса», «левая пресса», «заговор мировой прессы»… Словом, пресса виновата всегда и во всем.

В то же время слишком многие политики, когда им задают неприятные вопросы, отделываются полуправдой, туманными недомолвками — то есть прибегают к тем же самым приемам, в которых обвиняют потом газетчиков.

Примером может служить Ричард Никсон. Первый в истории президент, вынужденный досрочно уйти из Белого дома, он возложил основную ответственность за уотергейтское дело на «Вашингтон пост». Одному небу известно, верит ли он в это и по сей день.

Естественно было бы ожидать, что большинство политиков, привыкнув жить под пристальным взором общественности, приобретает навыки, позволяющие избегать конфликтов со средствами информации. На деле, однако, это удается лишь немногим. Исключения очень редки.

К их числу принадлежит Генри Киссинджер.

Рассказывают, что однажды, когда Киссинджер находился у себя в кабинете, перед парадным входом началась паника: выяснилось, что прибыл министр иностранных дел какой-то никому не известной африканской страны. В программе Киссинджера на этот день он не числился, и все растерялись. Киссинджер, оставаясь верным долгу государственного деятеля, направился к парадному входу, чтобы приветствовать гостя. По дороге он зашел в комнату прессы и увел с собой всех репортеров, каких смог найти. Он выстроил их длинной вереницей, так что у приезжего министра могло создаться впечатление, будто его вышли встречать по меньшей мере две дюжины высокопоставленных чиновников государственного департамента. Это была весьма внушительная картина. Но что действительно поразило собравшихся у входа репортеров, так это то, что Киссинджер, шествуя вместе с министром вдоль их ряда, представлял каждого репортера по имени.

Ямани ему не уступит.

— Трудно найти журналиста, сколь-либо долго пишущего о проблемах нефтяного рынка, которому не случалось делить с Заки хлеб-соль или бывать у него дома, — говорит один из ветеранов мировой прессы. — Даже если Ямани видел человека лишь раз в жизни, при следующей встрече он приветствует его как старого приятеля.

— Да, Ямани и в самом деле умеет вести дела с журналистами, — соглашается Захри. — Он всегда извлекает из этих контактов максимальный эффект. Ямани знает, где, когда и как обращаться к средствам информации. Не уступал ему и Амузегар. На самом деле в начале 70-х гг. Амузегар был более заметной фигурой. Тогда, похоже, к нему прислушивались внимательнее, чем к Ямани. Особенно в вопросах техники — тут он был большим знатоком. После Амузегара единственным лидером остался Ямани. У него для этого были все данные. Ямани прекрасно говорит по-английски, имеет юридическое образование. Он очень умен. Не будем забывать и о том, что он много лет занимался нефтяным бизнесом. Но не только Ямани искал сближения с репортерами — они сами за ним гонялись, потому что он представлял страну, которая была ключевым производителем нефти.

— Искусство обращения Ямани с прессой следует признать идеальным, — говорит Джо Фитчетт из «Интернэшнл геральд трибюн». — Он, как и Генри Киссинджер, точно угадывает момент, когда нужно приблизить журналиста к себе и сообщить ему стратегически важную информацию. Ямани всегда помнил об интересах Запада и западных потребителей и заблаговременно предупреждал их о любых шагах, которые намеревалась предпринять Саудовская Аравия. Он никогда не лгал, был точен в прогнозах, вежлив, умел без лишних слов привлечь внимание к тому, о чем говорил. И, что особенно важно, прекрасно использовал общий контекст. Он обращался к подлинным знатокам, которых можно сосчитать по пальцам, и с их помощью искусно доводил свои анализ ситуации до остальных.

Эта стратегия полностью основывалась на взаимном доверии, установившемся между Ямани и узким кругом профессиональных журналистов, которые были столь же компетентны в мировом нефтяном бизнесе, как он сам.

В нужный момент Ямани сообщал одному из своих конфидентов недоступную для других информацию, которая позволяла этой группе верно ориентироваться в событиях. Благодаря таким подсказкам журналисты, близкие к Ямани, всегда обходили конкурентов, излагая от собственного лица его взгляды. Это давало им огромное преимущество над остальными.

Удобство этого механизма заключалось и в том, что прямая ответственность за освещение фактов ложилась не на Ямани, а на журналистов. Это защищало Ямани как от недовольных потребителей на Западе, так и от любого представителя арабского мира, который пожелал бы обвинить его в излишней откровенности.

— Придумано было очень ловко, — продолжает Фитчетт. — Но не забывайте, что Ямани находился в крайне сложном положении. Он пытался защищать интересы Саудовской Аравии и при этом не раздражать Запад. Однако в западных странах существовали группировки, которые стремились доказать, что саудовцы хотят подорвать могущество Запада, хотя Ямани неизменно подчеркивал, что Запад и большинство стран — членов ОПЕК имеют общие интересы как в экономике, так и в вопросах безопасности и политики.

— Вместе с тем Ямани несколько раз становился жертвой дезинформации, которая намеренно распространялась антисаудовскими группами, — говорит Фитчетт. Помню, однажды я услышал, как по израильскому радио рассказывали, что имя Ямани происходит от слова «Йемен» и что в Израиле удалось найти какого-то йеменского еврея, который называет себя его родственником.

Одним из доверенных лиц Ямани длительное время был Иан Сеймур, корреспондент «Мидл ист экономик сервей».

— Я всегда очень высоко ставил его искусство обхождения с представителями прессы. Особенно хорош он был на брифингах, носивших неофициальный характер. Но и на официальных пресс-конференциях держался не хуже. Я несколько раз встречался с Ямани в первый год после его назначения на пост министра. Поначалу он казался немного скованным, но довольно быстро освоился. У него сложились хорошие отношения со многими репортерами. Но, если кто-то — случайно или умышленно — осмеливался его задеть, Ямани не давал спуску.

Еще одна журналистка, долгое время пользовавшаяся доверием Ямани, — Ванда Яблонски, основательница «Петролеум интеллидженс уикли». Она была одной из двух журналистов, присутствовавших на первом совещании ОПЕК в 1960 г., и спустя два года, когда на сцене появился Ямани, по праву считалась ветераном этой организации.

Как рассказывает Ванда Яблонски, после первой встречи с Ямани она хотела взять у него эксклюзивное интервью. Вместо этого он пригласил ее на пресс-конференцию. Ванда сказала, что не ходит на пресс-конференции. Ямани пожал плечами, как бы говоря: «Тем хуже для вас». Тогда она вышла в гостиничный

коридор, нашла удобное кресло, села, уткнувшись в какой-то женский журнал, и стала ждать, когда Ямани пройдет мимо.

После окончания пресс-конференции Ямани вышел из зала и направился к лифту. И, естественно, не мог не заметить Ванду.

Заметил Ямани и то, что она обижена, но ничего не сказал и поднялся к себе.

Спустя несколько минут вниз спустился посыльный — его превосходительство приглашал Ванду подняться к нему в номер. Она спросила, намерен ли он дать ей интервью. Нет, сказал посыльный, его превосходительство играет в карты и предлагает составить ему компанию… Карты ее не интересуют, ответила Ванда.

Посыльный ушел. Ванда осталась сидеть на прежнем месте.

Прошло еще несколько минут, и посыльный вновь спустился вниз.

— Его превосходительство готов с вами побеседовать.

Ямани сдался. Ванде удалось получить вожделенное интервью.

Прошло двадцать пять лет, а их дружба остается такой же крепкой, как и раньше.

Ямани старается не порывать со старыми приятелями и делает все, чтобы упрочить дружеские отношения с людьми, которые ему симпатичны, особенно с представителями прессы. К их числу принадлежит и Ванда Яблонски.

Во время переговоров об участии Саудовской Аравии в капитале нефтяных компаний Ванда напечатала в «Петролеум интеллидженс уикли» статью о секретных условиях, которые Ямани собирался предъявить экспортерам на совещании в Кувейте. Статья вышла в свет буквально через несколько часов после завершения переговоров.

Прибыв в отель в Кувейте, чтобы подготовить следующий репортаж, Ванда Яблонски получила телекс из своего офиса в Нью-Йорке, в котором говорилось, что Джордж Пирси, разгневанный ее статьей, аннулировал многочисленные подписки фирмы «Экссон» на «Петролеум интеллидженс уикли». При этом он потребовал полностью вернуть деньги за подписку — около тридцати шести тысяч долларов. «Что нам делать?» — спрашивал сотрудник, пославший телекс.

Яблонски связалась с Нью-Йорком.

— Верните «Экссон» ее паршивые тридцать шесть тысяч, но скажите, что до истечения срока подписки мы будем посылать ей все выпуски, потому что «уважаем наши обязательства». (Это, объясняет Ванда, была излюбленная фраза самого Пирси, которую тот часто пускал в ход во время переговоров.)

Спустя несколько минут после того, как был отправлен ответ, она столкнулась с Ямани. Он заметил, что Ванда, еще не вполне пришедшая в себя, держит в руках телекс из Нью-Йорка.

— Что это? — поинтересовался Ямани.

Она протянула ему телекс, буркнув:

— Что происходит?

Ямани прочитал бумагу.

— Мне понравилось, как вы им ответили, — сказал он ободряющим тоном.

Ванда была потрясена.

— Откуда вы знаете, что именно я ответила?

— Ну, у меня свои каналы, — усмехнулся Ямани. И сказал, что, если после совещания Ванда пожелает вернуться в Саудовскую Аравию, для нее найдется место в его самолете.

Ванда приняла приглашение.

Когда самолет совершил посадку в Эр-Рияде, Ямани, готовясь сойти по трапу, заметил внизу Джорджа Пирси. Мгновенно сообразив, что делать, он подхватил под руку Ванду, а в другую руку взял ее чемоданчик.

Поздоровавшись с Пирси, Ямани передал ему чемоданчик и вежливо попросил:

— Вы ведь не откажетесь отвезти вещи Ванды в отель, правда, Джордж?

У Пирси отвалилась челюсть, а Ямани и Ванда прошествовали дальше.

Ямани славится также умением находить среди представителей прессы новых друзей.

В кругу журналистов, связанных с ОПЕК, широко известна история о молодом, не искушенном в нефтяной тематике репортере, который решил получить у Ямани эксклюзивное интервью.

Задумать это было куда проще, чем сделать. Юноша потратил несколько дней, пытаясь улучить подходящий момент, но все его усилия были напрасны. Наконец, набравшись смелости, он решил дождаться окончания длительного совещания, в котором принимал участие Ямани, и подкараулить его возле лифта.

Как ни был утомлен Ямани, он правильно оценил ситуацию и предложил молодому журналисту подняться к нему в номер.

Эксклюзивное интервью было недолгим — репортер выпил чашку кофе и выслушал несколько астрологических рассуждений. Ему не удалось выведать что-нибудь сенсационное относительно цен на нефть, но все же он удостоился какой-никакой беседы со звездой и получил возможность оповестить об этом свет.

А у Ямани появился еще один друг, который — кто знает! —

может сослужить ему службу в черный день.

Искусство, которое практикует Ямани в отношениях со средствами информации, вызывает восхищение и у Оника Марашьяна из «Плэтс ойлгрэм ньюс», освещающего деятельность ОПЕК с 1962 г.

— К моменту, когда Ямани стал министром нефти, он возможно, еще не видел ни одной нефтяной скважины и не имел представления о том, как добывают нефть. Но Ямани был исключительно прилежным учеником. С самого начала было видно, что это очень умный молодой человек. Тогда шевелюра у него была погуще, борода потемнее. Конечно, он не сразу набрался опыта. Да и с прессой управлялся не так ловко… Но потом приобрел подлинный блеск и научился собирать вокруг себя целые толпы журналистов. Ямани довел механизм обращения с прессой до настоящего совершенства, и та жадно ловила каждое его слово. Он всегда очень мил и приветлив, чрезвычайно приятен в обхождении. Иногда по лицу Ямани заметно, что собеседник искушает его терпение, но он никогда не позволяет себе грубости.

Кто и впрямь искушал терпение Ямани, так это Ориана Фаллачи, приехавшая в середине 1975 г. в Саудовскую Аравию, чтобы взять у него интервью для «Нью-Йорк таймс мэгэзин».

Правда, Фаллачи утверждает, что ей самой тоже пришлось несладко.

Они встретились в Лондоне. Фаллачи надеялась взять интервью там же.

— У одной из дочерей Ямани был день рождения. Вечером он дал пышный обед. Дело происходило в очень дорогом ресторане, и он, как обычно, держался весьма любезно. Я спросила, не даст ли он мне интервью завтра. Ямани ответил: нет, завтра я должен читать лекцию. Вот приходите туда и узнаете все, что вас интересует. Я согласилась. Но его лекция носила чисто технический характер, и для меня интересного в ней было очень мало. Когда она кончилась, я спросила: может быть, он даст интервью теперь? А он: нет, сделаем это в Саудовской Аравии. Что ж, он свое слово сдержал. Только после приезда в Саудовскую Аравию мне пришлось ждать еще полмесяца.

Ориана рассказывает, что прилетела в Джидду и встречалась с Ямани каждый день. Но он все время говорил, что еще не готов.

— Запас моего терпения таял. Легко ли неделями бегать за человеком ради одного интервью? Наконец он сказал, что мы можем побеседовать в Таифе. Там у него есть большой новый дом в совершенно пустынной местности. И рядом маленький домик для гостей, обсаженный индийскими смоковницами. Этот домик

ничем не отличается от небольшой гостиницы — красивый, чистенький, со множеством маленьких комнаток, в каждой есть кровать и отдельный туалет. Я прожила там четыре или пять дней, но Ямани явно не торопился выполнить свое обещание. Помню, я сказала Таммам, что ее муж просто потешается надо мною. Таммам подняла глаза к потолку и ответила: «Не понимаю, в чем дело. Я с ним поговорю».

Фаллачи добавляет, что Таммам ей понравилась.

— Она показалась мне очень милой. С ней гораздо проще иметь дело, чем с самим Ямани. Никогда не поймешь, шутит он или говорит всерьез. Таммам красивая девушка, и для арабки очень современная. Представьте себе: за все это время я видела ее только в западном платье, она ни разу не надевала арабской одежды.

Прошло еще несколько дней. По словам Фаллачи, она каждый день обедала и ужинала с Заки, Таммам и всеми их детьми, даже совершала вместе с ними длинные прогулки.

Но об интервью даже речи не было.

— Я не в силах понять этого человека. Я всегда чувствую себя неловко с арабами, потому что для меня это незнакомый мир. А о Ямани не знаю, что и думать. Может быть, он меня просто боялся. Но почему тогда он был столь преувеличенно вежлив, почему так радушно принимал меня в Таифе? Он даже устроил в мою честь прием. Но интервью не давал.

— Помню, его сын Хани уже начал подшучивать надо мной, ведь все в доме знали, что происходит. Все знали, что Ямани держит меня на крючке. Мы не раз прогуливались с ним в его, как он говорил, садике. Это был роскошный сад. Там росли помидоры, инжир. Он срывал инжир и клал мне его прямо в рот, что было не слишком приятно. Мне не хотелось есть инжир и не хотелось, чтобы мне его клали в рот. Но я понимала, что он хочет мне угодить и продемонстрировать свою благорасположенность.

В конце концов Фаллачи почувствовала, что больше не выдержит.

— Я пришла к нему и сказала: «Не понимаю, что происходит. Вы очень милы и оказываете мне исключительно любезный прием, но я приехала сюда не для того, чтобы развлекаться. Что я скажу моим издателям в Милане и Нью-Йорке?» По правде говоря, Ямани был даже не мил, он был просто обворожителен. Но он протомил меня ровно пятнадцать дней. На следующее утро я взяла интервью и в тот же день уехала.

Как уверяет Фаллачи, когда они наконец оказались в кабинете Ямани и собирались приступить к работе, он совершил поступок, который обидел ее больше, чем все остальное.

— Он включил свой магнитофон. Мне это очень не нравится, я считаю, что текст интервью является собственностью того, кто его взял. Я не люблю, когда интервьюируемые сами ведут запись. Получилось, что я записывала его, а он меня.

Ямани рассказывает эту историю совершенно по-другому.

По его словам, Фаллачи, приехав в Таиф, сказала, что еще не до конца подготовилась к работе. Прежде чем брать интервью, она хотела какое-то время понаблюдать Ямани. Но, подчеркивает Ямани, день для интервью назначила она сама.

Получилось так, говорит Ямани, что накануне он проработал у себя в офисе двенадцать часов. Вечером состоялось заседание кабинета министров. Он вернулся домой около одиннадцати, вымотанный до предела. И тут Фаллачи заявила: «Давайте примемся за дело прямо сейчас».

Ямани отказался.

Фаллачи пригрозила, что уедет.

Он приложил доставить ее в Джидду и отправить ближайшим самолетом домой.

Но она передумала.

На следующий день, как и было намечено ранее, он дал Фаллачи интервью, не оставив ни один ее вопрос без ответа.

Тут следует заметить, что Фаллачи известна своей особой, довольно нахрапистой манерой брать интервью. Но если бы не эта нахрапистость, люди, с которыми она разговаривает, не отвечали бы столь живо и ярко.

Интервью, которая она взяла у Ямани, и сейчас, много лет спустя, остается выдающимся образцом журналистской работы.

Вежливо побеседовав с Ямани о его семье и о домах, которыми он владеет, Фаллачи навела разговор на Ясира Арафата. Отлично зная, что в Соединенных Штатах Арафат имеет репутацию преступника и террориста, она попыталась раздразнить Ямани:

— Думаю, вы восхищаетесь Арафатом, — сказала Фаллачи.

Ямани уклончиво ответил, что многие считают Арафата трезвомыслящим политиком, человеком умеренных взглядов.

Фаллачи держалась жестко. Она сказала, что брала интервью у Арафата и что его взгляды отнюдь не показались ей умеренными. Он все время вопил, что Израиль должен быть сметен с лица земли, стерт с карты.

— Если бы Арафат не говорил таких вещей, — парировал Ямани, — у палестинцев не было бы шансов когда-нибудь обрести дом. Подчас людям приходится избирать резкий тон, у них просто нет иного выбора.

Когда они перешли к обсуждению роста цен на нефть,

Фаллачи снова показала когти.

— Между нами говоря, Ямани, разве в ваших интересах доводить нас до катастрофы?

Ямани ответил, что Саудовская Аравия к этому отнюдь не стремится. Саудовцы, сказал он, отдают себе отчет в том, что крах американской экономики приведет к краху их собственную экономику. Проблема, по его мнению, в другом: некоторые члены ОПЕК не хотят взять в толк, что очередной скачок цен может в конце концов обернуться бедой. А кое-кого и вовсе не волнует положение дел в мировой экономике.

Фаллачи коснулась проблем, связанных с открытием эффективных источников альтернативной энергии, а затем вновь попыталась поддеть Ямани:

— Настанет день, когда мы уже не будем в вас нуждаться.

— К тому времени, — возразил Ямани, — мы будем так богаты, что вы будете в нас нуждаться по другим причинам.

— Вы и сейчас уже нагребли немало, ведь правда? — поинтересовалась Фаллачи.

— Да, — коротко ответил Ямани.

Теперь Фаллачи не относит это интервью к числу своих самых больших удач.

— Мне нравятся только некоторые места. Помню, он сказал, что саудовцы хотели бы импортировать воду, как мы импортируем нефть. Я ответила, что у меня есть земельный участок в Тоскане, где вода имеется в избытке, — и, если он пожелает, может ее у меня покупать. Это меня развеселило, потому что мы сбились с официального тона. Но в целом нашу беседу нельзя было назвать непринужденной. Ямани предельно вежлив и умеет обходить острые углы. Это великий дипломат. Через нескольких моих друзей я знаю, что он колебался, прежде чем дал согласие на встречу со мной. Честно говоря, я так и не смогла составить какое-то однозначное суждение об этом человеке. Я просто не знаю, что о нем думать.

Второй нефтяной кризис

Это был его первый настоящий отпуск за шестнадцать лет.

В апреле 1976 г. Заки и Таммам зафрахтовали яхту для путешествия по Карибскому морю. Поездка должна была стать для них чем-то вроде запоздалого медового месяца. Ямани пообещал Таммам, что не будет работать, даже снял с руки часы.

Супруги должны были отплыть из Саудовской Аравии. О яхте, на которой им предстояло путешествовать, не было известно ничего — Ямани знал только, что она будет большой.

Прибыв в порт, он узнал, что яхта принадлежит Аднану Касоги. Известие было малоприятным. Ямани не хотелось, чтобы в нем видели гостя Касоги. Еще больше ему не хотелось, чтобы так думал сам Касоги.

Но делать было нечего — не возвращаться же домой!

Заки и Таммам поднялись на борт; следующие пять недель они провели вдвоем, наедине друг с другом.

…Иногда Ямани возвращался к размышлениям о недвижимом имуществе, которым владел в Саудовской Аравии. И чем больше он размышлял об огромном капитале в виде недвижимости, который он составил за последние годы, тем яснее сознавал, что бум был абсолютно неестественным явлением.

Спустя несколько недель после начала путешествия он дал радиограмму своему другу в Саудовской Аравии.

— Продай все, что у меня есть, — распорядился Ямани.

Еще до окончания года саудовская недвижимость резко упала в цене.

Но к тому времени Ямани давно уже не было на рынке.

* * *

В вопросах нефтяной политики иранский шах отстаивал свое, особое мнение.

Не ставьте себя в зависимость от нефти, предостерегал он Запад. Он называл нефть драгоценностью. И говорил, что западный уровень жизни целиком обеспечивается интенсивным потреблением нефти. Шах предупреждал, что альтернативные источники энергии, которые ищет Запад, не смогут полностью заменить нефть, а страны-экспортеры рано или поздно исчерпают свои запасы. По его убеждению, нефть должна была преимущественно служить развитию нефтехимической промышленности, но не следовало до бесконечности полагаться

на нее как на источник энергии.

Шах говорил, что намерен преподать Западу урок.

Ранее, жалуясь на низкие цены, большинство стран-экспортеров заводили примерно одну и ту же скорбную песнь. В течение двадцати четырех лет, тянули они в один голос, нефть продавалась существенно дешевле, чем это было бы при свободном взаимодействии сил спроса и предложения. С 1947 по 1971 г. цены на нефть оставались одинаковыми. Между тем цены на промышленные товары и продовольствие за это время увеличились втрое.

Теперь шах нашел новый мотив. Для доказательства, что нефть стоит слишком дешево, он предлагал сравнивать ее с кока-колой.

В то время, когда цена на нефть поднялась до 11,65 доллара за баррель (в барреле 42 галлона), банку кока-колы емкостью 12 унций можно было купить в торговом автомате за 20 центов. Галлон кока-колы, таким образом, стоил — округляя в меньшую сторону — 2,13 доллара. Умножаем на 42, и получаем 89,52 доллара.

Нефть продается по бросовой цене, утверждал шах.

— Представьте, — говорит Махди ат-Таджир, — он сказал мне, что не считает чрезмерным и 100 долларов за баррель.

Шейх Ямани считал подобные цены абсолютно немыслимыми.

— Нужно рассматривать ситуацию в общем контексте, — говорит Ямани. — Мы — я имею в виду Саудовскую Аравию — были в то время крайне обеспокоены экономической ситуацией на Западе. Нас тревожила возможность нового спада и, кроме того, политическая ситуация в таких странах, как Франция и Италия, где к власти могли прийти коммунисты. Положение в Испании и Португалии также внушало нам опасения. И мы волновались неспроста. Мы очень хотели, чтобы в странах Запада начался экономический подъем, потому что от этого зависела политическая стабильность и в Саудовской Аравии.

Но озабоченность Ямани разделяли далеко не все.

В мае 1976 г., во время совещания ОПЕК в Бали, восемь членов картеля, возглавляемые, как обычно, Ираном, заявили, что стоимость товаров, ввозимых в страны ОПЕК, за последний год возросла на 20 процентов.

Поэтому, утверждали они, логичным будет поднять на 20 процентов и цены на нефть.

Ямани предпочитал на полгода заморозить цены.

Иракцы, осуждая всегдашнюю прозападную позицию саудовцев, обрушились на них со столь яростными нападками,

что Ямани покинул заседание.

Этот поступок чрезвычайно взбудоражил ОПЕК. Но благодаря решимости Ямани саудовцам удалось привлечь на свою сторону симпатии некоторых стран и добиться замораживания цен.

Однако спустя полгода, когда на Западе свирепствовала двузначная инфляция и картель вновь собрался в Дохе, столице Катара, Ямани увидел, что команда шаха готова дать ему бой.

Иран требовал увеличить цены самое меньшее на 15%.

Доктор Амузегар объявил остальным членам ОПЕК, что нежелание Саудовской Аравии поднять цены объясняется ее обязательствами по защите американских капиталовложений, и ничем иным. Ямани отверг это обвинение, отвергает он его и сейчас.

— Главным предметом моего беспокойства было то, что слишком большое увеличение цен попросту приведет к падению спроса. Я всегда считал, что цены нужно повышать постепенно, малыми дозами. В любой ситуации для нас жизненно важно поддерживать экономическую и политическую стабильность в западных странах. С политической точки зрения высокие цены на нефть необыкновенно усилили бы позиции русских, одновременно ослабив Европу, Японию и Соединенные Штаты. Поймите: самое главное не то, как высоко поднимаются цены, а как быстро это происходит. Внезапный и резкий скачок цен дестабилизирует экономику страны. А постепенный рост может быть абсорбирован. Шоковые изменения цен очень опасны для всех, кто имеет отношение к торговле нефтью — и для покупателей, и для продавцов.

Даже сейчас он обеспокоен тем, что кое-кто из министров стран-экспортеров не отдает себе в этом отчета.

— Не знаю, что и думать. Мне кажется, другим это должно быть так же ясно, как и мне. Но иногда они принимают решения, которые я бы назвал странными.

Как говорит Ямани, сам он, разрабатывая нефтяную политику, стремился к комплексному подходу.

— Не нужно, впрочем, забывать, что мы очень богаты. У нас огромные резервы. Мы получаем достаточно большой доход. У нас всегда есть возможность не горячиться и рассмотреть ситуацию объективно. Но далеко не каждый член ОПЕК находится в столь привилегированном положении. Алжир, например, крайне нуждается в увеличении доходов. То же можно сказать о Нигерии, об Индонезии. Что же касается Ирака и Ирана… Если тобой движут политические мотивы, это поневоле накладывает отпечаток на восприятие, даже когда экономическое положение позволяет избегать скороспелых решений. Я твердо убежден, что

саудовцы, определяя свою нефтяную политику, всегда действовали как интернационалисты. Но о многих других этого никак нельзя сказать. Конечно, и мы учитывали наши собственные интересы. Это вполне естественно. Но нам всегда хватало дальновидности, чтобы не ограничиваться только ими. Я знаю, что повторяюсь, но скажу вам еще раз: в чем меня трудно упрекнуть, так это в пренебрежении долгосрочными целями. В моей общественной деятельности, в личной жизни — во всем, что я делаю, — я стремлюсь заглянуть вперед. Человек, который мыслит категориями сиюминутной выгоды, в конце концов обязательно попадает в неприятное положение.

Для Запада, позволяет себе заметить Ямани, характерен именно такой стиль мышления.

— Ничего странного тут нет. Это одно из следствий демократии. Политика избирают на его пост лишь на четыре года. И он рассматривает все проблемы, исходя из этого срока. Дальше он не заглядывает. У нас же есть такая возможность. Извечная беда Запада: когда возникает противоречие между долгосрочными интересами и краткосрочными, он неизменно предпочитает первым вторые.

…Все это, по-видимому, в высшей степени справедливо, но в Дохе Ямани не смог повторить успех, которого добился в Бали. Ему не удалось убедить своих оппонентов, что повышение цен на 10—20% повредит долгосрочным интересам ОПЕК.

Шах твердо решил добиться своего и шел напролом.

Не видя иного выхода, Ямани вылетел в Эр-Рияд для консультаций с Фахдом. Он вернулся в Доху с разрешением соглашаться на семипроцентное увеличение цен. Но это был максимум.

Менее опытные игроки выложили бы эту карту на стол.

Но Ямани сумел вообще не пустить ее в ход.

Амузегар привлек на свою сторону достаточное количество членов ОПЕК, чтобы обеспечить поддержку своему плану, предусматривавшему немедленное, с 1 января 1977 г., увеличение цен на 10% — с 11,51 до 12,70 доллара за баррель — и еще одну, пятипроцентную, надбавку спустя полгода, в результате чего цены поднялись бы до 13,30 доллара за баррель.

Против выступили только Саудовская Аравия и Объединенные Арабские Эмираты. Они были согласны лишь на пятипроцентное увеличение цен на сырую нефть — до 12,09 доллара за баррель.

Раскол между умеренными членами ОПЕК и «экстремистами» стал еще более глубоким.

Если противодействие саудовцев росту цен вызывало у шаха

не более чем раздражение, то, узнав на следующий день, что Саудовская Аравия намерена резко увеличить добычу и довести ее от 8,6 до 11,6 миллиона баррелей в сутки, он пришел в настоящую ярость. Это означало, что совокупная добыча Саудовской Аравии и Объединенных Арабских Эмиратов будет составлять около 40% общей добычи ОПЕК.

Это означало также, что, если кто-нибудь из членов ОПЕК попытается бороться с саудовцами, повысив собственную квоту, только что увеличенные цены пойдут вниз.

Шах направил свое мщение непосредственно против Ямани. Он назвал действия Ямани откровенной агрессией.

Как это ни странно звучит, существуют люди, утверждающие, что между Соединенными Штатами и Ираном могло быть заключено негласное соглашение. Они полагают, что рост цен в середине 1970-х гг. сыграл на руку Америке. Начать с того, говорят сторонники этой точки зрения, что прибыль которую повышение цен принесло странам-экспортерам, осела на счетах в американских банках. Кроме того, оно поставило в стесненное положение Японию и Западную Германию. Темпы роста экономики этих стран, целиком зависящих от импортируемой нефти, замедлились, что, естественно, повысило конкурентоспособность Америки. Вместе с тем благодаря росту цен все западные нефтяные компании получили дополнительные средства, позволившие им вести разведку новых месторождений.

Не менее важным было и то влияние, которое рост цен оказывал на вооружение Ирана.

Шах был одержим мечтой сделать Иран одной из ведущих мировых держав. Американцы, со своей стороны, хотели, чтобы шах эффективно выполнял полицейские функции в заливе. Иран не видел лучшего способа для покупки новых самолетов и оружия, чем увеличение цен на нефть. Америке же было выгодно вооружать шаха до зубов, так как он не только был проводником ее политики в заливе, но и покупал оружие у американских поставщиков, а при этом деньги вновь вливались в американскую промышленность.

И последний довод: в росте цен были чрезвычайно заинтересованы крупнейшие американские нефтяные компании, чьи балансовые ведомости выглядят особенно благополучно при скачках цен. Компании — могущественная экономическая сила и одновременно могущественное лобби, имеющее друзей на самых высоких постах. Не забывайте, говорят сторонники этой теории: Киссинджер был человеком Рокфеллера, а состояние Рокфеллера сделано на нефти.

Ямани согласен с тем, что Америка не хотела снижения цен.

— Верно. На самом деле Соединенные Штаты были заинтересованы в их повышении. Не припоминаю, чтобы доктор Киссинджер когда-нибудь затрагивал в беседах с нами вопрос о ценах на нефть.

В феврале 1975 г. Генри Киссинджер, встретившись с шахом в Санкт-Морице, сказал иранскому лидеру:

— Соединенные Штаты с пониманием относятся к стремлению Тегерана защитить высокий уровень цен на нефть.

По правде говоря, это заявление носило достаточно неопределенный характер. Во всяком случае, его нельзя было интерпретировать как прямое согласие сотрудничать с Тегераном.

Но Ямани, когда услышал об этом, был несколько обескуражен.

— С одной стороны, американцы говорили, что цена на нефть слишком высока и что установившийся уровень им не по силам. С другой стороны, они ввели новые пошлины и новые торговые правила, которые содействовали увеличению цены сырой нефти на внутреннем рынке. Они сами себе противоречили. Мы охотно бы пошли навстречу Соединенным Штатам, если бы могли понять, какую в действительности политику они проводят.

Спустя несколько месяцев после встречи Киссинджера с шахом Ямани направил секретное послание американскому министру финансов Уильяму Саймону. Саудовская Аравия, писал Ямани, не может поверить, что Америка всерьез хочет увеличения цен на нефть.

Саймон, когда речь заходит о Ямани, не скупится на похвалы.

— Я с самым теплым чувством вспоминаю о сотрудничестве с Заки. Он был одним из величайших политических деятелей нашего времени. Это видно хотя бы из того, что он сумел продержаться на столь ключевом посту почти четверть века. Представьте, он останавливался у меня дома в Мак-Лине, штат Виргиния. И даже составил для меня гороскоп. Не помню только, куда я этот гороскоп дел. Боюсь, что он потерялся… Так вот, мысленно возвращаясь к этим бурным четырем с половиной годам, которые я провел в правительстве, на самых разных должностях, должен признать: встречи с Заки относятся к числу лучших моих воспоминаний.

К сожалению, Саймон ничего не помнит о секретном послании, которое получил тогда от Ямани.

— Мы практически регулярно вели конфиденциальную переписку — по так называемому «черному каналу». Такая корреспонденция шла напрямую, минуя государственный департамент. Этим мы обеспечивали большую секретность.

Саймон, впрочем, признает, что Америка действительно не

была заинтересована в понижении цен на нефть.

— В то время ходил слух, что государственный департамент заключил соглашение с иранским шахом. Мы будто бы содействовали росту цен на нефть, чтобы Иран мог получить деньги для покупки оружия и защитить залив от Советского Союза. Подтверждения слух не получил, но говорили об этом довольно часто.

Вместе с тем, говорит Саймон, Соединенные Штаты создали ряд государственных инвестиционных программ, предусматривавших разработку альтернативных источников энергии.

Как и Ямани, он считает, что в период правления Никсона и Форда политика американского правительства в области цен на нефть была внутренне противоречивой.

— Противоречие в данном случае заключалось в том, что правительство стремилось защитить отечественную нефтяную промышленность за счет потребителя. Да-да, именно так и было. В любой политике ведь всегда есть толика лицемерия, не так ли? Не существует политических деятелей, которые искренне пеклись бы о справедливости. Нет, они пекутся, конечно, — но лишь постольку, поскольку это помогает им быть избранными на следующий срок. Не более.

Саймон утверждает, что, несмотря на свои публичные заявления, и Никсон, и Форд в действительности хотели повышения цен.

— Это чистая правда.

Но был ли в стороне от этой политики сам Уильям Саймон, энергетический «царь» и министр финансов?

— Конечно. Как человек, возглавлявший энергетическую отрасль, я безоговорочно поддерживал тех, кто выступал за снижение цен. Безоговорочно.

А доктор Киссинджер?

— Ну, — говорит Саймон, — это сложный вопрос, на который не так просто ответить. Сам он утверждал, что выступает за более низкие цены, но некоторые его подчиненные откровенно добивались противоположного. Они ведь создали все эти программы, направленные на поддержание цен. Это факт. Но, согласитесь, часто встречаются бюрократы, которые действуют вопреки тому, чего хочет их собственное начальство.

* * *

Джимми Картер вселился в Белый дом в январе 1977 г.

Его избрание на пост президента вписалось в длинную череду последствий уотергейтского скандала, глубоко потрясшего нацию, с тех пор неустанно старавшуюся смыть с себя этот позор.

— Я считаю Картера честным человеком, — говорит Ямани. — Может быть, чересчур честным для политика. Во многих отношениях он напоминал скорее религиозного деятеля, чем политика и государственного мужа.

При Картере Америка выдвинула инициативу, направленную на установление мира на Ближнем Востоке. Но кэмп-дэвидские соглашения не удовлетворили большинство арабов.

Поначалу саудовцы попытались с помощью тайной дипломатии помочь египтянам найти понимание в арабском мире. Но когда другие арабские страны единым фронтом выступили против кэмп-дэвидских соглашений — поскольку в них не были учтены интересы палестинцев, — саудовцы вынуждены были примкнуть к остальным и осудить Египет. Со дня подписания соглашений в 1979 г. ни один саудовский министр (в «официальном» порядке) не ступал на египетскую землю в течение пяти с лишним лет.

Первый визит саудовского министра в Египет после Кэмп-Дэвида состоялся в октябре 1984 г. Этим министром был Заки Ямани.

— После Кэмп-Дэвида Египет находился в изоляции, — излагает свою точку зрения Ямани. — Соглашения не решили палестинской проблемы. Они никогда бы не были подписаны, если был бы жив Фейсал.

Выдвижение Джимми Картером новой внешнеполитической программы, в основе которой лежал вопрос о правах человека, совпало с началом стабилизации цен на нефть. Это привело к официальному упразднению двухъярусной системы цен на совещании ОПЕК в Стокгольме, состоявшемся в июле 1977 г.

Ямани категорически отказывался вернуться в Вену: инцидент с Карлосом так сильно расстроил его нервы, что с тех пор он путешествовал только на личном самолете и в сопровождении шести телохранителей. Из уважения к нему ОПЕК скиталась по всему свету, назначая каждую очередную встречу в новом месте.

Лишь в 1979 г. Ямани решился вновь посетить Вену. Австрийское правительство удостоило его званием почетного доктора Лебенского университета. И канцлер Бруно Крайский, желая показать, что австрийская служба безопасности уже не так беспечна, как в декабре 1975 г., на время визита Ямани в Австрию поручил его охрану спецгруппе коммандос — так называемой «Кобре».

В Швеции члены ОПЕК согласились отказаться от запланированного ежемесячного увеличения цен на 5% — при условии, что Саудовская Аравия и Объединенные Арабские Эмираты поднимут на 5% цены на свою нефть.

Прошло еще пять месяцев, и члены ОПЕК встретились в Каракасе. Словно в насмешку над Карлосом, они выбрали его родной город, чтобы «отпраздновать» двухлетнюю годовщину венской осады.

Как и следовало ожидать, распространились слухи, что Карлоса несколько раз видели в городе и что его шайка собирается на одном из островов в Карибском морс. Эти слухи способствовали усилению мер предосторожности. Город был переполнен вооруженными до зубов войсками.

Прибрежную гостиницу, в которой проходило совещание, аэропорт, а также все дороги и коммуникации, соединявшие эти два пункта, охраняли армейские подразделения, вертолеты, патрульные суда…

С формальной точки зрения они обеспечивали безопасность всех министров ОПЕК. Но фактически речь шла об одном человеке.

— Когда наш самолет совершил посадку, я заметил, что к месту, где он остановился, направляются бронетранспортеры. Дверца распахнулась, и я увидел, что на земле лежат автоматчики, которые держат под прицелом всю окружающую местность. Приветствовавший нас военный атташе сказал, что мы подвергаемся серьезной опасности и что, по его мнению, я и Таммам должны лететь дальше в разных вертолетах. Он сказал, что террористы могут прятаться в кустах и оттуда попытаться обстрелять один из вертолетов ракетой «земля — воздух» — так что, если мы полетим раздельно, один из нас уцелеет. Таммам все это очень не понравилось. Она настояла на том, чтобы мы летели вместе. По правде говоря, мне кажется, что венесуэльцы несколько преувеличивали опасность.

Но сами венесуэльцы были иного мнения. На те несколько декабрьских дней 1977 г., когда шейх Ямани находился в их столице, она, видимо, превратилась в самый укрепленный город на свете.

В ходе совещания Ямани объявил, что Саудовская Аравия хотела бы заморозить цены и не изменять их в течение всего 1978 г.

— Рынок был перенасыщен, — говорит Ямани. — Это было вызвано желанием Саудовской Аравии добывать больше нефти, чем было нужно для удовлетворения ее финансовых потребностей.

Другой причиной было значительное количество нефти, которое выбрасывали на рынок страны, не входившие в ОПЕК.

Даже шах незадолго до каракасской встречи изменил свою позицию и признал, что цены следует заморозить.

В ноябре 1977 г. шах встречался с президентом Картером в Вашингтоне. После этой встречи он заявил, что относится с «симпатией и пониманием» к позиции американцев, которые считают, что мировая экономика по-прежнему находится в слишком нестабильном состоянии и не выдержит дальнейшего роста цен на нефть.

Так Ямани и его страна снова добились замораживания цен.

В мае 1978 г. Ямани заявил, что вероятность нового возрастания цен составляет примерно 50%.

— Я предсказывал, что равновесие между спросом и предложением сохранится до 1985 г., когда на рынке, по-видимому, возникнет дефицит. Тогда цену на нефть будут определять факторы спроса и предложения, а не ОПЕК. Поэтому я предложил безотлагательно выработать долгосрочную стратегию ОПЕК. И мы создали комитет, в который вошли Саудовская Аравия, Иран, Ирак, Кувейт, Венесуэла и Алжир. Комитет должен был составить отчет и на основании этого отчета выработать рекомендации для будущей политики ОПЕК, которые предполагалось рассмотреть на совещании руководителей стран ОПЕК в Багдаде в 1980 г.

Ямани был назначен председателем этого органа, получившего название Комитета по долгосрочной стратегии ОПЕК.

Как только проект получил огласку, в кругах, связанных с нефтяным бизнесом, начал циркулировать слух, что Ямани представит отчет совещанию в Багдаде и после этого уйдет в отставку.

Для пятидесятилетнего политика, достигшего пика своей карьеры, это действительно был бы наиболее красивый способ удалиться от дел.

Однако слух не оправдался, поскольку все тогдашние события развивались на фоне двух крайне важных политических проблем. Первой из них было сохраняющееся непрочное положение американского доллара.

На протяжении всего 1978 г. Ямани. Фахд и министр финансов Соединенных Штатов Михаэль Блюменталь неоднократно утверждали, что доллар находится на пути к выздоровлению. Среди некоторых членов ОПЕК одно время обсуждался даже вопрос о том, чтобы отказаться от традиционной оценки нефти в долларах, но Ямани, используя свое влияние в

ОПЕК, легко доказал всем сомневающимся, что такой шаг лишь ускорит крушение доллара и подстегнет инфляцию.

Источником второй проблемы были драматические события, происходившие одновременно в Париже и в Тегеране. Изгнанный из Ирана аятолла Хомейни, живший в парижском пригороде, выразил желание вернуться на родину.

Политические деятели стран залива — и прежде всего те, кто ранее не жаловал особым вниманием шаха, — сходились во мнении, что знакомый черт все же лучше незнакомого. Возможное возвращение аятоллы, пропагандировавшего поджигательские идеи исламского фундаментализма, внушало многим вполне обоснованную тревогу.

И особенно саудовцам. Но, успокаивали они себя, американцы никогда не дадут в обиду шаха.

Так думали не только в Саудовской Аравии. Шах не просто был уверен, что американцы при любых обстоятельствах сумеют его защитить, но смело поставил бы в заклад Павлиний трон, если бы кто-то стал это оспаривать.

Все самым роковым образом переоценили способность Джимми Картера контролировать международную политику.

Совещание ОПЕК должно было состояться в декабре в Абу-Даби.

Цены, как и раньше, удавалось сохранять замороженными, хотя нажим со стороны стран, настаивавших на их новом увеличении, постоянно возрастал. Ямани надеялся, что цены будут увеличены не более чем на 5%. Но еще до начала встречи в Абу-Даби к иранской пороховой бочке поднесли горящий фитиль.

13 октября 1978 г. внезапно забастовали рабочие крупнейшего в мире нефтеочистительного завода в Абадане. В течение недели забастовочное движение охватило большую часть страны. Иран оказался практически выключенным из мирового нефтяного бизнеса. Шах попытался навести порядок с помощью войск, уволил ряд менеджеров нефтяных компаний. Но тут из Франции донесся голос Хомейни, возвестивший:

— Через забастовку в нефтяном секторе свершается воля Аллаха.

Когда 16 декабря члены ОПЕК, как и было запланировано, собрались на свое совещание, события в Иране привели рынок в столь необычное состояние, что у Ямани просто не было никакой возможности ограничить аппетиты картеля пятипроцентным увеличением цен.

— В год двадцатилетия ОПЕК, — предложил алжирский министр нефти, — будет вполне уместно поднять цену до 20 долларов за баррель.

— Я считал вас реалистом, — парировал Ямани.

В результате ОПЕК решила увеличить цены на 10%.

26 декабря Хомейни провозгласил:

— Экспорт нефти не возобновится до тех пор, пока шах не покинет страну.

Спустя пять дней Джон Лихтблау, руководитель «Петролеум индастри рисерч фаундейшн», независимой и весьма влиятельной исследовательской организации, базирующейся в Нью-Йорке, заявил:

— Мы испытываем полный пессимизм в отношении способности нынешнего иранского режима вновь наладить добычу нефти.

Иначе говоря, с шахом было покончено. Уже 16 января 1979 г. шах вместе с семьею выехал из Тегерана «для продолжительного отдыха». Он твердо обещал вернуться обратно. В отличие от Макартура, шах так и не сдержал своего слова.

Спустя неделю после свержения династии Пехлеви в Тегеран прилетел аятолла Хомейни. Политическая ситуация в регионе залива решительно и бесповоротно изменилась.

По признанию Махди ат-Таджира, он, как и некоторые другие, знал, что шаху придется уйти.

— Но я не ожидал, что это произойдет именно так. Я был искренним почитателем шаха. И полагал, что он собирается осуществить реформы, которые позволят ему остаться у власти. Я не думал, что шах будет откладывать эти реформы до бесконечности, не думал, что он настолько слеп. Но, возможно, события разворачивались слишком быстро, и шах был застигнут врасплох. Кроме того, за пределами Ирана все жаждали его свержения, я уверен. Шах стал слишком опасной фигурой. Он начал задумываться над тем, какую политику мог бы проводить Иран, какую роль играть в мире. И все чаще заговаривал о том, что Иран мог бы войти в число сверхдержав. Шах хотел, чтобы в военном отношении Иран не уступал пяти крупнейшим странам мира. И начал использовать нефтяной фактор, диктуя свою волю другим. Не думаю, что кто-нибудь вне Ирана, и прежде всего Соединенные Штаты, был заинтересован в том, чтобы шах и дальше оставался у власти.

Ямани также считает, что предостерегающая надпись на стене появилась за насколько лет до уничтожения монархии.

— Правда, задним числом любой может сказать, что предвидел падение шаха. Но примерно в конце 1977 г. или в начале 1978 г. я и в самом деле начал приходить к выводу, что шах обречен. Все признаки были налицо. Судите сами. Он находился под угрозой из-за своего надменного характера и

оторванности от народа. Общественные преобразования, которые он пытался провести, были слишком быстрыми, и это породило множество проблем. Особенно опасной была кампания против религии и духовных лиц, развернутая по инициативе шаха. Он намеренно отделял себя от исламских корней общества, которым правил. Все это, вместе взятое, подвело меня к мысли, что шаху долго не продержаться. Я не знал, как скоро его свергнут, но чувствовал, что это лишь вопрос времени.

Чего, по-видимому, не предвидел никто, так это астрономического роста цен на нефть, который последовал за отречением шаха от престола. В один день все полетело кувырком. Еще вчера Иран выбрасывал на рынок шесть миллионов баррелей, а сегодня — практически ничего.

Аятолла сказал примерно следующее: нет ни малейшей нужды экспортировать нефть, потому что у нас достаточно денег. А затем, побеседовав со своим министром финансов и узнав, что у Ирана нет ни гроша, велел возобновить добычу. Но довести производство до прежнего уровня не удалось, поскольку аятолла и его прихлебатели проявили замечательную дальновидность и поторопились вышвырнуть из Ирана все западные нефтяные компании. Сами же иранцы наладить эксплуатацию месторождений не могли.

Рынок был потрясен до оснований. Весь мир охватила паника.

Если в начале 1978 г. баррель сырой нефти стоил меньше 13 долларов, то в конце 1980 г. цены достигли 38—40 долларов.

Страны, находившиеся под «зонтиком» ОПЕК, продолжали официально устанавливать справочные цены. Но рынок пришел в столь хаотичное состояние, что управлять им было практически невозможно. Любой долгосрочный или разовый контракт на поставку нефти мог подвергнуться пересмотру и новому обсуждению, если один из партнеров чуял, что в воздухе пахнет более выгодной сделкой.

Цены на нефтепродукты определяются буквально ежеминутно на пяти крупнейших мировых рынках: В Роттердаме, Хьюстоне, Нью-Йорке, Сингапуре и Токио. В супертанкер, осуществляющий морские перевозки, можно загрузить до 2 миллионов баррелей. Цена корзины очищенных нефтепродуктов выше, чем цена сырой нефти плюс различные пошлины и налоги, добавленные арабскими экспортерами, а груз сырой нефти может несколько раз пройти через разные руки, прежде чем попасть к потребителю, — и поэтому достаточно ловкий коммерсант, используя скачки цен, имевшие место в 1978—1980 гг., мог заработать на одном супертанкере от 1 до 4 миллионов долларов.

Кое-кто нажил на нефти колоссальное состояние.

В 1979 г. фокус был прост: надо было купить товар непосредственно перед тем, как цена поднимется на несколько центов за баррель, а затем быстро сбыть его с рук. Опасность заключалась в том, что купивший нефть мог не успеть превратить ее в деньги до того, как баррель подешевеет на несколько центов.

Игра была рассчитана на получение малой процентной доли от больших сумм. Поскольку эти суммы были поистине огромны, достаточно было провернуть подобную операцию всего лишь пару-тройку раз, чтобы сколотить крупное состояние.

Соблазненные легкой наживой, сотни алчных дельцов принялись скупать и продавать партии нефти. Этот искусственно подогретый спрос, порождаемый погоней за немногими реально существующими партиями, и поднял цены до небес.

Эйфория, однако, кончилась так же быстро, как началась. Протрезвевшие страны-импортеры предприняли самые разнообразные охранительные меры. Правительства этих стран расценили ситуацию как неуправляемую и совместными действиями обеспечили снижение цен. После двух лет хаоса рынок снова был взят под контроль.

К числу людей, сделавших в те годы состояние, принадлежит владелец частной торговой фирмы Дэвид Тьем. По его словам, когда цены устремились к небесам, Ямани пытался стать стабилизирующей силой.

— Он выступал в роли посредника и арбитра. И явно стремился к тому, чтобы саудовцы сохранили ведущие позиции среди стран-экспортеров. Они всегда играли там первую скрипку, наращивая или сокращая добычу, когда им нужно было стабилизировать цены. И Ямани делал все, что было в его силах, стараясь затормозить подорожание. Не забывайте: если бы в Саудовской Аравии у власти находились радикалы, они с легкостью могли бы направить политическое развитие в желательную для них сторону — денег бы им хватило с лихвой. Если, скажем, правительство было бы леворадикальным, оно могло сократить добычу нефти и установить самые сумасшедшие цены. Как ни смотри, две трети нефти, производимой ОПЕК, добывается в странах залива, а среди них крупнейшим экспортером является Саудовская Аравия. В те дни в ОПЕК не было человека, который превосходил бы Ямани авторитетом, компетентностью и проницательностью. Да и теперь там такого нет. Он был единственным в своем роде. Если бы не Ямани, во время шока 1978—1980 гг. цены наверняка подпрыгнули бы до 50 долларов за баррель, а то и выше.

Иан Сеймур, обозреватель «Мидл ист экономик сервей»,

считает этот вывод вполне справедливым:

— Даже Саудовская Аравия при полном напряжении сил была не в состоянии существенно снизить цены на нефть. Довольно трудно определить, как высоко они могли бы подняться. В известном смысле достаточно небольшого или даже воображаемого дефицита, чтобы рыночная цена пошла вверх. Это не обязательно означает, что цена становится тем больше, чем больше дефицит. Ямани приложил массу усилий, чтобы остановить рост цен и, несомненно, замедлил этот процесс. Если смотреть ретроспективно, реальный дефицит был не так велик. Дело было скорее в той панике, которая воцарилась на рынке. Значительное количество нефти накапливалось в виде запасов, и это, разумеется, сделало спад цен, когда он наступил, особенно крутым. Но если бы саудовцы сократили тогда добычу нефти, цены, по-моему, и вправду поднялись бы 50 долларов за баррель.

Одной из главных бед, — продолжает Тьем, — было общее нежелание поверить, что цены на сырую нефть могут остаться столь высокими. При каждом очередном скачке все думали: это случайность, вскоре цены вернутся к прежнему уровню. А они почему-то этого не делали. И мировые рынки охватила паника. Ситуация была крайне неустойчивой. Поверьте, в период, наступивший после иранской революции, не было дела менее надежного, чем нефтяной бизнес.

Это, безусловно, наложило ощутимый отпечаток на мышление всех людей, имевших то или иное отношение к нефти.

— Все, что происходило, не могло не сказываться на поведении людей, — говорит Ямани. — Ситуация на нефтяном рынке была стержнем мировой политики. Она породила панику среди потребителей, однако не изменила характер потребления. Именно это делало начавшийся хаос особенно опасным.

Даже французы — казалось бы, единственный народ в мировом сообществе, который застраховал себя от всех неурядиц, — оказались после иранской революции в трудном положении. Предоставляя в свое время убежище аятолле, они явно надеялись, что тот в случае прихода к власти помянет их добром и отблагодарит дружественной нефтяной политикой.

— Боюсь, они были разочарованы, — замечает Ямани.

В середине февраля 1979 г., когда официальная цена барреля «саудовской легкой» составляла 13,33 доллара, при немедленной сдаче баррель шел в Роттердаме больше чем за 20 долларов.

В апреле эти цифры составляли соответственно 14,55 и 21,50 доллара.

Японцы, чья зависимость от иранских поставок была весьма велика, по мере углубления кризиса испытывали все больший

недостаток в нефти. Именно они начали паническую скупку, и в мае при немедленной сдаче баррель стоил уже на 50% дороже — 34,50 доллара.

Следующий скачок цен на нефтяном рынке произошел в октябре: цена барреля при немедленной сдаче поднялась до 38 долларов.

В начале ноября было захвачено американское посольство в Тегеране, и 90 человек, в том числе 63 американца, оказались в плену в качестве заложников.

На президентстве Картера был поставлен крест.

Первые полосы газет заполнились сообщениями о крупнейшем международном кризисе, чреватом серьезным военным конфликтом.

Цена барреля сырой нефти пр немедленной сдаче достигла 40 долларов.

— В 1979 г., — говорит Ямани, — неуменьшающийся высокий спрос на Западе и предельные цены, по которым продавалась нефть на мировых рынках, породили настоящий хаос. Нефтяные компании начали лихорадочно скупать нефть. Но это не было продиктовано реальными потребностями. Скупка велась ради создания запасов. Я задаю себе вопрос, почему они это делали, и вижу только один ответ: потому что ожидали полного прекращения экспорта из Ирана. Если бы это произошло, Соединенные Штаты и другие страны-импортеры вынуждены были бы в качестве первой и неотложной меры ввести рационирование потребления. Потому и началась эта паническая скупка.

Ямани готов согласится с теми, кто считает залив политически нестабильным регионом:

— В нашей части света может случиться что угодно. Это бурлящий котел, где существует множество нерешенных проблем и где один кризис легко может повлечь за собой другой.

Тем не менее паники, которая привела к росту цен, можно было избежать.

— Выход существовал. Цены можно было взять под контроль. Паника прекратилась бы, как только нефтяным компаниям помешали бы вести торговлю наличным товаром. Правительству Соединенных Штатов следовало бы поставить это под запрет. Так же должны были поступить и другие правительства. Подумайте только, нефтяные компании стучались к нам в дверь и говорили буквально следующее: «Продайте нам нефть, мы заплатим при немедленной сдаче по 40 долларов за баррель». Перед таким искушением могли устоять разве что ангелы! Или саудовцы…

Ямани изо всех сил старался сбить цены: в конце июня

1979 г. он предупредил, что Саудовская Аравия не намерена и дальше уступать нажиму других стран-экспортеров, ограничивая добычу нефти и поощряя головокружительный рост цен на рынке наличного товара.

Он часто повторял, что Саудовская Аравия останется верной своей «сдержанной и мудрой» политике. И в тот момент, когда хаос достиг крайнего предела, саудовцы не только соблюдали свои долгосрочные контракты, заключенные на основе официально установленных цен ОПЕК, но и продавали по тем же ценам ОПЕК все добываемые ими излишки. Ямани подчеркивает, что из-за отказа вести игру на рынке наличного товара Саудовская Аравия потеряла — без преувеличений! — миллиарды долларов дохода. Но это была сознательная жертва, которую саудовцы принесли ради долгосрочной цели — снижения цен на нефть.

Любимец мировой прессы, словам которого жадно внимали сотни репортеров, Ямани теперь характеризовался в газетных колонках как «человек, решающий, быть или не быть нефтяному кризису в западных странах».

Трудно сказать, насколько справедливы были подобные утверждения, но Ямани, в отличие от сотен дельцов типа Дэвида Тьема и Джона Лациса, обогатившихся на том, что впоследствии получило название «второго нефтяного кризиса», увидел в иранской революции и последовавшем за нею росте цен на нефть уникальную возможность лишний раз предостеречь промышленно развитые государства Запада и напомнить им, что могут наступить еще более худшие времена.

— Я начал говорить о настоящем, нешуточном нефтяном кризисе, которого, по моему мнению, можно было ожидать примерно через десять лет. Я очень четко представлял себе картину спроса и предложения. Когда в Тегеране разразилась революция и спрос на нефть возрос, этот рост явно не был вызван нуждами потребления, поскольку на проведенное нами повышение цен рынок не отозвался снижением спроса. Это одно из основных правил экономики, но тут оно не сработало. В 1978 г. доля ОПЕК на мировом рынке составляла 28 миллионов баррелей в сутки. В 1979 г., когда цены на нефть поднялись, она должна была бы уменьшиться. На деле же произошло обратное. Она превысила 31 миллион баррелей в сутки. Отсюда совершенно ясно следовало, что дополнительное количество нефти, выброшенное на рынок странами ОПЕК и странами, не входящими в ОПЕК, расходовалось отнюдь не на потребление. Мы повышали цены, а спрос не снижался. Это очень меня тревожило: не приходилось сомневаться, что нефть, скапливаемая в виде

запасов, рано или поздно вернется на рынок и повлияет на предложение.

Иначе говоря, паническая скупка нефти в 1979—1980 гг. могла обернуться столь же лихорадочной распродажей в 1981—1986 гг. И тогда цены резко бы упали.

Но подобные процессы носят циклический характер. Ямани утверждает, что если Запад не пересмотрит свое отношение к потреблению энергоресурсов, если не будут делаться инвестиции в разработку альтернативных источников энергии и не будут предприняты серьезные усилия по ее экономии, то нефтяное изобилие середины 80-х годов неизбежно приведет к третьему энергетическому кризису в середине следующего десятилетия.

Ямани против министерства юстиции США

Прибавления в семействе заставили Заки и Таммам расширить номер в отеле «Ямама», присоединив к нему еще пару комнат. Но им давно уже было тесно и в этом жилище. Вдобавок ко всему остальную часть «Ямамы» в это время взяли в аренду ВВС США, переоборудовавшие гостиничные номера в квартиры для летного состава.

И в 1981 г. чета Ямани построила в Эр-Рияде большой особняк в мавританском стиле с внутренними фонтанами и бассейнами.

Перед отъездом из «Ямамы» они устроили прием для группы американских сенаторов, которые совершали увеселительную поездку по Ближнему Востоку. Один из американцев, рассматривая книжные полки, заметил роман Пола Эрдмана «Катастрофа 1979 года». В центре действия этого романа находится кучка арабских нефтяных магнатов, задумавших погубить Запад.

— Вы это читали, шейх Ямани? — сенатор взял с полки роман и с иронической усмешкой показал его хозяину.

— Да, — кивнул Ямани, — но не до конца. Я остановился на том месте, где меня убивают.

* * *

Еще до того, как «Катастрофа 1979 года» возглавила список бестселлеров, американцами овладел неотвязный страх: им казалось, что арабские нефтяные магнаты и впрямь способны погубить западный мир.

К большому неудовольствию Ямани, эта волна общественной истерии выплеснулась на первые страницы газет, и ей поддались многие влиятельные лица:

К их числу принадлежали:

Джек Андерсон, знаменитый репортер и обозреватель, лауреат Пулитцеровской премии;

Фрэнк Черч, председатель сенатского подкомитета по мультинациональным корпорациям;

Генри Джексон, председатель сенатского комитета по энергетике и природным ресурсам;

Бенджамин Розенталь, председатель подкомитета палаты

представителей по вопросам торговли, потребления и финансов;

Говард Метценбаум, председатель сенатского подкомитета по антитрестовскому законодательству, монополиям и правам бизнесменов;

Эдвард Кеннеди, председатель сенатского комитета по судопроизводству;

Джон Шенфилд, помощник генерального прокурора Соединенных Штатов и начальник антитрестовского отдела министерства юстиции.

Будучи специалистом по международному праву, получившим две высшие ученые степени в университетах США, Ямани не испытывал страха перед расследованием, которое могло быть предпринято американцами, и готов был отразить любую атаку.

У него было припасено немало козырей.

Единственное, чего Ямани хотел, — это встречаться с каждым противником один на один. Ибо за время нахождения на посту министра нефти он приобрел достаточный опыт ведения дел с американцами и знал, что кумулятивный эффект подобных разбирательств и слушаний может прямо повлиять на западное общественное мнение и на долгие годы изменить отношение к Саудовской Аравии.

Ни Саудовская Аравия, ни Ямани не должны были втягиваться в политическую игру против американского конгресса и американской прессы: тут расклад карт был особенно невыгоден, и лучшее, на что можно было рассчитывать, это остаться при своих.

Вместе с тем для Ямани было столь же очевидно, что многие американцы считают обстоятельный разбор ситуации в нефтяном бизнесе давно назревшей и необходимой мерой.

У этих настроений были достаточно старые корни.

В 1951 г. Федеральная комиссия по торговле подготовила доклад, носивший название «Международный нефтяной картель». В докладе прослеживалась двадцатидвухлетняя (на тот момент) история крупнейших нефтяных компаний и то, как они прибирали к рукам добычу, переработку, транспортировку и продажу сырой нефти из стран Персидского залива. Этот доклад позволил министерству юстиции США поднять волну антитрестовского движения, получившего широкую поддержку общественности.

Однако государственный секретарь Дин Ачесон счел, что расследование, которое намеревалось провести министерство юстиции, может повредить американским интересам на Ближнем Востоке. Ачесон надеялся, что международные нефтяные

компании поддержат усилия американцев по возобновлению добычи на национализированных иранских месторождениях, и меньше всего хотел, чтобы на них нагоняла страх стая пронырливых юристов.

Однако министерство юстиции не обращало внимания на государственный департамент и продолжало накапливать материалы, собираясь, если потребуется, выдвинуть против крупнейших нефтяных компаний уголовное обвинение. Но у государственного секретаря был мощный козырь: в отличие от чрезмерно ретивых законников из министерства юстиции он имел доступ в овальный кабинет Белого дома. Ачесон обратился напрямую к Гарри Трумэну, и тот, взяв его сторону, замял дело.

Когда в Белый дом вселился Эйзенхауэр, а внешней политикой стал заправлять Джон Фостер Даллес, ни у кого не было сомнений, что предпочтение и впредь будет отдаваться государственным соображениям, а не интересам закона.

Тогда министерство юстиции сменило тактику. Оно стало изыскивать возможность для возбуждения гражданского иска против четырех компаний «Арамко» и компании «Галф». Вначале предполагалось включить сюда и такие компании, как «Бритиш петролеум» и «Шелл», но потом это сочли нецелесообразным, так как обе они почти наверняка ушли бы от ответственности, сославшись на то, что находятся вне американской юрисдикции. Однако и этот план провалился, поскольку для Эйзенхауэра и Даллеса была гораздо важнее национальная безопасность Соединенных Штатов и они сознавали, насколько велика зависимость Европы от поставок нефти из стран залива.

Прошло еще два десятилетия, и на Капитолийском холме вновь был поднят вопрос о соблюдении антитрестовского законодательства.

Сразу же после введения арабского эмбарго — начиная с последних лет президентства Никсона, на протяжении всего президентства Форда и вплоть до истечения полномочий администрации Картера — в конгресс, Белый дом и министерство юстиции хлынули сотни тысяч писем, в которых говорилось, что крупнейшие нефтяные компании и арабские экспортеры стакнулись между собой, совместно вздули цены на бензин и держат американцев за горло.

— Абсолютно ясно, что «Арамко» тайно склоняла Саудовскую Аравию к взвинчиванию цен, — укорял законодателей Джек Андерсон, — и потому сенат должен затребовать для рассмотрения протоколы всех переговоров «Арамко» с саудовским министром нефти Ахмедом Заки Ямани.

В январе 1974 г. сенатор Фрэнк Черч открыл в возглавляемом

им комитете по мультинациональным корпорациям слушания, посвященные проблемам нефтяной промышленности. Черч решил пересмотреть традиционный тезис, гласивший: «Что хорошо для нефтяных компаний, то хорошо для Соединенных Штатов».

Девятитомный отчет комитета был опубликован в 1975 г.

В предельно упрощенной форме заключение комитета сводилось к следующему:

«Был изучен вопрос о том, в какой мере нефтяные компании и правительство использовали два с половиной года перед «октябрьской» войной, чтобы подготовиться к кризису, который легко было предвидеть с момента подписания соглашений в Тегеране и Триполи. Выяснилось, что это время было использовано не слишком удачно. У правительства Соединенных Штатов не было четкой политики в области энергетики».

Затем сенатор Генри Джексон (по прозвищу «Черпак») устроил в своем комитете слушания по вопросу: «*Доступ к нефти — отношения Соединенных Штатов с Саудовской Аравией и Ираном*».

Во время этих слушаний, транслировавшихся по телевидению, комитет учинил поистине инквизиторский допрос служащим нефтяных компаний — к великому удовольствию американской публики, измученной очередями у бензоколонок и обеспокоенной действиями «погонщиков верблюдов», которые угрожали национальной экономике США.

— Американский народ желает знать, почему нефтяные компании получают столь головокружительные барыши, — гневно вопрошал Джексон людей, державших ответ перед комитетом. — Американский народ желает удостовериться, что крупнейшие нефтяные компании не сидят на закрытых скважинах и не припрятывают нефть в тайных хранилищах и на выведенных из эксплуатации станциях технического обслуживания.

Примерно в это же время пришел к тревожным выводам и государственный департамент. В 1977 г. его разведывательное бюро подготовило секретный доклад, озаглавленный: «Скрытое вымогательство (о действиях стран ОПЕК)». В докладе говорилось, что мультинациональные нефтяные компании обеспечивают существенную поддержку системе искусственного взвинчивания цен на нефть, которую создала ОПЕК: они помогают отдельным странам ОПЕК добиваться от других ее членов согласия на цены, вырабатываемые картелем, ибо регулярно поставляют этим странам информацию о количествах транспортируемой нефти и о ценах, по которым она была продана.

Атаку продолжил сенатор Говард Метценбаум, который

направил в министерство юстиции просьбу предпринять безотлагательное расследование махинаций компаний «Экссон», «Тексако», «Сокал» и «Мобил», которые, покупая по низким ценам саудовскую сырую нефть, утаивали это от потребителей и, завышая цены на бензин, извлекали незаконные прибыли общим размером до 7 миллиардов долларов в год.

А вот как протекала беседа сенатора Эдварда Кеннеди с помощником генерального прокурора США Джоном Шенфилдом во время слушаний в сенатском комитете по судопроизводству, посвященных проблеме отношений ОПЕК с ведущими нефтяными компаниями:

Шенфилд. Можно утверждать, что ОПЕК не является картелем; хотя она и устанавливает цены, в действительности совокупный уровень добычи, который позволяет поддерживать эти цены, обеспечивается нефтяными компаниями.

Кеннеди. Если это утверждение соответствует истине, можно ли заключить, что мы имеем дело с явным нарушением антитрестовского законодательства?

Шенфилд. При допущении, что такие действия оказывают известное влияние на американскую торговлю, — а я думаю, мы вправе это допустить, — первый ответ, который приходит в голову: да, можно.

После этого в битву вновь вступил Черч. Он велел сотрудникам подкомитета по мультинациональным корпорациям подготовить данные о саудовской нефтедобыче и исследовать проблему возможного тайного сговора между четырьмя компаньонами «Арамко» и Саудовской Аравией.

Невзирая на резкое противодействие нефтяных компаний, сотрудники комитета использовали все полномочия, которыми располагает сенат Соединенных Штатов, запросили и в конце концов получили в свое распоряжение необходимые документы.

Ямани пришел в ярость. Он счел это вмешательством во внутренние дела Саудовской Аравии: все, что происходило между его страной и «Арамко», не имело никакого отношения к комитету американского сената.

Ямани пригласил к себе Джона Веста, тогдашнего посла Соединенных Штатов.

— Саудовская Аравия ни при каких обстоятельствах не смирится с преданием этих материалов гласности, — сказал он послу. — Запрошенные материалы содержат документы «Арамко» и являются собственностью Саудовской Аравии. Их обнародование было бы нарушением нашего национального суверенитета. Не имеет значения, каково содержание этих документов и в каких целях собирается использовать их

сенатский комитет. Это вопрос принципа.

Ямани и сейчас считает, что избрал правильную позицию.

— В некоторых странах информация о ресурсах нефти и ее сохраняемых запасах является государственным секретом; более того, разглашение этой информации считается преступлением, которое карается смертной казнью. В данном случае группа американцев, действовавших в интересах сионистского лобби, поставила нас в особо невыгодное положение среди мировых экспортеров нефти. Их целью было доказать, что в действительности Саудовскую Аравию нельзя считать страной, способной решить проблему энергоснабжения Америки. И то, что мы не хотели быть поставленными в столь невыгодное положение, было, естественно, делом принципа. В поведении комитета чувствовалась политическая подоплека. Поэтому и мы действовали политическими методами. Мы не дали согласия на публичную дискуссию, где фигурировала бы секретная информация о наших природных ресурсах, которая, вне всяких сомнений, тут же стала бы известна мировой прессе. Этого не позволила бы американцам ни одна страна.

Вест, бывший губернатор Южной Каролины, уверяет, что довел обеспокоенность Ямани до сведения государственного департамента:

— Разумеется, я поставил в известность государственного секретаря Сайруса Вэнса. Я сообщил ему, что Ямани ни при каких условиях не соглашается на предание гласности документов «Арамко». И что, по его словам, в некоторых странах — таких, как Иран и Ирак, — разглашение сведений, касающихся нефтяных ресурсов, карается смертной казнью. По соображениям национальной безопасности эти сведения считают необходимым засекречивать.

Личные связи Веста позволяли ему не ограничиваться рутинным отчетом непосредственному начальнику. Нарушив формальную субординацию, он обратился напрямую в Белый дом.

— Я находился в необычной ситуации. Эффективность моей дипломатической деятельности в Саудовской Аравии основывалась преимущественно на том, что в общем мнении я был лицом, имевшим прямую связь с президентом Картером. И это было правдой. Я редко использовал эту связь, разве что в исключительных обстоятельствах. Но такие случаи все же бывали. И на этот раз я позволил себе обратиться к Картеру.

Сенатский комитет отнюдь не догадывался, что к делу подключился Белый дом. Сотрудники комитета подготовили 130-страничный доклад, освещавший проблему, и назначили дату, когда пять входивших в подкомитет сенаторов должны были

определить голосованием, следует ли предать этот доклад гласности.

Но тут в ход событий вмешались друзья Саудовской Аравии.

Среди менеджеров нефтяных компаний, которые оказывали давление на подкомитет, стремясь несколько охладить его пыл, был Клифтон Гарвин из «Экссон».

— Я никого об этом не просил специально, — защищается Ямани. — Они знали нашу точку зрения и понимали, что мы не простим им разглашения любой информации, касающейся Саудовской Аравии. Понимали, что нашим взаимоотношениям может быть нанесен ущерб. В прошлом мы отказывались сообщать и десятую долю этой информации нашим партнерам по ОПЕК. С какой стати мы должны были предоставлять ее для публичного расследования в Соединенных Штатах? Никто не имел права лезть в наше частное дело.

Ну а если бы Гарвин и компания были вызваны на допрос и им пришлось давать показания, что случилось бы тогда?

— Это всего лишь гипотеза, — бросает Ямани.

Далее в работу включился Джо Твинэм, заместитель помощника государственного секретаря, занимавшийся проблемами Аравийского полуострова. Он предупредил пятерых сенаторов, что, если их доклад станет достоянием гласности, это не только причинит серьезные неприятности саудовцам, но и повлечет ответные действия с их стороны. Он напомнил комитету, что Саудовская Аравия без колебаний использует нефть в качестве политического инструмента, чтобы заставить прислушаться к своему голосу.

Наконец вмешался и сам Сайрус Вэнс. Он позвонил некоторым членам подкомитета и сказал, что обнародование добытых ими документов повредит отношениям между Соединенными Штатами и Саудовской Аравией. Вэнс подчеркнул, что саудовцы могут усмотреть в этом посягательство на свой суверенитет.

В результате голосования трое из пятерых сенаторов высказались против того, чтобы предать доклад гласности.

Джек Андерсон в своем комментарии отметил, что «нефтяные магнаты» сумели-таки защитить секреты Саудовской Аравии в сенатском подкомитете.

Чтобы избежать тягостного публичного разбора личных мотивов, которыми они могли руководствоваться при голосовании, трое сенаторов согласились на обнародование «разжиженной» версии исходного 130-страничного доклада. Эта версия была длиннее на целых 37 страниц.

Изъятые части доклада включали сведения о грубых

нарушениях закона со стороны «Арамко», собранные саудовцами; документы, отражающие полемику между министерством Ямани и чиновниками «Арамко» по вопросу об уровнях добычи; записки, в которых саудовцы обвиняли «Арамко» в чрезмерно интенсивной эксплуатации месторождений и в использовании фальсифицированных данных при оценке запасов.

Из текста доклада были также устранены все кавычки, обозначавшие цитаты, и фамилии саудовских чиновников, которым эти высказывания принадлежали, а также названия нефтяных компаний. Не было указано и то, что в основу доклада легли документы, востребованные у компаний судебным порядком.

Но успех, достигнутый Ямани и саудовцами в противоборстве с различными комитетами конгресса, был лишь половиной дела. Одновременно ему приходилось вести бой против американского министерства юстиции.

Общественность Соединенных Штатов все решительнее требовала употребить в отношении нефтяных компаний силу закона и положить конец безостановочному росту цен на бензоколонках. Антитрестовский отдел министерства юстиции начал расследование торговой практики крупнейших международных нефтяных компаний.

Прежде всего предстояло выяснить, были ли у компаний «Экссон», «Сокал», «Мобил» и «Тексако», с одной стороны, побудительный стимул, и, с другой стороны, возможность ограничивать совместными усилиями саудовскую нефтедобычу (без ведома правительства Саудовской Аравии) и тем самым поднимать мировые цены на сырую нефть.

В ту пору во главе антитрестовского отдела стоял Джон Шенфилд.

— Мы провели общее собрание сотрудников. Среди них были люди, посвятившие всю свою жизнь распутыванию подобных историй. Профессора экономики, опытные следователи, юристы, счетоводы. Штат нашего отдела был довольно многочисленным. Было время, когда в отделе работало 50 человек, в том числе 13 адвокатов, 4 экономиста, 16 следователей и 17 секретарей.

Следующим шагом министерства юстиции было затребование множества рабочих документов семи американских и четырех зарубежных корпораций. В поле зрения следствия оказались «Арамко» (Нью-Йорк), «Бритиш петролеум» (Лондон), «Компани франсез де петроль» (Париж), «Экссон» (Нью-Йорк), «Галф» (Питтсбург), «Ройал датч петролеум» (Гаага), «Шелл ойл» (Хьюстон), «Стандард ойл оф Калифорниа» (Сан-Франциско) и «Тексако» (Нью-Йорк).

Как только соответствующие запросы поступили к руководителям компаний, все они без исключения стали протестовать против вторжения в их частные дела. Юристы и той и другой стороны включились в оживленную переписку, породившую горы бумаг.

Юристам корпораций, базировавшихся в Соединенных Штатах, было хорошо известно, что министерство юстиции может использовать американскую судебную систему и форсировать решение вопроса, потребовав предоставления всех нужных ему документов вне зависимости от того, какое отношение эти документы имеют к коммерческим тайнам компании. В то же время они знали, что при необходимости можно затормозить ход дела и растянуть его на долгие годы. И избрали тактику откровенных проволочек: в ответ на каждый запрос в министерство юстиции направлялись послания, в которых просили объяснить, для чего понадобился тот или другой документ, уточняли каждую деталь, доказывали, что запрошенные материалы не имеют отношения к делу, придирались к неясностям, оспаривали невыгодные для компаний толкования, исходившие от сотрудников антитрестовского отдела, и, наконец, если их все-таки принуждали выдать документы, просили отодвинуть предельные сроки выдачи.

Было совершенно ясно, что, превращая деловую переписку в некое подобие затяжного розыгрыша мяча на теннисном корте, юристы корпораций надеялись дождаться смены администрации в Белом доме, которая могла повлечь и смену руководства в министерстве юстиции. А там, глядишь, дело спустили бы на тормозах. Кроме того, меняется сам мир, и чем дольше затягиваются такие истории, тем реже имеет серьезное значение их исход.

Что же касалось четырех зарубежных компаний, то они и вовсе могли не беспокоиться, зная, что без согласия их правительств — которое едва ли могло быть получено — министерство юстиции Соединенных Штатов ничего от них не добьется, и единственное, на что смеют рассчитывать американцы, это вежливая отписка («к сожалению, ничем не можем вам помочь»).

— Почему мы направили так называемые «запросы по гражданскому следствию» (ЗГС) крупнейшим зарубежным компаниям, не имея возможности оказывать на них давление? — рассуждает Шенфилд. — Мы не исключали, что они подчинятся. Я всегда полагал — может быть, несколько наивно, — что если компании хотят заниматься бизнесом в Соединенных Штатах, они

должны хоть отчасти быть заинтересованы в хороших отношениях с американским законом. Мне также казалось вполне вероятным, что правительства, скажем, Великобритании, или Франции, или других стран, которые мы считали нашими близкими друзьями, предоставят нам (как мы предоставляем им) достаточную свободу действий по отношению к их нефтяным компаниям, чтобы продемонстрировать тем самым уважение к американскому закону.

Особого подхода требовала «Арамко». Шенфилд знал, что в архивах «Арамко» находятся документы, касающиеся Саудовской Аравии. Знал он и другое: Ямани употребит все свое влияние, чтобы их не увидели чужие глаза.

— Нет, саудовцы не хотели идти нам навстречу, — говорит Шенфилд. — Попросив «Арамко» передать нам документы, мы получили ответ, из которого явствовало, что саудовское правительство не понимает смысла наших требований и это вызывает у него недоумение. Оно хотело бы более подробных разъяснений и уточнений.

Американцы исправно предоставили «Арамко» разъяснения и уточнения, которых требовали саудовцы.

Была причина, вынуждавшая обе стороны действовать с известным тактом: саудовцы понимали, что, как бы они ни возражали, министерство юстиции может на законных основаниях получить любые документы, находящиеся на американской территории; американцы же сознавали, что такой шаг непременно повлечет ответные действия со стороны Саудовской Аравии. Этого Шенфилд хотел избежать.

Семи американским компаниям больше года удавалось юлить и изворачиваться, но в конце концов им пришлось передать министерству юстиции более 125 тысяч документов.

В октябре 1978 г. юристы «Арамко» уведомили министерство юстиции, что Ямани именем саудовского правительства четко и недвусмысленно запретил вывоз из Саудовской Аравии любых документов, на которые присланы ЗГС.

Руководствуясь дипломатическими соображениями и учитывая запрет Ямани, министерство юстиции сообщило семи американским компаниям, что на вторую серию посланных им ЗГС нужно высылать только документы, не имеющие отношения к Саудовской Аравии, — во всяком случае, до тех пор, пока не будет решен вопрос о документах с саудовской тематикой.

По совпадению это случилось как раз в то время, когда «Экссон» и «Сокал» были вынуждены передать подкомитету Черча сведения о саудовских нефтяных ресурсах и объеме добычи. Поскольку Шенфилд не хотел, чтобы антитрестовский отдел

отождествляли с подкомитетом Черча, он счел нужным уладить отношения с Ямани и избежать осложнений, которые могли возникнуть при востребовании нужных ему документов.

Вероятно, Ямани не смог бы процитировать слово в слово лекции Кингмана Брустера по антитрестовскому законодательству, но он хорошо представлял себе общий характер американских антитрестовских законов, знал, как работает министерство юстиции, и имел не один случай убедиться, насколько могуществен сенатский комитет по связям с зарубежными странами, — поэтому у него не было сомнений, что саудовцам предстоит нелегкая схватка.

Но, как и все юристы, Ямани хорошо знал: чем дольше натягиваешь перчатки, тем больше вероятность, что у соперника пропадет охота драться и он оставит тебя в покое.

В ноябре 1979 г. Ямани встретился с министром финансов Соединенных Штатов Г. Уильямом Миллером, находившимся в Саудовской Аравии с официальным визитом. Хотя его поездка не имела никакого отношения к расследованию, которое проводило министерство юстиции, во время переговоров Миллер коснулся этого предмета. Ямани выразил свою озабоченность. Во всяком случае, сказал он, желательно было бы, чтобы расследование не касалось данных о характере и объеме добычи нефти в Саудовской Аравии, ее нефтяных ресурсах и политике цен. Миллер попытался заверить Ямани, что ни один документ, носящий конфиденциальный характер, не получит огласки. Но для доказательства, что эти заверения ничего не стоят, Ямани достаточно было упомянуть подкомитет Черча. Как бы то ни было, заметил Миллер, материалы, нужные министерству юстиции, уже находятся в распоряжении американских компаний и на территории США, тем самым они могут быть востребованы в судебном порядке. Ямани остался тверд, сказав, что все ЗГС останутся без ответа.

Шенфилд узнал о встрече Миллера с Ямани, ожидая брифинга в «ситуационной» комнате Белого дома.

— Это было непосредственно после захвата заложников в Тегеране. В то время я был помощником генерального прокурора и каждое утро представлял министерство юстиции на брифингах в этой комнате. Какой-то чиновник министерства финансов рассказал, что они проявили интерес к расследованию и что Ямани выразил в связи с этим свою обеспокоенность. Один из вопросов, возникших сразу же после захвата заложников в Иране, заключался в том, будут ли следствием акций, которые могут предпринять Соединенные Штаты, какие-либо ограничения поставок нефти. В сложившемся контексте это становилось

важным. По поводу самого расследования никаких решений не принималось. Это и не входило в компетенцию собравшихся. Но многие из них понимали, что мы в министерстве юстиции твердо намерены его продолжать.

Генеральный прокурор Бенджамин Чивилетти вскоре велел Шенфилду послать Ямани успокаивающий телекс и в нем сообщить, что американцы не собираются осуществлять никаких поспешных принудительных действий по ЗГС. В этом послании, врученном Ямани в середине января 1980 г. лично послом Вестом, говорилось, что министерство юстиции хочет направить в Эр-Рияд официальных лиц и дать Ямани возможность получить из первых рук разъяснения относительно целей расследования и о методах, которыми предполагается защитить от огласки секретную информацию.

— Проблема заключалась в том, что было очень трудно отделить запросы комитета Черча от запросов министерства юстиции, — объясняет Вест. — Комитет Черча обещал гарантировать конфиденциальность полученных им сведений. Но все знали, что это чистый фарс. Ни один документ, проходивший через парламентское расследование, особенно если он мог использоваться для антиарабской пропаганды, не был защищен от огласки. Потому-то Ямани не доверял и ручательствам министерства юстиции, обещавшего исследовать нужные ему документы в строго конфиденциальном порядке.

— Самым важным для нас, — продолжает Шенфилд, — было убедить Ямани, что мы относимся к делу серьезно и на всех этапах расследования намерены консультироваться с ним, чтобы защитить саудовские интересы. Нам не хотелось, чтобы у него создалось впечатление, будто мы ведем себя бесцеремонно и не придаем его беспокойству особого значения. Далее, мы желали, если окажется возможным, завязать с саудовцами нечто вроде переговоров и, при удаче, вызвать известное сочувствие к нашим целям. Телекс был как бы приглашением к таким переговорам, увенчавшимся впоследствии нашим визитом в Эр-Рияд — для личной встречи с Ямани.

Шенфилд прибыл в Эр-Рияд в марте, сопровождаемый тремя другими юристами из министерства.

— Вначале мы провели встречу с одним из подчиненных Ямани — рассевшись широким кругом, попивая кофе и беседуя о существе нашего расследования. С этим подчиненным и с некоторыми его коллегами мы прошлись по нашим ЗГС, пункт за пунктом. После этой беседы настроение у нас поднялось, потому что наши собеседники впервые проявили большую гибкость и согласились рассматривать различные пункты ЗГС отдельно.

Но первое впечатление часто бывает обманчивым.

Примерно через день Шенфилд и его спутники встретились с Ямани.

— К моему великому удивлению, в министерстве, при всем его значении для страны, было очень мало охраны. Я был прямо-таки поражен этим обстоятельством. У входа был пропускной пункт, но во всем остальном здании, помнится, я заметил только двух сотрудников службы безопасности с автоматами в руках. Просто поразительно, насколько незащищенным — во всяком случае, на первый, поверхностный взгляд — казалось это место, особенно если вспомнить, что случилось с Ямани в Вене. Нас повели по длинным коридорам, и я обратил внимание, как мало здесь было признаков активной деятельности. В любом американском офисе работа кипит. Здесь же во всех кабинетах сидели спокойные люди в арабской одежде, курили, тихо беседовали между собой, и общую атмосферу трудно было назвать рабочей.

Ямани встретил гостей в конце коридора и провел их в свой кабинет.

— Кабинет у него необыкновенно роскошный, просто великолепный. Ямани держался в высшей степени сердечно. Признаюсь честно, я был им очарован.

После обычных приветствий Ямани и трое его помощников, все одетые в белое, расселись против четверых американцев, облаченных в черные костюмы; слуги тем временем сервировали кофе. Ямани поинтересовался, где каждый из его гостей получил юридическое образование. Выяснилось, что один из них кончал Нью-Йоркский университет. Шенфилд защищал диссертацию в Гарварде. Ямани ощутил себя в родной стихии, и они некоторое время делились воспоминаниями.

— Мы пили кофе и болтали о том о сем, — вспоминает Шенфилд. — Наши крохотные чашечки то и дело наполняли заново. Оказывается, чтобы показать, что вы насытились, надо было поднять чашечку и покачать ею в воздухе. Этого никто не знал, и нам пришлось выпить гораздо больше кофе, чем хотелось. Мы сидели и пили чашку за чашкой, мучительно гадая, как положить этому конец.

Когда они наконец перешли к делу, Шенфилд на собственном опыте убедился, как трудно вести переговоры с Ямани.

— Ямани был очень внимателен и сосредоточен. Спору нет, это замечательно яркая личность. Но вел он себя крайне уклончиво. После встречи мы ощущали некоторое замешательство: нам показалось, что в разговоре проскользнули конфликтные нотки. Однако Джон Вест уверил нас, что встреча

прошла наилучшим образом, что он замолвит за нас слово перед Ямани, и мы, возможно, добьемся его дальнейшего содействия или, по крайней мере, согласия быть полезным. Но, как оказалось, все это было обычной волокитой. По-моему, мы послали Ямани еще одно или даже два письма с тем же результатом. Никаких документов мы не получили. Компании, естественно, строили невинную мину. Они уверяли нас, что не в силах что-либо сделать, пока Ямани не скажет своего слова. А этого, разумеется, не произошло.

В последующие недели Вест провел несколько неофициальных бесед с Ямани. После этого Шенфилд и Ямани обменялись серией писем, которые показали — по крайней мере, так решило министерство юстиции, — что некоторые расхождения удалось сгладить.

Полагая, что почва для взаимопонимания наконец найдена, в январе 1981 г. антитрестовский отдел предложил юристам «Арамко» начать переговоры с Ямани и добиться ограниченного удовлетворения наиболее важных ЗГС.

Но этим все и кончилось: с тех пор министерство юстиции уже не получало никаких известий о начатом им деле. Ямани поставил на пути «международного нефтяного расследования» неодолимую преграду.

* * *

Срок президентства Картера истек, и в Белый дом вселился Рональд Рейган.

Если ранее Ямани лишь вежливо предупреждал администрацию Картера о возможности ответных действий против Соединенных Штатов в случае продолжения неприятного для Саудовской Аравии расследования, то теперь он прямо дал знать правительству Рейгана, что это расследование «постоянно омрачает американо-саудовские отношения».

Рейган поставил во главе антитрестовского отдела Уильяма Бэкстера.

Сейчас Бэкстер является профессором юридического факультета в Беркли (Калифорнийский университет).

— Расследование тянулось несколько лет, — говорит Бэкстер, — а потом заглохло, хотя официально и не было закрыто. Наконец я написал довольно длинную записку, в которой объяснял, почему считаю целесообразным его закрыть.

В данном случае рейгановская команда решила поступить по принципу «что прошло, то быльем поросло».

Впрочем, в январе 1983 г. четыре компаньона «Арамко» едва не забили мяч в собственные ворота.

В один из первых дней нового года, когда Бэкстер наводил последний лоск на предназначенное к закрытию дело, в номере на 18-м этаже женевской гостиницы «Интерконтиненталь», который занимал Ямани, состоялся обед для чрезвычайно узкого круга лиц.

Присутствовало только пять человек. За большим овальным столом красного дерева, стоявшим в дальнем конце гигантской гостиной, вместе с Ямани сидели менеджеры четырех компаний, входивших в «Арамко»: Билл Тавулареас из «Мобил», Клифтон Гарвин из «Экссон», Джордж Келлер из «Сокал» и Джон Мак-Кинли из «Тексако».

Разговор шел о том, что крупнейшие нефтяные компании не могут и дальше платить по 34 доллара за баррель, который стоит 30 долларов.

Ямани вроде бы проявил понимание. Он и сам хотел, чтобы цены на нефть снизились. Но несколько позже. А в то время он никак не мог согласиться с предложением снизить официально установленные саудовские цены на полтора доллара.

— Все, чего мы достигли, это повидали друг друга, — сказал после встречи Джордж Келлер, председатель «Сокал». — Ни одна проблема не была решена. Хорошо еще, если не возникло новых.

В последней фразе подразумевалось министерство юстиции.

Антитрестовский закон Шермана не оставляет никаких сомнений относительно того, что конкуренты, договаривающиеся между собой о ценах, совершают преступление. И репортеры, написавшие об этом приватном обеде, вскоре поняли, что неспроста чувствовали запах жареного, ибо саудовское министерство нефти не замедлило выступить с официальным заявлением, в котором охарактеризовало как «неуместные домыслы» сообщения о том, будто на обеде обсуждалось снижение цен.

— Мы говорили обо всем в самых общих выражениях, — настаивает Ямани. — Мы никогда не стали бы вести речь о специфических вопросах, относящихся к ценообразованию. Уж кто-кто, а эта четверка отлично знает закон. Если бы мы начали говорить о ценах, как минимум трое из них тут же бы встали и ушли. Поверьте моему слову: когда заходит речь о ценах, все они прячутся в кусты.

Джон Шенфилд считает, что мнение Ямани о менеджерах четырех американских нефтяных компаний в основном справедливо.

— Некоторые поступки сопряжены с огромным риском.

Недопустимо обсуждать цены в ситуации, в которой вы никак не можете себя защитить. Ямани это понимает. Возможно, его самого это мало заботило, но, будучи человеком проницательным и искушенным, он понимал, до каких пределов могут идти его собеседники.

Насколько известно министерству юстиции, если собравшиеся у Ямани и не вели речь о ценах, то единственно потому, что им мешал страх друг перед другом. Впрочем, если такой разговор и в самом деле имел место, то этого все равно не признал бы ни один из собеседников.

К концу 1983 г. Бэкстер понял, что не может уличить компании в закулисной игре. Тем не менее в заключении, написанном по результатам расследования, он указал, что в 1974—1977 гг. и, быть может, даже в 1979 г. четыре компании входившие в «Арамко», «могли получить возможность» влиять на рыночные силы, контролируя добычу саудовской сырой нефти (в границах, которые были установлены саудовским правительством).

Доказать это было практически невозможно.

И даже если бы Бэкстер сумел это сделать, в 1983 г. мир был уже совсем иным и не существовало средств чем-либо помочь пострадавшим. Инцидент был исчерпан.

Бэкстер все же не преминул заметить в своем докладе:

— По-прежнему не исключается, что ответы на запросы по гражданскому следствию могли бы дать прямые доказательства нарушений антитрестовских законов, наказуемых по суду.

Хранятся ли в архивах Ямани документы, которые могли бы опровергнуть выводы Бэкстера?

Единственный человек, способный дать точный ответ, — это сам Заки Ямани.

А он, верный своим принципам, предпочитает молчать.

Непревзойденный дипломат

— В искусстве вести переговоры, — свидетельствует менеджер одной из американских нефтяных компании, — Ямани не имеет равных. Он терпелив, вежлив и отлично владеет всеми приемами дипломатии. Мы, например, заметили, что в трудных ситуациях Ямани всякий раз направляется к телефону. Нам, конечно, было хорошо известно: саудовскую политику делает не Ямани, переговоры ему приходится вести в жестких рамках инструкций, полученных сверху. Но разрази меня гром, если это не было всего лишь предлогом! Стоило Ямани почувствовать, что его припирают к стене, он отправлялся звонить, а когда возвращался, атаку против него приходилось начинать заново.

— Ямани говорит тихо и никогда не угрожает, — добавляет другой менеджер. — Он методически выискивает бреши в вашей аргументации, бесстрастно задавая вопрос за вопросом, пока не измучит вас настолько, что вы пожертвуете и отцом родным, лишь бы это поскорее кончилось.

— Главное в любых переговорах — точно знать, чего вы хотите, — говорит Ямани. — Знать чистый минимум, на который вы можете согласиться, и максимум, которого надеетесь достигнуть. Как только вы ясно определяете оба эти условия, вы должны мысленно поставить себя на место ваших партнеров и попытаться определить их слабости. Вы должны понять, на что они могут согласиться и чего от них следует ожидать. Только так вы можете прийти к пониманию их стратегии, и это поможет вам избрать собственную тактику.

Успех, по словам Ямани, невозможен без терпения.

— Как бы ни протекали переговоры, важно сохранять терпение. Но в то же время надо продвигать их вперед. Нельзя допускать, чтобы переговоры буксовали на одном месте. И не забывайте держать себя в руках. Человек, теряющий самообладание, утрачивает и способность поддерживать диалог.

Я спрашиваю, как он относится к старой аксиоме, согласно которой никогда не следует называть сумму первым, поскольку можно слишком дешево отдать свой товар или переплатить за чужой.

Ямани несколько мгновений размышляет, потом говорит:

— Это лишь общее правило, которое нельзя применять всегда и всюду. Конечно, не стоит первым называть цифры, если к этому не принуждают обстоятельства. Но бывают ситуации, когда выхода нет.

Ему самому пришлось поступить именно так во время первых

переговоров с «Арамко».

— Я вынужден был назвать цифру, поскольку мой предшественник Тарики уже заявил, что хотел бы получить определенную сумму, позволяющую урегулировать некую проблему. Но я сделал это только для того, чтобы сразу было ясно, что я не уступлю ни доллара. Так что исключения бывают — в тех случаях, когда размеры суммы не подлежат обсуждению. Но если дело обстоит иначе, то, бесспорно, незачем называть цифру первым, ведь вам могут предложить и больше.

Если вы одновременно имеете дело с несколькими компаниями или с различными «группами давления», почему-либо действующими совместно, то, советует Ямани, узнайте, какие между ними существуют противоречия, и постарайтесь понять, как вы могли бы их использовать к собственной выгоде.

Хорошим примером может служить ОПЕК.

— Там есть целый ряд сообразительных людей. И все они мыслят по-разному. И, конечно, у всех разные интересы. Есть страны, располагающие небольшими запасами нефти, которые будут исчерпаны за короткий срок. Их цель — на ближайшие пять — десять лет поднять цены так высоко, как только можно. А что будет потом, их не заботит: ведь тогда они уже перестанут экспортировать нефть. Далее, есть страны с небольшими ресурсами, которые хотели бы оставаться экспортерами ближайшие 50—80 лет. Они хотят поддерживать низкий уровень добычи. Наконец, есть крупнейшие производители, которые хотят поддерживать стабильное предложение на нефтяном рынке, потому что нефть является для них главным источником дохода. Но для них характерны разные подходы к маркетингу, разные оценки тех или иных параметров. При столь неоднородном составе участников переговоров требуется огромное терпение.

Опять терпение.

— Да, опять и опять, — говорит Ямани. Возможно, именно поэтому я так люблю рыбалку. Когда в выходные дни я отправляюсь рыбачить, то беру с собой семью, потому что рыбалка — наилучший способ научить детей терпению.

* * *

Венесуэла, Каракас, декабрь 1979 г.

Министры ОПЕК совещаются в отеле «Таманако». В небе кружатся вертолеты, на дорогах выставлены вооруженные патрули. Переговоры идут полным ходом.

Участники совещания каждый день собираются за столом

заседаний в парадном зале гостиницы. Но отвечать на вопросы журналистов после окончания дискуссий соглашаются лишь немногие.

Первый из них — кувейтский шейх Али Халифа ас-Сабах.

Он родился в 1945 г. и происходит из кувейтской королевской семьи. Али Халифа ас-Сабах учился в университете Сан-Франциско, поэтому он прекрасно говорит по-английски и легко находит общий язык с западными средствами информации. Среди репортеров, пишущих об ОПЕК, он пользуется репутацией очень умного человека, единственного, кто в интеллектуальном отношении не уступает Ямани.

Не отстает от него и шейх Мана Саид Отейба из Объединенных Арабских Эмиратов.

Он на несколько лет старше Ямани и считает себя поэтом. Этот симпатичный человек вручает сборники своих стихов всякому, кто, по его мнению, проявляет к ним интерес. Свет рампы доставляет ему истинное наслаждение. Но звездой нельзя стать, ею можно только родиться. Когда зажигаются софиты и включаются телевизионные камеры, Мана Саид Отейба выглядит далеко не так эффектно, как ему хотелось бы.

Далее следует назвать Абдула Азиза бин Халифа ат-Тани, министра Катара.

Он представляет свою страну в ОПЕК с 1973 г. Абдул ат-Тани — сын правящего шейха. Он тоже ведет себя как звезда. На совещание Абдул ат-Тани прибыл на собственном «Боинге-707», с большой свитой, включающей личного парикмахера и команду тележурналистов.

Наконец, профессор Суброто.

Именно так, только по фамилии, обычно именуют индонезийского министра. Журналисты, желающие побеседовать с доктором Суброто, никогда не встречают отказа.

Но все эти люди — фигуры второго ряда.

Главная роль принадлежит Ямани.

На шумных, многолюдных пресс-конференциях саудовский министр держится естественно и непринужденно, как Лоуренс Оливье, играющий Гамлета.

Цена на нефть при немедленной сдаче достигла 39 долларов за баррель.

Все хотят знать, поднимется ли она еще выше.

Журналисты ищут материал для первых полос своих изданий. И получают его от Ямани, возвышающегося на подиуме в безупречно сшитом темном костюме.

Наполовину скрытый лесом микрофонов, он возвещает миру, что в ближайшие два года на мировом рынке должен возникнуть

избыток нефти. Он предвидит острое внутреннее противоборство между членами ОПЕК, которое продолжится до конца 1981 г. и поставит цены на нефть под серьезную угрозу.

Ямани предвидит обвальное падение цен.

Такого не ожидал никто.

— Вы полагаете, цены постепенно пойдут вниз? — спрашивает кто-то из репортеров.

— Нет, — отвечает Ямани, — падение будет катастрофическим!

Катастрофическим? Трудно в это поверить, когда цены каждый день лезут вверх. И некоторые журналисты пытаются найти среди гостей Каракаса хотя бы одного, кто подтвердил бы прогноз Ямани.

— Ямани пошутил, — говорит нигерийский министр нефти.

Еще более резок иранский министр:

— Ямани не в своем уме. Он не пьет вина, мы это знаем, но, может быть, он стал употреблять наркотики?

* * *

Саудовская Аравия, Дахран, три недели спустя.

Ямани, облаченный в белые одежды, вновь пытается образумить коллег. На этот раз он произносит речь в Университете нефти и полезных ископаемых.

Страны залива все решительнее требуют увеличения цен на нефть. Но Ямани обращается к слушателям, заполнившим университетскую аудиторию, с грозным предостережением:

— Цены на нефть в скором будущем упадут, а саудовский уровень добычи резко снизится.

Саудовская Аравия добывает около 10 миллионов баррелей в сутки.

Ямани предсказывает скорое сокращение добычи до 4 миллионов баррелей в сутки и ниже.

По аудитории прокатывается гул. Собравшиеся с трудом удерживаются от смеха. Всем кажется, что Ямани несет чепуху.

Но Ямани тверд:

— Достаточно обратиться к простейшим расчетам. Основной закон экономики гласит, что при повышении цен потребление снижается. Этот закон установлен самим небом. Его нельзя изменить. Посудите сами, — продолжает он, — цены на «саудовскую легкую» поднялись от 11,70 доллара к 18, потом к 24, потом к 28 долларам за баррель. Что мы получим в результате? Более низкий уровень потребления. В 1979 г. доля

ОПЕК на мировом рынке превысила 31 миллион баррелей в сутки. Мы добывали на 3 миллиона баррелей больше, чем годом раньше. Что это означает? То, что огромное количество нефти уходит не на потребление, а на создание запасов. Итак, вы копите и копите нефть… но подумайте, — спрашивает Ямани у аудитории, — как долго это может продолжаться? Рано или поздно эта нефть вернется на рынок и станет дополнительным источником предложения. Как следствие уровень добычи ОПЕК обязательно начнет снижаться — от 31 миллиона баррелей в сутки до 27, потом до 23, потом до 20 миллионов. Странам-экспортерам придется вступить в междоусобную борьбу, отстаивая свои позиции на рынке, а это еще больше снизит цены.

Но в Дахране Ямани поверили не больше, чем в Каракасе.

И напрасно.

Поскольку цены при немедленной сдаче поднялись с 35 до 39 долларов за баррель, потом перешли отметку 40 долларов, большинство экспортеров нефти, как и раньше, пребывало в приятном заблуждении.

Они думали, что праздник на их улице будет длиться вечно.

* * *

Когда в 1974 г. Генри Киссинджер отозвал домой Джима Эйкинса, американского посла в Саудовской Аравии, вместо него был направлен Уильям Портер. В государственном департаменте шутили, что Эйкинс был настроен слишком уж проарабски, и Никсон послал в Джидду Портера, чтобы уравновесить положение.

Джимми Картер, став президентом, заменил Портера Джоном Вестом, который, как и он сам, в прошлом был губернатором южного штата.

Приземистый, коренастый Вест, южанин старой закалки, познакомился с Ямани в мае 1977 г. в Вашингтоне, во время визита короля Фахда в Соединенные Штаты. Поскольку Вест тогда еще не получил официального назначения, знакомство ограничилось взаимным представлением и рукопожатием.

Месяцем позже, прибыв в Джидду и вникая в повседневную посольскую рутину, Вест решил, что настало время позвонить Ямани.

Саудовский министр нефти предложил новому американскому послу встретиться в спокойной, неофициальной обстановке и пригласил его в свой летний дом в Таифе.

Они посидели десять-пятнадцать минут в плетеных креслах

возле открытого бассейна, дружески беседуя и попивая фруктовый сок. После этого, полагая, что он уже отдал необходимую дань уважения, Вест поднялся и сказал Ямани, что хотел лишь его поприветствовать и не намерен отнимать у него время.

Но Ямани удержал гостя.

— Я очень рад вас видеть, — сказал он Весту, — и, кстати, вы уже провели здесь больше времени, чем это когда-либо делал ваш предшественник.

Так началась теплая дружба, связавшая Веста и Ямани на долгие годы.

Они сошлись настолько близко, что каждый год в день рождения госпожи Вест Ямани приглашал супругов провести уик-энд в Таифе.

— Однажды мы с женой взяли с собой нашу дочь и мою секретаршу. Заки до сих пор чрезвычайно привлекателен. Моей дочери тогда было двадцать с небольшим, а секретарше за пятьдесят. Обе были не замужем. Когда мы возвращались домой, они спросили меня: не захотел ли Ямани взять их в жены, ведь саудовцы могут иметь несколько жен одновременно? И вы знаете, я далеко не уверен, что это было только шуткой.

Дружба между Вестом и Ямани не ограничивалась чисто светским общением. И Вест признает, что обязан Ямани очень многим.

— Мои отношения с Ямани позволяли мне спрашивать у него, о чем будет идти речь на ближайшем совещании ОПЕК. Он говорил: о том-то и о том-то — или наоборот: простите, я не могу обсуждать это с вами. Но никогда не лукавил. И ни разу не ввел меня в заблуждение. Забавно, но благодаря ему я приобрел репутацию эксперта по нефти, разумеется, нисколько не заслуженную.

В течение четырех лет, которые Вест пробыл на своем посту, Соединенные Штаты осознали, что удержание цен на нефть хоть под каким-то контролем зависит главным образом от саудовцев.

И свободный доступ к Ямани, которым пользовался Вест, сослужил хорошую службу людям, определявшим американскую политику в вопросах нефти.

Непосредственно перед совещанием ОПЕК в декабре 1977 г. Ямани сказал Весту, что в картеле обсуждается вопрос о повышении цен. Вест сообщил об этом в Вашингтон.

Министр финансов Блюменталь ответил телексом, в котором говорилось, что, по его мнению, ОПЕК должна сохранять существующие цены, чтобы не выпустить из-под контроля инфляцию.

Вест передал мнение Блюменталя Ямани, но тот сказал, что небольшое повышение цен, порядка 10—11%, вполне допустимо, заметив, что все страны ОПЕК, за исключением Саудовской Аравии и, возможно, Кувейта, испытывают финансовые трудности.

Поскольку инфляция возросла на 8—10%, объяснил Ямани Весту, такая надбавка лишь поможет сохранить статус-кво. Вест передал ответ Ямани Блюменталю.

Но в Вашингтоне явно ожидали других известий.

Блюменталь был вынужден доложить о происходящем на заседании кабинета, и следующая директива, полученная Вестом, гласила: Джимми Картер и Сайрус Вэнс просят посла самым решительным образом ходатайствовать непосредственно перед королем и кронпринцем о том, чтобы они вмешались в дело и убедили остальных членов ОПЕК сохранить цены на прежнем уровне.

В соответствии с установленным порядком, Вест обратился к королю с просьбой об аудиенции и, в соответствии с этим же порядком, получил разрешение.

Но когда он вошел в королевский кабинет, то обнаружил там лишь Халеда, кронпринца Фахда и принца Султана. Ямани с ними не было.

После того как Вест изложил пожелания президента, Фахд ответил, что одна Саудовская Аравия не в силах добиться замораживания цен на совещании ОПЕК и, чтобы это сделать, нужно заручиться поддержкой другого крупнейшего экспортера, например Ирана.

Вест согласился. Итогом встречи было обещание трех коронованных особ обдумать меры, которые можно предпринять в сложившейся ситуации.

Покинув королевский кабинет, Вест сразу же направился к Ямани. Между двумя аудиенциями прошло буквально несколько минут. Но Ямани сказал Весту, что детально осведомлен о содержании беседы, которую тот имел с королем и принцами, и что король уже дал ему приказ объехать страны залива и попытаться найти союзников в вопросе замораживания цен.

— Я могу только строить предположения, — говорит Вест, — но, судя по всему, похвалы, которые президент Картер расточал в адрес Ирана, выступая в сочельник 1977 г. (помните, он назвал шаха «воплощением спокойствия») если не полностью, то отчасти были выражением признательности за то, что эта страна поддержала усилия Саудовской Аравии, направленные на снижение цен. С уходом шаха, естественно, ничто уже не мешало прогнозу Ямани сбыться. Плотина рухнула, и наша экономика

сразу же дала крен. Как бывало уже не раз, Ямани вновь попал в точку.

Вест подлинных причин, по которым Ямани не присутствовал на его встрече с королем и двумя принцами, но пытается их угадать:

— Заки работал в исключительно трудных условиях. При Фейсале он имел право лично принимать решения. Но когда тон стал задавать Фахд, ситуация явно изменилась.

Со дня его вступления в должность посла и до отбытия из Саудовской Аравии, замечает Вест, постоянно циркулировали слухи, что Ямани вот-вот будет уволен со своего поста или подаст в отставку сам.

— Говорили, что министром нефти станет принц Сауд, сын Фейсала и бывший заместитель Ямани. Это было вполне вероятно — до тех пор, пока должность министра нефти не стала менее привлекательной, чем должность министра иностранных дел.

Слухи о возможной отставке Ямани доходили и до государственного департамента, который не однажды справлялся у Веста, насколько эти слухи соответствуют действительности.

— Кажется, в последний раз, когда мне позвонили из государственного департамента, я решил отправиться прямо к Заки и спросить обо всем его самого. Тогда еще жив был Халед. Я спросил Ямани: правда, что вы уходите. Нет, сказал он. Но добавил, что не собирается оставаться на своем посту вечно, потому что работа его утомляет и он сталкивается с некоторыми трудностями.

Любопытная деталь: во время этой беседы Ямани специально подчеркнул, что если он и уйдет, то не из-за нажима, которому все время подвергается.

— Ямани сказал, что находится в хороших отношениях с королем Халедом. Все знали, что он не слишком ладит с кронпринцем Фахдом, и у меня всегда было впечатление, что Ямани видит в добрых отношениях с Халедом залог своей безопасности, нечто вроде страхового полиса.

В феврале 1982 г., спустя год с небольшим после возвращения в Иран аятоллы Хомейни, когда ситуация на мировом нефтяном рынке была абсолютно неясной, Ямани выступил в Дахранском университете нефти и полезных ископаемых с новой программной речью.

Он говорил по-арабски, обращаясь к многочисленным студентам и местным сотрудникам нефтяных компаний, до отказа заполнившим университетскую аудиторию:

— Если мы вынудим западные страны вложить огромные

деньги в поиск альтернативных источников энергии, они непременно пойдут по этому пути. Через семь-десять лет они решат эту задачу и, как следствие, настолько уменьшат свою зависимость от нефти, что интересы Саудовской Аравии окажутся под угрозой. Саудовцам уже не удастся находить рынки для столь интенсивного сбыта своей нефти, какой удовлетворял бы их финансовые потребности.

Узнав о речи Ямани, Джон Вест попросил перевести на английский и ее, и запись беседы, которая состоялась после выступления. Изучив текст, он пришел к выводу, что Ямани в своеобразной форме охарактеризовал главное направление саудовской нефтяной политики в эпоху, наступившую после свержения шаха.

— Некоторые арабские лидеры, например руководители Ирака и Ливии, часто обвиняли Ямани в том, что он слишком благоволит к Америке, — говорит Вест. — Но у меня никогда не возникало впечатления, что он пренебрегает интересами собственной страны. Ямани произнес эту речь в ту пору, когда Саудовская Аравия старалась сдержать рост цен и он лично подвергался критике за нежелание поддержать другие страны в их стремлении поднять цены до небес, к 100 долларам за баррель.

Некоторые студенты поинтересовались, зачем Ямани все время играет на руку империалистам. Они спросили, почему бы ему не пойти на ограничение нефтедобычи и после этого предоставить ценам самим найти свой уровень.

— Видите ли, — ответил Ямани, — у Саудовской Аравии достаточно большие запасы, чтобы поддерживать нынешний уровень добычи до 2050 года. Если бы я был министром нефти Алжира, или Нигерии, или одной из тех стран, чьих ресурсов хватит на какой-нибудь десяток лет, не больше, я, видимо, хотел бы установить максимально высокие цены. Но я хорошо представляю себе возможности западной технологии и западный подход к подобным проблемам.

— Это место в его выступлении кажется мне просто замечательным, — признается Вест.

— Если Запад сконцентрирует свои усилия на поиске альтернативных источников энергии, — сказал студентам Ямани, — при его технологическом уровне он вполне может достигнуть цели в течение десятилетия.

Как выясняется, Ямани набрал целую команду консультантов, которые установили, что до тех пор, пока цены на нефть не превышают 30 долларов за баррель, странам-импортерам экономически невыгодно вкладывать деньги в разработку

альтернативных источников энергии.

Позже Ямани сказал Весту, что иракцы, эти откровенные «ястребы», рьяно требовавшие повышения цен, изменили свое мнение, едва ознакомились с результатами экспертизы. Поскольку Ирак обладал большими запасами нефти, они мигом сделали поворот на 180 градусов и стали поддерживать усилия Саудовской Аравии, направленные на сдерживание цен.

— Конечно, — кивает Вест, — последующие события подтвердили правоту Ямани. Когда цена на нефть опустилась ниже 30 долларов за баррель, все наши программы по альтернативным источникам энергии куда-то исчезли, хотя кругом все время толкуют, что до 2000 г. цена на нефть обязательно поднимется вновь. Просто поразительно, насколько безошибочны все прогнозы Заки.

* * *

Главная проблема в отношениях с саудовцами, — замечает один из членов картеровского кабинета, — всегда состояла в том, что американцы не понимали этот народ. Саудовцы очень недоверчивы. Американцы привыкли идти напролом и действовать в строго деловом стиле. Но саудовцы живут на Ближнем Востоке. Они видят в партнере не столько официальное лицо — министра торговли, вице-президента и т. п., — сколько живую личность. Для них вы прежде всего знакомый человек или незнакомый человек. То, что вы возглавляете какое-то ведомство, лишь облегчает вам доступ к саудовцу, не более. Все решают прямые личные связи. Официальная сторона дела играет куда менее важную роль.

По словам Джеймса Шлезингера, другого члена картеровского кабинета, секрет успеха Ямани заключался в том, что отношения с западными людьми он обычно строил на основе принципов, принятых на Западе.

— Нельзя сказать, что поведение Ямани идеально соответствует классическому американскому образцу. Но он хорошо понимает культуру взаимоотношений, сложившуюся на Западе. Заметьте к тому же, что Ямани опытный юрист и дипломат и, какую точку зрения он ни пытается вам внушить, делает это максимально последовательно, даже если сам не верит в то, что говорит. Разумеется, не стоит ожидать, что Ямани станет делиться с вами своими сокровенными мыслями. Нередко он идет к цели окольным путем. Но большинство людей, имевших с ним дело, в итоге убеждались: Ямани ведет себя гораздо более

искренне и прямо, чем другие чиновники.

Однако американцы — в том числе и люди, делающие внешнюю политику, — очень любят раскладывать мир по простым полочкам, точь-в-точь как дети, которые привыкли делить окружающих на ковбоев и индейцев или на полицейских и грабителей.

Для арабов у них заведены две категории: «умеренные» и «экстремисты». Саудовцы возглавляют список умеренных. В представлении американцев они связаны с Соединенными Штатами нерасторжимыми узами.

Америка создала «Арамко» и превратила Саудовскую Аравию в могучую нефтяную державу. Америка вооружила и обучила саудовскую армию. Америка — крупнейший торговый партнер Саудовской Аравии. К тому же Соединенные Штаты помогают Саудовской Аравии сохранять лидирующие позиции в арабском мире, поскольку она играет здесь уникальную политическую роль.

Знают об этом и сами саудовцы.

И все же Ямани не раз предупреждал Запад, особенно американцев: не думайте, что Саудовская Аравия будет дружить с вами, как бы вы себя ни вели.

По его словам, Запад должен понять, что Саудовская Аравия ставит на первое место среди политических приоритетов вопросы самообеспечения, а на второе — отношения со своими арабскими братьями.

Уместно заметить, что гигантские запасы нефти, которыми располагает Саудовская Аравия, сделали ее казначеем арабского мира.

Но, какой бы пухлой ни была чековая книжка саудовцев, им никогда не удавалось обрести в этом мире такой вес, который позволял бы регулярным образом диктовать свою политику другим арабским государствам. А если и удавалось, то после 1973—1974 гг. они почему-то не решались воспользоваться своим положением.

Саудовцы не смогли урегулировать ни один из кризисов, в которых были затронуты интересы египтян, ливанцев, сирийцев, иорданцев или палестинцев.

Им не удалось положить конец войне между Ираном и Ираком.

Они не пожелали взять на себя функции регионального жандарма, которые раньше выполнял шах.

И, по-видимому, трепещут при одной мысли, что хомейнистский фундаментализм начнет распространятся на их берегу залива.

Обстоятельства сложились так, что саудовцы вынуждены всячески поддерживать на плаву режим иракского президента Саддама Хусейна, который ранее считали враждебным. Они ни в коем случае не хотят, чтобы аятолла победил Ирак и заменил Хусейна шиитским фундаменталистом. По существу, саудовцы тратят деньги на то, чтобы защитить свои политические идеалы. Но финансирование Ирака, позволяющее этой стране сохранять патовое положение в конфликте с Ираном, обходится очень дорого. Только за первые два года войны Саудовская Аравия израсходовала на помощь Саддаму Хусейну около 10 миллиардов долларов. И вовсе не потому, что она хочет видеть победителем Ирак, с его огромной и сильной армией. Скорее можно говорить о том, что саудовцы заинтересованы в поражении религиозных экстремистов из Ирана.

Но, как бы то ни было, саудовцы в значительной степени играют роль цемента, соединяющего арабский мир в некое целое.

Правда, они считают, что ливийский лидер Каддафи зашел слишком уж далеко и примирение с ним в настоящее время едва ли возможно. Зато именно Саудовской Аравии удалось вернуть в арабский стан Египет — после нескольких лет отчуждения, которому подверглась эта страна в результате подписания кэмп-дэвидских соглашений.

И не кто иной, как кронпринц Фахд, выступил в 1981 г. с первой общеарабской инициативой, которая косвенно предполагает признание права Израиля на существование.

Если же говорить о Сирии, то, несмотря на идеологические расхождения, саудовцы видят в этой стране столь важный элемент ближневосточного пасьянса, что считают нужным поддерживать с ней самые лучшие отношения.

Во многом благодаря своему особому положению саудовцам пришлось в конце 1980-го — начале 1981 г. играть ключевую роль в сверхсекретных переговорах, целью которых было вызволение американских заложников из Тегерана.

Американской разведке стало известно, что обучением «революционных стражей», состоящих в личной охране аятоллы Хомейни, занимались Ясир Арафат и парни из ООП.

Известная своим оппортунизмом команда Картера — в том числе государственный секретарь Сайрус Вэнс и руководитель совета национальной безопасности Збигнев Бжезинский — стала искать способ, который позволил бы ей воспользоваться этим обстоятельством и в последний раз попытаться вернуть заложников домой — еще до того, как в середине января приступит к исполнению своих обязанностей Рональд Рейган.

Люди Картера были убеждены, что режим Хомейни

благодарен Арафату за поддержку, которую тот ему оказал, и поэтому Арафат может — если пожелает — ходатайствовать о возвращении заложников.

В связи с этим планом возникал ряд естественных вопросов.

Согласится ли Арафат?

Согласится ли аятолла Хомейни?

Что Арафат может потребовать от Картера в награду за свое посредничество?

Захочет ли Картер платить цену, названную Арафатом?

И согласится ли американская общественность принимать услуги от Арафата?

Последний вопрос казался создателям плана самым легким.

Если Арафат добьется успеха, это будет успех Джимми Картера и цель оправдает средства. Если миссия Арафата провалится, никто ничего не узнает.

Поскольку Белый дом не мог обратиться к лидеру ООП напрямую, американцы попросили саудовцев им помочь.

Немедленно были проведены консультации между представителями Соединенных Штатов и Саудовской Аравии, и сразу же вслед за тем саудовцы вступили в переговоры с Арафатом. Дело удалось обстряпать в течение нескольких дней.

Арафат заверил саудовцев, что может освободить заложников, и согласился напомнить аятолле про его должок. Кронпринц Фахд, в свою очередь, сказал, что пошлет личный «Боинг-707» в Тегеран, чтобы доставить заложников прямо в вашингтонский Национальный аэропорт, где их встретит и будет приветствовать Джимми Картер.

Все было улажено: Арафат, которому пообещали, что Картер выполнит любое его желание, вылетел в Иран, а «Боинг» Фахда занял исходную позицию на взлетной полосе тегеранского аэропорта.

Операция провалилась самым тривиальным образом: Хомейни преспокойно объявил Арафату, что ничего ему не должен. Он решительно отказался выдать заложников и не пожелал продолжить беседу.

Но трудно даже вообразить, какой приз ожидал Арафата, если бы он добился успеха.

Джимми Картер сказал, что в награду за свою услугу Арафат сможет прилететь вместе с заложниками в Вашингтон. И когда он выйдет из самолета кронпринца, когда на него будут направлены сотни фото- и телекамер, американский президент лично поблагодарит его за выдающийся подвиг и на виду у всего мира заключит в теплые дружеские объятия.

Выдающийся политик

В 1970-х гг., когда саудовцы по-настоящему разбогатели, у них внезапно появились друзья, о существовании которых никто прежде не подозревал.

Торговцы посудой, портные, солдаты и бухгалтеры.

Врачи, юристы и индийские политические лидеры.

Все, кто учуял аромат нефтедолларов — подобно акулам, слышащим на большом расстоянии запах свежей крови, — устремили свои взоры на Саудовскую Аравию.

Вот что рассказывает один саудовец, начавший в те годы регулярно ездить на Запад:

— Я возвращался домой и находил там груду писем от людей, с которыми познакомился во время поездки. Но ни один человек не удосужился написать, как приятно было свести со мною знакомство. Все хотели только одного: сбыть мне свой товар.

Наиболее сообразительные поняли, чего хотят сами арабы, и стали предлагать свои услуги в качестве посредников.

…Наша фирма нуждается в агенте, который помогал бы ей заниматься бизнесом в вашей стране, писали они предполагаемым клиентам; я же, со своей стороны, готов быть вашим агентом, если вы хотите заниматься бизнесом в нашей стране.

Такой подход встречал понимание арабов, особенно в тех случаях когда агент был дипломированным юристом. Если кому и доверять, то юристу в первую очередь.

Многие из новоиспеченных друзей Саудовской Аравии проживали в Вашингтоне.

В Соединенных Штатах всякий человек, являющийся доверенным лицом иностранного правительства, в соответствии с законом обязан быть зарегистрирован в специальном отделе министерства юстиции. Такой человек выполняет функции своеобразного консультанта. Он дает иностранцу юридические рекомендации, помогает налаживанию контактов с общественностью, лоббированию. Он вводит клиента в существо проблем, знакомит с нужными людьми, указывает, к какому журналисту целесообразно обратиться.

Но, спрашиваю я у Ямани, не было ли среди людей, зарегистрированных в 70-х годах в качестве доверенных лиц Саудовской Аравии, таких, которые занимались шпионажем?

Он пожимает плечами.

— Ответьте все же, есть ли в Америке саудовские шпионы?

Существует ли сеть агентов, которые рыщут по Соединенным Штатам, фотографируют военные объекты, похищают новейшие промышленные разработки — словом, собирают для Саудовской Аравии разведывательную информацию?

Лицо Ямани озаряет веселая улыбка:

— Мы непременно должны это узнать.

* * *

Сэр Джулиан Ходж — валлиец по происхождению, католик, специалист по финансовому и банковскому делу, мультимиллионер, убежденный социалист и филантроп.

Ходж родился в 1904 г. Это человек с характерным квадратным подбородком, украшенным ямкой — как у Кирка Дугласа. В 1966 г., в двадцатую годовщину смерти своей матери, он основал Фонд Джейн Ходж с капиталом 2,5 миллиона фунта стерлингов. Пятью годами позже, желая содействовать развитию мировой экономической мысли, он учредил Лекцию памяти Джейн Ходж, которая практически ежегодно читается на факультете науки и технологии Уэльского университета.

Первым с такой лекцией выступил тогдашний управляющий Английского банка. Вторым, через год, — исполнительный директор Международного валютного фонда. Третьим гостем Ходжа был Дэвид Рокфеллер, председатель «Чейз Манхэттен бэнк». Четвертым был приглашен его королевское высочество принц Филип, герцог Эдинбургский.

Пятым докладчиком стал Заки Ямани.

В ноябре 1976 г. он прибыл в Кардифф и, облаченный в черные арабские одежды с золотыми вышивками, выступил перед группой почтенных «черных галстуков».

Представленный аудитории как «один из наиболее влиятельных и, без сомнения, один из наиболее экзотичных людей современности», Ямани произнес речь о необходимости сбережения энергоресурсов.

На ночлег Ходж поместил Заки и Таммам в своем загородном поместье под Кардиффом. Он даже привез туда специально обученную прислугу, которая должна была заботиться о гостях.

Непосредственно перед прибытием четы Ямани кто-то сказал Ходжу, что посредине одного из его персидских ковров изображен символ Мекки. Ковер тут же перенесли в библиотеку и повесили на восточную стену.

Этот жест не был оставлен без внимания. Вечером, когда кончился ужин, Ямани заговорил о ковре. Потом спросил Ходжа:

— Какую религию исповедуют жители Уэльса?

— Разные, — стал объяснять Ходж. — Тут есть баптисты, пресвитериане, валлийские конгрегационисты и представители англиканской церкви. Словом, все, кого я называю нонконформистами. Сам я из тех, кто верит в ангелов-хранителей, в фей, которые живут в саду, и в милость Божию. Я католик.

Ямани, помолчав, сказал:

— По-моему, не так уж важно, какая религия у человека, лишь бы он следовал ее предписаниям.

Несколько позже Ходж мимоходом упомянул в разговоре своего старого друга Джорджа Томаса, тоже валлийца, который был тогда спикером палаты общин. (В 1981 г. после отставки, Томас был произведен в рыцарское звание и стал виконтом Тонипенди.)

Прошло несколько месяцев, и Ямани вернул долг вежливости, пригласив сэра Джулиана и леди Ходж посетить Саудовскую Аравию.

Когда Ходж рассказал Томасу, что собирается провести отпуск в Саудовской Аравии, у того загорелись глаза.

— О, вот где я никогда не был! — воскликнул он. — можно мне поехать вместе с вами?

Ходж позвонил Ямани.

— Ну разумеется, — сказал Ямани в ответ на просьбу пригласить Томаса, — пусть приезжает.

Ямани прислал в Кардифф свой «Гольфстрим», чтобы доставить гостей в Саудовскую Аравию. Он сам встретил их в аэропорту, усадил в свой «роллс-ройс» и отвез в летний дом в Таифе.

По словам Томаса, он с первой же минуты испытал полный восторг.

— Для меня это был ни с чем не сравнимый опыт, — рассказывает он, выговаривая слова со звонким валлийским акцентом. — Я и представить не мог, насколько прост в обращении этот человек, один из могущественнейших на свете. Это самый скромный человек, какого я когда-либо встречал. Он сам сел за руль, чтобы отвезти нас из аэропорта домой. Ямани обладает поистине редким даром привлекать к себе людей. Мне кажется, в нем есть нечто магическое. Не так легко сказать, что именно, но я это чувствую. Во взгляде, в голосе, в темпераменте, в отношении к другим… Сразу понимаешь, что этот человек живет в мире с самим собой. При всем уважении к вероисповеданию Заки так и хочется назвать его образцовым христианином.

Почти с самого начала десятидневного пребывания гостей в Таифе Томас и Ямани нашли тему, которая интересовала их обоих: это была религия.

— Я методист, и моя вера необычайно проста, — продолжает Томас. — Мне никогда не приходится бороться с сомнениями. Заки находится в столь же счастливом положении. Это нас сразу сблизило. У него тоже очень простая, ясная вера. И он никому ее не навязывает. Заки умеет оставаться верным мусульманству и в то же время не проявлять нетерпимости по отношению к людям, которые не разделяют его взглядов.

Как и многие другие люди, беседовавшие с Ямани о религии, Томас завел речь об иудаизме. По его собственному признанию, он сделал это, чтобы «избежать всякой двусмысленности».

Оказалось, что и Ямани стремится к тому же.

— В Коране христиане и евреи названы «людьми книги», — сказал он Томасу. — В мусульманском мире и те и другие наделены особым статусом: мы обязаны церкви и синагоги не менее прилежно, чем мечети. К несчастью, из-за политических неурядиц нашим некогда дружественным отношениям был нанесен урон. Но мы выступаем против сионизма, а не против евреев.

Хозяин и гость настолько понравились друг другу, что приезжая в Лондон, Ямани регулярно звонил Томасу в резиденцию спикера, а спустя несколько лет Томас еще раз посетил Саудовскую Аравию.

Однажды, находясь в гостях у Томаса, Ямани заметил, что до сих пор не имел возможности прочесть свои молитвы.

— Почему бы вам не помолиться здесь? — спросил его тогда хозяин.

Теперь он понимает, что поставил гостя в не совсем удобное положение. Но Заки Ямани опустился на колени и прочитал молитвы.

Правда, это произошло не сразу.

Сначала Ямани поинтересовался, где находится восток.

Томас этого не знал.

После некоторого замешательства они общими усилиями отыскали юг.

Дальнейшее было уже не стать сложно.

Спустя несколько месяцев после первой поездки Томаса в Саудовскую Аравию Ямани принимал другого визитера: Фредрика Понсонби, графа Бессборо, бывшего в ту пору представителем британских консерваторов в комиссии по энергетике европарламента.

Он устроил для этого рослого, седоволосого аристократа тур

по нефтяным месторождениям, не уступавший полной «программе Кука».

Когда лорд Бессборо вернулся в Эр-Рияд, Ямани объявил, что теперь они отправляются в Джидду. Доставив Бессборо в аэропорт, он указал ему на свой «Гольфстрим».

— Я полечу на этом самолете, — сказал Ямани. — Мы, разумеется, будем очень рады, если вы к нам присоединитесь. Таммам летит со мною. Кроме того, в самолете будет двое наших детей с их нянюшкой, мои телохранители и еще один наш друг.

Ямани заметил, что этот их друг обладает сверхъестественными способностями, но тогда Бессборо пропустил это мимо ушей.

— Или же, — Ямани указал на два других «Гольфстрима», стоявших рядом с первым, — если вы не хотите лететь с нами, выбирайте из этих какой вам нравится.

Как нетрудно догадаться, Бессборо предпочел провести час с четвертью, которые длился этот перелет, в обществе Ямани.

Ямани уступил Бессборо собственное широкое кресло, рядом с Таммам, а сам разместился возле борта, на кушетке, которая во время длительных полетов раскладывалась, превращаясь в двуспальную кровать.

В полете был подан ленч: пахта, сыр, крекеры, яблоки, апельсины и кофе.

Сразу же после того, как они совершили посадку, рассказывает Бессборо, из заднего отсека прибежал полуторагодовалый сынишка Ямани, который поспешил поцеловать отца. Затем он поцеловал мать. И последним — лорда Бессборо.

Вечером, во время ужина, Ямани рассказывал о сверхъестественных явлениях, о своих ясновидящих друзьях, а также о человеке с необычными способностями, который летел вместе с ними в самолете. Ямани даже обещал Бессборо, что вскоре он увидит в исполнении этого человека «трюк с канатом».

Через пару дней Ямани сдержал свое обещание.

По случаю дня рождения Пророка Ямани устроил большой праздничный обед а-ля фуршет. Но круг приглашенных включал главным образом членов семьи: мать Ямани, родителей Таммам, многочисленных родных, двоюродных сестер и братьев и нескольких старых друзей.

После обеда все уселись в большой гостиной, и Ямани достал из шкафа пятидесятифутовый нейлоновый канат.

Человек со сверхъестественными способностями оказался одетым в белое арабом среднего роста, которому, на взгляд Бессборо, было лет пятьдесят пять. Его связали по рукам и ногам.

Узлы были завязаны очень туго — всех, кто мог заподозрить Ямани в тайном сговоре с его другом, приглашали затянуть их собственноручно. Затем человека перенесли в небольшую ванную комнату. И заперли дверь.

К великому удивлению Бессборо, не прошло и минуты (все это время из ванной неслись громкие стоны), как друг Ямани вышел наружу. Канат был развязан. Как объяснил Ямани, духи освободили связанного от пут.

После этого — на сей раз стараясь освободиться из-под власти духов — друг Ямани впал в состояние, близкое к трансу. Не в силах одолеть нервную дрожь, он трясся и бормотал что-то невнятное, тем временем как Ямани, усевшись рядом, передавал ему один стакан воды за другим.

Лорд Бессборо вернулся в Лондон исполненным благоговения перед Ямани.

— Этот человек завоевал мое безграничное доверие. И, поверьте, не только мое.

Лорд рассказал о своей поездке Джорджу Томасу, и оба они пришли к выводу, что Ямани обязательно должен встретиться с недавно избранной премьер-министром Маргарет Тэтчер.

Воспользовавшись ближайшим случаем, когда Ямани заблаговременно известил Бессборо и Томаса о предстоящей поездке в Лондон, Томас устроил в честь гостя из Саудовской Аравии неофициальный обед.

— К себе в резиденцию я пригласил премьер-министра, лидера оппозиции, важнейших членов кабинета и группу лидеров делового мира из Сити — всего около сорока человек. И ни один не отклонил приглашение. Явились все.

Ямани пришел на обед вместе с Таммам, оба они были в превосходно сшитых западных костюмах.

Вскоре Ямани и Маргарет Тэтчер, увлеченные доверительной беседой, отошли в сторону.

Дэнис Тэтчер несколько раз предлагал лорду Бессборо:

— Давайте подойдем к ним и тоже примем участие в разговоре.

Но Бессборо его удержал:

— Иногда политическим лидерам бывает очень полезно вот так поболтать наедине и лучше узнать друг друга.

Томас говорит, что засек время: тет-а-тет продолжался 24 минуты.

— По-моему, они друг другу понравились. Я тоже считаю, что неофициальные контакты подчас могут сыграть чрезвычайно важную роль. Маргарет, я полагаю, почувствовала, что имеет дело с широко мыслящим человеком, наделенным цельным и твердым

характером.

Когда Тэтчер и Ямани вновь присоединились к остальным гостям, Томас подошел к ним с подносом, на котором стояли бокалы с напитками.

Тэтчер взяла бокал.

Ямани последовал ее примеру.

Премьер-министр немного отпила, а затем прогудела со своей неподражаемой интонацией:

— Что у вас в руке?

— Мне дал это спикер, — ответил Ямани.

Тэтчер повернулась к Томасу:

— Джордж, как вы могли это сделать?

Виски тут же заменили апельсиновым соком.

— Ямани не стал пить, — рассказывает Томас. — Но взял у меня бокал и даже поблагодарил. Менее вежливый человек наверняка сказал бы: «Вы же знаете, мне этого нельзя».

Дружеские отношения между Бессборо, Томасом, Ходжем и Ямани все более крепли, и Бессборо организовал выступление Ямани перед Европейско-Атлантической группой, в которую входили влиятельные члены обеих палат парламента и лидеры делового мира.

Ямани выступил в парламенте 31 марта 1982 г. Он произнес свою речь в зале Большого Комитета.

Мир переживает критические времена, сказал Ямани собравшимся, и если некоторые промышленно развитые страны не откажутся от своей недальновидной политики, результаты будут губительны для всех.

Ямани указал, что некоторые страны-экспортеры могли бы сделать для стабилизации цен гораздо больше, и, хотя Великобритания не была названа по имени, все, кто был в зале — включая министра энергетики Найджела Лоусона, — поняли, в кого он метит.

— Дальнейшее снижение цен на энергию еще более ухудшит ситуацию. Сорта нефти с высокой себестоимостью будут безвозвратно вытеснены с мирового рынка…

Это был прямой намек на месторождения в Северном море.

— …а разведывательные работы будут сворачиваться. В скором времени у многих стран-импортеров может появиться потребность в наращивании импорта, чтобы восполнить недостаток собственной нефтедобычи. Когда резервы снизятся до угрожающе малых уровней, страны-импортеры, чтобы поправить положение, будут вынуждены начать новый цикл создания нефтяных запасов.

Таков был официальный текст речи, предназначенный для

печати.

Затем в близлежащем отеле состоялся ужин, и там Ямани ответил на вопросы аудитории (эта часть его выступления в печать не попала). Он сказал, что Великобритания, поддерживая цены на нефть Северного моря на столь низком уровне, поступает нечестно по отношению к Нигерии, ибо тем самым вынуждает и ее понижать цены.

— Если принять во внимание доходы британских компаний и свободу действий, которую они получают благодаря возможности перекладывать бремя последствий, вызванных урезками цен, на британское министерство финансов, можно смело обвинить их в нечестной игре.

Отвечая несколько позже на упрек Ямани, Лоусон сказал, что промышленники не сообразуют своих действий с британским правительством.

— Правительство не контролирует ни цены на нефть, добываемую в Северном море, ни объем добычи. Цена, которую устанавливает БННК (Британская национальная нефтяная корпорация), отражает реалии рынка. Правительство не стремится к снижению цен — точно так же, как и к их повышению.

Лоусон был не вполне искренен.

В течение всего 1982 г. БННК подвергалась политическому давлению, а весной 1983 г. это давление усилилось. В публичных заявлениях Лоусон утверждал, что на мировом нефтяном рынке Великобритания предпочитает быть ведомым, а не ведущим. Но за кулисами делал все от него зависящее, чтобы защитить позиции БННК.

Возможно, БННК была и не самым напористым рыночным лидером, но Лоусон явно хотел, чтобы она держалась как минимум в головной группе.

Несмотря на разногласия, Лоусон и в дальнейшем встречался с Ямани. Исключая возможность любых официальных консультаций, он тем не менее несколько раз беседовал с саудовским министром в своем кабинете поздно вечером, когда об этом не могли пронюхать журналисты. Лоусон не хотел создавать впечатление, будто Великобритания желает официальных контактов с ОПЕК.

Любопытно, что до победы консерваторов на выборах в 1979 г. и назначения министром энергетики Лоусона занимавший этот пост лейборист Энтони Веджвуд Бенн поддерживал идею вступления Великобритании в ОПЕК.

Загвоздка, однако, была в том, что ОПЕК не могла удовлетворить желание Бенна. Согласно хартии этой

организации, Великобритания не имела права быть ее членом. Даже если бы Великобритания была крупнейшим в мире экспортером, путь в ОПЕК для нее все равно был закрыт, так как членами ОПЕК могут быть лишь те страны, в которых нефтяная промышленность является основной отраслью экономики.

— Ямани не скрывал, что ждет от Великобритании поддержки генеральной линии ОПЕК, — говорит К. Дж. Вогэн, последний директор БННК, ныне возглавляющий Агентство нефти и трубопроводов, в которое БННК трансформировалась. — И неофициальные встречи с Лоусоном он, видимо, проводил только для того, чтобы убедить британское правительство оказать ему эту поддержку.

В январе 1983 г. состоялось секретное совещание, в котором приняли участие представители министерства энергетики и нескольких нефтяных компаний, включая БННК. По слухам, среди последних была и компания «Шелл».

Найджел Лоусон категорически отрицал, что такое совещание когда-либо имело место. Но цена этим отрицаниям невелика.

— Мне доподлинно известно, что крупнейшие нефтяные компании встречались с сотрудниками министерства энергетики, — подтверждает Вогэн. — Не думаю, правда, что в их число входил сам Лоусон. Но люди, которые там были, по-видимому, действовали с его благословения, и им было поручено выяснить, намерены ли эти компании удерживать цены на прежнем уровне. Люди Лоусона убеждали представителей компаний поступать именно так. Но в то время крупнейшие нефтяные компании начали склоняться к мысли, что прежние цены уже не соответствуют реалиям рынка.

Когда же Лоусон утверждает, будто сообщения об этом совещании не соответствуют действительности, он, по мнению Вогэна, говорит обычную для политиков полуправду.

— Точно так же на вопрос: «Провели ли вы встречу с Ямани?» — он ответит: «Нет», — подразумевая официальную встречу. Если же его спросить: «Может быть, вы обменивались мнениями в неофициальном порядке, не для печати?» — он просто откажется давать комментарии, чтобы пресечь дальнейшие расспросы. Но ни для кого не секрет, что британский министр энергетики обычно поддерживает неофициальные контакты с людьми ранга Ямани.

В конце концов англичане так и не поддержали усилий Ямани, направленных на стабилизацию цен.

— У меня осталось чувство, что Заки испытывал разочарование в связи в некоторыми нашими действиями в области цен на нефть, — признается виконт Тонипенди. — И что

мы сделали далеко не все, чтобы ему помочь.

* * *

Благодаря стараниям сэра Джулиана Ходжа, решительно поддержанного виконтом Тонипенди, в июле 1984 г. Уэльский университет присвоил Ямани звание почетного доктора.

В это время Ямани отдыхал с семьей в Испании.

Получив приятное известие, Ямани и Таммам вылетели на своем «Гольфстриме» на базу королевских военно-воздушных сил, находящуюся в Вэлли, графство Англси.

На вечер был запланирован официальный обед. Торжественная церемония была назначена на следующее утро.

Заки и Таммам должны были провести ночь в имении лорда-лейтенанта, маркиза Англси, который по совпадению также получал на следующее утро почетное докторское звание.

Маркиз и его жена встретили супругов Ямани у себя дома и, после короткой беседы, проводили в отведенную им спальню.

Внезапно Ямани обнаружил, что среди его багажа недостает чемодана с костюмом, в котором он предполагал быть на обеде.

Супруги бросились к телефону. Спустя некоторое время им удалось связаться с личным секретарем Ямани, которого поселили в гостинице, находившейся в 45 минутах езды от дома маркиза. Чемодан был у него.

После этого маркиз позвонил в местную полицию Он сумел внушить начальству, что почетный гость не должен опоздать на обед, который устраивает в его честь университет Северного Уэльса. И за парадным костюмом Ямани отправилась патрульная машина, громко завывавшая сиреной.

Полицейские умудрились обернуться за полчаса.

В тот вечер Ямани был и ударе. Он сказал присутствовавшим на обеде, что знает о тяжелых последствиях засухи, которую пережил Уэльс, и понимает их чувства, поскольку Уэльс и Саудовская Аравия имеют очень много общего.

Хотя предполагалось, что чета Ямани пробудет в Уэльсе менее восемнадцати часов, были приняты специальные меры, чтобы обеспечить ее безопасность.

— Всю ночь и саду вокруг нашего дома дежурили полицейские с собаками, — вспоминает маркиз. — Меры предосторожности были даже жестче, чем во время визита принца Уэльского.

После церемонии чета Ходжей и виконт Тонипенди пригласили Заки и Таммам навестить их в Кардиффе двумя

днями позже. Супруги приняли приглашение.

Однако у Ямани оставался неизрасходованным один день официального отпуска, и они хотели видеть детей. Поэтому сразу же по окончании церемонии в университете Заки и Таммам улетели обратно в Испанию и, проведя там ровно сутки, вернулись в Южный Уэльс, чтобы отобедать в приятном обществе.

От своих валлийских друзей Ямани узнал, что в Уэльском университете предпринято интересное начинание. Университет купил экспериментальную ферму в Саудовской Аравии и пытался превратить ее в центр сельского хозяйства, лесоводства и исследования окружающей среды, который сотрудничал со странами полузасушливой зоны.

Годом позже Ямани попросил оказать этому центру поддержку. В результате было создано «Товарищество Ямани».

Ныне к числу инициатив этой организации относятся: проект по развитию овцеводства, изучению влияния водных источников на окружающую среду и проблем содержания пастбищ, реализуемый в Мали; проект по организации лесного хозяйства в Северном Судане; проект по использованию низкокачественных солончаковых вод в различных оазисах на территории Марокко.

Сумма, внесенная Ямани при учреждении центра, никогда не оглашалась официально, но известно, что она составляла 250 000 фунтов стерлингов. Впрочем, с тех пор он жертвовал деньги на нужды центра еще дважды.

Начало падения

Если при цене 12 долларов за баррель в Саудовской Аравии начался бум, нетрудно вообразить, что творилось в этой стране, когда баррель нефти стал стоить 36 долларов.

К услугам арабов отныне был весь мир.

Они покупали самолеты и яхты, «роллс-ройсы», «кадиллаки», «даймлеры» и «мерседесы», вторые дома в Лондоне, третьи в Париже и четвертые во Флориде.

Они покупали кирпичи и известь на Уолл-стрит, банки в Сити, ювелирные изделия во Франции.

И если многие частные лица ломали голову, отыскивая способ потратить деньги за границей, министерство планирования, которое возглавлял Хишам Назер, занималось тем же самым внутри страны.

— Зрелище было просто неправдоподобным, — вспоминает бум 1979—1981 гг. сэр Джеймс Крейг. — Когда вы приезжали из аэропорта в Эр-Рияд, то видели везде одну и ту же картину. Город превратился в гигантскую стройплощадку. Это казалось нелепым сном. Куда бы вы ни посмотрели, всюду высились гигантские краны, всюду строили, строили, строили…

Мало того что саудовцы внезапно оказались в стране сказочного изобилия — большинство из них уверовало, что изобилию этому никогда не будет конца.

— Видимо, многие просто наслаждались и ни о чем не думали, — говорит Крейг. — Но кое-кто испытывал сомнения. Как правило, это были представители старшего поколения. Люди помоложе были охвачены общим воодушевлением. Задним числом можно подтвердить, что страх перед эйфорией, которая отрицательным образом сказывалась и на экономике, и на национальной психологии, до известной степени оправдался. Но тогда этот страх испытывали лишь немногие пожилые люди.

Крейг помнит, как на горизонте появилось первое, еще небольшое облачко. Это было в середине 1981 г. Цены на нефть прошли пиковое значение и начали снижаться. Никто не знал, как сильно они упадут. Все свидетельствовало о крайней перенасыщенности нефтяного рынка.

Однажды, беседуя с директором финансового агентства Саудовской Аравии, Крейг поинтересовался:

— Если это лишь предвестье бури, что вы будете делать, когда она начнется всерьез?

— Некоторые из нас не на шутку встревожены происходящим, — ответил саудовский банкир. — Мы считаем,

что экономика перегрелась, и из-за слишком быстрого экономического роста мы испытываем социальное давление. Все это нам ни к чему.

Крейг был несколько обескуражен такой откровенностью:

— В самом деле?

— Конечно, — ответил банкир. — К примеру, у нас в семье семь человек прислуги. Но мы спокойно могли бы обходиться двумя. Автомобилей у нас, кажется, девять. Нужно же никак не больше двух.

Тут он на мгновение умолк, и по его лицу проскользнула усмешка:

— Не знаю, правда, согласятся ли с этим мои сыновья.

Прогноз Ямани относительно перенасыщения рынка теперь не выглядел странным.

— Мне было ясно, что это рано или поздно случится, — повторяет Ямани. — Обычно при товарном избытке люди начинают создавать запасы, а когда возникает нехватка, черпают из этих запасов. На сей раз произошло прямо противоположное. В период дефицита, возникшего из-за иранской революции, компании стали лихорадочно скупать нефть и создавать запасы. Когда в 1981 г. на рынке возник избыток, те же самые компании начали в больших количествах извлекать нефть из своих запасов. Ситуация конечно же была нездоровой. Но с этим ничего нельзя было поделать.

К середине 1981 г. цены опустились с 40 до 32—36 долларов за баррель, причем саудовцы находились у нижней границы этого диапазона, а большинство стран ОПЕК у верхней.

Чтобы поддержать этот уровень цен, почти все страны ОПЕК сократили добычу. Только Саудовская Аравия не снижала оборотов.

В июле министры нефти Алжира, Ливии, Ирака, Кувейта и Объединенных Арабских Эмиратов прибыли в Таиф, надеясь убедить Ямани сократить добычу и поддержать высокий уровень цен.

Но Ямани не согласился.

Иракский президент Хусейн даже обратился непосредственно к королю Халеду, прося его о том же. Но король сказал, что Саудовская Аравия хочет снижения цен.

Назревал кризис.

Индонезийский министр доктор Суброто вел обработку членов картеля, уговаривая их созвать чрезвычайное совещание, которое разрядило бы наконец атмосферу. Прошло почти две недели, прежде чем Ямани дал согласие, и практически сразу же после этого 13 министров и их команды собрались в Женеве.

Беседуя наедине с избранными министрами, Ямани деликатно намекал, что Саудовская Аравия согласилась бы поднять цены на 2 доллара, если остальные члены ОПЕК пройдут свою половину пути и опустят цены до 34 долларов за баррель.

Но венесуэльский министр, прожженный политик, который пожимает руки даже официантам, когда уходит из ресторана, сказал, что его страна будет придерживаться прежней цены — 36 долларов за баррель. Снижение официального уровня цен, по его мнению, уменьшило бы доходы его страны.

Он сказал, что пока существует хоть какая-то возможность сохранять нынешний уровень цен, его вовсе не обязательно снижать даже в условиях падения спроса.

Саудовская Аравия не хотела поднимать цены до уровня Венесуэлы, Венесуэла не хотела поднимать цены до уровня Саудовской Аравии.

Сессия ОПЕК с самого начала приобрела острый характер, определявшийся противостоянием Венесуэлы и Саудовской Аравии.

Ямани находился в явном меньшинстве.

Все «ястребы» и большинство «умеренных» — таких, как министр Кувейта, — примкнули к венесуэльцу.

Но Ямани не сдавался.

Обстановка очень быстро накалялась.

Министры с трудом держали себя в руках.

Надеясь хоть как-то ослабить напряжение, Ямани сделал характерный для арабов жест примирения. Он послал каждому из остальных двенадцати министров по корзине фиников. Но после четырех дней ожесточенных баталий, в течение которых обе стороны безуспешно пытались выбить противника из его окопов, все испытывали полное изнеможение, и жест не был оценен по достоинству.

Видя, что Ямани нельзя взять ни кнутом, пряником, некоторые делегаты решили зайти с черного хода. По меньшей мере четыре министра отправили телеграммы главам своих государств, прося их обратиться непосредственно к королю Халеду и немедленно информировать его о происходящем.

В ночь на 20 августа Халеду позвонили президенты Ирака, Индонезии, Венесуэлы и правитель Кувейта.

Но Ямани надежно защитил свои тылы: Халед повел себя как заправский клерк и отфутболил всех звонивших, правда облекая свой ответ в слова, приличествовавшие королевскому сану.

— Простите, но вам лучше обратиться к Фахду, — вежливо говорил король.

— Хорошо, — соглашались звонившие, — соедините нас с

Фахдом.

— К сожалению, Фахд находится на отдыхе вне пределов королевства, с ним никак нельзя связаться, — говорил Халед.

Это, видимо, не вполне соответствовало истине, но зато отвечало целям саудовцев.

Фахд отдыхал в Марокко. Ямани, однако, «сумел» до него дозвониться. Он описал кронпринцу ситуацию, и Фахд велел своему министру нефти не соглашаться на цену выше 34 долларов за баррель.

Доктор Суброто, потихоньку добивавшийся компромисса на уровне 35 долларов, посетил Ямани в его номере на верхнем этаже «Интерконтиненталя» и попытался его уговорить в последний раз.

Ямани сказал, что вынужден почтительнейше отказаться.

Тогда Суброто попытался склонить остальных к варианту Ямани: 34 доллара за баррель.

Алжир, Ливия, Иран, Ирак и, разумеется, Венесуэла ответили отказом.

На этом все и кончилось.

Не сделав каких-либо заявлений для печати, венесуэльский министр покинул Швейцарию. Некоторые министры сказали представителям прессы, что с ОПЕК покончено. Кувейтский шейх Али Халифа ас-Сабах, который должен был сменить на посту президента ОПЕК доктора Суброто, был остановлен репортерами на пути из «Интерконтиненталя»:

— Правда ли, что ОПЕК больше не существует?

— Известия о смерти ОПЕК являются сильным преувеличением, — пробурчал кувейтец.

Кто и вправду был теперь нужен журналистам, так это министр Саудовской Аравии.

— Я не знаток психологии, — попытался воздействовать на скептически настроенных западных журналистов Ямани. — То, что произошло здесь, носит чисто политический характер. Саудовская Аравия может устранить перенасыщение только в том случае, если резко уменьшит добычу, а этого она делать не собирается. Что касается меня, то я не вижу ничего унизительного в сообразовании наших действий с экономической реальностью. Все важнейшие мировые организации поднимают и опускают цены в зависимости от состояния рынка. Тут нет никакого политического унижения.

В государственном департаменте были искренне убеждены в противоположном. Нечего лить слезы об ОПЕК, говорили высокопоставленные рейганисты в Вашингтоне.

Попала под огонь и Саудовская Аравия.

«Саудовцы, как всегда, исходят из своих эгоистических интересов, — писал Хобарт Роун из «Вашингтон пост». — Все их усилия направлены на то, чтобы заставить остальные государства ОПЕК снизить цены до уровня, который, как они считают, позволит сбывать гигантские нефтяные запасы Саудовской Аравии с наибольшей выгодой».

Роун призывал импортеров защитить свои интересы. По его мнению, во время перенасыщенности рынка импортеры не должны вести себя более робко, чем это делала ОПЕК во время нефтяного дефицита.

Но, как выяснилось, импортерам не было нужды беспокоиться. Разногласия между членами ОПЕК уже сделали все, чего они могли желать. Как ни хотели ястребы удержать цены на высоком уровне, рынок им этого попросту не позволил.

Начался длительный период сползания цен, которое быстро набирало скорость, подхлестываемое бартерными сделками (их осуществляли Ливия, Нигерия и Иран, поставляя нефть в обмен на товары), скидками (Нигерия и Иран при подписании неофициальных контрактов сбавляли собственную официальную цену на 4 доллара) и торговлей, которую вели страны, не входившие в ОПЕК прежде всего Великобритания и Норвегия, поддерживавшие перенасыщенность рынка.

Все это время Ямани неустанно предостерегал своих партнеров:

— Средняя цена барреля может упасть ниже 32 долларов. ОПЕК ожидает полный крах, если мы и дальше будем терять свои позиции на мировом нефтяном рынке.

В конце октября 1981 г. ас-Сабах созвал картель на очередное совещание, и 13 членов ОПЕК, смиряясь с реалиями рынка, согласились заморозить цены до конца 1982 г., установив их на уровне 34 долларов за баррель.

В пресс-релизе это заявление смотрелось превосходно. Возможно, его даже удалось бы реализовать, если бы наш мир был более совершенным. Но не прошло и нескольких месяцев, как цены на сырую нефть при немедленной сдаче упали ниже уровня, установленного ОПЕК. Как следствие, Иран, нуждавшийся в деньгах для войны с Ираком, начал выбрасывать на рынок все больше и больше дешевой нефти. Затем цены снизили Венесуэла и Мексика. А БННК уменьшила цены на нефть Северного моря.

Цены вплотную приблизились к 30 долларам за баррель.

В середине марта было созвано еще одно экстренное совещание ОПЕК. Его открыл представитель Нигерии, заявивший, что из-за аннулирования множества контрактов, заключенных его страной, нигерийцы вынуждены резко снизить цены, чтобы не

быть вытесненными с рынка.

Ямани понимал, что Нигерия — самое слабое звено ОПЕК, и боялся, что ее панические действия могут спровоцировать войну цен. Поскольку ему было хорошо известно, кто именно мутит воду, вскоре крупнейшие нефтяные компании получили жесткое предупреждение. В «Мидл ист экономик сервей» была напечатана статья, цитировавшая не названного по имени «представителя руководства Саудовской Аравии», который посоветовал нефтяным компаниям, действующим в Нигерии, увеличить закупки нефти в этой стране, чтобы не столкнуться с ответными мерами со стороны других государств.

«Ройал датч-шелл» сделала вид, что не придаст этой статье никакого значения. Ее примеру последовали «Мобил», «Тексако» и «Элф».

Вместе с тем хорошо известно, что и «Мобил» и «Тексако» увеличили закупки нефти в Нигерии; есть основания полагать, что, несмотря на официальные опровержения, так же поступили «Шелл» и «Элф».

Главное, к чему теперь стремился Ямани, это уберечь мировые цены на нефть от дальнейшего скатывания вниз.

Результатом мартовской встречи стало соглашение, предусматривавшее сокращение совокупной добычи ОПЕК с 20 до 18,5 миллиона баррелей в сутки.

Ямани заявил также, что Саудовская Аравия будет занимать особое положение и, если над ценой 34 доллара за баррель вновь нависнет угроза, сократит собственную добычу, чтобы единолично изменить рыночную конъюнктуру.

Это был первый случай в истории ОПЕК, когда картель принял решение по уровням добычи.

И, по мнению некоторых, первое серьезное свидетельство, что ОПЕК близка к краху.

Даниэль Ергин, бостонский специалист по нефтяному бизнесу, увидел в обязательстве, принятом ОПЕК, признак «самого большого кризиса, который происходит с тех пор, как эта организация взяла под свой контроль мировой нефтяной рынок».

Биджан Моссавар-Рахмани, в то время работавший в Гарвардском университете, а ранее, до 1978 г., представлявший в ОПЕК Иран, заявил:

— Мировые цены на нефть определяют силы, не подчиняющиеся ОПЕК.

«Петролеум интеллидженс уикли» писал, что саудовская добыча нефти начинает повышаться и что шейх Ямани уже упрекнул некоторые компании, входящие в «Арамко», за то, что они покупают слишком мало.

Одновременно еженедельник замечал:

— Саудовская Аравия действует так, как если бы она оставила всякую мысль о защите цены 34 доллара за баррель, установленной ОПЕК, и не станет возражать против существенного снижения цен.

Прошло еще немного времени, и Ямани возглавил общее отступление.

* * *

Халед умер. На трон взошел Фахд.

Король скончался от сердечного приступа в своем доме в Таифе в возрасте 69 лет.

Спустя несколько часов Фахд провозгласил себя премьер-министром. Абдулла стал кронпринцем и первым заместителем премьер-министра. Вторым заместителем был назначен Султан.

Вновь распространились слухи о скорой отставке Ямани. После смерти Халеда, говорили носители этих слухов, ему не в ком искать защиты. Даже официальные саудовские источники признавали, что министерская перетасовка «выглядит неизбежной».

Все предсказывали, что принц Сауд, сын Фейсала, будет перемещен из министерства иностранных дел в министерство нефти, а портфель министра иностранных дел будет передан принцу Салману.

Если это произойдет и не в ближайшие дни, уверяли сплетники, то чуть позже уж точно.

Но и позже этого не произошло.

Ситуация на мировом рынке нефти продолжала ухудшаться, и, как понимал Ямани, администрация Рейгана не собиралась тут что-нибудь менять.

Бывший киноактер был шестым президентом, который пришел к власти в Соединенных Штатах за то время, что Ямани находился на своем посту. При Рейгане, по мнению Ямани, Белый дом стал местом, где гостей встречали приветливо и радушно.

— Однажды после танцев, которыми завершался официальный обед, я стоял в полумраке возле главного входа и ждал, когда подадут мой автомобиль. Оркестр еще играл. Чета Рейганов вышла проводить каких-то гостей. Меня они не заметили и не догадывались, что я могу их слышать. Так вот, помахав рукой отъезжающим, Рейган обнял Нэнси за плечи и прошептал: «Пойдем, милая, потанцуем. Наконец-то можно повеселиться».

Но о нефтяной политике Рейгана Ямани отзывается уже не так благосклонно.

К великому неудовольствию саудовцев, первое, что сделал Рейган, придя в Белый дом, это распорядился о резком увеличении стратегических топливных резервов.

Пользуясь низкими ценами, Соединенные Штаты стали закупать нефть впрок.

— На третий день после моего вступления в должность министра энергетики, — рассказывает доктор Джеймс Эдвардс, ныне глава медицинского факультета университета Южной Каролины, — президент Рейган приказал мне вмешаться в ход событий и отпустить цены на нефть. Я с трудом представлял себе, скольким галлонам равняется баррель. Но я знал, что с философской точки зрения снятие контроля вполне целесообразно. И все то время, что я занимался скупкой нефти, шейх Ямани вел себя весьма дружелюбно.

Впрочем, говорит Эдвардс, когда он приступил к масштабным операциям по созданию нефтяных запасов, Ямани выразил серьезные опасения.

— Вы извлекаете нефть из земли Саудовской Аравии, — сказал Ямани Эдвардсу, — привозите ее к себе и вновь зарываете в землю, чтобы впоследствии использовать против нас как экономическое оружие.

— Понимаю вашу озабоченность, — кивнул Эдвардс. И нанес удар в самое уязвимое место саудовцев: — Но если русский медведь вломится к вам с севера, оккупирует страну, овладеет вашими промыслами и перекроет поток нефти, поступающий из Саудовской Аравии в остальные страны мира, разве не будут благом запасы, которые обеспечат горючим наши танки, самолеты и корабли и позволят нам возвратить эту страну семье его величества и восстановить поставки нефти в свободный мир?

Ямани посмотрел ему прямо в глаза и спросил:

— Вы хотите сказать, что когда-нибудь перестанете быть сверхдержавой?

Выполняя распоряжение Рейгана, Эдвардс принялся спешно пополнять стратегические резервы и довел их объем с 90 миллионов баррелей в 1981 г. (когда он появился в Вашингтоне) до 350 миллионов баррелей в 1984 г. (когда он покинул свой пост).

— Это колоссальный резерв нефти, — говорит Эдвардс. — И колоссальный резерв безопасности. Конечно, Заки мог сказать, что не даст нам его создать. Но он тихо уступил. Ямани знает, как устроен этот мир. У него блестящий ум, и я всегда чувствовал в нем друга нашей страны.

Впрочем, говорит Эдвардс, не надо думать, что американо-саудовские отношения — улица с односторонним движением.

— По вопросу о предоставлении саудовцам АВАКС (самолетная система раннего предупреждения и контроля, которая является частью саудовской противовоздушной обороны и позволяет вести непрерывное наблюдение за регионом залива) возникли разногласия. Я знал, что значат эти самолеты для Саудовской Аравии, и потихоньку лоббировал в ее пользу. Когда вопрос был решен я позволил Заки из государственного департамента и поздравил его с получением АВАКС. В тот день он как раз объявил, что саудовцам удалось снизить цены на нефть. Так что я поздравил его и с тем, и с другим. Но представьте себе, позже мои друзья из государственного департамента упрекнули меня за то, что я поздравил Ямани с фиксацией цен на нефть.

Замораживание цен до конца 1982 г. на уровне 34 долларов за баррель не решало проблемы. Оно лишь отсрочило неприятные события, которые не преминули разыграться на совещании ОПЕК в декабре того же года, когда Иран обвинил Ямани в том, что он подрывает картель, не желая сохранить цены на уровне 34 долларов.

По странной иронии судьбы, еще недавно именно Ямани боролся за единство картеля, указывая на серьезный риск, которым было чревато поднятие цен выше 28 долларов за баррель. Он считал увеличение цен исторической ошибкой, которая приведет к структурному сдвигу в мировой экономике. Однако Фахд, уступая давлению Кувейта, Катара и Алжира, согласился поднять цену с 28 до 32 долларов. Ямани решительно возражал против этого шага. Фахд поступил коварно: дождался, когда Ямани отправится в Бали, и тут же послал Хишама Назера в Кувейт и Катар, чтобы подписать желанное соглашение.

История доказала правоту Ямани.

Через несколько дней остальные страны ОПЕК также подняли цены. Охранительные меры произвели чисто внешний эффект. И теперь будущая катастрофа на нефтяном рынке почти наверняка обещала носить несравненно более жестокий характер.

При цене 34 доллара за баррель 13 стран ОПЕК схватились в борьбе за раздел установленной ими совокупной квоты — 18 миллионов баррелей в сутки. Но после того, как 12 из 13 членов изложили свои требования, оказалось, что суммарная цифра равняется 23 с половиной миллионам. И это без Саудовской Аравии, ключевого экспортера!

К согласию прийти не удалось.

Не скрывая своего возмущения, иранцы возложили ответственность за срыв совещания на Ямани.

«Благодаря твердой революционной позиции Исламской Республики Иран, — писала с присущей ей беспристрастностью газета «Тегеран таймс», — шейх Ахмед Заки Ямани, эта известная всем дутая фигура, был вынужден наконец признать свое бессилие; так что теперь Соединенным Штатам придется искать другого агента ему на замену. Мировые экспансионисты во главе с Америкой, используя политические маневры, попытались ослабить ОПЕК и поставить ее на грань уничтожения. Однако исламская революция, не прибегая к политическим, военным и экономическим средствам, сорвала злобные планы США и их лакеев и достигла огромного успеха, приведя цену на нефть к ее подлинному рыночному значению».

Отсюда лишь можно заключить, чему был вынужден противостоять Ямани на некоторых совещаниях ОПЕК.

В конце января 1983 г. ОПЕК еще раз попыталась достигнуть общего согласия.

На сей раз внеочередное совещание проводилось в женевском «Интерконтинентале», и атмосфера на нем лишь немногим отличалась в лучшую сторону от декабрьской встречи. Одиннадцать из тринадцати членов пересмотрели квоты, предлагавшиеся ими в декабре, и были готовы к компромиссу. Исключение составляли Кувейт и Саудовская Аравия.

Ямани не возражал против намеченных квот, он лишь хотел, чтобы новый план предусматривал урегулирование соотношения цен на разные сорта нефти. Он говорил, что согласится с остальными только в том случае, если будут увеличены цены на некоторые дешевые сорта.

Это означало, что цены должны увеличить африканские государства, в том числе и Нигерия. Но они заявили, что подобный шаг при общем спаде рыночной активности равен самоубийству. Поэтому Саудовская Аравия и Кувейт проголосовали против предложенных квот. Тогда свои «за» на «против» поменяли Объединенные Арабские Эмираты и Катар, и это уже выглядело форменным крушением ОПЕК.

— Конференция окончилась, — сказал Ямани журналистам, покидая зал заседаний. — Это был полный провал. Честно говоря, я не возлагаю на будущее особо радужных надежд. По-видимому, нефть, добываемая в Северном море, через несколько дней подешевеет на 2—3 доллара. И это будет началом цепной реакции.

Ямани спросили, чего следует ожидать в ближайшие месяцы.

— Если бы я мог заглянуть в мой хрустальный шар, то увидел бы, как английское правительство, подчиняясь нажиму нефтяных компаний, снижает цены на нефть Северного моря, — ответил

Ямани. — Это для разгона. Потом свои цены будут вынуждены урезать и остальные. Но и это только начало. Нас ожидает очень интересный февраль.

Вернувшись домой, Ямани дал интервью саудовскому журналу «Икра». Он сказал, что альтернативы снижению цен не существует и что если ОПЕК не снизит цены сама, за нее это сделают рыночные силы.

— Я не вижу иного выхода, — сказал Ямани. — Мы не можем и дальше мириться с поведением тех членов ОПЕК, которые проводят недальновидную и эгоистическую политику, нанося ущерб долгосрочным интересам — как всей ОПЕК, так и своим собственным. Эта политика вынудила некоторые страны сократить добычу до неприемлемых уровней. Одни члены ОПЕК, придерживавшиеся установленного для них потолка, оказались в трудной финансовой ситуации. А другие члены, этого не делавшие, практикуют политический радикализм.

Полковник Каддафи, прочитавший интервью, пришел в ярость. Он решил, что критика Ямани направлена лично против него, Каддафи. И пожаловался Фахду.

Уступая внешнему нажиму, король издал официальное постановление, в котором говорилось, что утверждения журнала не соответствуют истине.

Если бы так!

Саудовская добыча достигла столь низкого уровня, что дальнейшее ее сокращение было, по существу, невозможным. И в марте Саудовская Аравия увеличила добычу.

В ответ на это БННК снизила цены на 3 доллара, доведя их до 30,50 доллара за баррель.

А Нигерия снизила цены уже на 5,50 доллара, доведя их до 28,50 доллара.

Найджел Лоусон спровоцировал войну цен.

Когда 3 марта члены ОПЕК собрались на совещание в Лондоне, речь шла о том, чтобы установить цены на уровне 30 долларов.

После одиннадцати дней ожесточенных споров участникам встречи удалось столковаться на 29 долларах за баррель.

Ямани обратился к своим коллегам с серьезным предостережением, сказав, что официальную цену ОПЕК не удастся защитить, если некоторые государства — все понимали, что он имеет в виду Нигерию, — собираются и впредь заключать сделки по сниженным ценам, предоставляя покупателям скидки по отношению к зафиксированному уровню.

Английская пресса публиковала подробнейшие отчеты о совещании ОПЕК. Но журналисты не знали, что в течение этих

11 дней «некоторые представители» ОПЕК заключили неофициальное соглашение с Найджелом Лоусоном, получив обещание, что Великобритания защитит установленную цену, сократив свою добычу до 2,1 миллиона баррелей в сутки.

После совещания Найджел Лоусон, «не поддерживавший официальный контактов с Ямани», внезапно пожелал совершить поездку в Эр-Рияд.

Естественно, неофициальную.

— Теперешнее состояние нефтяного рынка внушает оптимизм, — сказал Лоусон Ямани. — Спрос на нефть обязательно должен возрасти.

Этого, однако, не произошло — ни через неделю, ни через месяц.

Ни даже через год.

Найджел Лоусон был назначен министром финансов, а его место в министерстве энергетики занял Питер Уокер.

В конце 1983 г., видя, что нефть по-прежнему продается со скидкой и это подталкивает цены вниз, Ямани вновь призвал Великобританию к совместным действиям, направленным на защиту цен. Он попросил Уокера не увеличивать добычу в Северном море.

Уокер ответил, что Великобритания не планирует увеличения добычи и намерена сохранять теперешний уровень, составляющий 2,4 миллиона баррелей в сутки, а это уже превосходило на 300 тысяч баррелей величину, оговоренную в неофициальном соглашении.

В августе 1984 г., по пути в Уэльс, где ему должны были присвоить почетную докторскую степень, Ямани сделал остановку в Лондоне и имел там секретную встречу с Питером Уокером.

В речи, которую он намеревался произнести в Уэльсе, утверждалось, что новый виток снижения цен может породить серьезные проблемы в международном банковском сообществе, нанести урон фунту стерлингов и привести к прекращению эксплуатации части месторождений в Северном море.

То же самое он сказал Уокеру во время их неофициальной встречи. Он утверждал, что после того, как цена на нефть упадет ниже 25 долларов за баррель, Венесуэле и Мексике будет трудно выплачивать долги американским банкам. А это, без сомнения, породит хаос на валютных рынках и причинит вред фунту.

Он напомнил Уокеру, что себестоимость нефти Северного моря достаточно высока и что падение цен нанесет непоправимый ущерб британской нефтяной промышленности.

И указал, что все это не может не сказаться отрицательным образом из деятельности Сити.

Уокер, по-видимому, принял слова Ямани к сведению. На следующий день Алик Бьюкенен-Смит, второе лицо в министерстве, следуя распоряжению Уокера, направил восьми крупнейшим потребителям БННК секретное письмо, в котором просил их соблюдать официальные уровни цен, установленные БННК. Это был беспрецедентный шаг.

Так Ямани нащупал слабое место британского правительства.

Ни один из его членов, будь то госпожа Тэтчер, Найджел Лоусон или Питер Уокер, ни при каких обстоятельствах не дал бы развиться кризису, который ставил под угрозу фунт стерлингов.

Разумеется, министерство энергетики отрицало факт какой-либо «координации действий» с ОПЕК или Ямани, равно как и то, что кто-либо из его работников направлял клиентам БННК письма с плохо завуалированными угрозами.

Беседа Ямани с Уокером принесла нужные плоды, по крайней мере, на некоторый срок.

Падение цен удалось затормозить.

Но Ямани не был спокоен: в глубине души он понимал, что это лишь временная передышка.

* * *

Еще до окончания года Великобритания довела добычу в Северном море до 2,6 миллиона баррелей в сутки. Хотя рынок был наводнен нефтью, кое-кому и в голову не приходило положить конец этому явному перепроизводству. Глубоко подавленный происходящим, Ямани считал своим долгом терпеливо разъяснять партнерам, что все они только выигрывают, поддерживая стабильные цены.

Он отправился в Каир и встретился с президентом Мубараком. Египет добывал слишком мало нефти, чтобы быть членом ОПЕК. Но отсюда не следовало, что Ямани не придал значения 50-процентному понижению цены на сырую нефть, которое осуществили египтяне, отмежевавшиеся от политики картеля. Впрочем, вопрос о ценах отступал на задний план по сравнению с тем обстоятельством, что это была первая встреча египетского президента с членом кабинета министров Саудовской Аравии после 1979 г., когда были подписаны кэмп-дэвидские соглашения.

Ямани посетил также Малайзию, Индонезию, Мексику и Австралию.

Нигерия объявила о снижении цен на 2 доллара — он поспешил туда и попытался внушить военным, правившим этой

страной, что они играют с огнем и что война цен, которую они могут развязать, будет иметь роковые последствия.

Но они Ямани не поверили.

Их примеру последовали норвежцы — «Статойл» понизила на 1,50 доллара цену на нефть Северного моря.

— Ямани провел в Осло два дня, — говорит Кааре Кристиансен, тогдашний министр энергетики Норвегии. — Он всегда подчеркивал, что нефтедобывающие страны должны действовать сообща и проявлять солидарность по отношению друг к другу. Он считал также, что мы должны поддерживать определенные связи с ОПЕК. Но мы вовсе к этому не стремились, поскольку были ассоциированным членом МАЭ, а это никак не вязалось с принадлежностью ОПЕК.

Ямани приложил максимум усилий, стараясь доказать норвежскому министру, что нет никакой необходимости повышать цены на 1,5 доллара. Но уговорить Кристиансена было так же трудно, как нигерийских генералов.

— Наши покупатели знали, что официальная цена ОПЕК не совпадает с реальной. И они не соглашались платить нашей государственной компании более высокую цену, чем другим экспортерам.

По мнению Кристиансена, ОПЕК сама была виновата в своем несчастье.

— Торгуя смешанными сортами нефти, не брезгуя нетто-контрактами и бартерными сделками, страны ОПЕК собственными руками подорвали систему цен. Норвегия не имеет возможности осуществлять подобные махинации, и мы вынуждены заключать наши долгосрочные контракты на основе реальных цен. Мы не отрицаем: реальные цены ниже официальных.

Ямани не был склонен соглашаться с такой оценкой ОПЕК, хотя, как заметил Кристиансен, они с саудовским министром обладали по меньшей мере двумя чертами сходства.

Они были религиозны.

И оба любили вяленую рыбу.

— Это человек, необыкновенно приятный в обращении, — говорит Кристиансен, — и очень набожный. Поскольку я верующий христианин, а он верующий мусульманин, мы обменялись мнениями о религии. По-моему, он чрезвычайно сведущ в этой области. Двое верующих, даже если они принадлежат к разным вероисповеданиям, всегда имеют очень много общего.

А теперь о рыбе.

Кристиансен встретил Ямани в аэропорту, чтобы отвезти его

в дом, где живут гости правительства. По дороге в город Ямани завел разговор о норвежском деликатесе — вяленой рыбе. Это треска крутого посола, которую вялят по специальному рецепту в прибрежных горных поселках. Ямани сказал, что пробовал ее в детстве и теперь хочет вновь испытать это полузабытое ощущение. Кристиансен обещал поискать.

Он отвез Ямани в правительственную гостиницу и на некоторое время его оставил. Вскоре он вернулся, но гостя не было на месте.

Ямани уже расспросил гостиничную прислугу, где можно купить вяленую треску. Ему дали точные указания.

И Ямани отправился за треской один.

* * *

Дела у саудовцев шли все хуже и хуже.

Все статьи бюджета 1983—1984 гг., утвержденного Фахдом, подверглись сокращению: с расходов на оборону было срезано 18,5%, на развитие службы занятости — 12,8%, на социальное развитие — 20,1%, на транспорт и связь — 23,3%, на экономические ресурсы — 40,1%, на инфраструктуру — 18,1%, на муниципальные службы — 27,3%, на управление — 5,5%, на внешние займы — 14,5%, на внутренние субсидии — 19,2%.

Страна попросту не зарабатывала тех сумм, которые требовались для удовлетворения ее обычных амбиций, развившихся в эпоху дефицита на мировом нефтяном рынке.

Тот факт, что эти дорогостоящие программы не получили поддержки, был чувствительным ударом по престижу Саудовской Аравии. Кроме того, урезанный бюджет не мог не вызвать политического недовольства населения, привыкшего к постоянному росту жизненного уровня.

В середине мая 1983 г. Фахд начал перетряхивать кабинет. Из-за закрытых дверей дворцов, принадлежавших членам группировки Аль-Фахд, просачивались слухи, что Ямани будет отправлен в отставку.

Его будто бы собирались сделать специальным советником по иностранным делам — из уважения к длительной (21 год) службе на посту министра.

Бейрутская газета «Эрэб рипорт энд мемо» писала, что на место Ямани, видимо, будет назначен Хишам Назер.

В апреле 1984 г. был отправлен в отставку саудовский министр здравоохранения доктор Гази аль-Гусайби.

Его часто называли одним из наиболее компетентных

технократов в кабинете Фахда и несколько реже одним из наиболее влиятельных лиц в королевстве, не принадлежащих к правящей семье.

Гусайби был реформатором, не скрывавшим своего отношения к коррупции, которой было поражено правительство. К примеру, он открыто осудил то, как принц Султан распределяет оборонные заказы.

Мало того, он напечатал в газете стихотворение, критикующее короля.

Не прошло и суток, как Гусайби был изгнан с министерского поста.

О своей отставке он узнал из сообщения по радио.

Ямани уже много лет замечал, что следует заставить всех правительственных чиновников ежегодно представлять декларацию о доходах. По его убеждению, таким образом можно было хоть как-то унять взяточников и корыстных посредников, помогавших обогащаться многочисленным проходимцам, чье единственное достоинство заключалось в отменном знании лабиринтов саудовской бюрократии.

Но в саудовской королевской семье подобные разоблачения никогда не вызывали бурного восторга. Как ни смотри, а ее члены сами были в доле. Поэтому Ямани несколько раз вежливо указывали, что ему должно хватать забот в министерстве нефти. Тем более теперь, когда положение было далеко не блестящим.

Саудовцам приходилось несладко.

И Ямани тоже.

Отставка (взгляд из-за кулис)

Его дни были сочтены.

И он это знал.

В июле 1985 г., не сказав никому ни слова, Ямани стал вывозить из министерства свои личные бумаги.

Он вывез весь свой личный архив и открыл три частных офиса.

Один в Джидде: здесь ведутся дела, касающиеся Саудовской Аравии.

Небольшой офис в Женеве, где работают всего двое сотрудников, следящих за счетами Ямани, его расходами, некоторыми инвестициями и жалованьем персонала.

И большой офис в Лондоне. По словам Ямани, здесь занимаются исследовательской работой и реализацией его различных проектов.

В июле 1985 г. он уже готовился к своему уходу.

Королевское семейство никогда не заявляло об этом публично, но все жители Саудовской Аравии и все, кто занимался нефтяным бизнесом или вел финансовые операции на Ближнем Востоке, знали, о чем говорят между собой король Фахд и его братья, когда остаются с глазу на глаз.

Страна была на грани катастрофы.

Они считали, что Ямани ничего не стоит вызволить их из трудного положения. Все, что ему нужно сделать, это сказать другим членам ОПЕК, что Саудовская Аравия требует большей доли пирога. Нужно сказать: Саудовская Аравия сегодня же увеличит добычу и повысит цены, — и, по мановению волшебного жезла, который Ямани держит в руках, тут же вернутся старые добрые времена.

Но Ямани знал, что мир устроен намного сложнее.

Он делал все, чтобы сплотить ОПЕК, но в условиях перенасыщенного рынка среди тринадцати членов картеля все более усиливался разброд. Давно уже трещавшие швы стали лопаться и расходиться.

При закрытых дверях Ямани вновь и вновь повторял, что ОПЕК выживет только в том случае, если будет действовать единым фронтом; что от них как картеля требуется лишь одно: сократить добычу — и после этого твердо вести свою линию, пока не кончится перенасыщение; что любая страна, отклоняющаяся от установленной для нее квоты, действует во вред картелю.

Но слишком многие члены ОПЕК находились в тяжелейшем экономическом положении. Эти страны отчаянно нуждались в

деньгах, и единственным источником, откуда они могли их получить, была нефть. Как и раньше, лишь некоторые министры были способны понять правоту Ямани, доказывавшего, что в данном случае «меньше значит больше» и что существует только один надежный способ повысить доходы — уменьшить добычу.

А министры, для которых эта мысль была слишком сложной, обвиняли Саудовскую Аравию в том, что она равнодушна к интересам остальных членов ОПЕК, поскольку, в отличие от них, может позволить себе переждать фазу перенасыщения без особых тревог.

Ямани сохранял хладнокровие.

…Цены продолжали падать. На рынке все явственнее ощущалась неуверенность.

Официальный потолок добычи, установленный ОПЕК, равнялся 16 миллионам баррелей в сутки, и каждый член располагал согласованной квотой. Но соглашения, заключенные между членами ОПЕК, никогда не стоили бумаги, на которой были напечатаны.

Нигерия, испытывавшая крайнюю потребность в деньгах, проявляла видимую готовность продавать свою нефть по официальной цене (в то время — 28 долларов за баррель), но с великой охотой торговала ею из-под полы, предлагая при этом огромные скидки. Алжир и Ливия также сбывали «живой» товар по сниженным ценам. Не стесняли себя ограничениями и такие страны, как Ирак и Иран, нуждавшиеся в средствах для финансирования страшной и кровопролитной войны, в которой каждая сторона надеялась измотать другую.

Кроме того, мир по-прежнему захлебывался нефтью, которую выбрасывали на рынок страны, не входившие в ОПЕК: Англия, Норвегия и Мексика.

Когда цена на нефть опустилась ниже 27 долларов за баррель, Ямани еще раз попытался урезонить своих коллег-министров, посетив некоторых из них лично, а остальным позвонив по телефону.

— Если мы увеличим добычу, доказывал Ямани, — цены начнут снижаться. Но не думайте, что они упадут до 26 или 25 долларов. Снижение не будет плавным. Цены рухнут резко — до 20 долларов и ниже. А дальше пойдет вниз по спирали… Поэтому сейчас самое главное — дисциплина.

Несмотря на его увещевания, никто, кроме Саудовской Аравии, не соблюдал установленные правила игры.

Это был рынок продавцов в чистейшем смысле слова. Нефтяные компании нагребли столько, что могли ни о чем не тревожиться и мирно ожидать дальнейшего снижения цен. И все

понимали, что его не избежать. Ямани уже не мог повлиять на рынок своим красноречием, как это бывало раньше, когда одно его слово или движение бровью способно было изменить цены.

Он все же попытался это сделать, заявив нескольким репортерам:

— Положение на мировом рынке сырой нефти просто не может быть хуже. Дальнейшего падения цен мы не допустим.

Но вскоре снизила цены Норвегия, а вслед за ней и Великобритания. Нигерийцы вновь и вновь нарушали установленную для них квоту; точно так же поступали Ливия, Иран и Ирак.

Давление, заставлявшее цены катиться вниз, возрастало.

Тогда Ямани избрал другой курс. По его собственным подсчетам, количество избыточной нефти, ежедневно поступавшее на рынок, составляло два миллиона баррелей. Чтобы поддержать цены на уровне 27—28 долларов за баррель, Ямани нужно было убрать эти два миллиона с рынка. Но пойти на столь резкое сокращение собственной добычи Саудовская Аравия не могла, это означало бы полную утрату позиций на мировом рынке. Поэтому, решил Ямани, если нельзя уменьшить добычу для поддержания цен, нужно уменьшить цены для поддержания добычи. Иначе говоря, если Саудовская Аравия выбросит на рынок дополнительное количество собственной нефти, цены неизбежно продолжат свое падение и это образумит наконец остальных. Ямани знал, что такой шаг не принесет ему популярности среди тех членов ОПЕК, которые спасали свою экономику за счет превышения квот. Но этим странам надо было преподать урок. А некоторые из них нуждались в этом уроке уже очень давно.

Однако недобросовестные коллеги не вняли его предостережениям и продолжали нарушать квоты.

В августе Ямани предупредил участников картеля еще раз.

Они вновь пропустили его угрозу мимо ушей.

Исчерпав свое доверие к партнерам, Ямани прибег к помощи «Арамко» и так называемым нетто-контрактам — сложному способу определения цены на сырую нефть. Вместо определения цены обычным образом — по рыночному спросу и предложению на тот день, когда нефть выкачана из скважины, — при нетто-контрактах цена устанавливалась на основе средневзвешенной суммы, за которую может быть продана корзина готовых нефтепродуктов спустя 40—50 дней после того, как сырая нефть извлечена из земли, минус издержки на транспортировку, переработку и т. п. Такие контракты повышали конкурентоспособность саудовской нефти: саудовцы

обеспечивали поставку в течение как минимум шести месяцев, и нефтеперерабатывающие заводы Ямани могли рассчитывать на гарантированную маржу независимо от ситуации на рынке. Компании, входящие в «Арамко», получали возможность покупать нефть со скидкой, достигавшей двух долларов на каждый баррель. А саудовцы увеличивали свою долю на мировом рынке, не угрожая партнерам по ОПЕК увеличением добычи.

Но это не означало, что Ямани забыл о своей угрозе.

Он обещал привести ее в исполнение, если партнеры будут упрямиться и дальше.

Война цен готова была разразиться с минуты на минуту — это сознавали все.

Безусловно, действия Ямани и саудовцев полностью определялись их собственными государственными интересами. В то время Саудовская Аравия располагала большими финансовыми ресурсами, оценивавшимися в 100 миллиардов долларов. Но при уровне добычи 2,3 миллиона баррелей в сутки и цене 27 долларов за баррель этих ресурсов хватило бы только на три года. Простая арифметика показывала, что выгоднее продавать 4,3 миллиона баррелей в сутки по 20 долларов за баррель.

— Теперь, похоже, саудовцы не намерены шутить, — говорили западные бизнесмены и финансисты.

Один американский эксперт выразился еще более откровенно:

— У Ямани просто не осталось пространства для маневра.

На этот раз рынок отнесся к действиям Ямани вполне серьезно, и динамика цен достаточно быстро изменилась. Одной только силой своей личности — правда, помноженной на мощь стоявшей за ним Саудовской Аравии — Ямани удалось добиться повышения цен. На какое-то время до 29 долларов за баррель.

Но Ямани, как никто другой понимал, насколько хрупко это благополучие. Он знал, что в любой момент на нефтяном рынке может произойти катастрофа.

И катастрофа произошла раньше, чем можно было ожидать.

* * *

В ноябре 1986 г. Ямани вмешался в переговоры о бартерной сделке, которую руководство Саудовской Аравии собралось заключить с англичанами.

Принц Султан, саудовский министр обороны, намеревался купить у Великобритании 132 военных самолета —

72 истребителя «Торнадо» и 60 учебно-тренировочных самолетов (36 типа «Хоук» и 24 турбовинтовых), а также запчасти, ангары и тренажеры, оплатив часть контракта, который оценивался в 3—4 миллиарда фунтов стерлингов, нефтью.

Ямани постарался доказать Фахду и Султану, что демпинговый выброс на рынок столь большого количества нефти может отрицательно сказаться на ценах.

По-видимому, ему удалось настоять на своем, потому что несколькими днями позже он заявил репортерам, что нефть, «насколько можно судить», уже не фигурирует в контракте.

Для страны это было несомненным благом.

Но, впутавшись не в свое дело, Ямани наступил на мозоль клану Судаири. Ведь, что ни говори, 15% комиссионных, которые получал посредник, в данном случае составляли 450—600 миллионов фунтов.

Ямани это не слишком волновало.

Но не о всех можно было сказать то же самое.

И это был уже не первый случай, когда Ямани пытался встать на пути братьев Судаири.

В 1984 г., когда нефтяной рынок уже был перенасыщен, принц Султан, на этот раз в качестве министра авиации и председателя компании «Сауди эрлайнз», был вынужден приобрести 10 новых «Боингов-747» с двигателями «Роллс-Ройс».

«Петролеум интеллидженс уикли» сообщил, что король приказал Ямани увеличить добычу нефти и, превысив установленную квоту Саудовской Аравии, покрыть таким образом расходы на оплату самолетов, составлявшие 1 миллиард фунтов. Отдав распоряжение Фахд добавил:

— А ОПЕК незачем об этом знать.

Фахд явно считал, что самолеты достаются ему даром. Ведь за них предполагалось платить не настоящими деньгами, а всего лишь нефтью, которая в противном случае осталась бы в земных недрах.

Ямани возражал, указывая, что появление на рынке дополнительных 34,5 миллиона баррелей нефти увеличит и без того преобладающее предложение и вновь собьет цены.

Но на сей раз Фахд еще и точно знал, к кому попадет нефть. Для обычной схемы бартерных сделок это было довольно редким исключением: вместо того чтобы предоставить компаниям «Роллс-Ройс» и «Боинг» сбывать полученную нефть по собственному усмотрению, саудовские посредники специально оговорили право назвать покупателей. По их словам, это делалось для того, чтобы защитить «Роллс-Ройс» и «Боинг» от слишком большого риска, связанного с нестабильностью цен на нефть. Но

более вероятно, что посредники должны были что-то получить и от другой стороны.

Когда новость достигла Флит-стрит, английский министр энергетики Питер Уокер предупредил своих сотрудников, чтобы они воздерживались от каких-либо комментариев, будь то заявления для печати или неофициальные высказывания.

«Сауди эрлайнз», «Роллс-Ройс», «Боинг» и посредники также были скупы на подробности.

Согласно абсолютно надежному источнику, пользовавшемуся большим влиянием в тогдашнем министерстве Уокера, сделку провернули любимые шурья Фахда — Абдул Азиз бин Ибрахим и Халед бин Ибрахим, чей отец был губернатором Бал-Юраши в Западной провинции, а сестра — старшей женой Фахда.

Согласно тому же источнику, вместе с братьями бин Ибрахим в сделке тайно участвовал весьма необычный партнер.

Если верить его словам — а они в настоящее время подтверждаются документами, хранящимися по меньшей мере в двух американских правительственных учреждениях и полученными мною в соответствии с актом о свободном доступе к информации, — двое братьев лишь играли роль ширмы, действуя в интересах сына Фахда (и их сестры) — подростка Абдул Азиза.

В свои 16 лет этот мальчик был, по-видимому, самым богатым школьником в мире.

Благодаря посредническому искусству своих дядюшек и почти болезненному обожанию, с которым относился к нему отец, он, возможно, мог претендовать в дальнейшем и на роль самого богатого человека в мире.

Как посредники в сделке с «Боингами-747», братья бин Ибрахим должны были получить законные 10%. Это составляло 100 миллионов долларов.

Все свидетельствует о том, что братья должны были получить вознаграждение и от компаний, которым помогали купить полученную по бартеру нефть и чей секрет обязывались не раскрывать достаточно долгое время, позволяя продвинуть на уже перенасыщенный рынок 34,5 миллиона баррелей, прежде чем кто-нибудь успеет сообразить, что происходит.

Какую часть этих сумм им было разрешено оставить себе, не узнает никто, кроме самых ближайших родственников Фахда. А если и узнает, не расскажет. Но известно, что львиная доля поступила непосредственно на банковский счет сынишки Фахда.

Согласно одной из версий, которой мы обязаны источникам, близким к корпорации «Боинг», в качестве комиссионных юный принц получил 400 миллионов фунтов чистыми. И это не считая 50-метрового (165-футового) судна на подводных крыльях марки

«Боинг». Тот же источник сообщает, что принц Султан — из чисто коммерческих соображений — пытался возражать против сделки, утверждая, что Саудовской Аравии не нужны эти самолеты, но подросток Абдул Азиз без труда убедил отца не слушать дядюшку.

Всем, кто имел хоть какое-нибудь отношение к сделке, доподлинно известно, что Ямани был ее активным противником.

В кругах, близких к ОПЕК, говорят даже, что Ямани столь яростно сопротивлялся заключению контракта, что братья бин Ибрахим благоразумно дождались пока он отправится в заграничную поездку, и только тогда осуществили свой план.

Следует, однако, заметить, что Ямани возражал против сделки вовсе не потому, что кто-то грел на этом руки. На Ближнем Востоке взяточничество является неотъемлемой частью любого бизнеса, и Ямани отлично знал, как делаются подобные дела. Его беспокоило лишь то, что избыточная нефть должна была поступить на рынок в самое неподходящее время. Кроме того, ему не нравилось, что государственная казна не получит ни единого риала за нефть, стоившую целый миллиард долларов.

Это подтверждает и другой осведомленный источник, на сей раз из Вашингтона:

— Ямани был против покупки «Боингов-747». Он понимал, что большое количество нефти, отданное за самолеты, хлынет на рынок и это окажет отрицательное воздействие на цены. Но Фахд и его братья были не в состоянии связать эти простые факты между собой. Если исходить из рациональных, западных критериев, саудовцы вообще очень странно ведут дела. Они как бы не видят связи между событиями. Ямани выступал против любых бартерных сделок такого рода. В основе его протестов всегда лежала забота о рыночной конъюнктуре — в этом он понимал толк и мог смело доверять собственному мнению.

Это был не первый и не последний случай, когда Фахд и его семья вводили в заблуждение министерство финансов.

Несколькими годами раньше Фахд сварганил дельце со своим дружком Джоном Лацисом.

По словам компаньона Лациса, король хотел построить новый нефтеочистительный завод и несколько новых портов. Лацис согласился получить оплату нефтью. Однако для грека сделка кончилась неудачно. Контракт был подписан в период высоких цен, а почти сразу посте этого наступил период перепроизводства. Лацису пришлось отправить дорого обошедшуюся ему нефть в хранилища, чтобы со временем хоть как-то возместить свои серьезные убытки.

Сделка с корпорацией «Боинг» была также не первым и не

последним случаем, когда удалось нажиться принцу Абдул Азизу.

Абдул Азиз сопровождал короля Фахда во время его визита в Великобританию весной 1987 г. Английская пресса сообщила, что незадолго перед визитом принц получил от отца подарок — 300 миллионов долларов.

Как выяснилось, почти одновременно папа сделал ребенку другой, еще более замечательный подарок. Он подарил принцу больницу в самом центре Мекки, рядом с великой Мечетью.

Но больницы были чересчур мелкой рыбешкой для юного бизнесмена. Лицо, близкое к фирме «Боинг», уверяет, что на сделке с «Бритиш аэроспейс» (когда Саудовская Аравия купила самолеты «Торнадо») принц Абдул Азиз мог заработать ни много ни мало 1,6 миллиарда долларов.

Если это правда, то, вероятно, речь идет об одних из самых больших комиссионных в истории.

Однако под давлением некоторых членов семьи, добавляет то же лицо, принц, видимо, был вынужден отстегнуть четверть этой суммы двум своим кузенам (сыновьям Султана) — принцу Бандару, послу Саудовской Аравии в Соединенных Штатах, и принцу Халеду, главнокомандующему военно-воздушными силами.

И все эти махинации — только верхушка айсберга.

Как свидетельствует известный египетский журналист, в конце 1970-х гг. профессор Университета нефти и полезных ископаемых Насир ар-Рашид и работавший в Эр-Рияде ливанский бухгалтер Рафик Харири создали компанию «Рашид инжиниринг». Вскоре они объединились с французской строительной компанией «Ожер» и образовали новую фирму: «Сауди-Ожер».

Первой крупной операцией этой фирмы было строительство гостиницы «Аль-Массара» в Таифе. Она оказалась настолько прибыльной, что ар-Рашид и Харири смогли выкупить долю своих французских компаньонов. После этого они занялись строительством правительственных гостиниц, офисных комплексов и дворцов. Но странная деталь: ни один подряд, доставшийся этой фирме, не выставлялся на тендер, что является нормальной правительственной практикой. Египетский журналист утверждает, что все соглашения заключались непосредственно между «Сауди-Ожер» и королем Фахдом.

Осведомленное лицо, ранее работавшее во французской компании (еще до того, как она образовала совместное предприятие с Харири и ар-Рашидом), говорит, что формально, на бумаге, «Сауди-Ожер» на 100% принадлежит Харири и лишь поддерживает рабочие контакты с ар-Рашидом. На деле же

прибыли «Сауди-Ожер» распределяются после реализации проектов следующим образом: 20% получает Харири, 20% — ар-Рашид и 60% — принц Абдул Азиз.

Но заметим еще раз: из всех деловых операций юного принца Ямани беспокоили только те, которые имели отношение к бартерным поставкам нефти.

Поскольку эти операции осуществлялись в период перенасыщенности рынка, их, как правило, привязывали к оборонным проектам, чтобы впоследствии иметь возможность списать все на «стратегическую необходимость».

Предоставим слово рассерженному члену королевской семьи, считающему, что пришла пора сказать всю правду.

— В условиях резко сокращенного государственного бюджета все эти операции, никогда не вписывающиеся в официально утвержденные рамки, непременно объясняют стратегическими соображениями. Главное тут быстрота, особенно в том, что касается получения комиссионных. Чрезвычайно удобно использовать в таких делах нефть, поскольку это искажает реальные цифры, включаемые в контракт, и дает властям возможность осуществить оплату проекта в первую очередь, отодвинув в сторону других, менее важных кредиторов.

Выступая в роли главного противника бартерной торговли нефтью в период перенасыщенности рынка, Ямани хорошо понимал, на что идет. Как утверждают некоторые саудовцы, он не уставал повторять королю, что бартерные сделки разрушают экономику, что они выплескивают на рынок дешевую нефть, что из денег, полученных за эту нефть, в казну не попадает ни гроша и что в конце концов эти сделки приведут страну к банкротству.

Это подтверждает и упомянутый выше член королевской семьи — по его словам, Ямани открыто заявил Фахду и Султану, что ни за что не даст себя впутать в подобные дела.

— Король Фахд испытывал все большее недовольство своим министром нефти, поскольку тот неизменно возражал против бартерных сделок. Фахд не нуждался в министре, который вмешивается в дела «высшей стратегической важности». Кроме того, он все менее доверял политике которую Ямани проводил в войне цен, — и, как следствие, все большее количество нефти шло на бартер, чтобы обеспечить достижение тех же целей. Иначе говоря, Ямани становился настоящей обузой.

В середине 1985 г. король решил отправить Ямани в отставку.

Каждому в Саудовской Аравии было известно, что Фахд намерен сделать министром нефти Хишама Назера. И каждому было известно, что Назер всегда мечтал об этой должности — начиная с 1958 г., когда он поступил секретарем к Абдулле

Тарики.

Назер на два года моложе Ямани. Это человек приятной наружности, с густыми черными усами, ослепительной улыбкой и дипломом магистра политологии, полученным в лос-анджелесском Калифорнийском университете.

Долгое время он оставался в тени Ямани. Министр планирования никогда не пользуется таким международным престижем, как министр нефти.

Фахд знал, что Назер не станет поднимать шума из-за бартерных сделок и совать нос в дела клана Судаири. Не менее важно было и то, что к кандидатуре Назера благосклонно относились все влиятельные лица королевства.

Согласно чрезвычайно надежному источнику одной из западных разведок (чьи показания подтверждает и уже упомянутый член саудовской королевской семьи), в современной Саудовской Аравии существует нечто вроде масонской организации — так называемая Фатаа Неджд.

По-видимому, Фатаа Неджд мало похожа на итальянскую ложу П-2 (которая была тесно связана с Ватиканом и оказалась причастной к скандалу с «Банко Амброзиано», в результате чего Роберто Кальви был обнаружен повешенным под лондонским мостом Блэкфрайерс). Во главе этой организации стоят могущественные лица из региона «Неджд — Эр-Рияд», разделяющие консервативные убеждения короля.

Согласно тем же двум источникам, фактическим лидером организации является Аба аль-Хаил, министр финансов.

В течение последних десяти лет аль-Хаил реорганизовал саудовскую финансовую бюрократию, посадив в каждое министерство «финансового контролера». Все эти контролеры члены Фатаа Неджд.

Контролируя денежные средства, без которых не может работать ни одно министерство, эта «ложа» фактически обладает правом вето по отношению к саудовскому правительству.

Единственным учреждением, избежавшим реорганизации, была, по-видимому, компания «Арамко». И произошло это, по мнению члена королевской семьи, единственно потому, что на пути Фатаа Неджд встал Ямани.

— Этим он не только рассердил Фахда, одобрявшего реорганизацию, но и бросил вызов тайной и весьма влиятельной группировке из Неджда, которой едва ли понравилось, что хиджазец противится их стремлению овладеть рычагом власти.

Что же касается Хишама Назера, то он считался в Фатаа Неджд вполне приемлемой фигурой…

Итак, Фахд, Султан и Салман решили избавиться от Ямани.

Разумеется, Фахд мог просто уволить Ямани, и при этом ни один человек не потребовал бы у него объяснений. Но Султан и Салман придумали более привлекательный план.

Незадолго до этого Салман купил несколько арабских периодических изданий, печатавшихся на Западе. Наиболее эффективный способ убрать Ямани, решили братья, это опорочить его в мировой прессе. И выставить его фарисейство на смех перед саудовцами.

Как рассказывает наш информант, три брата Судаири более года пытались добыть сведения, компрометирующие Ямани, разузнать хоть что-нибудь, бросающее на него тень.

Осенью 1986 г. они были вынуждены отказаться от своего замысла. Как ни старались братья, к каким средствам ни прибегали, им не удалось найти ровным счетом ничего.

* * *

Перейдя отметку 27 долларов за баррель, цены на нефть стремительно покатились вниз.

Скорость падения была прямо-таки невероятной.

Самый важный товар, продающийся на мировом рынке, потерял две трети своей цены менее чем за девять месяцев.

Остановить обвал было не под силу никому.

Ямани попытался, но безуспешно.

Перед совещанием ОПЕК в октябре 1986 г. он не питал особо радужных надежд.

Увеличение добычи и 18 долларов за баррель.

Этого не мог сделать даже королевский указ.

Предложения, с которыми Ямани выступал на совещании, не совпали с инструкциями, полученными от Фахда в Эр-Рияде.

Увеличение добычи и 18 долларов за баррель.

Ямани, как и раньше, считал это невозможным.

Фахд полагал, что его министр мог бы отстаивать воззрения своего короля с большим энтузиазмом.

Как рассказал один из саудовских министров своему другу-американцу, на заседании кабинета в сентябре 1986 г. Фахд, известный своей словоохотливостью, проговорился:

— По-моему, это Ямани должен докладывать мне о нефтяной политике, доказывать свою правоту и просить одобрения. В действительности получается наоборот: я вынужден ходить к Ямани и убеждать его в правильности моих взглядов, а он мне перечит.

Спустя месяц с небольшим король признался по меньшей

мере одному человеку, не принадлежащему к кругу его ближайших родственников, что во время октябрьского совещания ОПЕК послал Ямани телекс. Он хотел, чтобы Ямани внес на рассмотрение документ, в котором предлагалось зафиксировать цены на уровне 18 долларов за баррель и одновременно разрешить Саудовской Аравии увеличить ее квоту.

Ямани отказался.

Как рассказывает сотрудник государственного департамента США, проработавший в Саудовской Аравии не один год, Ямани сказал, что, если король настаивает, он может внести такой документ на рассмотрение, но за его, короля, подписью, а не от имени министерства нефти.

Позже выяснилось, что политика, проводимая Фахдом, была разработана им совместно с иранским министром нефти Ага-заде.

Ямани упорно твердил, что эта политика обречена на провал.

По свидетельству коллеги Ямани из ОПЕК, каждый день встречавшегося с ним в ходе изнурительного 16-дневного совещания и видевшего телекс Фахда, Ага-заде подлил масла в огонь сообщив королю, что его министр не исполняет приказаний своего монарха.

Фахда, по-видимому, было совсем нетрудно убедить, что Ямани опять позволил себе лишнее.

Совещание ОПЕК было прервано в среду, 22 октября. Ямани вернулся в Саудовскую Аравию и, как сообщали газеты, в течение следующей недели по меньшей мере дважды встречался с Фахдом.

О чем они говорили во время этих встреч, остается неизвестным. Но 29 октября, тоже в среду, по саудовскому телевидению сообщили, что Ямани отправлен в отставку.

События того памятного вечера, обстоятельства, при которых Ямани услышал сообщение, его реакция — все это сейчас же стало главной темой, обсуждавшейся буквально в каждом доме Эр-Рияда.

Рассказывали следующее.

Ямани играл в карты.

И был в проигрыше.

Казалось, его мысли заняты чем-то посторонним, он то и дело поворачивался к телевизору, как будто чего-то ждал.

Стали передавать вечерние новости.

По словам очевидца, некоторые из находившихся в комнате были просто потрясены услышанным. Но Ямани лишь глубоко вздохнул, словно с его плеч свалилась наконец огромная тяжесть. И вернулся к игре.

С этого момента он начал выигрывать.

В течение нескольких следующих дней сообщения об отставке Ямани занимали первые полосы газет.

Весьма удачно резюмирует происшедшее один из американских знакомых Ямани:

— Заки ясно сознавал, что остальные экспортеры нефти, все до единого, нуждаются в хорошей взбучке. И прежде чем отправиться в отставку, успел преподать им урок, хотя и не до конца. Однако король не был склонен поступаться столь большими доходами ради занятий педагогикой. Он попросту не понимал, зачем это нужно. Король испытывал полную растерянность. Он не способен увидеть связь, существующую между ценой и количеством товара. Он думал, что цены падают и поднимаются по слову Заки.

По мнению этого американца, отношения Ямани с Фахдом омрачал и на редкость независимый характер, которым обладал министр нефти.

— В отличие от большинства саудовцев, он не имел привычки лебезить перед королем. Это качество Заки не могло не сыграть своей роли, хотя на чашу весов легло еще и страстное желание иранцев устранить оппонента. Они дважды приезжали в Эр-Рияд: в июле, когда король впервые заговорил о линии, которую Ямани впоследствии пришлось защищать на совещании ОПЕК, и в октябре. Тогда Фахд послал тот самый телекс, и Ямани отказался его подписать. Как известно теперь, Ага-заде сказал королю: хороший у Саудовской Аравии представитель в ОПЕК — не слушается даже вас. Это был конец. Фактически судьба Ямани была решена на следующий же день.

Называя Ямани «самым независимо мыслящим человеком среди технократов», американец говорит, что относительно его преемника трудно было строить иллюзии.

— Саудовским министрам обычно не предоставляют большой свободы действий. Наверно, Хишам Назер услышал от короля нечто в таком роде: «С низкими ценами покончено: это была ошибка Заки, а я хочу, чтобы нефть продавалась по цене 18 долларов за баррель». Но и не подумал ответить честно: «Мистер Фахд! Мы познакомились еще до того, как вы стали королем, еще в ту пору, когда вы вели веселую жизнь в Париже. Позвольте вам сказать: все эти вещи намного сложнее, чем вы себе представляете». Во-первых, это напомнило бы королю о Ямани. Во-вторых, это требовало немалой личной смелости. Что же сделал Назер? Он сказал: «Вы совершенно правы, я постараюсь установить именно эту цену». После этого он начал действовать. Но, чтобы достигнуть цели, нужно было сократить добычу на миллион баррелей в сутки. А король едва ли согласился бы на

это. Куда ни кинь, всюду клин. Король хочет увеличения доходов, хочет повысить цены, но не согласен приносить в жертву уровень добычи. И все говорят ему: «Да-да, будет сделано», — хотя ничем подобным и не пахнет. Ни один человек не скажет: «Ваше величество, забудьте и думать об этом». Ямани пытался поступать именно так, и его прогнали.

Спустя несколько недель после отставки Ямани стали просачиваться слухи, что он заключен под негласный домашний арест.

Король велел министерству внутренних дел пресекать любые попытки Ямани покинуть страну. Все пограничные посты получили соответствующее уведомление.

На первых порах Ямани столкнулся с неприятностями даже при попытке вылететь из Эр-Рияда в Джидду. Но он позвонил из аэропорта высокопоставленному представителю администрации, и проблема сразу же была решена. Позже Ямани разрешили свободно перемещать в пределах Саудовской Аравии, но Фахд велел ни при каких условиях не выпускать его за границу. Король, по-видимому, не хотел, чтобы Ямани критиковал саудовскую нефтяную политику.

Хотя Ямани вовсе не обязательно стал бы это делать.

Даже сейчас он не говорит о личных отношениях с Фахдом, о последних годах пребывания на посту министра и своей отставке.

Когда на Западе стало известно, что Ямани лишен свободы передвижения, газеты вновь подняли шум.

Фахд не относится к числу людей, спокойно переносящих публичную критику, и саудовцы поспешили выступить с опровержением:

— Слухи не соответствуют действительности. Шейху Ямани предоставлено право ездить, куда ему хочется.

Запрет был мгновенно снят.

Ямани провел часть зимы на лыжном курорте Швейцарии, постепенно свыкаясь с мыслью, что 26-летний отрезок жизни остался позади.

— У меня есть основания полагать, что Ямани стал жертвой саудовских средств информации, — говорит сэр Джон Уилтон. — Коронованные особы всегда опасаются, как бы кто-нибудь из их подданных не получил слишком много власти. Или не стал думать, что он незаменим. Кто именно из братьев спихнул Ямани? Этого мы никогда не узнаем; такие решения королевская семья принимает без посторонних. Когда Султан или Салман считают, что пора убрать неугодного человека, и приходят с этим предложением к Фахду, третьих лиц с ними не бывает.

Некоторые полагают, что причиной изгнания Ямани стала его

прозападная позиция.

Уилтон эту точку зрения не разделяет.

— Вестернизацию использовали лишь как удобный предлог. В таких случаях всегда нужно найти какую-то зацепку. Нет, Ямани прогнали с поста министра нефти вовсе не потому, что кому-то были не по вкусу женщины-юристы, работавшие под его началом. Все определялось его нефтяной политикой, и только ею. Не спорю, в общественном имидже Ямани просматривались черты, которые при удобном случае могли послужить предлогом для его изгнания. Но голову ему снесли не из-за каких-то особенностей характера, а из-за того, что его политика не устраивала верхи.

Другие объясняют изгнание Ямани просто-напросто тем, что он слишком долго занимал свой пост, что четверть века на одном месте — это чересчур много.

В то же время существует мнение, что Фахд, как минимум, дал Ямани шанс подать в отставку самому.

Кто был искренне удивлен изгнанием Ямани, так это его предшественник — Абдулла Тарики.

— Да, меня это поразило. Мне казалось, после 25 лет работы Ямани останется министром нефти до конца своих дней. Но я не думаю, что Ямани был хорошим министром, потому что он относился к типу людей, которые всегда говорят «да». Правительство таких людей любит.

Но правительству Фахда Ямани явно не полюбился…

А по мнению кувейтского министра нефти, шейха Али Халифы ас-Сабаха, о Ямани еще не раз вспомнят.

— Это исключительная личность. Если говорить об ОПЕК, то мы, конечно, очень много потеряли, оставшись без Ямани. Это человек, наделенный редким даром предвидения, мудростью, величайшим дипломатическим тактом, огромным опытом. Без него наша организация не смогла бы столь долго сохранять свое влияние.

С ас-Сабахом согласен один из наиболее известных представителей американского частного нефтяного бизнеса, Оскар Вайэтт («Коустэл корпорейшн»):

— Пока нефтяную политику Саудовской Аравии не начал определять Фахд, Заки был, видимо, самой важной фигурой на Ближнем Востоке. В моих глазах он олицетворял стабильность. Я считаю уход Заки Ямани с мировой нефтяной сцены необычайно серьезным событием.

Вайэтту вторит Джеймс Шлезингер:

— Ямани очень сообразителен. Он смотрит на мир открытыми глазами и учится на ошибках. Почему картель утратил свою силу? Потому что избрал неверную линию, не

внимая предупреждениям Заки Ямани. Если бы его послушали, цены никогда не дошли бы до 35 долларов за баррель.

Джеймс Насмит из журнала «Петролеум аргус»:

— Многие арабы убеждены, что они избранники Божии или, наоборот, что по отношению к ним допущена некая космическая несправедливость и Запад перед ними в долгу. Но Ямани всегда был чужд этим взглядам. Он был исключением. Ямани понимал, что такое рынок. И всегда умел четко выразить свое мнение. А другие обычно только кипятились. Но Ямани всегда был исключением.

Иан Сеймур из «Мидл ист экономик сервей»:

— После его ухода остается зияющая пустота.

Это чистая правда. ОПЕК стала совсем другой.

Конечно, театр не закрылся, в нем и теперь дают спектакли.

Но здесь уже не увидишь таких ярких зрелищ, как в былые времена.

Здесь не будут, как раньше, продавать стоячие места.

Ни сегодня, ни завтра…

Никогда.

Лидер труппы покинул сцену.

Эпилог

Это поместье в графстве Суррей, находящееся примерно в часе езды от Лондона, не видно с дороги.

Если вы не знаете, в каком месте сворачивать, то рискуете проскочить мимо его больших, массивных ворот.

Но, даже если путь вам точно известен, эти автоматические ворота откроются только в том случае, когда хозяева вас ждут.

Заки и Таммам живут в тюдоровском особняке шестнадцатого века, они его полностью отреставрировали, а сзади пристроили современный флигель.

Особняк был куплен четой Ямани в 1978 г. за 500 тысяч фунтов стерлингов.

Здесь много комнат: просторная столовая с большим открытым камином, огромная гостиная, свидетельствующая о пристрастии хозяев к французской мебели, небольшие жилые комнаты, выходящие в узкий коридор с невысоким потолком, холл, где смотрят телевизор, и заставленный книжными полками кабинет — в нем стоят антикварные кресла и антикварный рабочий стол, на котором обычно лежит кипа бумаг, ожидающих прочтения.

Но большую часть времени Ямани, Таммам, их дети и гости проводят в новой гостиной, которая несколько напоминает гостиную их таифского дома — это большой, почти свободный от мебели зал с плавательным бассейном посредине. Дверь в новую гостиную находится в конце коридора.

Оба супруга убеждены, что это самый красивый дом из всех, какие им принадлежат.

Ямани, в открытой сорочке без воротника, сидит на диване рядом с Таммам, напротив телевизора. В комнате находятся его дочь Май, ее муж и дети, а также несколько друзей семейства. Кто-то смотрит американский боевик, кто-то наполняет пустые чашки свежим чаем и обносит собравшихся пирожными. Все оживленно беседуют друг с другом.

Все, кроме Ямани.

Он держит в руках маленький коротковолновый приемник, с которым не расстается нигде и никогда.

Первым делом он прослушивает ежечасный выпуск новостей Би-би-си. Затем, манипулируя цифровым селектором частоты, находит арабскую станцию, передающую новости с Ближнего Востока.

После этого, извинившись перед домашними и гостями, он уходит к себе в кабинет.

…Ямани сидит передо мной за своим рабочим столом: откинувшись в кресле и положив одну ногу на подушку, он рассуждает на тему, которая стала содержанием всей его жизни.

Речь идет о нефти.

— Как правило, в своих прогнозах люди исходят из текущей ситуации. Когда рынок насыщен, это, естественно, накладывает отпечаток и на представления о будущем. В период дефицита, напротив, вызывают недоверие любые предположения о возможном перепроизводстве.

Отложив в сторону свой приемничек, Ямани поигрывает тростью с серебряным набалдашником.

— Как-то в середине 1978 г. я сказал, что мы не ожидаем столкнуться с перевесом спроса над предложением. Но политическая обстановка сложилась так, что в конце 1978 г. предложение оказалось недостаточным. В 1979 г. мы были уверены, что уже никогда не увидим перевеса предложения над спросом. И когда в конце 1979 г. я сказал, что такой перевес может возникнуть, на меня смотрели как на умалишенного. Но вы сами знаете, что было дальше.

Ямани поднимает брови, подчеркивая важность сказанного:

— Поэтому и сейчас не следует успокаиваться, думая, что мы уже никогда не столкнемся с нефтяным дефицитом.

В конце концов, замечает Ямани, эти процессы имеют циклическую природу.

Это естественный цикл. В данном случае говорить о цикле типа «зерно — свиньи» в области нефтяного бизнеса. В фазе кризиса цены взлетают вверх. Начинается экономический спад, спрос понижается, на рынке образуется избыток нефти. Правительства говорят себе: нет, такого мы больше не допустим. Потом, в условиях насыщения рынка, люди успокаиваются, а спрос потихоньку подбирается к уровню производства, создавая условия для следующего энергетического кризиса.

И такого кризиса, считает Ямани, осталось ждать менее десяти лет.

— Дефицит обязательно возникнет. Это не подлежит сомнению. Насколько он будет серьезным и каких размеров достигнет — решится в ближайшие три года. Запад, с его привычкой упиваться сиюминутными выгодами, которые дает низкая цена на нефть, может упустить время.

С Ямани согласен нью-йоркский эксперт Уолтер Дж. Леви:

— В середине 90-х годов обязательно начнется третий нефтяной кризис, поверьте моему слову. И арабские страны-экспортеры опять начнут задавать тон. Добыча стран, не входящих в ОПЕК, существенно уменьшится. И единственным

доступным и обильным источником нефти останется Ближний Восток. Всего ужаснее то, что Америка не хочет к этому готовиться. Мы в Штатах привыкли разглагольствовать о свободной рыночной цене на нефть. Но нельзя допустить, чтобы цены на нефть были чисто функцией свободных рыночных сил. Уровень цен на нефть должен быть таким, чтобы страны, не входящие в ОПЕК, имели возможность тратить деньги на разведку новых месторождений. Лично я сомневаюсь, что король Фахд понимает что-нибудь в нефтяном бизнесе. Конечно, сам король так не думает, но, по существу, он не ведает, что творит. Пока дела идут более или менее нормально, мы не можем судить, насколько нам недостает Ямани. Но если мир окажется в большей зависимости от арабской нефти, чем ныне, арабы снова загонят цены за облака. А этого вполне можно ожидать к середине 90-х гг.

Не склонен к оптимизму и Джеймс Шлезингер.

— Если кратко формулировать теперешнюю политику Соединенных Штатов в области энергетики, то она сведется к лозунгу: «неуклонное увеличение энергетической зависимости». При сохранении настоящих тенденций к 1990 г. мы будем ввозить девять миллионов баррелей в сутки и впервые в нашей истории будем на 50% зависеть от импортируемой нефти. В середине 90-х гг. нам потребуется уже 13 миллионов баррелей в сутки, если только мы можем их получить. Мы теперь сеем семена следующего нефтяного кризиса — вот что мы делаем.

Шлезингер отдает себе отчет и в том, какая перемена может произойти с ОПЕК.

— В начале 90-х годов мировым нефтяным рынком будет заправлять «внутренний картель», не столь многочисленный, как теперешняя ОПЕК. Его образуют основные экспортеры Персидского залива. Если Иран одержит победу над Ираком, сам этот внутренний картель будет находиться под иранским господством. В настоящее время мы являемся свидетелями удивительного состязания: ОПЕК торопится восстановить свою способность контролировать цены, а Америка — погубить собственную нефтедобычу. Кто будет первым? Ситуацию никак не назовешь утешительной.

По словам Ямани, Шлезингер говорит чистую правду.

— Меня тревожат последствия, которые повлечет за собой угасание американской нефтяной промышленности. Оно и так уже принесло немалый вред. Нужно положить этому конец. В противном случае Америка поневоле окажется в зависимости от Персидского залива, а это отнюдь не тот регион, от которого ей следует зависеть. Однажды, может быть уже в 90-х гг., Америка опомнится — и проклянет правителей, которые позволили этому

случиться.

* * *

С 1938 г., когда Сталин отозвал в Москву и расстрелял своего посла, Саудовскую Аравию ни разу не посещала официальная советская делегация.

В 1938 г, нефть не интересовала русских так остро, как теперь.

— Сейчас русские поставляют своим сателлитам примерно полтора-два миллиона баррелей в сутки. Они хотели бы продолжать добычу и экспорт нефти, но к середине 90-х гг. сателлиты будут нуждаться в большем количестве нефти, чем Россия может дать, — так что в абсолютном отношении эта группа государств, если брать ее как целое, будет импортером.

Хотя, по оценкам Ямани, угольные и ядерные ресурсы Советов могут сэкономить им до полумиллиона баррелей в сутки, восточный блок начиняет испытывать серьезную топливную нехватку.

— Русские вынуждены использовать в товарообмене с сателлитами только бартер, потому что те не могут покупать нефть на твердую валюту. Это позволяет им разговаривать с союзниками с позиции силы. Но хотя России безусловно хватает нефти для собственных нужд, необходимость снабжать сателлитов вынудит ее начать поиск дополнительных источников нефти — причем в тот самый момент, когда на мировом нефтяном рынке возникнет дефицит. Она превратится из экспортера в импортера (в абсолютном отношении) как раз тогда, когда начнется третий нефтяной кризис. Вот почему русские так заинтересованы в хороших отношениях со странами залива.

Ямани считает Горбачева разумным человеком, который в момент прихода к власти хорошо понимал, что в середине 90-х гг. Советский Союз может постигнуть катастрофа.

— Оборонный бюджет Советов слишком раздут. Он непропорционально огромен по сравнению с остальными отраслями экономики. И пока не появился Горбачев, все их лучшие ученые, все лучшие инженеры, все талантливые студенты вынуждены были идти в оборонную промышленность — только для того, чтобы страна не отстала в гонке вооружений. А коль скоро они строили самолеты и ракеты, некому было работать на обычных заводах, развивать производственную базу в гражданских отраслях, создавать основательную экономическую инфраструктуру, которая обеспечила бы стране запас прочности

на многие годы вперед.

Таким образом, Горбачеву необходимо переместить лучших ученых, инженеров и студентов с ракетных заводов в другие отрасли промышленности.

Именно в этом, говорит Ямани, подлинные истоки *гласности* и переговоров о сокращении вооружений.

— Абсолютно ясно, что русские должны урезать оборонный бюджет и выйти из гонки вооружений — иначе они рискуют потерпеть крах в середине 90-х гг., когда придется импортировать нефть для поддержки сателлитов.

При этом, считает Ямани, возможны две опасности.

— Если умеренная политика Горбачева приведет к подписанию соглашения о контроле над вооружениями, которое уменьшит страх европейцев и японцев перед Россией, те постепенно перестанут испытывать потребность в сильном лидере, т. е. в Соединенных Штатах. Если к тому времени Россия сумеет стать экономически сильной, то в мире останется одна сверхдержава.

Другая опасность, тревожащая Ямани, связана с вариантом, при котором Горбачеву не удастся реформировать страну достаточно быстро: тогда русские могут всерьез устремить свои взоры на залив (что они уже начали делать).

Еще до оккупации Афганистана Советы построили дорогу через Белуджистан, устремленную прямо к Аравийскому морю. Строительство этой дороги, проложенной через практически необитаемый и враждебный регион, потребовало огромных затрат.

Ямани убежден, что дорогу предполагалось использовать для быстрой переброски советских войск через Афганистан к горловине Персидского залива — Ормузскому проливу.

— Русские не отказались от своих амбиций. Они хотят доминировать в заливе. Во-первых, потому, что в середине 90-х будут нуждаться в нефти для своих сателлитов, во-вторых, потому, что во время нехватки нефти на мировом рынке, которая может приобрести характер кризиса, перед ними будет единственный выход: попытаться включить нефтеносные регионы в свою зону влияния. Они ведь хотят покупать нефть не за доллары, а за рубли.

Русские, продолжает Ямани, уже сейчас прилагают множество усилий, чтобы усилить свое влияние в этом регионе. Они особенно заинтересованы в сближении с Ираном, эта страна становится их важным экономическим партнером, что, по всей вероятности, приведет и к укреплению политических связей.

Начали они заигрывать и с Саудовской Аравией.

В 1985 г., когда сын короля Фахда Фейсал был в Советском Союзе вместе с саудовской футбольной командой, с принцем вступили в контакт советские официальные лица. Они посетовали:

— Мы потеряли ключ от нашей дипломатической миссии в Саудовской Аравии. Нет ли у вас другого?

Тем самым русские дали понять, что считают нужным растопить лед.

В январе 1987 г. новый министр нефти Саудовской Аравии прибыл в Москву для переговоров. Было объявлено, что единственная цель визита Хишама Назера — выяснить, не согласятся ли Советы сотрудничать с ОПЕК, чтобы помочь ей поднять цены на нефть. Но Назер встретился также с советским премьер-министром Николаем Рыжковым и имел более чем двухчасовую беседу с министром иностранных дел Эдуардом Шеварднадзе.

Русские обещали Назеру сократить экспорт сырой нефти — в качестве символического жеста, подчеркивающего их солидарность с ОПЕК.

Месяцем позже саудовский посол в Лондоне пригласил на обед советского посла.

Затем три советских дипломата, работавших в Лондоне, посетили прием, который устроила редакция саудовского журнала.

Ничего подобного ранее не происходило.

Несколько позже советский заместитель министра иностранных дел посетил с официальным визитом Кувейт, ОАЭ и Оман.

Разыгрывая падение шаха как козырную карту и намекая лидерам стран залива, что Соединенные Штаты едва ли смогут их защитить в случае победы Ирана над Ираком, Советы откровенно флиртуют с арабами.

Кроме того, Россия является крупнейшим союзником Ирака, которому оказывает военную и иную помощь, исчисляющуюся миллиардами долларов.

И это глубоко беспокоит Ямани.

— Запад недооценивает угрозу. Русские, когда им начнет катастрофически не хватать нефти — то есть в середине 90-х гг., — не обязательно станут утруждать себя особыми раздумьями, а просто-напросто захватят нефтепромыслы. И если это случится, если русские получат плацдарм в регионе залива, они вскоре будут контролировать этот регион. Вы понимаете, о чем я говорю?

О третьей мировой войне. Поэтому Запад должен уже сейчас

решительно противодействовать советскому и влиянию. Страны-экспортеры не в состоянии это сделать сами. Советская угроза делает особенно настоятельной необходимость урегулирования арабо-израильского конфликта.

* * *

Если начнется третий энергетический кризис, на свет может быть вновь извлечено нефтяное оружие.

— ОПЕК к тому времени изменится, — указывает Ямани. — В середине 90-х гг. она станет совершенно другой организацией. Некоторые теперешние члены перестанут экспортировать нефть. Основная часть нефти, производимой ОПЕК, будет добываться в странах залива. Арабские страны-экспортеры окажутся в исключительно выгодном положении. Нефть уже была однажды использована в качестве политического инструмента. Сейчас в этом ни у кого нет нужды. Но стоит только арабам намекнуть… Запад, я думаю, не забыл прошлое.

Арабы тоже не забыли, что их тяжба с Израилем до сих пор не получила разрешения.

Что американцы по-прежнему поддерживают Израиль.

И иерусалимская мечеть Аль-Акса все так же для них недоступна.

По мнению Джеймса Шлезингера, Запад, и особенно Соединенные Штаты, в 1973 г. относился к королю Фейсалу и саудовцам менее серьезно, чем они этого заслуживали.

— А сегодня даже менее серьезно, чем в 70-х гг. Отчасти это, видимо, объясняется личным фактором: Фейсал был намного более внушительной фигурой, чем Фахд. И отчасти широко распространенным убеждением, что рынок насыщен и так будет всегда, чего ради, дескать, обращать внимание на каких-то арабов? Подобные взгляды в значительной степени вдохновляются американской еврейской общиной. Но это глубокое заблуждение. Их носители живут сегодняшним днем. Они не хотят понять простой вещи: чем усерднее мы отмахиваемся от нефтяной проблемы теперь, тем острее она встанет в середине 90-х и тем сильнее будут позиции тех, с кем им тогда придется иметь дело, защищая интересы Израиля. По-моему, они проявляют исключительную недальновидность. Но в еврейской общине преобладают шапкозакидательские настроения.

Еще более важную роль играют американо-израильские отношения, которые в период насыщенности нефтяного рынка

приобрели — по целому ряду причин — особенно тесный характер.

— Как следствие, снизился наш интерес к саудовцам, а саудовцы отдалились от нас — отчасти добровольно, отчасти вынужденно. Да-да, вынужденно. Арабским лидерам необыкновенно трудно сохранять теплые отношения с американцами, ибо всем известно, что американская позиция ничем не отличается от позиции Израиля.

Соглашаясь с Джеймсом Шлезингером, Ямани указывает на другую, потенциально еще более опасную проблему:

— В ближайшие несколько лет число арабов на оккупированных территориях и в самом Израиле будет неуклонно возрастать. Достаточно просмотреть статистические данные по рождаемости, чтобы убедиться: в Израиле рано или поздно окажется больше арабов, чем евреев.

Ямани видит два пути, по которым могут пойти события.

— Арабов нужно либо сделать полноправными гражданами, разрешить им голосовать и принимать участие в делах страны, что принципиально изменит характер еврейского государства, либо навсегда обречь их на положение граждан второго сорта, то есть создать еще одну систему апартеида, по образцу Южно-Африканской Республики.

Проблема, по его мнению, может быть решена только одним способом.

— Израилю, ради собственной безопасности и благополучия, пора начать диалог с арабами и помочь палестинцам обрести родину. Иного выхода нет.

Однако взаимное недоверие пустило слишком глубокие корни.

Арабы, по-видимому, не понимают, что еврейская паранойя, длящаяся уже пять тысяч лет, не может быть изжита в один день.

Израильтяне не понимают, что политика, которая могла приносить плоды в 1948 г., сегодня не имеет перспектив.

Но каждая из сторон может изменить свои взгляды, если поймет другую.

Из досье, хранящегося в Вашингтоне, явствует, что во время обучения Ямани в Гарварде Абба Эбан, тогдашний израильский посол в Соединенных Штатах, был коротко знаком с одним из его университетских профессоров.

Эбан часто посещал Гарвард.

И Ямани несколько раз с ним встречался.

В арабском мире (или, самое меньшее, в арабских странах залива) Ямани еще много лет будет сохранять репутацию крупнейшего государственного деятеля.

Кроме того, он обладает достоинствами, которыми не может похвастать большинство арабских политиков. Он пользуется огромным уважением в Соединенных Штатах и в тоже время поддерживает прямые контакты с умеренными палестинцами.

Сохраняет репутацию крупнейшего государственного деятеля и Абба Эбан. Его также уважают в Соединенных Штатах.

Если Анвар Садат мог вести переговоры с Голдой Меир и отчасти растопить ледяные напластования, образовавшиеся после двух войн, которые разделяло лишь семь лет, почему бы не предположить, что при должной подготовке диалог Ямани — Эбан может стать шагом к справедливому и прочному миру на Ближнем Востоке?

* * *

Каждое утро Ямани разговаривает по телефону со знакомыми на Ближнем Востоке, где солнце встает на два-три часа раньше.

Он не отходит от телефона до позднего вечера: ведь одновременно с приближением к концу рабочего дня в Саудовской Аравии берет разгон рабочий день в Америке.

Потом Ямани перестают звонить, опасаясь его разбудить, но он задерживается у телефона, продолжая названивать в Соединенные Штаты.

В основном это звонки старым друзьям, с которыми Ямани не хочет терять связи, на такие звонки он тратит массу времени и денег. Остальные звонки носят деловой характер.

— Вы, естественно, могли бы и не работать, если бы не хотели.

Он выглядит несколько удивленным:

— Нет, что вы. Я не могу губить свои инвестиции. Вы не представляете, как много я трачу на жизнь.

Можно вообразить.

Но дело не только в этом: Заки Ямани относится к числу людей, не способных превратиться в обычного пенсионера.

Он создал частную компанию, выпускающую высококачественные издания важнейших исламских рукописей.

Он продолжает читать лекции по различным разделам права — как по исламскому законодательству, так и по вопросам, связанным с энергетикой.

Он активно участвует в работе своей юридической фирмы.

И основал несколько благотворительных фондов.

Но распространяться об этой стороне своей жизни он не склонен. Благотворительность, по словам Ямани, остается его

частным делом.

— Кроме того, — добавляет он, — когда о таких вещах становится известно всем, удовлетворение, которое испытываешь от доброго дела, в значительной мере исчезает.

Он также основал в Лондоне центр по проблемам энергетики.

— Мы создали совершенно уникальный центр, подобных просто нет на Западе. Этот центр сотрудничает с ведущими мировыми университетами и учреждениями.

Будучи членом правительства, Ямани, по собственным подсчетам, проводил полгода в Саудовской Аравии и полгода в своем самолете.

Теперь, похоже, мало что изменилось.

— Мы по-прежнему проводим около полугода дома, в Саудовской Аравии. Но не подряд: иногда приезжаем на месяц, скажем, на рамадан, иногда всего на неделю. Остальное время мы путешествуем.

Путешествует Ямани главным образом по Европе; однако в последнее время, утвердившись в роли приглашенного профессора Гарвардского университета, он регулярно ездит в Бостон.

Как нетрудно догадаться, после ухода Ямани из правительства его телефон не смолкал: друзья по нефтяному бизнесу сделали ему массу заманчивых предложений.

Не прилагая особых усилий, он мог стать международным консультантом номер один.

Но Ямани предпочел заняться реализацией собственных проектов.

…Тем не менее, решил один из моих друзей, ничто не помешает Ямани в свободную минутку дать небольшую консультацию.

Этот друг позвонил мне поздно вечером и сказал: сделай милость, попроси совета у шейха. Я хочу сориентироваться в ситуации на рынке. Не постесняйся, спроси: что он думает о ценах на нефть?

Обращаясь к Ямани, я чувствовал изрядное смущение, как если бы брал автограф у кинозвезды.

— Повторяю еще и еще раз, — сказал Ямани, многозначительно нацеливая в мою сторону трость с серебряным набалдашником, — лично я всегда стараюсь смотреть в будущее. Я слишком осторожен. Но угадывать, что произойдет на рынке, — это сродни азартной игре, а я по натуре не игрок.

— Это нужно не мне, — настаивал я. — Поверьте, я в самом деле прошу для друга.

— Ладно, — сказал Ямани, — быть по-вашему. Скажите

своему другу: если уж он такой азартный, пусть продаст все, что у него есть. Только предупредите: речь идет не об инвестиции, а об игре в рулетку.

Так я и сделал. Я сказал другу:

— Продай все.

И вскоре цены на нефть пошли вверх.

notes

Примечания

1

Организация стран — экспортеров нефти.